

Собрание мнений и отзывов по делам Православной Церкви на Востоке святитель Филарет Московский (Дроздов)

Настоящий том «Собрания мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского», есть по преимуществу памятник великих забот приснопамятного святителя «о благосостоянии» церкви константинопольской, внутренний мир которой в конце пятидесятих годов был нарушен с одной стороны начавшимися преобразованиями в устройстве ее иерархии, с другой – так называемую греко-болгарскую церковную распрю.

В феврале 1856 года, по настоянию западных европейских держав, оттоманская порта издала гатти-гумаюн, коим приглашала христиан разных исповеданий учредить в известный срок особые комиссии, или собрания, для того, чтобы «с ведома и под наблюдением порты, рассмотреть дарованные им в разные времена права и преимущества, и привести их в гармонию с прогрессом и просвещением века». «Сей лживый и не очень искусно составленный», по отзыву А. П. Бутенева, «акт, придуманный и навязанный туркам западными державами более из ненависти к России и из опасения ее политического и церковного влияния на Востоке, чем по действительной заботливости о христианском населении в оттоманском государстве», послужил началом великих неурядиц в константинопольском патриархате, вызвавших столь усиленную и во многом плодотворную «для великой церкви» деятельность святителя церкви московской.

В ноябре 1857 г. порта объявила подробные правила об учреждении и обязанностях церковно-народных собраний, и тогда между министрами порты и константинопольским патриархатом возникло сильное несогласие в мнениях по разным пунктам гатти-гумаюна и правил: именно: 1) в гатти-гумаюне и правилах об учреждении и обязанностях церковно-народных собраний было сказано, что патриархи, митрополиты, епископы и раввины должны, при вступлении в должность,

присягать порте. Константинопольская патриархия представила на сие сильные возражения, и обязательство присяги устранено. 2) Порта потребовала, чтобы представитель от нее присутствовал в заседаниях церковно-народного собрания. Патриархия на сие возражала, что присутствие депутата от правительства стеснит свободу прений; но возражение это не было принято, и, по открытии церковно-народного собрания в нем стал присутствовать турецкий чиновник. 3) Порта требовала, чтобы в церковно-народном собрании присутствовало по одному члену от каждой области (а каждая область обнимает несколько епархий). Патриархия предлагала по одному члену от епархии; но это справедливое желание патриархии также было отвергнуто портою. 4) Касательно выбора светских членов от столицы, порта хотела, чтобы патриархия предложила двадцать лиц из константинопольских вельмож, из которых порта выбрала бы десять. Патриархия на сие возражала, что такой способ избрания поведет к тому, что в церковно-народном собрании составит большинство, преданное видам турецкого правительства; но возражение патриархии было отвергнуто. 5) Касательно депутатов от духовенства, порта приказала в духовные члены церковно-народного собрания избрать семь митрополитов. Согласно с сим в общем народном собрании были назначены из митрополитов 6 геронтов, т.е. постоянных членов патриаршего синода (эфесский, ираклийский, кизический, никомидийский, халкидонский, дерконский), и митрополит дидимотихский. Избрание сие было утверждено портою. Но в июле 1858 г. вдруг присылается в патриархию приказание исключить из собрания шесть митрополитов-геронтов и избрать на места их других, с замечанием, что избирающие не могут быть избираемы. Вследствие сего были избраны и назначены митрополиты: солунский, адрианопольский, амассийский, артский, меленикский, созоагафопольский и дидимотихский.

Так составилось церковно-народное собрание. «Назначен церковный совет», писал митрополит Филарет. «Как же составляют его? Членов назначают не по епархиям, а по губерниям, отчего выбор не соответствует предмету и не

пропорционален. Десять светских членов в столице избраны портою из двадцати назначенных патриархией. Порта естественно смотрит на дело не с церковной, не с христианской точки зрения, а с противоположной; следственно, вероятно, избраны ею не знающие дела церковные, не благорасположенные к церкви, а люди с противоположными или менее соответствующими делу качествами. Члены синода, имеющие преимущественно и право, и способность судить о делах церковных, в состав совета не допущены, под предлогом, что избиратели не могут быть избираемыми; но их не нужно избирать; они естественные члены церковного совета, будучи членами синода. В совете предположено иметь 7 членов духовных и 20 светских: это уже не пропорционально и стеснительно для церковных дел. Если хотели уравновесить наклонность духовных усиливать церковную власть и наклонность светских ослаблять ее, следовало назначать равное число тех и других членов. Но на деле выступлено за пределы первоначального назначения, и в совете присутствуют 7 духовных и 31 светских членов. Это переворот, когда не только младшие архиереи, но и еще более миряне, становятся законодателями для патриарха и синода. И хотя патриарх находится в сем собрании, но ему здесь равен каждый из 31 мирян» («Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате»).

Церковно-народное собрание открыло свои заседания 3 октября, 1858 года. Первые два заседания были посвящены совещаниям о его внутреннем устройстве. В третье решили пригласить депутатов Сирии, Египта и Кипра, иерархия которых независима от патриархата константинопольского. Порта изъявила на сие свое согласие. В это же заседание церковно-народное собрание назначило комиссию из 3-х лиц, которой поручило составить проект правил об избрании патриарха. Проект был предоставлен на рассмотрение собрания 14 ноября, и состоял в следующем: по смерти патриарха, избранный синодом временный местоблюститель пригласит всех епархиальных архиереев подать, лично или письменно, голос свой в пользу лица, которое считает достойным занять

патриарший престол; три лица, получившие большинство голосов, будут считаться кандидатами; церковный совет, в котором преобладают светские, из трех кандидатов назначает решительно одного и предлагает на утверждение султана. «Достойно проницательного размышления», замечает митрополит Филарет, «какие могут произойти нравственные последствия, если патриарх будет созданием мирян». Мысли митрополита, выраженные им в записке от 11 декабря 1858 года (ст. IV–IX), нашли полное сочувствие в большинстве влиятельных членов константинопольского синода. Митрополиты кизический и никомидийский успели склонить на свою сторону архиереев церковно-народного собрания, и когда ожидали окончательного утверждения предложенных комиссией правил, духовные члены собрания объявили, что, по зрелом соображении, они считают долгом совести отказаться от своих прежних мнений и вновь предлагают на рассмотрение вопрос о способе избрания патриарха. Не смотря на возражения светских членов, что они не согласны рассуждать ни о каком другом предмете, прежде чем будет окончательно решен вопрос об избрании патриарха, было решено, что комиссия из нескольких духовных и светских членов собрания изыщет и представит меру, которая удовлетворяла бы все партии. Такая мера и была найдена. Она состояла в том, что избрание 3-х кандидатов предоставлялось общему собранию лиц духовных и светских, а окончательное избрание патриарха из сих трех кандидатов – одному высшему духовенству, т. е. членам синода. «За сию статью», писал митрополит Филарет, «должно благодарить Бога. Это не то, что видно было в прежних сведениях, а то, о чем подавала мысль записка 11 декабря. Чрез окончательное избрание патриарха из трех кандидатов членами синода и митрополитами, причем светские только присутствуют, как свидетели, все дело избрания входит в порядок церковных правил» («Мнение митрополита Филарета об актах церковно-народного собрания в Константинополе», ст. III).

По заключении прений об избрании патриарха, церковно-народное собрание перешло к рассмотрению вопроса об избрании епархиальных архиереев, и приняло следующие

правила: когда представится нужда избрать архиерея на какую-либо кафедру, синод, назначив 3-х кандидатов, избирает из них в церкви, большинством голосов, посредством закрытой баллотировки, одного; в случае равенства голосов, голос патриарха решает выбор. Но к назначению епархиального архиерея синод приступает не прежде, как по получении официального донесения о смерти его предшественника, и это для того, чтобы духовные и светские лица епархии с своей стороны могли указать то лицо, которое они желают иметь архиереем, и в таком случае это лицо принимается в число трех кандидатов (ст. VI). При этом от каждого кандидата в архиереи правилами постановлено требовать, чтобы он, предварительно, не менее 5 лет, в сане иерея или диакона, занимался церковными или епархиальными делами в патриархии или у кого-либо из архиереев, и от лица, при котором проходил сие служение, имел одобрительный аттестат. От сего условия освобождались только лица, пользующиеся всеобщим уважением и известные своими добродетелями и опытностью в делах церковных (ст. IV и V). Другими правилами постановлено, что епархиальные архиереи, равно как и патриархи, пожизненно остаются во главе своей епархии, и что перемещения архиереев с кафедры на кафедру прекращаются. Если же представится необходимость в значительную епархию назначить из младшего архиерея испытанного, то положено синоду испросить у 3-х, имеющих в виду, архиереев согласие на перемещение в вакантную епархию, и потом одного из них избрать; но подобное перемещение не может ни в каком случае повлечь за собою другие перемещения. В случае неудовольствия между пастырем и паствою, синод, истощив все средства к примирению враждующих сторон, если потребует того паства, призывает архиерея на суд в Константинополь, и, если проступки, в коих епископ обвиняется, касаются веры или нарушения церковного устава, суд производится одним синодом; если же дело касается лихоимства и обмана, три светских члена постоянного совета присутствуют в суде. «Не проложит ли сие правило дороги светским членам в состав синода?» писал митрополит Филарет. «Сие опасение могло бы

устранено быть следующим образом: если дело касается лихоимства и обмана, то судное присутствие составляется из трех членов святейшего синода и трех светских членов постоянного совета. Судное присутствие рассмотрит вопрос о виновности, и о признанном виновным представляет святейшему Синоду для определения наказания по церковным правилам, и для разрешения вопроса: может ли осужденный оставаться при управлении епархией» (ст. VII)? После правил об избрании архиереев церковно-народное собрание постановило правила о составе патриаршего синода.

Все епархиальные архиереи, зависящие от константинопольского патриарха, по значительности епархий, разделяются на 3 класса. Из каждого класса избираются по 4 архиерея в синод, который таким образом состоит из 12 членов. Синод, под председательством патриарха, заведывает церковными делами; решение синода, не одобренное патриархом, бессильно, так же, как и решение, принятое одним патриархом без синода. Из 12-ти синодальных членов 6 ежегодно сменяются другими, по два из каждого класса епархий, так что каждый архиерей заседает в синоде не более двух лет (ст. IX). Эти правила коренным образом изменяли прежний состав синода. Константинопольский синод состоял прежде из 8-ми пожизненных членов и всех, временно присутствовавших в Константинополе, архиереев. Бессменные члены, называвшиеся геронтами, составляли всю силу синода, и каждый из них, кроме того, был эфором или покровителем некоторых епархиальных архиереев, которые таким образом в лице геронтов имели в Константинополе своих поверенных и ходатаев пред патриархом и перед портою. Теперь геронтию и эфорию постановлено уничтожить («Примечания митрополита Филарета к сведениям преосвященного Софрония, архиепископа артского»), чему не мало содействовали и болгарские депутаты, видевшие в геронтах одну из главных причин беспорядков и злоупотреблений по церковному управлению. Геронты не могли быть довольны этою мерою и, приписав ее слабости патриарха, предприняли с некоторыми из светских членов церковно-народного собрания попытку

низложить его. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский поддержал патриарха, и попытка геронтов не удалась, а затем и сами они, по распоряжению порты, были уволены на время в свои епархии («Мнение митрополита Филарета «о предприятии низложить вселенского патриарха и об удалении геронтов»). Геронты протестовали против такого распоряжения правительства пред патриархией, и, независимо от сего, обратились с жалобой к нашему Святейшему Синоду. И на Востоке, и у нас протест произвел сильное впечатление. «Великая церковь подсечена, церковь Нового Рима подрита», писали в Афинах («Мнение митрополита Филарета о протесте геронтов»: «Дополнение о протесте геронтов», III). «Нарушены коренные постановления церкви», говорили у нас («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А.П.Толстому, по поводу послания геронтов Святейшему Синоду»), и требовали вмешательства нашего и афинского Синодов в дела константинопольского патриархата. Но приснопамятный московский святитель в целом ряде записок («Мнение митрополита Филарета о протесте геронтов», «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, с мнением по поводу предприятия низложить вселенского патриарха, и об удалении геронтов из константинопольского синода», «Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя», «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А.П.Толстому, по поводу послания геронтов Святейшему Синоду», «Замечание митрополита Филарета на проект послания к вселенскому патриарху», «Составленный митрополитом Филаретом проект послания к вселенскому патриарху», «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с приложением записки об актах константинопольского церковно-народного собрания») представил значение геронтов в константинопольском синоде в настоящем свете, и их жалоба нашему Святейшему Синоду оставлена без ответа («Составленный митрополитом

Филаретом проект послания к вселенскому патриарху»), чем русская церковь предохранена от неприятного столкновения с церковью константинопольскою («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с приложением записки об актах константинопольского церковно-народного собрания»).

О взаимных отношениях между синодом и патриархом церковно-народное собрание постановило: за всеми действиями синода наблюдает патриарх, который должен почитать и уважать всех членов святейшего синода, со всеми безразлично обращаться с кротостью и братскою любовью, не привязываясь особенно ни к кому из них, и не имея ни с кем частных сношений, для избежания всякого повода к беспорядку и недоверию. «Какое сильное выражение недоверия к лицу, которого сану принадлежит высшая степень доверия от всех православных христиан в делах веры и совести»? заметил на это митрополит Филарет. Можно ли в точности исполнить сие запрещение? Какое несчастное положение патриарха, если он не имеет права частно и тайно посоветоваться с одним человеком или двумя, а, имея нужду в совете, должен советоваться с двенадцатью вдруг? Между тем не видно запрещения членам синода иметь между собою частные сношения; они имеют свободу сговариваться против мнения патриарха: один патриарх не имеет свободы и для благонамеренных частных сношений, один он связан. Прежде связывали патриарха злоупотреблениями, теперь хотят связать его законом» (ст. XIII).

По вопросу о низведении с престола вселенского патриарха церковно-народное собрание постановило: если бы патриарх уклонился от своих патриарших и духовных обязанностей и после двукратных почтительных представлений синода не захочет исправиться, Синод снесется с членами постоянного совета и возобновит, с общего согласия, почтительное представление о том, чего требуют священные каноны и церковный порядок. В случае упорства со стороны патриарха, синод и совет сообща обратятся письменно к высокой порте с просьбою о его низведении. Равным образом, если патриарх

удалится от своих политических обязанностей, постоянный совет, после двукратных представлений, снесется с синодом и вместе с оным подаст прошение порте. Низведение патриарха тогда только может иметь место, если две трети обоих соединенных собраний изъявят на сие свое согласие. «Если бы какое другое должностное лицо», писал митрополит Филарет по этому случаю, «полагалось после трех замечаний, без суда, отрешить от должности, вероятно, нашлись бы люди, которые сказали бы, что это неправильно. Не паче ли осторожно поступить должно с лицом, которого падение некоторым образом оскорбительно для достоинства церкви? Патриарха полагается низводить и за нарушение политических обязанностей. Неопределенное выражение. Обдуманно ли оно, и достоверно ли признано непредставляющим опасности, что, получив силу закона, оно будет удобоприменимо к случаям неважным и произведет также частые низложения патриархов, как прежде» (ст. XVI).

В заседании 13 марта 1859 г. церковно-народное собрание постановило: в столице и в епархиях учреждаются постоянные советы, состоящие из 4-х духовных и 8-ми светских членов. Половина членов, т.е. 6, ежегодно выбывает и заменяется другими. Ни один член не может, по истечении двухгодичного срока, быть избран на следующее двухлетие. Члены совета получают жалованье, равно как и секретари канцелярии, состоящей при оном. Советы в епархиях будут, в случае надобности, вносить представления чрез своих архиепископов к патриарху, который передает их в столичный совет. Сей последний, под председательством синодального члена или самого патриарха, заведывает народными школами и богоугодными заведениями; ему же принадлежит контроль финансовой администрации столичных церквей и наблюдение за управлением доходами монастырей, зависящих от вселенского патриарха. «Об организации совета судить трудно», замечает на это митрополит Филарет. «Она необыкновенна, потому что необыкновенно положение церкви и народа» («Замечания митрополита Филарета «о постоянном, смешанном, церковно-народном совете»).

«Права постоянного совета», писал князь Лобанов, «положительно определенные церковно-народным собранием, должны совершенно разуберить тех, кто несправедливо предполагает, будто оттоманское правительство или большинство светских членов церковно-народного собрания хотели отнять у церкви светскую власть, которую она имеет над православными со времени завоевания Константинополя. Правда, что по проекту, согласно с гатти-гумаюном, управление финансовыми делами общины подчинено постоянному совету, но самый совет находится в зависимости от духовной власти, ибо, кроме того, что половина членов будет назначена синодом, патриарху предоставлен главный контроль за действием совета. Даже в вопросах чисто светских, как например, финансовое управление церквей и монастырей, зависящих от патриархата, собрание сделало значительные уступки духовенству, потому что предоставило постоянному совету только право наблюдения за этим управлением, без всякого вмешательства светских лиц в сбор и употребление доходов церковных. Не так понимал это дело митрополит Филарет. Он причисляет управление церковными имуществами к предметам церковным, коим мирское только соприкосновенно. «Как хорошо было бы, если бы пастыри могли сказать с апостолами: неужели есть нам, оставльшим слово Божие, служить трапезам; но для сего надобна и паства апостольская, которая ничего не жалела для нуждающихся членов церкви («Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате», XI). Говорят, что собрание сделало уступку духовенству, предоставив себе только контроль и наблюдение. Но, во-первых, правило не просто говорит: да управляет епископ церковное имение, но прибавляет: да управляет властельски. Если последнее слово употреблено не без значения, то оно значит: да управляет без постороннего вмешательства, без контроля. Во-вторых, что значит наблюдение? Неужели совет будет только смотреть, что делается, и ничего не будет делать? Для чего бы и домогаться такого наблюдения? А если он, найдя какие-нибудь распоряжения духовенства несогласными с своею мыслью,

будет требовать инаковых распоряжений, то наблюдение неприметно сделается высшим управлением. Апостольские правила, предоставляя епископу полновластие в управлении церковными имениями, не возбраняли, впрочем, злоупотребления в сем управлении предоставлять на суд собора» («Замечания митрополита Филарета «о постоянном, смешанном, церковно-народном совете»).

В заключение всего церковно-народное собрание, согласно с программой порты, приступило к рассмотрению важного вопроса о назначении жалованья православному духовенству в Турции. Впервые мысль о сей мере была подана бывшим князем самосским Вогоридесом, который предложил ее представителям европейских держав, по случаю совещаний о гатти-гумаюне. В 3-й статье сего акта сказано, а в правилах об учреждении церковно-народных собраний повторено, что «доходы, присвоенные духовенству обычаями или законами, отменяются все без различия и что они заменены будут определенным жалованьем патриарху и окладами прочим служителям церкви, сообразными со степенью их достоинства». Еще задолго до созвания церковно-народного собрания, в бытность нашей иерусалимской миссии в Константинополе, греческие иерархи выражали опасения свои на счет подобной меры. Так митрополит никомидийский Дионисий, в разговоре с преосвященным мелитопольским, заметив мимоходом, что намерение порты назначить духовенству постоянное жалованье противно церковному праву, потому что служащий алтарю должен и питаться от алтаря, прибавил, что мера эта может быть допущена в русской церкви, в которой правительство и духовенство принадлежат к одному исповеданию, но что в Турции она произвела бы губительное действие. И вселенский патриарх объяснял А. П. Бутеневу всю опасность, которая, по мнению его, угрожала бы греческой церкви, если бы порта успела настоять на своем требовании определить епископам постоянное жалованье, и просил заступничества русского посольства пред турецким правительством, дабы решение этого вопроса было вовсе отклонено и все осталось бы по-старому.

«Турецкое правительство», писал по этому поводу митрополит Филарет («Мнение митрополита Филарета о жаловании православному духовенству в Турции»), «собирает сведения о существующих способах содержания православного духовенства, и хочет заменить оное жалованьем, предполагая, вероятно, взять церковные имущества в свое распоряжение. Русское, в Константинополе, посольство, приметно, поддерживает мысль турецкого правительства. Когда один из членов константинопольского синода сказал, что епископы на жалованье менее будут посещать свои паствы, посольство приняло сие за признание, что паствы посещаются ныне с корыстными видами. При внимательном рассмотрении дела вывод сей может показаться поспешным. Положим, что епископ, объезжая епархию, пользуется пособиями паствы: ненадобно спешить порицать сие. Апостол написал: Господь повеле проповедующим благовестие от благовестия жити (1Кор. 9:14), и еще: да общается учайся словеси учащему во всех благих (Гал. 6:6). Если паства усердствует по учению апостольскому и пастырь, принимая избытки богатых, уделяет от них бедным, то чрез сие с обеих сторон выражаются и поддерживаются взаимные добрые расположения». «Мысль о назначении жалованья членам высшего духовенства», писал далее митрополит Филарет («Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате»), возникла прежде гатти-гумаюна и между греками мирянами. Следственно и теперь надлежит ожидать, что они будут сильно настоять на сию мысль. Нельзя ли вразумить их, что сколько они ослабят высшее духовенство, столько ослабят свое национальное единство и силу».

Приведенные замечания митрополита и другие, которые здесь для краткости не приводятся, не остались незамеченными в Константинополе («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синоду, графу А. П. Толстому, с приложением записки об актах константинопольского церковно-народного собрания»). Что касается, в частности, вопроса о жалованье, то святейший патриарх, коему мысли митрополита Филарета своевременно

были сообщены нашим константинопольским посольством, в заседании 13 марта 1859 года, при заключении по означенному вопросу прений, объявил от лица епископов церковно-народного собрания, что они считают назначение духовенству жалованья мерою, противною каноническому праву, правилам св. апостол, преданиям и вековым привилегиям церкви, и самую унизительною для духовенства.

С такою же неослабною ревностию, хотя и с меньшим успехом для дела, заботился великий московский святитель об умиротворении греко-болгарской распри. Преобразования в организации константинопольского патриархата вызвали наружу давно существовавшую неприязнь между греками и болгарами. С изданием гатти-гумаюна болгары получили надежду, что при общем преобразовании будут удовлетворены и их старинные желания, и законные требования, и решились энергически искать этого удовлетворения. Первоначальные их желания были довольно умеренны: болгары хотели иметь у себя богослужение на славянском языке, высшее духовенство из природных болгар и представителей из своей нации в патриаршем синоде и смешанном совете. Вселенский патриарх Кирилл 7-й поддерживал, некоторое время, в болгарях надежду, что их желания будут исполнены; но скоро болгары должны были оставить эту надежду («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с мнением о необходимости дарования болгарской церкви автокефальности»). Человек слабохарактерный, по отзывам наших дипломатических агентов в Константинополе, святейший Кирилл не мог, если бы даже и хотел, что-нибудь сделать в пользу болгар. Составленный в 1858–66 годах регламент церковного управления нисколько не изменял положения болгар и не увеличивал их прав в церковных делах. Обманувшись таким образом в своих надеждах на патриарха и убедившись по опыту, что в общем деле преобразования строя церковной жизни в патриархате не обращается никакого внимания на их желания и требования, болгары сделали решительный шаг, давший новое направление греко-болгарскому вопросу: в 1860 год, в день Св. Пасхи, во время богослужения, в

константинопольской болгарской церкви, на Фанаре, болгарский народ потребовал, чтобы имя вселенского патриарха не было поминаемо на службах и, вместо него, поминаем был болгарский епископ (состоявший при этой церкви) Иларион. Желание народа было исполнено («Отзыв митрополита Филарета о неприятном случае между вселенским патриархом и болгарскою церковию в Константинополе»). Примеру константинопольских болгар последовали многие болгарские епархии, и греко-болгарская распря получила характер открытой вражды и стремления болгар, утверждавшегося потом больше и больше, к решительному иерархическому отделению от константинопольской патриархии. Патриархия обратилась к мерам строгости, но безуспешно («Мнение митрополита Филарета о несогласиях между греками и болгарам по церковным делам»). Между тем в самой патриархии произошли важные перемены. Старая фанариотская партия, враждебная всякого рода преобразованиям в организации патриархата, одержала верх, и патриарх Кирилл, по своему нерешительному образу действия не могший удовлетворить ни одной из партий патриархата, должен был оставить патриарший престол. Его место (4 октября 1860 г.) заступил Иоаким II, митрополит кизический, занявший патриарший престол по особенному настоянию порты, действовавшей в этом случае под влиянием старофанариотской партии. Новый патриарх смотрел на болгарское дело с чувствами личной неприязненности. Он был в числе тех геронтов, которых звание было упразднено в предыдущем году при преобразовании синода и которые были удалены в свои епархии из Константинополя. На свое удаление геронты смотрели, как на нарушение прав церкви, а это удаление произошло вследствие обвинения, возводившегося на геронтов (между прочим и болгарам), что в них—одна из главных причин беспорядков и злоупотреблений по церковному управлению, и потому Иоаким II смотрел на болгарское дело с чувствами личного неудовольствия. Эти чувства не замедлили обнаружиться в патриархе тотчас по вступлении на престол. При одном из первых свиданий с князем А. Б. Лобановым, он заявил последнему, что всякого рода уступчивость по

отношению к болгарам он признает делом лишним и, напротив, надеется разрешить вопрос мерами церковной строгости. В декабре 1860 г. патриархом было издано окружное послание, в котором болгары, как склонившиеся на унию с Римом, так и православные, но искавшие иерархической независимости, объявлены противниками церкви, болгарским епископам, Илариону макариупольскому и Авксентию, бывшему диррахийскому, угрожалось отлучением от церкви, и отнималась у болгар всякая надежда иметь в патриаршем синоде представителя своей нации в лице их иерарха («Мнение митрополита Филарета о деле болгар по депеше 22 ноября, 1860 г.», «Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по сведениям до 3-го января 1861 года», «Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 10 января 1861 года», «Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по прочтении патриаршей грамоты и болгарского ответа» и «Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»). На это послание православные болгары отвечали печатным опровержением, в резкости тона и выражений не уступавшим окружному посланию («Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову по греко-болгарскому делу»). Угроза патриарха была исполнена 24 февраля 1861 г.: на общем соборе, состоявшем из всех патриархов (как состоявших на службе, так и пребывавших в Константинополе), болгарские архиереи Иларион и Авксентий были низложены и лишены сана («Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»: «О греко-болгарском деле, после известия об отлучении от церкви епископа Илариона», «О болгарском деле по сведениям от 28 февраля, 1861 года»). Вместе с этим патриарх Иоаким стал настаивать пред портою, чтобы Иларион и Авксентий были отправлены в заточение. Но это желание патриарха было исполнено портою только в конце апреля

(«Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»: О болгарском деле по сведению от 7 марта 1861 г.). «Бывший патриарх (Кирилл 7-й) медленностию и нерешительностию болгарскому восстанию дал время усилиться и распространиться», писал митрополит Филарет в записке от 14 мая 1861 г. («Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»: «О греко-болгарском деле по сведениям от 11, 18 и 25 апреля 1861 г.», VIII.); «Иларион упорством против патриарха, простертым до наглости, заградил для себя путь его снисхождения. Нынешний патриарх крайнею мерою строгости против Илариона вырыл пропасть на пути примирения между греками и болгарами». Вся последующая история греко-болгарской распри вполне подтвердила справедливость этого замечания приснопамятного святителя. С именем Илариона болгары связали дело своей нации и, особенно после того, как он явился в их глазах мучеником за народные интересы, никак не могли оказаться от него, хотя в то же время не могли не сознавать, что он был лишен сана собором иерархов православной церкви. С другой стороны, патриарх, если бы даже захотел сделать уступки болгарам, не мог этого сделать, не отказавшись от осуждения, произнесенного им и собором на Илариона («Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»: «О сведениях от 14 и 15 марта 1861 г. по греко-болгарскому делу»). Вот почему низложение Илариона вполне справедливо митрополит Филарет назвал пропастью на пути примирения.

Когда в С.-Петербурге получены были известия о направлении и характере патриарха Иоакима, здесь родилась мысль послать в Константинополь епископа, в качестве представителя Российского Святейшего синода, который бы своим влиянием и советами содействовал примирению болгар и греков. Мысль эта, в первый раз, была выражена графом А. П.

Толстым Государыне Императрице, а затем и Государю Императору. По строгом обсуждении совершавшихся событий в Константинополе, а также характера и направления патриарха Иоакима, митрополит Филарет отклонил исполнение этого предположения, как такую меру, которая, не достигая ожидаемой цели, могла подвергнуть опасности мирные отношения между Русскою и Константинопольскою церквами («Мнение митрополита Филарета о настоящем положении Восточной церкви и об отношениях к оной церкви Российской», «Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по прочтении патриаршей грамоты и болгарского ответа» и «Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года»).

Между тем в дело распри вступила порта. Еще в августе и сентябре 1861 г. болгарские провинции обозревал великий визирь и получил много жалоб на греков и патриархию («Мнение митрополита Филарета о деле болгар по депеше 20 ноября, 1860 г., п. VIII»); при этом он имел возможность убедиться, что у болгар есть и созревает мысль о необходимости получить, по примеру сербов, политическую независимость, по достижении независимости церковно-иерархической. Мысль эта не могла не показаться опасною порте, и она решилась отклонить от нее болгар, снова вовлекая их в соглашение с великою церковью. В этих видах порта стала настаивать, чтобы патриарх составил смешанную комиссию из греков и болгар для рассмотрения спорного дела (№56).

Представленная, в конце 1861 г., болгарам порте петиция («О замечаниях вселенского патриарха на пункты болгар, 12 июля, 1861 г.») о церковных нуждах должна была послужить программой занятий смешанной комиссии. В этой петиции болгары выражали желание иметь участие в избрании патриарха, иметь представителей из своей нации в синоде, образовать особый народный совет при патриархе, отдельный от существующего подобного совета греческого, и наконец изменить порядок назначения епархиальных архиереев

предоставлением каждой епархии права избирать кандидатов для замещения ее кафедры. Долго патриарх откладывал, под разными предлогами, составление комиссии, и она составлена была только в июле 1862 г. («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с мнением, о греко-болгарской комиссии, по сведению от 8 мая»). Первые 6 заседаний комиссия посвятила на решение вопроса о способах избрания патриарха, который был решен удовлетворительно для обеих сторон; положено было, что на будущее время болгары будут иметь от 25 до 30 представителей при избрании патриарха. Но по вопросу, касавшемуся состава синода и народного совета, состоящего при патриархии, произошло решительное разногласие. Болгарские депутаты требовали, чтобы оба эти учреждения были из равного числа греков и болгар. Греки не соглашались с таким требованием, выставляя на вид, что православная вера не допускает деления верующих по национальностям. «Где же правило церковное, в котором патриарх нашел сию мысль»? замечает на сие патриарх Филарет («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову о греко-болгарском деле, по сведениям, от 6 апреля, 18 сентября и 22 октября 1862 года»: «О смешанной комиссии по греко-болгарскому вопросу»). «Патриарх говорит, что церковь не различает национальностей. Но если против сего правила виноваты болгары, то и греки не менее. Болгары требуют равновесия национальностей, а греки поддерживают преобладание национальности греческой» («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову о греко-болгарском деле, по сведениям, от 6 апреля, 18 сентября и 22 октября 1862 года»: «О назначении членов из греков и болгар в смешанную комиссию по греко-болгарскому делу, 1862 г., 24 октября»). По долгом споре, обеими сторонами положено было решение вопроса предоставить оттоманскому правительству. «Удивительно плачевное событие», замечает митрополит. «Христиане в деле общественно-христианском предают себя суду нехристиан. Неужели это не тяжело святейшему патриарху» («Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А.

П. Ахматову о греко-болгарском деле, по сведениям, от 6 апреля, 18 сентября и 22 октября 1862 года»: «О назначении членов из греков и болгар в смешанную комиссию по греко-болгарскому делу, 1862 г., 24 октября»)? После продолжительных колебаний, Али-паша предложил членам смешанной греко-болгарской комиссии разделить подчиненные великой церкви епархии на три категории, с тем, чтобы первая из них чисто греческая, заключающая в себя Фессалию, Эпир, острова и Малую Азию, имела в патриаршем синоде четырех митрополитов греческого происхождения; вторая, заключающая Болгарию, Боснию и Герцеговину, назначала для присутствования в синоде четырех митрополитов славянского происхождения, а третья, обнимающая области со смешанным населением, каковы: Македония, Фракия и Верхняя Албания, дополняла состав синода остальными четырьмя епископами, которых происхождение будет определено большинством избирателей. Болгары поспешили изъявить свое согласие на это предложение, но греки решительно отвергли оное, и таким образом попытка правительства примирить враждующих не удалась (Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову, с мнением о положении церковных дел в константинопольском патриархате).

Между тем неуступчивый характер святейшего Иоакима вызвал против него сильную оппозицию в синоде и совете, последствием чего было низведение его с патриаршего престола (Замечания митрополита Филарета о константинопольской иерархии, по сведениям 3, 10, 17 и 24 октября 1861 года, II–IV), и последний в сентябре 1863 г. занял Софроний, бывший митрополит амассийский. В феврале 1864 г. святейший Софроний, по предварительном совещании с Е. П. Новиковым, созвал, с разрешения порты, собрание, составленное из всех патриархов, как состоявших на службе, так и пребывавших на покое (кроме Иоакима), митрополитов синода, всех бывших в столице архиереев и многих светских лиц (всего до 70 человек), и поручил ему рассмотрение трудов смешанной комиссии, учрежденной в 1862 г. при патриархе Иоакиме по болгарскому делу. Собрание продолжало свои

занятия до июня, и пришло к решениям, которые не могли удовлетворить болгар, так как предоставляли им весьма ограниченные уступки. Болгары заявили наконец, что они ожидают беспристрастного решения своего национального дела единственно от османского правительства (Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову по греко-болгарскому делу). В то же время они настойчиво хлопотали пред правительством о возвращении из ссылки бывших своих архиереев Илариона и Авксентия. Их желание было исполнено в сентябре 1864 г. Возвращение отлученных от церкви архиереев ободрило болгар и еще более ожесточило греков. «Глубока болезнь патриархии», писал митрополит Филарет в июне 1865 года. «В начале не уврачевала ее нерешительность одного патриарха, хотя это было тогда нетрудно; потом непреклонность другого усилила упорство болгар и поставила новую сильнейшую преграду примирению низложением двух епископов, вместо временного их отлучения от церкви. Теперь трудно нам дать той и другой стороне разрешительное слово, и трудно ожидать услышания» («Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову о греко-болгарской церковной распри», «Заметка митрополита Филарета, по прочтении депеши посланника нашего в Константинополе о тяжелой болезни бывшего епископа болгарского Авксентия»). И потому, когда в среде членов патриаршего синода родилась мысль, чтобы вселенский патриарх обратился к синодам русскому и афинскому с просьбою высказать свое мнение по поводу возникшей церковной распри и указать на лучшие пути к умиротворению, митрополит Филарет отклонил официальное вмешательство Русского Святейшего Синода, как меру безнадежную и потому бесполезную («Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому по поводу возникшей в среде греческого духовенства мысли обратиться к Синодам Российскому и Афинскому с просьбою о содействии к разрешению греко-болгарской церковной распри»). Великий святитель как бы предвидел тот печальный исход, каким должна была разрешиться греко-болгарская распря и каким она действительно завершилась 16 сентября 1872 года. Тем не менее подъятые святителем труды к

предотвращению этого несчастного дня навсегда пребудут памятником благочестивой ревности святителя «о мире и благосостоянии святых Божиих церквей». И святейший патриарх Григорий, без сомнения, имел ввиду и эти заслуги митрополита, когда, по случаю блаженной кончины его, писал Святейшему Синоду от лица вселенского престола: «Из телеграммы, переданной 21 ноября в нашу столицу, тяжело было нам слышать горестную весть о переселении из временных в вечные и славные обители знаменитого митрополита московского Филарета. Размышляя о столь близком нам несчастью и сокрушаясь в глубине сердца об угасении такого светильника благочестия, мы не только, по братскому долгу, всенародно помянули имя его на патриаршем священном тайнодействии, соборне совершенном 30 ноября, но и не замедлили о нашей и находящегося при нас братского сонма преосвященных митрополитов сердечной скорби сообщить и дать знать благочестивой и высокой миссии Его Императорского Величества. Апостольская и патриаршая константинопольская церковь с таким же участием разделяет о Господе страдания и скорби всех святых церквей православных, с каким и дни счастья их: она считает Филарета сколько иерархом московским, столько же столпом, светильником и учителем всего православия, несокрушимым звеном неразрывного единства в вере; ибо, отличаясь глубиною и проницательностью ума и добротою сердца, данными ему от Бога в избытке, постоянно обнаруживая в себе твердую и неустанную ревность о великоименном и ненарушимом отеческом благочестии и вместе с тем украшаясь многими и по истине евангельскими добродетелями и доблестями, особенно же прославляясь разнообразными сколько мудрыми, столько и обильными прекрасными сочинениями, — он возвеличил и украсил всю христианскую церковь. Поэтому еще и теперь, когда минуло уже три месяца после того, как мерность наша получила известие о кончине Филарета, мы поражены тем бóльшим душевным смущением, чем живее вспоминаем о том мудром и добром пастыре, которого пренебесный Издовоздатель благоволил воззвать к Себе, да упокоит его от многих долголетних и

многоплодных трудов. Болезнью сердцем и духом, мы не знаем, чем другим утишить душевное волнение и скорбь, как вчинив патриаршим и синодальным постановлением славное имя блаженного и достоименного Филарета в священные диптихи управляемой нами великой христианской церкви, для вечного поминовения на непрестанных бескровных и умиловительных жертвах и приношениях, смиренно моля Вечного Жениха и совершителя церкви Спаса Иисуса Христа, да не оставит сирью Свою непорочную и богоукрашенную невесту, но всегда да дарует ей во время потребно ревностных пастырей и учителей, строителей таин, делателей и поборников благочестия, каковые, если когда, то именно в нынешние трудные времена, нужны нам к созиданию верных, к совершению святых и для охранения православной веры от всякого чуждого учения и тщетной лести».

Что касается третьего отдела настоящего тома, то в состав его вошли бумаги митрополита Филарета, касающиеся исключительно нашей духовной миссии в Иерусалиме, за время с 15 мая 1859 г. по 23 октября 1866 г. Всех бумаг в этом отделе помещено девятнадцать. Из них особого внимания заслуживают записки митрополита: «о возобновлении купола Иерусалимского храма» («Записка митрополита Филарета о бетсакурской церкви и о куполе иерусалимского храма и Заметка митрополита Филарета о возобновлении купола над храмом гроба Господня»); замечания «на проект управления богоугодными заведениями в Палестине» («Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с мнением «о соображениях и проекте управления богоугодными заведениями в Палестине"») и ряд статей по делу о неустройствах в нашей духовной Иерусалимской миссии («Записки митрополита Филарета о неустройствах в духовной миссии в Иерусалиме, «Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову, с отзывом о неуместном поставлении в русской церкви, в Иерусалиме, престола патриарха иерусалимского», «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, с проектом послания к иерусалимскому патриарху по делу о неустройствах в нашей, в Иерусалиме, духовной миссии», «Записка

митрополита Филарета по поводу «весьма доверительного письма» посланника нашего в Константинополе Н. П. Игнатьева о неустройствах в русской иерусалимской духовной миссии», «Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с отзывом о предположении русского посланника в Константинополе, Н. П. Игнатьева, относительно примирения патриарха иерусалимского Кирилла с архимандритом Леонидом», «Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о донесении архимандрита Антонина, 18 октября, 1865 года, по делу о неустройствах в иерусалимской духовной миссии», «Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с проектом послания к патриарху иерусалимскому Кириллу от имени первенствующего члена Святейшего Синода о неустройствах иерусалимской духовной миссии», «Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о допросе иеромонаха Иоанна по делу о неустройствах в иерусалимской духовной миссии», «Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением на предположение о закрытии русской духовной миссии в Иерусалиме», «Мнение митрополита Филарета о неустройствах в иерусалимской духовной миссии»).

Указатели личных имен и предметов к настоящему тому составлены А. В. Гавриловым.

I. О неустройствах в Константинопольской патриархии

1858 г.

3 апреля. Мнение митрополита Филарета о жаловании православному духовенству в Турции

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А.П.Толстой¹, при письме, от 11 февраля, 1857 года, препроводил к митрополиту Филарету сообщенную ему директором² азиатского департамента копию с письма г. Новикова³ из Перы, от 24 декабря 1856 г.—4 января 1857 г., следующего содержания: «По поводу визита, сделанного сегодня посланнику⁴ нашему иерусалимским патриархом⁵, мне пришло на ум передать нашему превосходительству впечатление, произведенное на меня первым знакомством с константинопольскою вселенскою патриархию.

Нынешний константинопольский патриарх Кирилл⁶, по общему уверению, человек ограниченный и без всякой энергии, обязан возвышением своим в патриарший сан партии, низложившей предшественника его Анфима⁷, будто бы за излишнюю преданность к России. Окруженный доносчиками, он боится и Порты, и послов западных держав, и предателей в собственном его духовенстве. Ему тем труднее принять независимое положение, он и в словах, и в действиях должен быть тем осмотрительнее, что шесть или семь митрополитов, составляющих синод его, почти постоянно окружают его, не выпуская его из виду, как почетная стража.

Я видел его в первый раз, когда мы с князем Лобановым⁸, и Аргиропуло⁹, на первых порах нашего приезда, зашли к нему для принятия его благословения, после обедни, в патриаршей церкви. Он принимал у себя членов миссии в первый раз, после трехлетнего ее отсутствия. Говоря о духовном единстве между Русскою и Восточною церковию, мы коснулись тогда, в общих чертах, и великодушного заступничества России и жертв, принесенных ею для блага церкви на Востоке. Патриарх счел долгом ответить, что благосостояние этой церкви вполне упрочено мудрою об ней попечительностью турецкого правительства, не прибавив ни слова о России.

Но после дошло до него, что мы, отправившись от него к патриарху иерусалимскому и армянскому, нашли у этих двух пастырей самый радушный прием и самое откровенное изъявление покорности России. Со стороны последнего откровенность эта дошла до признания, что турецкие армяне григорианского исповедания, состоя уже под духовною властью эчмиадзинского каталикоса, желали бы, вместе с ним, и повиноваться России.

Константинопольскому патриарху стало совестно своего официального ответа. Он извинялся в нем, стороною, пред нашим посланником, ссылаясь на невозможность говорить иначе в присутствии некоторых членов синода, личных врагов его, которые могли бы передать Порте или лорду Редклифу, с невыгодными для него комментариями, хотя малейшее слово, сказанное в пользу России.

Случай загладить эту первую погрешность представился ему при визите, который делал ему посланник 5 декабря, и при котором находился и я. Но патриарх воспользовался им неудачно. Правда, он принимал почетного гостя со всеми почестями, подобающими представителю великой державы (μέγας ἄνδρα, как назвал он его во вступительном приветствии), но официальная холодность опять не покидала его во все продолжение разговора. И когда, после обычных приветствий, Аполлинарий Петрович заговорил о всегдашнем сочувствии русских государей к пользам единоверных им христиан на Востоке, выставив, прежде всего, заботливость турецкого правительства о благе православной церкви в пределах Турции, патриарх не нашел лучшего ответа, как объявить, что «они, конечно, очень довольны милостями султана, но в то же время надеются и на покровительствующие державы».

На это посланник заметил в дальнейшем ходе разговора, что с надеждою его святейшества на покровительствующие державы не вполне согласна вредная для православия пропаганда, распространяемая западными миссионерами, при содействии именно этих держав, которые, впрочем, могут иметь лучшие намерения относительно общего благосостояния турецких христиан, но православию ни в каком случае

сочувствовать не могут. В доказательство же этого приводил пример павликиан¹⁰, обращенных недавно в Болгарии к католицизму, под покровительством западных консулов. Отвечать было трудно; но тут все члены синода поспешили на выручку патриарха. Обходя с умыслом главное возражение, они искусно свели речь на одних павликиан и пустились в многосложные объяснения о том, что этих павликиан не так много, как вообще полагают, а всего 150 семейств в тырновской епархии, что они никогда православными не были, а принадлежат к очень древней еретической секте, что, впрочем, ни один еще православный человек в Болгарии не был обращен в католичество, благодаря пастырской попечительности греческого духовенства.

Все это словесное ухищрение кончилось, однако, тем, что патриарх Кирилл, отдавая визит Аполлинарию Петровичу, 13 декабря, и имея тут случай говорить с ним без нескромных свидетелей, торжественно отрекся от своих «покровительствующих держав», и объявил напрямик, что он и вся Восточная церковь возлагают всю свою надежду на одну Россию, на одного покровителя, русского государя.

Независимо от этого эпизода, когда дело шло о Болгарской народной церкви, патриарх, при всей изъявленной им готовности содействовать введению в болгарский церкви славянского богослужения, поставлению болгарских епископов, и проч., не раз проговаривался в односторонних стремлениях и видах константинопольской патриархии. Еще имя болгар не было произнесено посланником, который намекал вообще на некоторые предосудительные действия греческого духовенства в областях Турции, а уже патриарх, понимая в чем дело, тотчас стал развивать ту мысль, что семя раздоров между партией болгарскою и партией греческою зародилось не в самой Болгарии, а занесено извне (с Запада, или с Севера—это не было досказано) и есть вообще явление новое, но что патриархат употребит все усилия, чтоб сгладить всякое национальное различие в деле веры. Но как понимать это? В том ли смысле, что вселенский престол намерен сделать уступки народному мнению болгар, подчиняя вполне вопрос

национальности высшему единству веры, или, напротив, что он будет стараться подавить, во имя веры, пробуждающуюся национальность болгар? Последнее, кажется, ближе к истине, и согласнее с действиями патриархата. Оно просвечивает и в объяснениях, данных патриархом, о недостаточности денежных средств для устройства в самой Болгарии высших рассадников духовного образования, и в желании, им изъясненном, привлечь наибольшее число болгарских учеников в свою греческую семинарию на острове Халки¹¹ и в замечательном факте, приведенном им в доказательство мнимого его беспристрастия к болгарам и грекам, т. е. что природные болгары уже несколько раз призывались на епископские кафедры, и именно в местах, населенных преимущественно греками, а греки, взамен того, назначались в Болгарию. Другим словами: патриархат находил для себя выгодным отвлекать природных болгар от единственно возможного для них средоточия полезной общенародной деятельности.

Что касается до общего впечатления от этой беседы с патриархом, то во всех ответах его святейшества заметно было желание отделаться от трудных вопросов безусловным подтверждением истины всего, что предлагалось ему к исполнению, в виде дружеского совета. Он соглашался со всем, и только прибавлял, что патриархия обо всем уже позаботилась или станет заботиться. Заметно было также желание всячески щадить западные державы, избегая всякого неприязненного упоминания об них, даже там, где шло дело о западной пропаганде, о которой патриарх отзывался даже с некоторым пренебрежением, как мало успевающей в пределах его духовной власти, хотя, с другой стороны, соглашался, что в Сирии она делает большие успехи.

Между тем пропаганда эта в Болгарии принимает опасные размеры. Опасные для нас, потому что она еще более направлена против политического влияния России в этой стране, чем на интересы чисто религиозные. Зная, что Россия владеет двумя могучими орудиями действия на славян, единством веры и сродством языка, западные агенты обращают удары свои на то и на другое вместе. Лазаристы¹² в своих

новоучрежденных школах для болгарского юношества ввели преподавание не только болгарского, но и русского языка, дабы посредством этих двух внешних проводников тем сильнее действовать на убеждения народа. В их школе в Бебеке (близ Константинополя) русский язык преподается, как слышно, болгарским учителем, который сам перешел в католичество, и не так давно выписал из Болгарии двенадцать учеников, которые воспитываются в догматах римской веры и готовятся в будущие миссионеры в своем отечестве. Таким образом западные агенты обращают против нас наше собственное оружие, заставляя его служить, как везде между славянами, религиозным и политическим целям их против России.

К тем же целям, очевидно, клонится и новорожденная в Болгарии мысль о самостоятельной церкви болгарской, *вне всякой зависимости* от константинопольского патриархата. Она пущена в ход агентами Запада, и ее следует приписать в особенности французским внушениям, если судить по некоторым отзывам здешнего французского посла, который признает за константинопольским патриархом природное право духовной власти только над двумя миллионами здешнего греческого населения.

Но в этом новом крестовом походе, который ведет против нас католический запад, можем ли мы рассчитывать на деятельную помощь вселенской патриархии, по-видимому, самой естественной и природной нашей союзницы в этом вопросе?

К сожалению, едва ли.

Из двух великих связей, существующих между нами и турецкими славянами, единоверия и единокровия, только первая благоприятствует константинопольской патриархии; другая враждебна ей. Она постоянно отвлекает славян от Царьграда и сближает с Россиею. Если, в противодействие западным конам, мы станем в Болгарии, при нынешних обстоятельствах, во главе народного начала и народного образования, заводя там училища, присылая учителей, богослужебные книги и утвари, усиливая там число наших агентов, сближая болгарскую науку с православным русским

образованием, мы тем самым незаметно подвинем болгарский народ к самостоятельной жизни и самостоятельной церкви. Если же мы этого не сделаем, то сделают за нас западные державы в обратном смысле. И в том и в другом случае патриархия может играть только страдательную роль. С обеих сторон ее преследует призрак возрождения славянской народности.

Таким образом, между гонениями запада и покровительством России, вселенская патриархия чувствует одинаково шаткость своего положения.

И по странной силе вещей, равно отдаляясь от Запада и от России, она становится союзницею Порты, с которою связывает ее единство целей относительно славянских племен.

Совершенно напротив иерусалимская патриархия, не имеющая с нами никаких совместных интересов, возлагает всю свою надежду на Россию и глубоко предана русскому государю.

Вот несколько личных впечатлений, которые я осмелился повергнуть на снисходительное воззрение вашего превосходительства».

Турецкое правительство собирает сведения о существующих способах содержания православного духовенства, и хочет заменить оное жалованьем, предполагая, вероятно, взять церковные имущества в свое распоряжение.

Русское, в Константинополе, посольство приметно поддерживает мысль турецкого правительства.

Когда один из членов константинопольского синода сказал, что епископы на жалованье менее будут посещать свои паствы: посольство приняло сие за признание, что паствы посещаются ныне с корыстными видами. При внимательном рассмотрении дела (впрочем, в подробностях мало нам известного), вывод сей может оказаться поспешным.

Положим, что епископ, объезжая епархию, пользуется пособиями паствы. Ненадобно спешить порицать сие. Апостол написал: *Господь повеле проповедающим благовестие от благовестия жити (1Кор. 9:14)* И еще: *да общается учаися словеси учащему во всех благих (Галат. 6:6)*. Если паства усердствует по учению апостольскому, и пастырь, принимая

избытки богатых, уделяет от них бедным, то чрез сие с обеих сторон выражаются и поддерживаются взаимные добрые расположения.

Но положим, что епископ на жалованье. По всей вероятности, оно будет достаточно только для того, чтобы прожить с нуждою, и не будет достаточно на издержки объезда епархии, при чем, более или менее, могут потребоваться и благотворительные издержки. Притом принятие пособий от паствы, вероятно, будет уже запрещено, что и мирянам внушено будет. Итак, без вины епископа, путешествия по епархии сделаются реже, следственно и надзор за подчиненным духовенством и над паствою слабее, и связь духовенства с паствою может расстроиваться.

Взятие церковных имуществ в государственное распоряжение и в христианских государствах не можно назвать мерою счастливою. Отобранные церковные имущества частью без следов погружены в имущества государственные (и это еще лучшее), частью проданы малоценно по недостатку покупателей, или по их сомнению в благонадежности покупки, и частью по разным случаям перешли в частные руки. Таким образом государство получило незначительное приобретение единовременно, а для церкви собственное обеспечение содержания духовенства исчезло навсегда. Можно ли надеяться, что лучше будет в Турции? Что правительство, взяв церковные имущества, не расточит их? Что доходов их не поглотит бездонное в Турции государственное казначейство или просто, или в виде займа на бесконечные времена? Что жалованье будет производиться своевременно и без ущерба? Если в Турции войско иногда долго не бывает удовлетворено заслуженным жалованьем: более ли попечутся о христианском духовенстве, которому ревностные магометане готовы от искреннего сердца пожелать голодной смерти? И во время скудного и неверного жалованья перестанут ли требовать подарков и взяток, которые теперь разоряют православное духовенство, и принуждают его казаться жадным к деньгам для необходимого удовлетворения чужой действительной жадности?

Вдали от дела и от непосредственного дознания и рассмотрения обстоятельств можно изъяслять только недоумение и заботу.

Господь да поможет государственной мудрости и прозорливости споспешествовать разрешению оных, по возможности, без нарушения блага православной церкви на Востоке.¹³

11 декабря. Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, «при секретном письме» 2 декабря, 1858 года, препроводил к митрополиту Филарету доставленную ему князем А. М. Горчаковым¹⁴ «секретную записку г. Бутенева¹⁵ о готовящихся преобразованиях в константинопольском патриархате» и просил, по желанию министра иностранных дел, сообщить ему мнение об этих преобразованиях, и в «особенности о предполагаемом отделении власти светской от духовной, о предоставлении мирянам участия в управлении церковными имуществами и наконец о мысли образовать новый синод из членов очередных, а не непременно, как было доселе». Кроме того, граф А. П. Толстой препроводил к митрополиту особую записку, в которой изложил свои соображения и собранные им «о сих предметах некоторые дополнительные сведения из разговоров с князем А. М. Горчаковым и из писем, которые ему показывал князь». При изложении своих соображений, граф А.П.Толстой «имел в виду также мнение патриархии о церковных преобразованиях (и, между прочим, о жалованье греческому духовенству) и возражения на сии мнения первого драгомана¹⁶ при русском посольстве».

При другом секретном же письме, 6 декабря, 1858 года, граф А. П. Толстой препроводил к митрополиту Филарету, в копиях: 1) письмо архимандрита Петра¹⁷, от 8 ноября, 1858 года, из Константинополя, с двумя приложениями, и 2) перевод письма митрополита никомидийского к архидиакону Александру Ласкарису, обучавшемуся тогда в с.-петербургской духовной академии, и присовокупил, что князь А. М. Горчаков «желает знать в непродолжительном времени» мнение его, митрополита.

На письме графа А. П. Толстого, от 2 декабря, 1858 года, митрополит написал:

Дек. 12. Ответствуется, с возвращением записок и с новою запискою.

Прочитав записку о преобразованиях во внутреннем устройстве константинопольского патриархата и высшего духовенства греческого, вследствие гатти-гумаюна¹⁸, и по случаю сей записки написанную другую записку, убеждаюсь к согласию преимущественно с сею последнею.

Из соображений, изложенных в сей записке, выведено, наконец, следующее заключение: необходимо, кажется, постоянно совещаться с лицами, понимающими положение церкви, зорко следить за ходом и заранее внимательно обсудить все последствия, могущие возникнуть из принимаемых ныне мер. Справедливо: но удовлетворительно ли? Указан ли путь действию? Нет. Только предложено искать его. И трудно указать его. Трудно потому, что мы вдали от дела и от действующих, а нужно знать не только правду дела, но и расположение людей к правде или неправде, и силу того и другого расположения, чтобы требованием многого не возбудить противоборства и против того, чего можно было бы достигнуть требованием умеренным, и, напротив, чтобы слабостию требования не ободрить противоборство. Трудно и потому, что теперь не тридцатые и сороковые годы, а пятидесятые. Тогда еще посовестились бы западные державы грубо защищать магометан против христиан: теперь они, сделав союз для успокоения христиан в магометанском царстве, видят их в худшем прежнего положении, видят их мучимыми, и продолжают только поддерживать магометанское правительство.

Но надобно, по крайней мере, сделать опыт, представить некоторые мысли, рождающиеся при чтении записок, может быть, не излишние к соображению тех, которыми принадлежит право и обязанность решительных приемов действия.

I. Мысль о назначении жалованья членам высшего духовенства возникла прежде гатти-гумаюна, между греками-мирянами. Следственно и теперь надлежит ожидать, что они будут сильно настаивать на сей мысли. Нельзя ли вразумить их, что сколько они ослабят высшее духовенство, столько ослабят свое национальное единство и силу?

II. Сии миряне сами себе возражали, что означенное преобразование повлекло бы за собою недостаток средств к погашению народного долга, к содержанию церквей, больниц, училищ. Разрешат ли они удовлетворительно сии возражения? Если не разрешат, то опять предлагаемое ими преобразование оказывается разрушительным для церкви и для них самих.

III. В патриархе Кирилле¹⁹ замечают недостаток мужества. Надобно стараться в святейшем патриархе и в членах синода его возвысить силу убеждения в том, что настоящие обстоятельства весьма важны для охранения православной церкви; что действование в таких обстоятельствах сопряжено с великою ответственностию пред Богом и церковью, настоящего и будущих времен; что, посему, в действователях ныне особенно нужны единокровие, ревность, с благоразумною осторожностью, твердость и готовность к самопожертвованию, и что святейший патриарх и его сотрудники всемерно должны поддерживать друг друга в благорассудительности и твердости действования.

IV. Назначен *церковный совет*. Как же составляют его? Членов назначают не по епархиям, а по губерниям, от чего выбор не соответственен предмету и не пропорционален. Десять светских членов в столице избраны Портою из двадцати назначенных патриархией. Порта, естественно, смотрит на дело не с церковной, не с христианской точки зрения, а с противоположной: следственно, вероятно, избраны ею незнающие дела церковные, не благорасположенные к церкви, а люди с противоположными, или менее соответствующими делу, качествами. Члены синода, имеющие преимущественно и право и способность судить о делах церковных, в совет не допущены, под предлогом, что избиратели не могут быть избираемыми; но их не нужно избирать: они естественные члены церковного совета, будучи членами синода. Когда обошли их, то, конечно, избрали менее знающих, менее опытных, менее свободных и сильных словом. В совете предположено иметь 7 членов духовных и 20 светских. Это уже не пропорционально и стеснительно для церковных дел. Если хотели уравновесить склонность духовных усиливать церковную власть, и

наклонность светских ослаблять ее, следовало назначать равное число тех и других членов. Но на деле, по другому известию из Константинополя²⁰ выступлено за пределы первоначального назначения; и в совете присутствуют 7 духовных и 31 светских членов. Если бы пред нами был сосуд, в котором четыре части меди и одна часть серебра, и нас заставляли бы назвать его серебряным сосудом, мы, конечно, сказали бы, что приличнее назвать его медным. Так и совет, составленный из 7 духовных и 31 светских членов, вместо названия *церковного совета*, приличнее назвать светским советом, для подавления церковной стихии. Это переворот, когда не только младшие архиереи, но, еще более, миряне становятся законодателями для патриарха и синода. И хотя патриарх находится в сем собрании, но ему здесь равен каждый из 31 мирян. Записка говорит, что притязания патриарха на право избирать светских членов собора, без участия Порты, оказались неосновательными, но не объясняет почему. Не имеет ли основания мысль, что христиане лучше могут судить о предметах христианских, нежели магометане? Не было ли бы хотя несколько удовлетворительнее для церкви, и довольно удовлетворительно для Порты, если бы приняты были следующие правила:

1) Десять светских членов церковного совета избирает патриарх с синодом.

2) Порта, по своим соображениям, может устранить некоторых из сего числа, но не более половины; и в сем случае патриархия обязана избрать, вместо устраненных, новых.

К сожалению, сии соображения теперь уже поздны. Уже существует светский церковный совет, и постановляет определения ни о каких-либо предметах церковных, которым соприкосновенно мирское, как, например, о церковных имуществах и содержании духовенства, но о собственно церковных, каково избрание патриарха.

Нельзя ли, по крайней мере, обратить внимание на то, что, против предварительно постановленного правила, допущено в совет 11 лишних светских членов, чтобы уменьшить тяготение над церковными делами незаконно составленного совета?

V. Совет хочет пригласить депутатов Сирии, Египта и Кипра. Порты на сие не отвечала еще. Не допустить сих депутатов было бы несправедливо, если имеющие составиться правила должны простираться кроме константинопольского, и на прочие три, равные ему, патриархата, и на независимую церковь кипрскую. Нельзя ли извлечь из сего случая способ преобразовать совет на основаниях, более справедливых.

VI. Совет рассмотрел порядок избрания патриарха, установившийся со времени взятия Константинополя, именно, избрание синодом и вельможами, мирянами. Здесь есть уклонение от церковных правил, впрочем, имеющее свою причину. По 4 правилу первого вселенского собора, поставлять епископа (нет причины исключать из сего патриарха, для которого другого правила нет) наиболее прилично всем епископам области, по нужде трем, с согласием прочих, посредством грамот, а утверждение избрания принадлежит митрополиту. 3 правило седьмого вселенского собора подтверждает вышеозначенное и дополняет: всякое избрание епископа, делаемое мирскими начальниками, да будет недействительно. Но поскольку патриарх, с вышеозначенного времени, сверх своего церковного характера, получил характер представителя христианского народа пред Портою, то в сем обстоятельстве заключалась благословная причина участия светских вельмож в его избрании. Теперь, когда хотят отделить от духовной власти светскую, и следственно оставить патриарха в характере чисто церковном, с правилами церковными сообразно было бы совсем устранить светских избирателей. Если же необходимо сделать уступку усилившейся мирской стихии, то можно было бы допустить, по утвердившемся обычаю, присоединение к церковным избирателям мирских, с определением числа сих последних, которое не подавляло бы церковного выбора. То, что почтительно называют утверждением султана, имеет такое значение, что султан, имеющий право наблюдать пользы своей империи, человека, которого избравшие признали благонадежным действователем для церкви, признает сомнительным действователем и в отношении к империи. Таким

образом и сие обстоятельство, происшедшее из особенного положения Восточной церкви, не дает основательной причины к отступлению от церковных правил в других отношениях. Следственно нынешний совет вышел из пределов церковных правил и существовавшего обычая совершенно несправедливо.

VII. Представление назначенного советом из своих членов комитета, чтобы, в случае упразднения патриаршего престола, назначен был викарий (местоблюститель) и чтобы немедленно все епархиальные архиереи приглашены были прибыть в Константинополь, или подать свой голос письменно, – согласно с обстоятельствами и с церковными правилами, только двухмесячный для избрания патриарха срок и короток, по пространству патриаршей области, и не согласен с правилами. 25 правило четвертого вселенского собора дает три месяца.

VIII. Новый способ избрания полагается такой: архиереи, большинством голосов, представляют трех кандидатов; церковный совет, в котором преобладают светские, из трех кандидатов назначает решительно одного, и предлагает на утверждение султана. Это не только не согласно с церковными правилами (как изъяснено выше, в VII статье), но и несообразно с самыми обыкновенными понятиями о благоустройстве церковном и общественном. Здесь иерархическое избрание патриарха составляет низшую степень, а мирское высшую. Здесь не пастыри ведут овец, а овцы распоряжаются пастырями. Иное дело, если бы мирское собрание избрало приговорительно несколько кандидатов, а иерархическое собрание сделало бы из них окончательный выбор. Это приближалось бы к церковному порядку. Противное же сему есть обращение церковного управления вверх дном.

Достойно проницательного размышления и то, какие могут произойти нравственные последствия, если патриарх будет созданием мирян.

IX. В записке сказано, что комитет, составленный советом из своих членов, *заставил* совет принять свое комитетское мнение. Это удивительно, и трудно понять, как это делается, что совет из 38 членов находится в порабощении у комитета, им самим составленного и обязанного подчинить свое мнение суду

совета. Если поверить, что это так, то надобно заключить, что совет, простирая переворот на церковь, в то же время и сам подвергается действию переворота. Какое же достоинство могут иметь законы, которые проистекут из такого источника?

X. Записка говорит, что члены патриаршего синода опасаются составления синода из архиереев, призываемых из епархий поочередно. Если это по опасению потерять влияние и выгоды, как говорит записка, то это худо. Но тоже опасение может происходить от других основательных причин. Сказывают, что синод греческого королевства слаб и недейтелен от того, что члены его ежегодно переменяются правительством, и ревностные скорее других подвергаются устранению. Сего может опасаться и патриарший синод. Чтобы сохранить его прочность, и с тем вместе доставить ему удобность приобретать открывающихся новых способных содействователей, и успокоить возникшее мнение о преобразовании его, можно было бы постановить, чтобы часть его составляли, как ныне, бессменные члены, а другую – призываемые из епархий на два года и более.

XI. Записка упоминает о предвидении членом синода, что впредь совет будет заниматься финансовыми делами общины. Как хорошо было бы, если бы пастыри могли сказать с апостолами: *неудобно есть нам, оставльшим слово Божие, служить трапезам*; но для сего надобна и паства апостольская, которая ничего не жалела для нуждающихся членом церкви. Если нужно новое устройство управления церковным хозяйством, то не было ли бы соответственно цели образовать оное из нескольких экономов архиерейских кафедр (что согласно с правилами) и несколько светских лица (что удовлетворило бы нынешнему мнению), которые бы действовали, с устранением произвола, и с отчетом пред синодом?

XII. Записка замечает, что Порта, назначая членом совета по губерниям, на мгновение испугалась было своего успеха, боясь, что поднимется народное собрание. Не лучше ли было бы, если бы сие опасение продолжалось долее мгновения, дабы Порта усмотрела, что открывшийся ныне дух светских членом совета,

пренебрегающий церковными правилами и вековым обычаем, поставляющий себя выше синода, не обещает спокойствия, и что полезнее церковный кроткий дух не подавлять, а поддерживать?

Сии мысли, в печали о доме Божием, о православной Восточной церкви, обуреваемой, поспешно изложенные, может быть, не излишне довести до сведения и усмотрения Святейшего Всероссийского Синода, как некую долю великой заботы, которая его теперь, без сомнения, занимает.

Утверждение на Тя надеющихся! Утверди, Господи, церковь, юже стяжал еси честною твоею кровию.

11 декабря 1858 г.²¹

1859 г.

31 марта. Мнение митрополита Филарета об актах церковно-народного собрания в Константинополе

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, от 10 марта, 1859 г., писал митрополиту Филарету: «Некоторые члены заседающего ныне в Константинополе церковного или народного совета доставили заведывающему делами нашей миссии князю Лобанову²² подлинные акты сего собрания, и изъявили желание, чтобы они были предложены на благоусмотрение Святейшего Синода Российского. Донесение о сём князя Лобанова, равно как и самые акты, сообщенные мне князем Горчаковым²³, имею честь при сём представить, в переводе, на заключение вашего высокопреосвященства.

«Нельзя не радоваться тому, что греческие иерархи обращаются к русским за содействием или советом, и что Русской церкви открывается возможность сказать слово в пользу многострадальной церкви греческой, и принять участие в решении важного вопроса: каким образом можно отстранить действительно существующие в ней злоупотребления, не прибегая к нововведениям, не согласным с духом православия, и грозящим церкви в будущем еще большими бедствиями.

«Воспользовавшись присутствием здесь архидиакона Александра Ласкариса²⁴ я счел неизлишним поручить ему изложить письменно все, что, по частным письмам и получаемой здесь газете Византис, ему известно о ходе константинопольских дел. Составленную им записку имею честь при сём препроводить к вам, высокопреосвященнейший владыко. Впрочем, признаюсь, что хотя не могу сомневаться в правдивости и благонамеренности о. Александра, однако совершенно не знаю, имеет ли записка его какие-либо достоинства, и может ли от нее быть какая-либо польза.

«Когда прилагаемые при сём бумаги были уже готовы к отправлению, я получил от князя Горчакова новые любопытные сообщения из Константинополя, которые постараюсь представить вам, милостивый государь и архипастырь, в непродолжительном времени; они содержат отзыв

константинопольской миссии о записке вашего высокопреосвященства, от 11 декабря, 1858 года²⁵".

К письму графа А. П. Толстого были приложены переводы с следующих документов:

1) Записки о церковно-народном собрании, учрежденном при константинопольском патриархате, для составления и представления оттоманской Порте проекта преобразований в постановлениях, касающихся православной церкви и православного духовенства.

2) Объяснения относительно устройства и трудов народного собрания.

3) Речи, читанной в совете доктором Стефаном Карафеодори, об уничтожении геронтии и эфории, и

4) Биографических известий о патриархе Анфиме²⁶.

Существенная сторона этих актов изложена в следующем мнении митрополита Филарета:

Об актах церковно-народного собрания, в Константинополе

I

Гл. 1, стат. 1. Местоблюстителя патриаршего престола полагается назначать «посредством тайного выбора». Что это значит? Тайное заседание! Или тайное подавание голосов? Тайное заседание как может быть, когда тут же допускается присутствие всякого вельможи, который пожелает? Для тайного подавания голосов надобно иметь в виду кандидата: кто его предложит? Или тайное подавание голосов будет, как в римском конклаве, бросанием в урну свернутых записок с именем того, кого кто избирает? Неопределение сего может дать случай сомнениям и затруднениям.

«В присутствии вельмож, которые пожелают». Что, если соберется их очень много? Что, если они не сохранят молчания? Не трудно ли будет избирателям?

Не надежнее ли было бы постановить, чтобы это было в присутствии вельмож, приглашаемых синодом, и определить число их?

Но, вероятно, уже неудобно возобновлять разбирательство о таких подробностях.

II

Стат. 2. Избирательные отзывы отовсюду «в течение шестидесяти одного дня».

В записке 11 декабря, 1858 г., под числом 7 сказано было, что сие неудобно, по пространству области, и что 25 правило IV вселенского собора дает три месяца.

Против сего константинопольская записка 21 февраля, 1859 г. возражает, что *схолиаст позволяет* продлить срок выбора на три месяца *и не более*. На сие ответствуется: кто же думал понимать правило иначе, нежели в смысле *позволения*? Кто может предложить ему несообразность, чтобы избрание непременно продолжалось три месяца, хотя бы могло совершиться в три дня? В записке 11 декабря сказано:

двухмесячный срок не согласен с правилами, в том смысле, что правила дают больше удобства и простора.

Что касается до слова схолиаста – *не более*, надобно слушаться не схолиаста, а самого правила, которое говорит, что по нужде можно и далее трех месяцев продлить время выбора. И едва ли и существует сия нужда для Константинополя, если хотят получить голоса и самых отдаленных епископов малых городов и местечек, до которых не скоро дойдут ускоренные пути сообщения и верные почты.

Если же есть уверенность, что двухмесячный срок достаточен для получения голосов из всех епархий, то со стороны записки 11 декабря спора нет, и не стоило труда писать возражение, и тревожить схолиаста.

III

Стат. 7. За сию статью должно благодарить Бога. Это не то, что видно было в прежних сведениях, а то, о чем подавала мысль записка 11 декабря, в статье VIII.

Чрез окончательное избрание патриарха из трех кандидатов членами синода и митрополитами, при чем светские только присутствуют, как свидетели, все дело избрания входит в порядок церковных правил.

При сем надобно сказать правду: записка 21 февраля, которая рассуждая о избрании патриарха, и указав на четвертое правило первого вселенского собора, замечает, что оно «собственно относится к рукоположению епископов, а не к их избранию». Потом она приводит самый текст правила, в котором сказано: «по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамот». Спрашивается: можно ли отсутствующим посредством грамот *рукополагать*? Следственно говорится о *избрании* посредством грамот. Далее говорит правило: «и тогда совершают рукоположение». Из сего также следует, что в предыдущей части правила говорено о избрании, а не о рукоположении.

IV

Гл. II, стат. 2. «Аттестат». Лучше бы, чтобы кандидат архиерейства без аттестата был известен.

Просить аттестата для кандидатства на епископство – значит представить себя искателем. На церковное избрание должно предпочитать не ищущих, а иногда даже уклоняющихся.

V

Стат. 4. «Он (кандидат епископства) должен быть известен великой церкви исправлением должностей по делам церковным при ней».

В сих словах трудно узнать голос церковно-народного собрания. Это более походит на голос геронтов, которых неблагоприятное влияние на избрание архиереев обличает речь доктора С. Карафеодори.

Значение наименования *великой церкви* неопределенно; потому что оно не происходит от правил церковных, а возникло из обычая. Сколько известно по употреблению, наименованием великой церкви означает вселенский патриарх с синодом.

Итак, если, по силе 4 статьи, каждый кандидат архиерейства должен быть известен вселенскому патриарху и синоду исправлением должностей по церковным делам при них, то послужит ли сие к исправлению обличаемого доктором Карафеодори беспорядка, что члены синода раздавали кафедры своим любимцам? Не слишком ли тесен будет круг избираемых? Или, вместо смиренных служителей церкви, которые употребляют свои способности и познания, дабы устроят свое и ближних спасение, не соберется ли около великой церкви стадо честолюбивых искателей епископства? А люди, не вблизи великой церкви, с просвещением, ревностью и добродетелию проходящие церковные или церковно-училищные служения, должны ли быть потеряны для высшей иерархии потому, что не исправляли должностей по церковным делам при великой церкви? Не поведет ли 4 статья к тому, что епископы, как доньше, будут избираемы только из греков, что могло бы препятствовать весьма нужному, точному исполнению 5 статьи, чтобы епископ знал язык паствы?

Правда, статьею 7 освобождается от пятилетнего служения в патриархии или у кого-либо из архиереев лицо известное церкви своими высокими добродетелями, способностями, всеобщим уважением и опытностию в делах церковных. Но это

возвышенное изображение может быть понято в таком строгом смысле, что ему соответствовать будут очень редкие подлинники; и потому сие малое исключение из 4 статьи не разрешает достаточно предложенных пред сим вопросов.

VI.

Статья 9 полезным образом распространяет круг избираемых, допуская кандидата, избираемого духовенством и светскими лицами вакантной епархии. Но полезное действие сей статьи не будет ли ослабляемо включенным в ней ограничением «по одобрению святейшего синода», если действие духа геронтии в нем продолжится?

Не как решительное мнение, а как вопрос, предлагается: не было ли бы соответственное цели определить, что епархиальный кандидат приемлется в число трех кандидатов к окончательному выбору, если святейший синод не усмотрит важной неправильности в епархиальном выборе?

VII

В статье 12 сказано: «если проступки, в коих он (епископ) обвиняется, суть чисто духовные, суд производится одним святейшим синодом: если же дело касается лихоимства и обмана, три светских члена постоянного совета присутствуют в суде».

Не проложит ли сие дороги светским членам в состав синода? Сие опасение могло бы устранено быть следующим образом: если дело касается лихоимства и обмана, то судное присутствие составляется из трех членов святейшего синода и трех светских членов постоянного совета. Судное присутствие рассмотрит вопрос о виновности, и о признанном виновным представляет святейшему синоду для определения наказания по церковным правилам, и для разрешения вопроса: может ли осужденный оставаться при управлении епархией?

VIII

В 13 статье, о списке кандидатов, есть неясность.

«Кандидаты, признанные отныне достойными».

Те ли, которые приняты к первоначальному выбору, или вошедшие в число трех к окончательному выбору.

И для чего, на «признанных достойными» налагается «необходимость экзамена»?

IX

Главы III, в статье 2 сказано, что «каждый член будет заседать в синоде не более двух лет».

По сему правилу синод никогда не будет иметь членов опытных в высшем церковном управлении.

Будет ли он пользоваться полным уважением подчиненного духовенства и народа, состоя из новопришедших, имеющих вскоре удалиться?

Удобно ли будет мимоходным членам свободно и твердо судить тех, которые завтра сядут на их место, и будут их судить?

В записке 11 декабря предложена была мысль, чтобы 6 членов синода было постоянных и 6 переменных.

Против сего записка 21 февраля возражает, что если возбужденный вопрос не будет решен в два года, это будет нерадение членов. Пусть так. Но не о том дело. Неопытные члены могут много вопросов разрешить в два года; но вероятно ли, что неопытные разрешат их так же хорошо, как разрешили бы опытные?

Записка 21 февраля возражает еще, что членам оставаться долго в Константинополе неудобно по дороговизне.

Точно ли наилучший состав синода будет тот, в основании которого положена идея дороговизны? Не нужнее ли другие высшие соображения?

Еще возражение: епархии были бы долго без пастырей. Без сомнения, это требует внимания.

Предложим способ устранить сие неудобство, и доставить синоду хотя немногих опытных членов в опору неопытным.

Пусть избраны будут четыре епархии, ближайшие к Константинополю; пусть с особенным вниманием избираются в них архиереи, преимущественно благонадежные для участия в высшем церковном управлении; пусть погодно двое из них будут в синоде и двое в епархии. Епархии будут терпеть только однолетнее, а не двухлетнее отсутствие архиерея, каждый из сих архиереев в десять лет получит пятилетнюю синодальную

опытность, и так далее. Не выгодно ли это и для епархии, и для синода?

X

Стат. 3. Непонятно, почему с перемещением связывается приглашение в столицу.

Стат. 5. «По два архиерея из каждого класса первого и последнего».

Что значит первого и последнего? Положим, что на первое двухлетие назначать первого и последнего в списке каждого из трех классов, и сии шесть будут в синоде. Как на второе двухлетие назначить в синод первого и последнего, которые уже были в синоде в первое двухлетие? Разве второго и предпоследнего, так далее? То и показывает прибавление о 14 периодах.

XII

Стат. 9. Непонятно, для чего полагается избрать на время геронтов, которых хотят уничтожить?

XIII

Гл. IV, стат. 5. Патриарх должен уважать всех членов синода, «ни с кем не имея частных сношений».

Какое сильное выражение недоверия к лицу, которого сану принадлежит высшая степень доверия от всех православных христиан в делах веры и совести!

Можно ли в точности исполнить сие запрещение?

Какое несчастное положение святейшего патриарха, если он не имеет права лично и тайно посоветоваться с одним человеком, или двумя, а имея нужду в совете, должен советоваться с двенадцатью вдруг.

Патриарх имеет, например, нужду некоторый вопрос сообразить с правилами церковными и с примерами действия святых отцов, но не имеет удобства заняться сим делом, требующим иногда значительного труда; он знает между членами синода особенно сведущего, который вскоре мог бы доставить ему потребные указания. Патриарх желал бы войти с ним о сем в особенное сношение: нельзя, запрещено.

Член синода встретил трудный вопрос в епархиальном управлении; он желает частным сношением испросить

наставление патриарха. Патриарх обязан не допустить его, «для избежания всякого повода к недоверию». Полезно ли не допускать нужных и удобных частных сношений по мечтательному опасению?

Между тем не видно запрещения членам синода иметь между собою частные сношения. Итак, они имеют свободу сговариваться против мнения патриарха: один патриарх не имеет свободы и для благонамеренных частных сношений; один он связан.

В записке 21 февраля сказано, что отношение духовных и светских лиц к святейшему патриарху проникнуто глубочайшим почтением.

В статье, теперь рассматриваемой, видны ли отношения к патриарху, проникнутые глубочайшим почтением? Не видны ли, напротив, отношения, проникнутые крайним недоверием, подозрительностью и желанием связать патриарху руки?

Записка 21 февраля, изложив, как связан был патриарх прежде, и как часто неправильно был низлагаем, заключает: «вот что делается, и как вмешиваются светские лица в избрание патриарха». И это, конечно, не было действие глубочайшего почтения к патриарху. Но прежде связывали патриарха злоупотреблениями; теперь хотят связать его законами.

XIV

В статье 12 предполагается возможным, что архиерей будет «говорить против патриарха неприличным образом, позоря его имя, и без стыда оскорбляя его высокий сан»; и в наказание за сие полагается: «от патриарха наедине дружеское наставление».

Во-первых, жаль, что это предположено возможным; во-вторых, это очень неравный бой: со стороны архиерея опозорение патриарха без стыда, а со стороны патриарха – наедине дружеское наставление.

Патриарх должен так поступить свободно, по кроткому пастырскому духу: виновный поражен и наставлен будет добродетелью оскорбленного, паче наказания. Но если так патриарх будет поступать по законной неволе, то явится не

добродетель его, а только бессилие. Патриарх должен быть кроток, а закон должен быть справедлив.

XV

По статье 14 архиерей не может пребывать в Константинополе:

1) без предварительного позволения патриарха, и 2) без согласия синода.

Не довольно ли первого? Нужно ли второе? Почему не доверить патриарху, что он благоразумно одному дозволит, другому не дозволит? Нужно ли в сем связывать патриарха двенадцатью узами?

XVI

Статья 19 говорит о том, о чем желательно было бы никогда не слышать в православной церкви: о низведении с престола вселенского патриарха.

Это предполагается после двух «почтительных замечаний» синода, и после третьего почтительного замечания синода и постоянного совета.

Может быть, здесь неточен перевод; но по-русски *замечание* делается подчиненному, а святейшему патриарху прилично было бы сделать *почтительное представление* о том, что требуют священные каноны и церковный порядок, если в некоторых его действиях усмотрено уклонение от оных.

Если бы какое другое должностное лицо полагалось после трех замечаний, без суда, отрешить от должности: вероятно, нашлись бы люди, которые сказали бы, что это неправильно. Не паче ли осторожно поступить должно с лицом, которого падение некоторым образом оскорбительно для достоинства церкви?

Патриарха, не обратившегося к законному порядку по трем напоминаниям, согласно с правилами церковными, должно судить собору всей церкви. Признаем, что неудобно созвать 83 архиереев. поскольку 12 членов синода сделались обвинителями патриарха, то пусть призовутся, по крайней мере, еще 12 архиереев беспристрастных, и все 24 произведут суд; и, если признают патриарха виновным в такой степени, что, по священным канонам, ему невозможно оставаться на престоле,

в таком уже случае, вместе с постоянным советом, приступить к низведению.

Патриарха полагается также низводить за нарушение «политических обязанностей». Неопределенное выражение. Обдуманно ли оно, и достоверно ли признано не представляющим опасности, что, получив силу закона, оно будет удобоприменимо к случаям не важным, и произведет также частые низложения патриархов, как прежде?

XVII

Статья 27 велит архиерею иметь проповедника, который бы объезжал округ и проповедовал слово Божие безмездно.

Записываю сие, как правило, достойное подражания.

XVIII

Статья 34 говорит о жалобах, поданных болгарами в отношении служения святой литургии, требует справедливости для возвращения мира; но не говорит о предмете, о котором идет дело, – о служении на словенском языке. Для чего же не сказано, чтобы удовлетворить в сем словенские племена? Неужели здесь скрывается мысль, чтобы не дать славянам богослужения на понятном языке, а усиливаться огречить их? Неужели просвещенные составители закона не усматривают, что усилия в пользу греческого языка и национальности могут обратиться во вред душам и православной церкви, что лишение понятного богослужения неблагоприятно и благочестию, и образованию народа, и что оно усиливает для православных опасность от не православной пропаганды, которая, даже вопреки правилу своей церкви, предлагает славянам словенское богослужению?

Но для чего все сие написано? Если бы удобно и благовременно было: может быть некоторые мысли можно было бы отдать на рассуждение тем, у которых в руках дело. Но это и неудобно, и поздно. Почему же сие написано? Потому, что нельзя быть равнодушно и невнимательно, когда в церкви Божией происходят дела, которые должны возвышать ее мир и благосостояние, и которые могут породить для нее новые трудности.

31 Марта, 1859 г. ²⁷

9 апреля. Мнение митрополита Филарета по вопросу об уклонении патриархов александрийского²⁸ и антиохийского²⁹ и архиепископов кипрского и синайского от присутствования в константинопольском народном собрании

Уклонение их от сего призвания неодобрительно по следующим причинам:

1) поскольку требование правительства относится до всех православных, то они обязаны принять участие в исполнении сего требования.

2) Как решения собрания, по всей вероятности, должны простираться на всех православных, то собрание может поставить правила неудобоприменимые для отсутствующих, не имея в виду представления местных уважений, и таким образом отсутствующие сами будут виноваты в затруднениях, которым подвергнутся.

3) Если они опасаются, что собрание предложит что-нибудь, для них неблагоприятное: и в сем случае лучше придти и защищаться, и представлять справедливое и полезное, нежели позволить стрелять себя в тыл.

4) Отстранение их не удержит собрания от решений, которые могут быть им неприятны; и когда они будут жаловаться, им можно будет ответить: вы сами виноваты, что не пришли в свое время представить ваши объяснения, а теперь дело сделано.

9 Апреля, 1859 г. ³⁰

9 апреля. Примечания митрополита Филарета к сведениям преосвященного Софрония, архиепископа артского

I

Близ святейшего патриарха, среди 12 архиереев, членов синода, четыре или пять архиереев *геронтов* (старцев) с преимуществами против прочих членов синода, и они же самопоставленные *эфоры* (не из языческих ли Афин взято сие наименование?) – надзиратели каждый над несколькими епархиальными архиереями. Это есть учреждение произвольное, которого нет в правилах и в церковной организации. Таким образом самое наименование геронтов и эфоров, самое существование их говорит против них.

II

Очень печальную картину злоупотребительных действий геронтов и эфоров написал преосвященный Софроний. Впрочем, и полученное, вместе с ним, сведение о его лице, и кроме сего, не дают причины не доверять ему. Против злоупотреблений геронтов и эфоров свидетельствует, хотя скромнее, и речь доктора Карафеодори, о характере которого и ревности к православию наблюдавший отзывается с особенным уважением. Церковно-народный совет положил уже уничтожить геронтию и эфорию.

Посему, если преосвященный Софроний исключит темные краски, положенные в своей картине: входить против него в споре нет ни достаточного основания, ни удобства.

III

Что значительное число духовенства патриаршей области, едва ли не большинство, по своим качествам и действиям не пользуется уважением паств, это, к сожалению, слышится не в первый раз, и иногда с доказательствами слишком убедительными. Итак, исправление нужно. Забота должна быть о том, чтобы нарушение церковных правил не было исправляемо другим нарушением.

IV

Преосвященный Софроний спрашивает: ошиблась ли нация, стараясь воспользоваться случаем к улучшению положения церкви и нации? Ответ: не ошиблась в намерении, но очень нужно заботиться, чтобы не ошиблась в способе исполнения.

V

Он говорит, что дело идет не о преобразовании, а о прекращении произвольного действия. Если бы это так было, то надлежало бы только указать на правила, которые не исполняются, или нарушаются. Но когда составляют новые правила, то это есть более или менее преобразование, и потому нужна осторожность, чтобы не поколебать правила, как он говорит, вечные, запечатленные подвигами и кровию мучеников.

VI

Преосвященный Софроний говорит о православных государствах, которые принесли столько святых жертв для Восточной церкви. Любопытно было бы знать, какие разумеет он государства, сверх одного, то есть России, которая, защищая права сей церкви, особенно в отношении к святым местам, должна была выдержать тяжкую войну?

VII

Если геронты покушаются теперь низвести патриарха с престола, то едва ли можно сие признать благоразумным и благонамеренным. Если и предположить, что он не довольно соответствует требованиям настоящего времени: низложение его не обещает лучшего, а угрожает новыми затруднениями, и большим ослаблением иерархии пред светскою стихиею.

VIII

Преосвященный Софроний говорит, что народное собрание твердо решилось отвергнуть избрание нового патриарха по старым формам. Не спешит ли он объявлять решение народного собрания относительно обстоятельства, которое не предложено еще суждению, и не существует? При том можно бы спросить преосвященного Софрония: на каком основании утверждает он, когда не говорит, что народное собрание будет протестовать против неправильного синодального избрания

патриарха, и будет требовать правильного, и говорит решительно: *отвергнет* синодальное избрание, как бы высшая инстанция мнение низшей?

9 Апреля, 1859 г. ³¹

16 мая. Замечания митрополита Филарета «о постоянном, смешанном, церковно-народном совете»

I. Об организации сего совета судить трудно. Она необыкновенна, потому что необыкновенно положение церкви и народа.

II. По 3 статье главы о обязанностях и правах совета, к предметам занятий его относится контроль финансовой администрации столичных церквей, и наблюдение за управлением доходами монастырей, зависящих от вселенского патриарха.

Сюда может быть отнесено мнение святейшего патриарха, что это противно каноническому праву, правилам святых апостолов (именно 38 и 42), преданиям и вековым привилегиям церкви.

Но вот что странно: сего мнения не предложил патриарх против вышеозначенного положения 3-ей статьи, а предложил против назначения жалованья духовенству, и здесь его мнение поддержано большинством голосов церковно-народного собрания.

Таким суждением подана Порте справедливая причина возражать, что в России и Греции духовенство получает жалованье, и это не признается противным апостольским правилам.

Дело в том, что апостольским правилам не противно назначение духовенству жалованья от правительства, как это делается в России, а противно правилам взятие в светское распоряжение церковных имений, как это хотят сделать в Турции, чтобы из церковных имений извлечь жалованье духовенству. В России правительство дает жалованье духовенству; но власть распоряжаться церковными имениями и доходами у епископов не отнята, и следственно правила апостольские не нарушены.

Да будет позволено удивиться, что церковно-народное собрание смешало понятия, и впало в противоречие самому

себе. Финансовую администрацию церквей вне столицы оно оставляет в полном ведении духовного начальства, согласно с апостольскими правилами, а финансовую администрацию столичных церквей подчиняет своему контролю.

Говорят, что собрание сделало *уступку* духовенству, предоставив себе *только контроль и наблюдение*.

Но, во-первых, правило не просто говорит: *да управляет епископ церковное имение*, но прибавляет: *да управляет властельски*. Если последнее слово употреблено не без значения, то оно значит: *да управляет без постороннего вмешательства, без контроля*.

Во-вторых, что значит *наблюдение*? Неужели совет будет только смотреть, что делается, и ничего не будет делать? Для чего бы и домогаться такого наблюдения? А если он, найдя какие-нибудь распоряжения духовенства не согласными с своею мыслию, будет требовать инаковых распоряжений, то наблюдение неприметно сделается высшим управлением.

Апостольские правила, предоставляя епископу полновластие в управлении церковными имениями, не возбраняли, впрочем, злоупотребления в сем управлении представлять на суд собора. Посему церковно-народное собрание лучше сохранило бы ненарушимость апостольских правил, если бы предоставило себе право:

1. По сведениям и доносам о злоупотреблении или растрате церковных имений входит в рассмотрение к восстановлению законности, с согласием синода.

2. Предлагать синоду о возможных из церковных финансовых средств пособиях, необходимых для церквей заведениям учебным и богоугодным.³²

Вышеписанное написано прежде, нежели прочитана записка преосвященного артского.³³ Но записка сия не убеждает переменить мнение вышеизложенное.

Мнение преосвященного артского против жалованья духовенству основано на неверных умозаключениях.

Из того, что служащие церкви имеют небесного мздовоздаятеля не следует, что им не должно давать хлеба, или денег на покупку хлеба.

Сравнение жалованья с наемною платою несправедливо. Наемная плата есть оценка работы по договору: жалованье не оценивает труда священнослужителя; он служить не за наем, а за послушание церковному избранию; жалованье дается ему, как средство иметь хлеб и одежду.

Из того, что апостол говорит: *до нынешнего часа и алчем и жаждем*, не следует, что не должно доставлять служителям церкви пособий вещественных, или денежных, чтобы они не алкали и не жаждали.

Неправда, будто жалованье противно правилам церкви. Апостол пишет: *Господь повеле проповедующим благовестие от благовестия жити* (Кор.9:14). То есть Господь повелел служащим церкви получать на потребности временной жизни пособия вещественные или денежные от верующих порознь, или от общества верующих, или от правительства.

Несправедливо, будто назначение духовенству жалованья есть похищение права у небесного мздовоздаятеля.

Несправедливо, будто жалованье должно приводить христиан в ужас, при соображении со словами Христа Спасителя: *Аз есмь пастырь добрый*.³⁴

15–16 августа. Мнение митрополита Филарета «о предприятии низложить вселенского патриарха³⁵ и об удалении геронтов

1. Церковно-народный совет просил Порту удалить патриарха, и назначить временного местоблюстителя. Духовные члены совета были на сие согласны, только не обнаружили сего подписанием прошения.³⁶ Причиною просьбы совет в решении своем 4-го июня поставил то, что патриарх «нисколько не заботится о том, чтобы подвигать вперед дело». Из отношения 13 июня видно, что геронты (старые, признанные члены синода) предложили истребовать из епархий списки архиерейских доходов; но когда это хотели начать с них самих, то они не представили таковых списков, и остановили дело предложением новых условий.

При сем патриарх колебался и, наконец, увлечен к партии геронтов митрополитом халкидонским³⁷. Из сего видно, что геронты, вместо того, чтобы не сильного характером патриарха своим благоразумием и единодушием поддерживать и подкреплять, напротив того, своим непрямым действом затрудняют, запутывают. Кроме сего, из достоверного источника известно следующее: патриарх, которого геронты обвиняли, что он просил у правительства отставки, не посоветовавшись с синодом, в оправдание свое отвечал, что он на сие уполномочен был ими самими же, потому что они трижды просили у Порты его низложения, и не находили нужным ни советоваться о сем в синоде, ни предварить его.

Из сего видно, что патриарх и геронты не могут действовать вместе согласно.

II. Отсюда необходимо происходит вопрос: кто же должен быть удален – патриарх или геронты?

III. Патриарха не обвиняют ни в ереси, ни в пороках, нетерпимых в его сане, а обвиняют только в недейтельности, и при том такой, которой он подвергается, будучи затрудняем и запутываем другими. Какое найдут на сей случай церковное правило, или какой закон, по которому можно было бы

низложить патриарх? И не было ли бы это продолжением прежних беспорядков, когда в течение 34 лет низложено было 11 патриархов?

IV. Скажут: патриарх сам просил увольнения. Но, очевидно, это потому только, что уже поступило прошение совета о его низложении.

V. Низложение патриарха в настоящее время было бы особенно вредно: прежние правила избрания патриарха советом отвергнуты, и уже писано из Константинополя, что совет отвергнет избрание нового патриарха по старым правилам; но как новые правила еще не утверждены, то следует, что правильное избрание патриарха в настоящее время невозможно. Местоблюститель на патриаршем месте всегда слаб и неудовлетворителен, кольми паче ныне, когда против иерархии стоит сильный церковно-народный совет.

VI. Не так же ли несправедливо удалить геронтов? Нет. Самое это звание не основано на правилах церковных, а введено случайно. Совет уже признал действие геронтов вредным, и положил уничтожить их. Когда они предложили истребовать списки архиерейских доходов, и потом сами отказались дать их: не крайний ли это беспорядок? И от чего это произошло, если не от опасения, чтобы закон не уменьшил у них выгод и произвольных притязаний?

Удаление таких людей из синода, конечно, более справедливо, нежели низложение патриарха за недостаток деятельности.

VII. Но и удаление их не будет ли вредно? Некто³⁸ уже поспешил изобразить сей вред в сильных выражениях: «итак прежнего синода нет, а новый еще не составлен, и неизвестно, когда будет; все управление церковью, значит, останется на попечении случайно составившегося народного собрания, разумеется, под председательством патриарха». Признаем, что это положение дел неблагоприятное; но не должно преувеличивать. Управление церковное должно состоять из патриарха и 12 членов синода; по удалении геронтов, оно состоит из патриарха и шести или, по крайней мере, четырех наличных членов синода. Можно ли в сем случае сказать, что

синода прежнего вовсе нет? Можно ли заключить, что управление церковью остается на попечение совета? Синод сделался меньше числом членов; но он существует. И если вспомнить, что удалены пять или шесть геронтов, которые не помогали патриарху, а затрудняли его, и если, по милости Божией, окажется, что оставшиеся члены будут ему усердно содействовать, то слишком ли большая потеря – удаление геронтов?

VIII. Усомнимся о важности потери; но не станем отрицать потери. Геронты, старшие и постоянные члены синода, вероятно, преимуществуют пред другими знанием церковных дел и опытностью. Это утрачено для синода с их удалением.

IX. Изъявленное патриархом сожаление, что не посоветовались с ним о удалении геронтов, искренно ли, или нет, но оно справедливо. Нельзя ли теперь употребить оное в пользу? Нельзя ли сказать Порте, что, подлинно, нужно было бы в согласии с патриархом сообразиться, как полезнее поступить при удалении геронтов? По удалении их синод сделался малочисленнее, а это не благоприятствует успешному ходу дел. Геронты затрудняли патриарха, но не все равно. По удалении двух или трех, более вредных, прочие могли быть не вредны, и можно было бы воспользоваться их опытностью в делах церковных. Посему, кажется, можно было бы с успехом предложить Порте следующее:

Или, вместо удаленных геронтов, для лучшего успеха в делах, предоставить патриарху с остальным синодом дополнить все недостающее число членов оного достойными архиереями других епархий.

Или, по совещании с патриархом, некоторых геронтов, которые могут быть не вредны, а полезны, возвратить в синод, и за тем недостающее число членов синода дополнить новыми.

15 Августа, 1859 года.

Дополнение

I. При сем невольно вспоминается то, что писано в записке 11 декабря, 1858 года, в статье III.³⁹ Если бы святейший патриарх и синод благовременно приняли в рассуждение важность и опасность времени, отказались от преследования личных видов и выгод, не считали тяжким самопожертвования для охранения блага церкви, и все и каждый всемерно старались сохранять согласие и единодушие: то, конечно, не допустили бы вреда, который теперь сделали друг другу, самим себе и церкви.

Нельзя ли напомнить им о сем хотя теперь, хотя уже не довольно рано?

II. Газета, которая дала себе гордое название *L'univers, Вселенная*, опубликовала письмо Фуада-паши о удалении геронтов из Константинополя; назвала сию меру остракизмом, и объявила, что геронты «громко жалуются», и «готовятся издать протест». А из Константинополя пишут, что они «спокойно оставили столицу». Как согласить это? Кажется, надобно согласить тем, что из Константинополя пишут не без пристрастия, а римско-католическая газета обрадовалась, встретя случай бросить камень в Восточную церковь. Греческое слово *остракизм* нейдет ни к туркам, ни к церкви; оно употреблено потому только, что найдено способным выразить ругательство. Сказанное в газете, что «миряне остаются полными господами», есть такое же преувеличение, о каком сделано замечание выше, в статье VII.

III. По написании предыдущей статьи, с удивлением узнаю, что особа, свидетельствующая о спокойном оставлении геронтами столицы, свидетельствует также о действительном существовании их протеста. В сем случае один и тот же человек разноречит сам с собою, что, конечно, труднее понять, нежели разноречие разных лиц. И если протест существует, то скорее всего надлежало бы стараться достать и доставить о нем обстоятельное сведение, чтобы как можно скорее искать средства погасить начинающийся пожар. Сие, кажется, не

трудно было бы сделать человеку, который, по признакам, находится в доверенных отношениях с геронтами.

IV. Патриарха обвиняют за возбранение богослужения в болгарской, в Константинополе, церкви. Это справедливо. Но что притом положение его называют «комическим», это грешно. Православному сыну церкви не должно позволять себе насмешки над патриархом, хотя бы его поступок был и ошибочен. Болгары не виноваты в том, что их духовенство нарушило пределы епархий и приходов; и потому несправедливо патриарх, или его синкел, лишил болгар церковного богослужения, запретив оное в их церкви. Но как духовенство болгарское подвергается обвинению в нарушении пределов епархии и приходов, то прещение патриарха открылось не без причины: только он чрезмерно усилил оное, не ограничив оного виновными лицами, а простерши на храм и приход, и не имел осторожности принять в рассуждение, что в болгарях уже существует раздражение, и что в сем случае употреблять строгость—значит лить на огонь масло. Такое положение ревнитель блага церкви должен был найти не «комическим», а глубоко печальным, и немедленно позаботиться о том, нельзя ли представить благорассудительное, миротворящее слово, если не непосредственно патриарху, то хотя его синкелу, или которому-либо лицу из российского посольства могущему употребить мирное слово для миротворного дела.

16 Августа, 1859 г. ⁴⁰

21–24 августа. Мнение митрополита Филарета о протесте геронтов

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, от 19 августа, 1859 года, препровождая митрополиту Филарету, в копиях, письмо архимандрита Петра, с приложением, и донесение князя Лобанова, содержащее некоторые замечания о протесте геронтов, писал: «весьма сожалею, что в замечаниях сих он ограничился одним *юридическим* исследованием вопроса о законности или незаконности удаления синодальных членов из Константинополя. Полагаю, что гораздо важнее для нас решить другой вопрос, а именно о том, какое подобное внезапное потрясение греческой церкви может иметь последствие для ней самой, и какое впечатление известия о сем могут произвести у нас на православных и на раскольников. Что касается до патриарха, то сам князь Лобанов неоднократно указывал на его слабодушие и уклончивость, и посему мнения такого лица не могут почитаться безошибочными, а главное в настоящую пору опасно оставлять его без опоры и без совета людей опытных и искусных и вверять ему диктаторскую власть, которою несомненно будут пользоваться, и уже пользуются, для прикрытия своих действий, как светские лица, так и магометанское правительство».

В заключении письма граф А. П. Толстой просил митрополита препровожденные при этом письме бумаги, и равно и прежнее письмо о. Петра, посланное в подлиннике, и отношение князя Лобанова возвратить ему, по миновании в них надобности.

О протесте геронтов

I. Чтение протеста геронтов против удаления их из синода располагает к вопросу: не есть ли самый сей протест достаточное доказательство того, что они заслужили удаление? И рассмотрение протеста не ведет к тому, чтобы отвечать на сей вопрос отрицательно.

II. Протест опубликован чрез напечатание. Конечно, не патриарх это сделал, а геронты. Таким образом, они начинают открытую междоусобную войну в церкви: и в то же время внешним врагам православной церкви подают оружие против нее. Протестующих пятеро. Следственно с патриархом остается шесть членов синода не удаленных,⁴¹ и один (дерконский) удаляемый, но не протестующий. Итак, протестующие могли представить скромное изложение своих неудовольствий патриарху, и сообщить оное оставшимся членам синода секретно и ожидать, не будет ли найдено их представление основательным, и не произведет ли принятие мер к восстановлению нарушенного порядка, или же может быть, доказана будет неправильность представления их, и им надобно будет отказаться от него, с возможною скромностию и предосторожностию против неблагоприятной гласности. Так поступили бы люди, которым дорог мир церкви, и которые для сохранения сего мира готовы пожертвовать своими личными видами.

III. Геронты изъявляют удивление, что их удаляют «по словесному приказанию» Фуада-паши. Действительно, это было бы не в порядке. Но как они, вслед за сим, пишут, что уже им «формально объявлено высокое приказание», то уже не нужно было жаловаться на предварительное словесное объявление.

IV. Геронты представляют себя «образцом послушания». Истинно послушный может, когда нужно, сказать в свое оправдание, что он всегда сохранял послушание. Но тому, кто сам себя выставляет «образцом», можно сказать с апостолом *не хваляй себе сей искусень*.

V. Геронты пишут, что синод есть «начальство, определенное в древности». Древность его, в настоящем его виде, восходит не выше падения восточной империи.

VI. Далее пишут: «утвержденное различными султанскими постановлениями». Это говорят геронты против себя. Если они не указали никакого соборного постановления в основание нынешнему составу синода, и указали только султанские постановления, то не много силы в их протесте против того, что они, по султанскому же повелению, удалятся от синода.

VII. Они полагают в синоде 8 пожизненных архиереев, но не утверждают сего ни на каком церковном постановлении. По древним церковным правилам соборы собирались временно, и не было постоянных соборов и пожизненных членов. Под владычеством султанов нужда образовала при патриархе постоянный синод; естественно, что архиереи ближайших к Константинополю епархий постояннее других присутствовали в синоде; сии более других, постоянные члены синода изобрели себе наименование геронтов (старцев), как преимущество пред прочими членами синода, усилясь таким образом, они взяли под свое покровительство разные епархии не синодальных архиереев, и для сего изобрели еще наименование эфоров (надзирателей). Вот мнимое пожизненное право. Древние православные соборы ни геронтов, ни эфоров не имели.

VIII. Правда, что для пользы дел церковных, нужно, чтобы, по крайней мере, некоторые члены синода присутствовали в нем бессменно, доставляя ему преимущественно пред другими членами пособие своею опытностью, твердостью, приобретенною доверенностью народа. Но при всем том, в случае удаления из синода одного члена, нет канонического основания протестовать против сего, как будто против нарушения церковных правил, и составлять против патриарха и синода оппозицию из пяти членов. Если удаляемый член признает себя удаляемым без вины: он может просить патриарха и синод исследовать его поведение и признать его невинным; и это надлежит сделать каждому о себе, а соединяться пятерым в одну просьбу незаконно. Такая просьба каждого члена могла и должна была вести к тому, чтобы, в

случае открытия невинности просителя, патриарх и синод могли представить о сем султану и просить не удалить от синода оправдавшегося. Таков должен быть порядок законный, скромный, охранительный для достоинства правительства церковного и для мира церкви.

IX. Геронты пишут, что внезапное «отправление всех членов синода» служит «очевидным разрушением и уничтожением его». Неправда. Удалено 6⁴² членов, а 6 осталось. Синод не разрушен и не уничтожен, и только уменьшилось число членов его.

X. Далее: «решение о уничтожении синода». Благоволите взвесить ваши слова, преосвященнейшие владыки, Паисий ефесский, Панарет ираклийский, Иоаким кизический, Дионисий никомидийский, Герасим халкидонский, и особенно вы, преосвященный кизический, так как вы писали протест! Точно ли патриарх и шесть членов⁴³ синода равны нулю, когда вы говорите, что, с удалением вас, «уничтожился синод»?

XI. Протестующие недоумевают, как может быть признано их присутствие «не необходимым» и оставление синода (или справедливее сказать – дополнение) из других архиереев возможным. Святейший патриарх разрешает их недоумение, когда говорит, что «по обычаю, издавна принятому, епископ, временно пребывающий в Константинополе, входит (или может входить) в состав синода».

XII. Протестующие видят «уничтожение синода следствием интриг и своекорыстных целей». Опять уничтожение синода; и опять не видят, что это несправедливое преувеличение. А иные говорят, что удаление геронтов последовало за не прямое действие и своекорыстные виды самих геронтов. Итак, нужны доказательства, на которой стороне правда. Против геронтов дает не очень благоприятное свидетельство форма и подробности их протеста.

XIII. Геронты протестуют против равнодушия патриарха касательно прав церкви. Обвинение важное, но оно еще не доказано. Если бы они поступили, как выше показано в VIII статье, и патриарх ничего не сделал бы к открытию истины, и к ограждению прав членов синода, в случае их невинности, тогда

только было бы доказано равнодушие патриарха касательно прав церкви. Следственно протест, по крайней мере, преждевременен.

XIV. Они требуют защиты. Надобно было, как уже сказано, требовать защиты просьбою, и не спешить с объявлением войны.

XV. Протест обращается, далее, против всякого «нововведения», учиненного, «может быть», членами церковно-народного совета «случайно, против правил 7-ми вселенских соборов и против прав и привилегий церкви». Но

во-первых, это есть особый предмет, не принадлежащий к настоящему делу,

во-вторых, протест против нововведений, которые, «может быть», сделаются, есть преждевременный. Может быть, они и не сделаются, и в таком случае протест есть излишний, и напрасно оскорбляющий действующих, против которых он направлен.

XVI. При сем протестующие называют себя «представителями архиереев». Но в самом деле они суть представителями самих себя, а того не видно, чтобы их кто-нибудь избрал и определил в представители других архиереев.

XVII. Что же делать? Господь да умудрит святейшего патриарха и все священноначалие великой церкви!

По вышеизложенным соображениям, кажется, следовало бы:

1) Протест признать неправильным.

2) Каждому протестующему (а не всем вместе, как не составляющим никакого законного целого) изъяснить неправильность протеста, и могущий от него произойти вред, вместо пользы, и пригласить его отказаться от протеста, а представить личную просьбу о дознании его невинности и о восстановлении прав его.

3) Если дело обратится в сей вид, то святейший патриарх, по рассмотрении, о тех из протестовавших, которые окажутся не изобретателями неправильного протеста, а только увлеченными, и подадут надежду справедливого содействия

святейшему патриарху, может представить порте, чтобы они продолжали оставаться членами синода.

4) Российское посольство может изъяснить Порте, что такое обращение от распри к миру столько же будет полезно, сколько вредно было бы продолжение распри.

5) Надобно спешить угасить начинающийся пожар, пока он не усилился.

6) поскольку протест опубликован в одностороннем виде, и тем может многих ввести в неправильное мнение и увеличить волнение и соблазн, то полезно было бы напечатать правильное изложение сего дела, с скромным и неукоризненным обличением несправедливых показаний протеста. Сему может помочь история последних веков константинопольского патриархата, которая должна быть хорошо известна на месте, и недовольно известна в других местах.

21 Августа, 1859 г.

Дополнение о протесте геронтов

I. По написании вышеписанного, новые сведения показали, что пожар усиливается. Афинская газета *Солнце* (№ 223, 1 августа) говорит языком геронтов. Когда геронты, которые, без сомнения, стараются распространить свои мнения, узнают, что их языком говорят и в Афинах и во Франции,⁴⁴ то, конечно, подумают, что протест их входит в силу, и тем труднее будет согласить их отказаться от протеста, и внушить им опасность распри и потребность мира. И потому, если ранее не сделано ничего, подобного предложенному в XVII статье предыдущей записки: теперь уже менее удобно употребить предложенную меру. Однако и теперь, и не безнадежно, и нужно постараться внушить протестующим, каждому порознь, что в протесте его неправильное, что такая открытая распря угрожает великим вредом для церкви, что им лучше просто просить, чтобы патриарх с оставшимся, или и дополненным, синодом рассмотрели неправильность их удаления, и приняли меры к восстановлению их, в качестве членов синода. И патриарх с синодом должны употребить о сем старание, во-первых, в пользу того, который не подписал протеста, а также для некоторых протестовавших, чтобы таким образом разрушить оппозицию.

II. Надобно также сказать спокойное, но твердое слово против вопля афинского *Солнца*, которое в 1 день августа светило не от солнца правды заимствованным светом, а прилетевшую из Константинополя искру или головню раздувало, чтобы распространить пожарное зарево на всю церковь.

III. Неизвестный, поставивший себя в афинском «Солнце», гласом великим восклицает: «великая церковь подсечена, церковь нового Рима подрыта». Не усиливайте и не возвышайте чрезмерно голоса вашего; не пал бы от него и языческий Иерихон; колыми паче не падет от него Вселенская церковь. Ваше слово не будет сильнее слова Господня, что *врата адова не одолеют церкви Вселенской*. Может пострадать частная

церковь частно, что не раз можно встретить в церковной истории; но, несмотря на потрясение и разрушение некоторых домов и улиц, новый Иерусалим стоит, создается и готовится к нетленному воссозданию в Иерусалим небесный.

Как не видит афинское «Солнце», что константинопольский патриарх и все епископы его области управляют беспрепятственно вверенными им епархиями? Только 6 епископов выехали из Константинополя в свои епархии для управления ими. Значит ли это, что церковь нового Рима подсечена и подрита?

IV. «Солнце» говорит далее: «Восточная церковь, считающая своими чадами (между прочим) 70 миллионов русских, лишилась своего вселенского синода».

Не ясно же видит и освещает предметы афинское «Солнце». Россия имела своего патриарха, равного прочим, независимого от патриарха константинопольского; потом, вместо патриарха, она имеет Святейший Синод, который восточные патриархи признали своим «братом», и признали за ним все права патриарха. Итак, несправедливо провозвестник афинского Солнца провозглашает, будто, «в числе прочих народов, 70 миллионов русских лишились своего вселенского синода», «лишились защиты и покровительства своего синода». 70 миллионов русских имеют свой Синод, не подчиненный, а равный константинопольскому синоду. Синод константинопольский есть синод константинопольского патриарха. Вселенская власть, как над константинопольским, так и над Всероссийским Синодом, принадлежит вселенскому собору. Константинопольский патриарх имеет издревле титул вселенского, но только почетный; ибо он не присвоит себе власти, какую присвоит себе папа римский. Синод константинопольский не называется вселенским, даже в смысле почетного титула. Удивительно, что афинский провозвестник, тогда как думает поставить константинопольский синод над русскими, не говорит об афинянах. Афинский синод не имеет равных прав с Всероссийским, а в некотором отношении зависит от константинопольского патриарха, чего признаком

служит то, что афинская иерархия не имеет права совершить освящение мира, а должна просить оного от константинопольского патриарха. И потому, если падение константинопольского синода влечет за собою падение какого другого синода, то, конечно, греческого, а не русского. Не без основания можно полагать, что в «Солнце» говорит какой-нибудь поверенный геронтов. Просвещенный афинянин вникнул бы в дело, и изъяснился бы вернее и точнее.

V. В «Солнце» сказано: «синод великой церкви рассеян». Чтобы не повторять сказанного, исправление сего неверного показания просим прочесть в VII, IX и X статьях предыдущей записки.

VI. В «Солнце» сказано, далее: «султан Магомет II дал эти права». В ответ на сие просим прочесть VI статью предыдущей записки.

VII. В «Солнце» сказано, что патриарх Самуил⁴⁵ «канонически определил отношение государства к церкви». Но как определил?

Принято ли сие определение турецким государством, которому патриарх предписывать не может? Если и принято, и теперь нарушено: жалуйтесь на министров турецких, а не поднимайте воплей преувеличенных, оскорбительных для достоинства православной церкви. Провидение Божие найдет средства не допустить, чтобы неправильное действие турецкого министерства против 6 архиереев произвело тяжкие последствия для православной церкви. Имейте несколько терпения. Подождите. Может быть, окажется, что вы напрасно надываете грудь вашими воплями.

VIII. В «Солнце» сказано, далее: «султан Махмуд перевешал членов синода и патриарха нового Рима.⁴⁶ Но тогда перевешаны были только лица; а в наше время подавляется священный совет патриарха, известный под именем святого синода». При солнце ли беспристрастного рассуждения смотрел на предметы написавший сие? Не при огне ли гнева, сквозь дым смущенных, пристрастных мыслей? Что патриарх и члены синода умерщвлены смертию преступников, это ему кажется не очень тяжким; «это только одни лица». Но что же тяжелее сего

сделали ныне? Патриарх и 6 членов синода пребывают на своих местах в синоде; 6 членов синода спокойно пошли в свои епархии, чтобы управлять ими; вот что неизвестному ревнителю кажется тяжелее Махмудова избиения патриарха и членов синода. Он говорит: подавляется совет патриарха». Но не подавляется шесть членов при нем, и не трудно присовокупить к ним других шесть, и, если нужно будет, и более. Что же значит это его сравнение с Махмудовым истреблением патриарха и синода.

IX. Великий князь, без сомнения, догматичеки понимал слова Христовы, когда сказал, что врата адовы не одолеют православной церкви. Но понимает ли их тот, кто говорит, будто церковь уже одолена потому, что 6 архиереев выехали из Константинополя в свои епархии?

24 Августа, 1859 г.⁴⁷

4 сентября. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, с мнением по поводу предприятия низложить вселенского патриарха, и об удалении геронтов из константинопольского синода

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, собственноручно, от 2 сентября, 1859 года, писал митрополиту Филарету: «Почтеннейшее письмо вашего высокопреосвященства и при нем записку я имел честь получить, и весьма сожалею, что о ее содержании не могу иметь утешения лично изложить вам все мысли и чувства, которые тревожат меня, а в беседе с вами могли бы придти в надлежащую меру. Мне кажется, что из всех многотрудных современных вопросов ни один не потрясает так всех наших жизненных начал, как вопрос о преобразовании в греческой церкви. Посему осмеливаюсь с полною откровенностью сообщить вам, владыко, все мои соображения о сем предмете.

Когда некоторые члены народного собрания просили об удалении патриарха, геронты на сию меру не соглашались. Их о том и не спрашивали; они могли в то время и не желать сего, потому что действовали с патриархом заодно. Изъявили же согласие на сие удаление одни архиереи народного собрания (которых тоже приглашают к составлению нового патриаршего синода), как видно из донесения князя Лобанова, за № 77, от 13 июня.

Бессменных членов в Константинопольском синоде было 8. Из них 6 высланы, а двое, митрополиты кесарийский и никейский, в то время находились и остаются в своих епархиях. Остальные же архиереи, которые временно были приглашаемы к присутствию в синоде, могут ли одни составить полный синод? И нельзя ли сказать, что если и не уничтожена возможность образовать новый синод, тем не менее существовавший внезапно и в главном своем составе уничтожен?

Прежние правила избрания патриарха отвергнуты, а новые еще не утверждены, и посему, говорят, правильное избрание патриарха в настоящее время невозможно. Но точно также решение совета, что впредь не будет бессменных синодальных членов, еще не получало утверждения; и посему не также ли неправильно и преждевременно изменить коренным образом состав синода?

Впрочем, говорю все сие не с полною уверенностью. К сожалению, должно признаться, что у нас нет достаточных сведений о законном составе константинопольского синода и о правах геронтов, и посему нельзя нам утвердительно сказать: прерывается ли удаление их законный ход дел. Однако, и при скудности наших сведений, не подлежат сомнению следующие обстоятельства:

1. Началом совершающихся преобразований должно признать гатти-гумаюн, о котором г. Бутенев выразился, что «он издан более из ненависти к России и из опасения ее политического и церковного влияния, чем из участия к христианам в Турции, и что Порты, понуждаемая привести в исполнение провозглашенные ею преобразования, разочла, что выгоднее всего начать оное с греческого духовенства», вероятно, не без умысла, под видом улучшений, ослабить оное и подорвать наше влияние.

2. Предлогом для сих переворотов служит безнравственность греческого духовенства и в особенности корыстолюбие геронтов; а главными обвинителями их, кроме магометанского правительства и представителей западных держав, являются константинопольские миряне, действующие, по свидетельству афонских старцев, из корыстолюбивых видов, и болгары, которые, побуждаемые латинскою пропагандою и ослепленные политическими страстями, пролагают путь к народной независимости, вооружаясь против греческой иерархии. Сию несбыточную надежду поддерживает и то, что им постоянно мерещится падение Порты и обладание Царьградом тою или другою народностью.

3. Теперь геронтам ставят в вину сопротивление народному собранию из своекорыстных видов. Но и в нравственных

недостатках геронты, по своей опытности, могут видеть в настоящем свете опасность от теперешних нововведений, на неправильность которых указывали вы сами, высокопреосвященнейший владыко. Пусть даже справедливы обвинения на геронтов; но когда их удаляли, патриарх публично объявил, что сие делается без его ведома и согласия; следовательно официально судили и присудили геронтов к удалению князь Лобанов и миряне народного собрания. Нечто подобное вы изволили назвать судом овец над пастырями. К сему суду присоединились Аали-паша и Фуад, которых нельзя назвать и овцами. Во всяком случае можно ли ожидать от вновь образуемого синода, чтоб он имел значение прежнего, и чтобы он так твердо охранял церковную пользу, как геронты, при которых синод, не смотря ни на какие обольщения и угрозы, доселе не сделал ни малейшей уступки Западу.

4. После такого-то распушения святейшего синода князь Лобанов объяснил патриарху, что попытка низложить его святейшество не удалась, вследствие старания русского посольства, и, вместе с тем, *посоветовал* ему, как в видах собственной пользы, так и церковной, соблюдать совершенное единомыслие с народным собранием; а патриарх засвидетельствовал князю Лобанову живейшую благодарность свою на его ходатайство о нем, уверил его, что он употребит все усилия к сохранению добрых отношений и совершенного согласия с народным собранием. Князь Лобанов пишет об этом в донесении, при сем прилагаемом, с покорнейшею просьбою возвратить ему оное по прочтении. Упомянутое в оном желание патриарха касательно митрополита салоникского князь Лобанов, как видно из других донесений, впоследствии не счел нужным удовлетворить.

Итак, патриарх, признанный всеми человеком самым неспособным, удержан на престоле, и удержан на условии во всем соглашаться с народным собранием, в коем преобладают миряне.

Вот в каком положении находится греческая церковь.

Еще раз прошу у вашего высокопреосвященства извинения в том частом повторении одного и того же. Это происходит от

убеждения моего, что все части Вселенской церкви составляют одно целое и живут одною общею жизнью, так что в делах, подобных настоящему, друг за друга отвечают и страдают все, если нанесен вред которой-либо из них. Опасности греческой церкви тревожно отзовутся в православной России; ее бедствия суть и наши бедствия, и когда так громко позорят ее святителей, то тем самым уничтожают и попирают и нашу церковь пред всем Западом. Вероятно, по настоящему перевороту в Константинополе, который есть *coup d'état* в церкви, потребуется голос афинского и нашего Синода, и это самое может положить на нас тяжкую ответственность.

Пишу вашему высокопреосвященству с некоторым беспокойством. Я опасаюсь, как бы мне не подвергнуться вашему неудовольствию, ибо чувствую, что не совершенно обладаю собою; но утешаюсь мыслию, что обращаюсь к лицу, которое никаким обстоятельствам не позволяет нарушить свой внутренний мир; и я уповаю, что вы, владыко святой, своим мудрым советом возвратите и мне мир и спокойствие».

Сиятельный граф, милостивый государь.

Прежде всего прошу не предполагать во мне неудовольствия, когда встречаю ваши мысли, несходные с моими. Неудовольствие в сем случае свойственно тому, кто почитает свои мысли непогрешительными. Бог да сохранит меня от такой самоуверенности. Откровенное изложение мыслей приемлю, как утешительный знак доверия: несходными мыслями желаю верить мои, с готовностью исправить мои ошибки, если они сделаны.

I. Признаю ошибку мою в том, что я приписал геронтам согласие с церковно-народным советом на низложение патриарха, тогда как в сведениях это относилось к духовным членам церковно-народного собрания. Это от того, что читаю поспешно; памятью скуден; повторять читанное, когда пишу, не имею времени. Но, кажется, эта частная ошибка не изменяет истинного положения дела. Из отношения 20 июня видно следующее: патриарх, которого геронты обвиняли, что он просил у правительства турецкого своей отставки, не посоветовавшись с синодом, в оправдание свое отвечал, что

«он на сие уполномочен был ими самими; потому что они три раза просили у Порты его низложения и не находили нужным, ни совещаться о сем в синоде, ни предварить его святейшество». Следственно остается справедливым то, что геронты предпринимали низложить патриарха, и при том уже трижды, и при том, в противность обычаю, не предварив его, и не предложив о том синоду.

II. Изволите писать, что когда народный совет хотел низложить патриарха, тогда геронты действовали с ним заодно. Но они запутывали его; сделали сами предложение, и сами отказались исполнить оное; а от сего и произошла его недеятельность, за которую совет хотел низложить его. Извольте взглянуть на I статью записки 15 августа, и на документ, на котором она основана. Посему не почитаю опровергнутым заключение сей статьи, что патриарх и геронты не могут действовать вместе.

III. Не восстаю против геронтов, как один корреспондент константинопольский против патриарха: желал бы я, чтобы он и они оставались спокойно на своих синодальных седалищах. Но когда они не могут быть вместе, необходимо думать о выборе между ними.

Кого же нужно сберечь? Патриарха. Кого вреднее удалить? Патриарха. Кого можно удалить с меньшим вредом? Геронтов. Мне кажется, это доказано в записках 15, 16, 21 и 24 августа.⁴⁸

IV. Спрашивается: нельзя ли сказать, что синод уничтожен в главном своем составе, потому что бессменных 6 членов удалены, и 2 находятся в своих епархиях? Нельзя сказать этого. Если остались патриарх и 4 члена: и в сем случае синод существует. Если же сказать, что константинопольский синод из пяти лиц не существует, то надобно, тем паче, сказать, что не существует и Всероссийский Синод, который, обыкновенно, имеет не более четырех архиереев. Но константинопольский синод и теперь состоит не из 5, а из 7 членов, потому что двое отсутствующие, и при том бессменные, не перестали быть членами синода, и тотчас могут быть призваны в него. Вот еще остаются в синоде и два геронта.

V. Предложим вопрос, более существенный, и поищем ответа, основанного на правде церковной: существо церковного правительства патриарх ли составляет или синод? В России – Святейший Синод, потому что он поставлен на место патриарха и облечен правами патриарха; а в Константинополе – патриарх. Святой Иоанн Златоуст и его преемники управляли константинопольскою епархией и патриархатом без синода; следственно константинопольский патриарх и без синода, по правилам соборным и отеческим, имеет полное значение, а синод константинопольский без патриарха не имеет церковного основания и значения. Напоминаю V, VI и VII статьи записки 21 августа.

Итак, с церковной точки зрения не очень большою представляется потеря некоторых членов синода, особенно, если бы принята была мысль, чтобы остались удаленными не шесть, а только некоторые из сих, более затруднявшие ход дел. И нельзя сего признать коренным изменением синода. И удаление нескольких геронтов отнюдь не прерывает законного хода дел патриарха и синода.

VI. Началом дела о устройстве греческого духовенства, очевидно, гатти-гумаюн. Положим, что в сем есть недоброе намерение турецкого правительства и западных держав. Но что же делать? Гатти-гумаюна уничтожить нельзя. Начатого дела уничтожить нельзя. Церковно-народный совет разрушить нельзя. Шесть геронтов не могут победить церковно-народного собрания, которое их терпеть не может. Что же делать? При неблагоприятных, но устранимых обстоятельствах, надобно осторожно, не слишком упрямо, но без вредных уступок, вести дело, сколь можно, к лучшему концу, а не доводить оное до безысходного положения влиянием людей, которые даже что сами предлагают, то сами же останавливают, ограждая не духовную пользу, а внешние выгоды. Иначе турецкое правительство скажет: вы не умеете делать дело; так сделаем мы; и сделают что-нибудь, по наставлению западных, конечно гораздо худшее для православной церкви, нежели церковно-народный, несомненный в православии, совет, с благорассудительным и кротким синодом.

VII. Жалоба на безнравственность греческого духовенства и на корыстолюбие геронтов, к сожалению, не только предлог, но и справедливая причина требования перемен в устройстве управления. Вы указываете на свидетельство афонских старцев, что константинопольские миряне действуют из корыстных видов; но те же афонские старцы пишут и следующее: «постоянные члены святейшего синода были и есть сами причиною многих злоупотреблений». Они (афонские) одобряют перемену в избрании патриарха (хотя неверно им переданную) «как средство, устраняющее подкупы». Сии горькие свидетельства о высшем греческом духовенстве написаны не политическими страстями, не латинскою пропагандою, а смиренными подвижниками, которые только по крайней необходимости решаются произвести строгий суд на ближнего.

Примечательно, что афонские представляют возможным и такой случай, при котором они говорят о геронтах: к чему старцам дорожить прежними правами и преимуществами? Видно, афонские старцы права и преимущества геронтов не почитают так непоколебимыми, как думают о себе геронты.

VIII. Не нужны ли геронты потому, что, и при своих нравственных недостатках, по опытности своей лучше других видят предметы и противостоят нововведениям? На сие нельзя не сказать следующее:

1) Нравственные недостатки портят и обращают во вред и способность и опытность.

2) После того, как геронты три раза предпринимали низложить патриарха, и ввели его в запутанность и в бездействие, можно ли надеяться, что они будут действовать беспристрастно и согласно, особенно, когда войдут в синод в полном прежнем числе, с прежним своим комплотом, обнаружившимся в протесте, и при том с победою над бывшим низложением своим.

3) Какие синод с геронтами встречал обольщения и угрозы Запада, и в чем не сделал ему уступки: в сем отношении подвиги геронтов мне неизвестны.

4) Синода «вновь образуемого» не вижу. Синод остается прежний с переменою только некоторых (желательно, чтобы не многих) членов. Это может сделаться без ослабления его, и даже может способствовать тому, чтобы члены его действовали с большею осторожностью, в согласии с патриархом.

IX. «Распущения синода» не признаю; и думаю, что не распущение его доказано в предшествовавших записках, и выше под числом IV.

X. Удаление геронтов из синода, очевидно, сделано не в законном порядке. Но что же делать? Можно ли приказать турецкому правительству решительно уничтожить то, что им сделано? И разве лучше восстановить всех геронтов, и низвергнуть патриарха? По моему мнению, лучший, какой возможен, исход дела был бы тот, чтобы патриарх, с помощью нашего посольства, представил Порте об оставлении в составе синода некоторых из удаленных членов, избрав для сего тех, от которых можно ожидать менее затруднения и более пользы. Порядок был бы довольно восстановлен, и протест потерял бы силу.

XI. Побуждение патриарха к согласию с народным собранием не беда. Согласие может быть сохранено без нарушения истинной пользы церкви.

XII. Нельзя сказать, что патриарх «был признан всеми самым неспособным человеком». Национальный совет обвинил его только в том, что он недейтелен, и останавливает деятельность совета. А сему причиной геронты. Решимость патриарха просить отставки показывает расположение искать не яже своя-си, но яже Божия. А ответ его геронтам (зри выше 1) не показывает человека неспособного.

XIII. Справедливо, что Вселенская церковь во всех частях своих живет одною жизнью, но не так, как смертное тело человеческое. Если отнять у тела человеческого член, оно перестает быть целым; человек становится однооким, безруким, безногим, и пр. От Вселенской церкви если отпадет город или область: Вселенская церковь всегда останется целым, нетленным телом. Десять колен отпали от церкви ветхозаветной: Вселенская церковь осталась цела в двух

коленах, иудином и вениаминовом. Какая великая христианская церковь в Африке разрушена без остатка! Но чрез сие Вселенская церковь не лишилась ни ока, ни руки.

XIV. Не думаю, чтобы в Константинополе решились обратиться с вопросом к Российскому и афинскому Синодам. Но если бы сие случилось: увидим вопрос, призовем в помощь Господа, и потщимся сказать слово правды церковной.

Излагаю, поколику что вижу. Кто видит лучше, да споспешествует лучшему. Господь да устроит полезное церкви Своей.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

4 Сентября, 1859 г.⁴⁹

**6–8 ноября. Донесение митрополита Филарета
Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию
адресованной в Синод жалобы геронтов на
удаление их из Константинополя**

При секретном указе Святейшего Синода, от 3 ноября, 1859 г., за № 2685, препровождено было на заключение митрополита Филарета адресованное Всероссийскому Синоду нижеследующее письмо геронтов константинопольского патриаршего синода, с протестом на удаление их из синода и Константинополя.

Святейший Богохранимый Правительствующий Синод!

Изливая пред вашим богомудрым правомыслием скорби православной церкви, в которой снисхождением Пастыреначальника вверены нам высшие церковные кафедры, мы имеем порукой богосветлый разум нашего во Христе совершенства в том, что с наших слов узнано будет в единой Российской церкви истинное состояние церковных дел, и ваш архипастырский голос подвигнет много и часто благодетельствовавшие восточным православным народам щедроты державнейшего императора и монарха к защите подвергшихся крайней опасности прав и преимуществ сей великой константинопольской и других православных церквей, находящихся под скипетром оттоманского царства.

Совершенно излишне при этом перечислять бедствия, какими в длинный ряд веков бичуемы были эти православные церкви: гонения, опасности, страдания, какие до последних дней терпеливо переносило духовенство за стадо Христово. Среди всех этих страданий ревность священного клира не только не угасла, но, еще более воспламеняясь, шла вперед, на встречу опасностям, за благочестие, прогоняя мысленных волков, и таким образом сохраняя до нас невредимою церковь Христову от заразы людей, злоумышлявших против нее.

Наконец, после долговременных и непрерывных искушений, православная церковь надеялась видеть для себя лучшие дни, какие обещала было благодетельная, высказанная пред лицом

всего света, воля нашего монарха, по которой дается христианам равенство пред законами, обуздывается произвол местных властей и подтверждаются издревле усвоенные православной церкви права и преимущества.

Но это благое желание императора в руках врагов церкви сделалось орудием хитрого обмана к ниспровержению древних прав и священной красоты церкви, которую словом «обеспечение приобретенных ею прав» хотят только унижить, поработить сонм церковной иерархии, низвести в разряд *илотов* и таким образом отнять у церкви то спасительное влияние, каким она до сих пор могла защищать православные народы от внешних умыслов и произвола временщиков.

*Разумеется краса нашей церковной иерархии – синод; он представлял собою трудное препятствие для желаний противников. Везде по империи свирепствовали то враждебные замыслы иностранцев, то ненасытная жадность властителей, и сколько раз эти люди, преследуя личности преосвященных архиереев, встречали для себя мужественное и сильное противодействие со стороны священного синода*⁵⁰ *великой церкви, который распутывал бредни клеветников, оправдывал невинности архиереев и ободрял православные народы.*

Потому то *лукавство* и *изоштрило* все свои стрелы против священного синода, и *отмену иерархических степеней* сочло делом весьма важным для того, чтобы в самом основании *поколебать это крепкое здание и разрушить эту высшую духовную власть, разоряя искони представляющий ее собою сонм почетных архиереев, заседающих в синоде*; жалко, хотя отнюдь не странно, что этот враждебный церкви дух нашел себе орудие в некоторых из единоплеменных с нами христиан, людях *продажных и холодных* к отечественной святыне, которые и других обольщают, и заставил их в собраниях и на *перекрестках отверзать болтливые уста на укоризну и посмеяние* священной опоры церкви и все ругательства и клеветы направлять против личностей избранных членов священного синода. Но и таким образом *зломысленный* дух не мог истребить в благомыслящих людях уважения к древним и

святым уставам церкви; и вот он недавно *перешел в своеволие, удалив из царствующего города почетных архиереев*, дабы ослабить священный синод и разрушить делом то, чего не мог он разрушить словом правды.

При таком состоянии дел мы оставляем вверенные нам седалища в священном синоде, покоряясь насилию высочайшего приказания. Но оставляя насильно то, что мы приставлены охранять и оберегать, и в то же время видя, какая опасность угрожает *Восточной* православной церкви, какое открывается врагам веры свободное поприще для их разнообразных замыслов, считаем долгом совести сообщить об этом, как сестре, православнейшей Российской церкви, которую поддерживала рука царя к утешению и опоре бедствующих на Востоке православных народов, за которых противопоставил мечам противников державную мышцу блаженной памяти, достойно названный так, великий император, отец нынешнего, славно держащего в руках своих непобедимый скипетр России. Да, мы исполняем долг совести, отверзая уста наши и изливая *скорбь православных народов в недрах нашего богомудрого сонма*, почтеннейшие и возлюбленные о Господе братия! Истину слов наших всячески обнаружить время и снимет с нас всякую ответственность за *угрожающее православной церкви расстройство и отмену иерархических уставов*, от чего, *мы уверены, произойдет совершенное извращение древних прав церковных*.

В духе неразрывно связующего нас единства мыслей по Христе, смиренно воздавая богомудрому сонму вашему сердечные целования и выражение нашего глубокого к вам почтения, пребываем Святейшего Правительствующего Синода смиренные во Христе братья:

Паисий, митрополит ефесский.

Парфений, митрополит ираклийский.

Иоаким, митрополит кизический.

Дионисий, митрополит никомидийский.

Иоаникий, митрополит никейский.

Герасим, митрополит халкидонский.

В Константинополе.

11 июня, 1859 года.

Секретным указом Святейшего Синода, от 3 дня сего ноября (№ 2685), полученным мною 7 дня, с препровождением письма митрополитов-геронтов, предписано мне по обстоятельствам сего дела представить мнение.

Но как до получения сего указа получен был мною перевод сего письма и напечатанный в патриаршей типографии протест геронтов и опровержение на него, и другие сведения: то и было изложено мое мнение по сему делу, в записке и, за несколько часов до получения сего указа, один экземпляр означенной записки, содержащей мое мнение, препровожден к высокопреосвященному первенствующему члену Святейшего Синода, а другой к господину синодальному обер-прокурору.

Полагаю, что как Святейший Синод определил требовать моего мнения по сему делу, то, соответственно сему, полученное мнение уже предложено Святейшему Синоду. Потому-то, сокращая время, которое потребовалось бы на изготовление нового списка моего мнения, поспешаю возвратно представить сие и письмо геронтов в подлиннике и в переводе.

8 Ноября, 1859 г.

О письме шести митрополитов константинопольского патриархата к Всероссийскому Синоду.

I. Получившему письмо предлежит вопрос: отвечать ли, и что. А для разрешения сего вопроса, нужно вразуметь, что пишут, и принять в рассуждение, кто пишет.

Послание шести митрополитов настроено на высокий тон; но звуки неопределенны. Из текста послания только отчасти можно понять, о чем идет дело.

Просят «подвигнуть державнейшего императора и монарха к защите подвергшихся крайней опасности прав и преимуществ великой константинопольской и других православных церквей оттоманского царства». Какие именно права и преимущества православной церкви подверглись опасности, и от кого, послание не объясняет.

Далее говорится в послании об «отмене иерархических степеней». Иерархические степени суть: диакон, пресвитер, епископ, архиепископ, митрополит, патриарх. Никто не отменяет

сих степеней. Не из письма митрополитов, а из другого источника известно, что они жалуются на отмену звания геронтов, которым означаются некоторые старейшие члены константинопольского синода. Но это звание не есть церковная степень. Оно не имеет основания в древних соборных правилах. Оно неофициально, как сие видно из того, что митрополиты в подписи под своим письмом не могли употребить о себе названия геронтов, а подписались только митрополитами. Таким образом оказывается, что их жалоба на отмену иерархических степеней не имеет основания.

Далее митрополиты в письме своем усиленно возвышают константинопольский синод, а в составе синода – самих себя; а о святейшем патриархе совсем умалчивают. Синод называют они «красою церковной иерархии». Но патриарх разве составляет безобразие церкви, или ничего не значит? Синод называют «высшею духовною властью», тогда как в константинопольской иерархии высшая власть есть святейший патриарх. Они говорят, что высшую духовную власть «представляет собою сонм почетных архиереев, заседающих в синоде», то есть сонм геронтов. Но, присвоив себе название «почетных», они оскорбляют достоинство прочих членов синода. Правила церковные никогда не делили членов синода на почетных и не почетных.

Митрополиты говорят в письме «о людях продажных», «о злоумышленном духе, переходящем в своеволие»; но кто сии продажные люди, в ком сей злоумышленный дух, они не открывают. Они говорят, что «угрожает православно́й церкви расстройство», они «уверены, что произойдет совершенное извращение прав церковных»: но и это сколько грозно, столько же не ясно.

Одна ясная жалоба находится в письме митрополитов, жалоба на то, что «удалены из царствующего града почетные архиереи», то есть они, пишущие письмо. Если в сей жалобе заключается объяснение всех вышеуказанных порицательных и грозных изречений, то нельзя не усмотреть преувеличения в сих изречениях.

В сведениях от российского в Константинополе посольства сказано, что в письме Фуад-паши к вселенскому патриарху «передавалось приказание правительства *предложить* синодальным членам, известным под именем геронтов, отправиться *на некоторое время* в свои епархии». Положим, что сие сделано с нарушением порядка, а может быть, и справедливости; но *предложить* шести архиереям, членам синода, отправиться в свои епархии, и при том только *на некоторое время*, между тем как в Константинополе остаются патриарх, четыре члена синода и еще находящиеся в Константинополе, по верному сведению, восемь архиереев, которых сами геронты в самом протесте своем не исключают из синода, так ли огромно сие событие, что оно, по уверению геронтов, произведет совершенное извращение прав церковных?

Если же несколько глубже вникнуть в обстоятельства удаления из Константинополя шести митрополитов, или, так называемых геронтов, то окажется, что это случилось только с некоторым отступлением от порядка, но не от справедливости. Для доказательства сего довольно взять из сведений посольства следующее: когда на истребование списков архиерейских доходов геронты сперва согласились, но потом останавливали сие, и вследствие сего церковно-народное собрание обвинило патриарха в недеятельности, и он подал Порте прошение о своем увольнении; и когда геронты упрекали его в том, что он сделал сие без согласия их и синода, тогда патриарх, в оправдание свое, отвечал им, что они трижды просили у Порты низложения его, не предварив его и синод. Из сего видно, что было необходимо, и не противно справедливости удаление геронтов, которые затруднили патриарха в делах так, что он принужден был просить отставки, и которые трижды покушались низложить его, тогда как и восставшее против него церковно-народное собрание не находило в нем другой вины, кроме недеятельности, обнаружившейся влиянием на него тех же геронтов. При сем о действиях геронтов сам собою открывается суд от уст их: если на удаление их властью Порты из Константинополя на время

они жалуются, как на действие в высшей степени противозаконное и вредное для церкви, то не большего ли осуждения достойно их домогательство властью Порты низложить вселенского патриарха? Противозаконное предприятие не делается невинным от того, что не удалось.

Рассмотрение послания шести митрополитов приводит к следующим заключениям:

1) Послание сие не может получить от Святейшего Синода благоприятного ответа.

2) Оно не должно получить какого бы то ни было ответа непосредственно от Святейшего Синода; потому что ему прилично непосредственно сноситься с патриархом и его синодом, и еще более потому, что шесть митрополитов отнесли к Всероссийскому Святейшему Синоду не только без благословения патриарха, но даже противоборствуя ему, как видно из их протеста, напечатанного в Константинополе, в патриаршей типографии, с опровержением оногo.

3) Впрочем, при виде сего печального разногласия в константинопольской иерархии Святейший Синод, конечно, не будет равнодушным зрителем; и потому, вероятно, предоставит своему первенствующему члену написать ответное отношение к митрополиту эфесскому и прочим геронтам, и в выражениях мирных и не оскорбительных ни которой сторон изъяснить им скорбь Святейшего Синода о происшедшем в восточной иерархии несогласии, печальном для православных народов и подающем повод к неблагоприятным суждениям иноверных о православной иерархии, и заключить убеждением, чтобы их опытное благоразумие потщилось путем кротости и смирения достигнуть уничтожения причин разногласия, дабы дух единомыслия и единодушия поддерживал достоинство и силу иерархии, что в настоящих обстоятельствах особенно нужно.

4) Сие сношение, в отвращение сомнения и по долгу искреннего согласия, не должно быть скрыто от вселенского патриарха. Посему первенствующий член Святейшего Синода может список с своего отношения к геронтам препроводить к вселенскому патриарху, также с изъяснением скорби Святейшего Синода об открывшемся несогласии и с

молитвенным желанием, чтобы дух единомыслия и единодушия церковного, благодатию Божиею, восторжествовал над всем, что противно миру православной церкви.

Вот и случай к открытию сношений с восточною иерархией, случай нужный, со стороны Святейшего Синода мирный, а потому свободный от опасения каких-либо затруднений.

II. Хотя в послании митрополитов-геронтов к Святейшему Синоду не говорится о их протесте, поданном патриарху, однако при рассмотрении послания, нельзя не обратить внимания и на протест; потому что он имеет с посланием существенную связь, и составляет с оным одно дело, так что в протесте находится основание и изъяснение неясного послания.

По такому отношению протеста к посланию должно было, при искреннем изложении дела, приложить к посланию список с протеста, или, по крайней мере, упомянуть в послании о содержании протеста. Почему же сего не сделано? Причина может быть только одна: геронты чувствовали, что если сделают известным Святейшему Синоду свой протест, в котором они являются противниками святейшего патриарха, то не могут для себя надеяться благоприятства от Святейшего Синода, который всегда тщится сохранить единомыслие и единодушие со святейшим вселенским патриархом (равно как и с прочими православными патриархи), как священный залог и бесценное сокровище церковное. Таким образом открывается, что митрополиты-геронты в своем послании сокрытием важнейшего обстоятельства дела хотели привлечь Всероссийский Синод на свою сторону, и вовлечь его в несогласие с вселенским патриархом.

Народное собрание, напечатав протест геронтов, вместе с ним напечатало опровержение сего протеста, извлеченное из актов сего собрания, подписанное всеми членами его, духовными и светскими, следственно и вселенским патриархом, который в сем собрании председательствует. Итак, пред лицом Всероссийского Синода две противоборствующие стороны: с одной стороны, шесть геронтов, удаленных из константинопольского синода, с другой – вселенский патриарх со оставшимся при нем синодом и церковно-народное

собрание. Не трудно усмотреть, которая сторона законно ближайшая к Святейшему Синоду. Чтобы перейти от патриарха на сторону геронтов, для сего надобно не менее, как чтобы они обвинили и обличили его в ереси. Но они того не говорят, и сказать не могут.

Сличение их протеста с опровержением также не дает перевеса их сторон.

В протесте геронтов находятся следующие показания: «одновременное отослание всех членов синода, разрушение и уничтожение оного, определение о распусчении синода». Все это несправедливо. Они сами в самом протесте из синода «не исключают случайно пребывающих в столице архиереев»; следственно патриарх, и по удалении геронтов, остался не без синода, а с синодом. Предложено геронтам отправиться в свои епархии на некоторое время: это не значит уничтожения синода. Притом визирь предлагал удалить трех или четырех геронтов, а не шесть; и следственно легко было сохранить или восстановить некоторых из них в составе синода, если бы каждый из них скромно просил патриарха о рассмотрении дела, и если бы они не составили неблагословенного союза, и не начали междоусобной войны в иерархии.

Геронты в своем протесте, смешивая себя с синодом, и воображая себя целым синодом, говорят: если кто «оболгал и оклеветал, его (то есть их), и таким образом вызвал его расторжение (то есть удаление их), то клеймо матереубийцы да будет возмездием за его народоубийственный поступок». На кого должно пасть сие жестокое порицание? Народное собрание относит оное к себе. Но, как и патриарх участвует в народном собрании, и был в сношении с Портою по делу удаления геронтов, то означенное порицание может касаться и его. Итак, пять митрополитов, подписавших протест, почитают себя *матерью* церкви: чем же почитают они патриарха, и оставшийся после них столько же, как при них, полный синод? Кто способствовал удалению их из Константинополя в свои епархии на некоторое время, того почитают они *матереубийцею*, и этот матереубийца есть церковно-народное

собрание, а может быть даже и патриарх! Так ли должна говорить истина и кротость слугителей Божиих.

Геронты в протесте пишут, что синод, с первыми по ряду осмью архиереями, есть начальство, издревле определенное известными деяниями церкви, освященное временем, и утвержденное в лице упомянутых архиереев преемственными султанскими распоряжениями. Опять неверно говорят о синоде, почитая синодом самих себя. Дело идет не о синоде. Не синоду велено удалиться из Константинополя, и даже не всем геронтам, а, по предположению визиря, только трем или четверем; а на деле удалены шесть.

Чтобы опровергнуть показание геронтов, будто они учреждены «издревле церковными деяниями», национальное собрание обратилось к церковным актам, начиная с 4 века, и нашло, что митрополиты епархий, занимаемых ныне геронтами, под некоторыми деяниями соборов подписались не все, под некоторыми только один из них, под некоторыми даже ни один, и следственно они не суть необходимы в составе собора или синода; что под некоторыми они подписались ниже других, в настоящее время низших архиереев, и следственно они не суть издревле первые по ряду. Это неоспоримые документы; а геронты не могли никакого древнего документа указать в свою пользу.

А что они в свою пользу ссылаются на распоряжение магометанских государей, как бы на основание состава синода, что не только не убедительно в отношении к церковной иерархии, но некоторым образом оскорбительно для веры. При том же и здесь ссылаются неверно; ибо в султанском постановлении говорится не об осми, а только о пяти ближайших к столице архиереях, и говорится только то, что они участвуют, с прочим собором или синодом, в избрании патриарха.

Народное собрание приводит еще выписку из акта патриарха Самуила в 1639 г. ⁵¹, в которой подтверждается преимущество патриарха, чтобы архиереи без вызова патриарха в Константинополь не приходили, и против воли его здесь не жили, и чтобы не подчиняющиеся сему были наказываемы.

Посему, как скоро патриарх не желает, чтобы геронты оставались в Константинополе, то они должны удаляться бесприкословно, а прекословие сему подвергает их наказанию.

Более подробностей относительно протеста геронтов можно найти в изданном на него опровержении. Но сказанного доселе достаточно для того, чтобы с новым убеждением возвратиться к прежнему заключению, что послание их не может получить благоприятного для них ответа от Всероссийского Синода.

III. Геронты догадочно протестуют против всякого нововведения, которое, может быть, примут. Народное собрание относит сие обвинение к себе, и определяет следующие предметы обвинения: 1) правило о избрании патриарха; 2) о избрании архиереев; 3) об организации синода, с которою соединено уничтожение геронтии. К предметам, возбуждающим сомнение, могут также отнесены быть: 4) организация церковно-народного собрания, в которой число светских лиц преобладает над числом духовных; 5) правила о низведении патриарха с престола; 6) жалованье духовенства.

При виде сих предметов рождается вопрос: какое на них должно быть воззрение Святейшего Синода, и не требуется ли от него по оным сношения с вселенским патриархом и его синодом?

По некоторым из сих предметов не излишне было бы сделать замечания, и преподать советы к вящему благоустройству и твердости церковного управления. Так, например, состав синода из архиереев, по очереди входящих в него на краткое время, не обещает синоду действователей опытных и твердых. Полезно было бы для шести архиереев, ближайших к столице епархий, определить особую череду, чтобы погодно трое из них были в синоде, а трое в епархиях. При сем порядке каждый из них в десять лет получил бы пятилетнюю опытность синодального действия.

Но, по принятии в рассуждение открывшихся доньше обстоятельств, оказывается, что Всероссийскому Синоду неудобно обратится к вселенскому патриарху и его синоду с своими замечаниями и советами по вышеозначенным

предметам. Мнение сие основывается на следующих соображениях:

1) Если бы дело шло об охране догматов и коренных церковных постановлений, то надлежало бы свидетельствовать о истине, хотя бы сего не требовали, хотя бы предвиделось прекословие. Не к сей степени важности относится подлежащее дело. В случаях не особенной важности и не крайней нужды подавание советов, когда их не требуют, необязательно и может сопровождаться не желаемыми последствиями. Ни патриарх, ни его синод, ни народное собрание не просят слова от Всероссийского Синода. Геронты только намекают на большую часть вышеозначенных предметов; но с ними неудобно Святейшему Синоду пойти в непосредственное сношение, потому что они не правы.

2) Патриархи александрийский⁵², антиохийский⁵³, иерусалимский⁵⁴, которые ближе видят происходящее в Константинополе, и на которых могут пасть последствия распоряжений церковно-народного собрания, еще не отверзают уст. Посему еще не чередя слову Всероссийского Синода. Лучше остаться в ожидании, что они скажут.

3) Если бы Святейший синод предложил советы константинопольской патриархии, и они остались бы без действия, то уменьшилось бы согласие иерархий; а от сего, конечно, надлежит остережться.

4) Церковно-народное собрание, а в составе его и патриарх с семью архиереями, при опровержении протеста, напечатали защищение новых правил о избрании патриарха и архиереев, о новой организации синода и о уничтожении геронтии. Подать советы против которого-нибудь из сих решений, значило бы начинать борьбу. От сего, конечно, надлежит остережться.

5) Некоторые из вышеозначенных предметов таковы, что замечания на них делать уже поздно. Такова, например, организация церковно-народного собрания. Сию организацию патриарх и синод его допустили, правительство утвердило, она действует, и много уже сделала: можно ли все сие опровергнуть посторонним советом?

6) Если бы Святейший синод позволил себе вмешательство в такое дело, турецкая дипломатика, вероятно, стала бы на сие жаловаться западным державам, как на политическое вмешательство России в дела Порты, и можно ли надеяться, что западные державы потрудились бы изъяснить Порте сие дело с лучшей стороны и не причинили бы труда министерству российскому?

Желательно, чтобы вселенскому патриарху и народному собранию по некоторым из вышеуказанных предметов поданы были полезные мысли; но сие, по моему мнению, должно быть сделано неофициальным путем, и с особенною скромностию и осторожностию».

6–8 Ноября, 1859 г.⁵⁵

Святейший Синод вполне согласился с изложенным мнением митрополита Филарета, и, по определению 23 Декабря 1859 г./ 11 апреля 1866 г., оставил геронтов без ответа.⁵⁶

17 декабря. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А.П.Толстому, по поводу послания геронтов Святейшему Синоду

Обер-прокурор Святейшего Синода, в отношении 10 декабря, 1859 года, за № 6960, писал митрополиту Филарету: «Письмо вашего высокопреосвященства, от 7 ноября ⁵⁷ и записку о делах великой церкви, сообщенную вами также и министру иностранных дел, я прочел с особенным вниманием.

Мне неизвестно, был ли обнародован протест геронтов где-либо, прежде напечатания в патриаршей типографии. Вполне соглашаясь с мнением вашего высокопреосвященства, что мы не призваны судить спор между патриархом и геронтами, я напечатание протеста считаю обстоятельством не важным. Но не могу сказать того же вообще о нынешних событиях во Вселенской церкви, хотя и не нахожу этому совершенного подтверждения в мыслях вашего высокопреосвященства.

Позвольте мне со всею искренностью выразить вам некоторые свои недоумения по предметам, заключающимся в вашей записке.

Вы изволите полагать, что если бы дело шло об охране догматов и коренных церковных постановлений, то нам надлежало бы свидетельствовать об истине, хотя бы того и не требовали; но совершающееся ныне в константинопольской церкви вы относите к предметам не такой важности, чтобы ими вызывалось слово Всероссийского Синода.

Мне в точности неизвестно, к каким именно каноническим постановлениям относится название «коренных»; знаю только, что действия константинопольского церковно-народного собрания касаются постановлений об избрании и низведении патриарха, об избрании архиереев, об организации синода, и узаконивают участие мирян в суде над епископами и в управлении церковным достоянием. По чувству внутреннего, личного моего убеждения не могу примириться с мыслию, что все это предметы не особой важности.

Далее, ваше высокопреосвященство считаете неудобным и несвоевременным делать замечания на решения церковно-народного собрания, между тем как само посольство наше в Константинополе не считает этих решений непоколебимыми. Из прилагаемого при сем, в копии письма князя Лобанова вы изволите усмотреть, что он находит возможными перемены в постановлениях собрания, и само министерство иностранных дел не отвергает теперь, что в действиях как собрания, так и посольства нашего допущены были некоторые ошибки.

Наконец, еще недоумеваю о затруднениях, какие ваше высокопреосвященство предполагаете, в случае непосредственного вмешательства Святейшего Синода в дела константинопольские. Святейший Синод имеет в Константинополе указанного посредника в представителе нашего правительства, а к нему мнения Синода доходят чрез министерство иностранных дел, и не иначе, как по всеподданейшем докладе о том Государю Императору.

Для замечаний на постановлении церковно-народного собрания ни о каком другом пути не может быть и речи; но такой путь всегда открыт, и самые сообщения, делаемые Святейшему Синоду, по высочайшему повелению, из министерства иностранных дел, мне кажется, обязывают нас во время подавать свой голос.

В заключение позволяю себе сказать, что я, может быть, с избытком повторял вашему высокопреосвященству мои мысли и опасения по этому делу, которого начало так неблагоприятно для церкви, и что в теперешнем положении оно, когда оно, сколько от меня зависело, во всей полноте представлено членам Святейшего Синода, мне остается ожидать дальнейшего направления сего дела от Святейшего Синода, с твердою надеждою, что оно будет решено не без воли Божией; ибо Господь сказал: «идеже бо еста два или три собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» и «сердце цареве в руце Божией».

В письме из Перы, от 24 октября, князь А. Б. Лобанов-Ростовский писал Е. П. Ковалевскому⁵⁸: «От 7 октября, № 350, я имел честь изложить вашему превосходительству несколько

мыслей, вызванных во мне секретным отношением вашим, от 30 сентября, № 557, о здешних церковных делах.

Позвольте мне, милостивый государь, возвратиться еще раз к этому важному предмету и дополнить изложенные мною соображения несколькими новыми данными.

Вы изволили предварить меня конфиденциально о желании нашего Святейшего Синода отвечать письменно на поданный ему протест геронтов, как скоро прибудут в С.-Петербург митрополиты киевский⁵⁹ и литовский⁶⁰.

Подобное официальное сообщение от лица нашего Святейшего Синода, как косвенный протест против действий народного совета и председателя оного, самого вселенского патриарха, будет иметь весьма важное значение в здешней церкви, и, считаю своим долгом, выразится с полной откровенностью, произведет самое неблагоприятное впечатление на большинство иерархии и православного населения на Востоке.

Вот те данные, на которых я основываю мое убеждение: 1) константинопольская церковь, называющая себя «великою» и бесспорно старшая в ряду всех православных церквей, ревниво оберегает свое первенство, и не терпит никакого вмешательства других единоверных церквей в ее внутренние дела, хотя сколько-нибудь похожего на внушение или назидание. Она видит в подобных проявлениях прямое посягательство на свою независимость. Иерархи ее готовы, по тягостным политическим necessitatibus, уступать праву сильного, олицетворяемому в турецком правительстве; они готовы, с другой стороны, признать над собою, в известной мере, влияние императорского правительства, потому что ожидают от него заступления и помощи; но они, ни в каком случае, не согласятся подчиниться влиянию какой-бы то ним было единоверной церкви, а тем менее Российской, от которой они, более чем от всякой другой, опасаются ограничения своей свободы, как от самой могущественной, стройной и величавой в ряду всех православных церквей.

Ответ Святейшего Синода на протест геронтов был бы неминуемо перетолкован здесь в смысле преобладательных

видов на Восточную церковь, и, вместо желаемого единства, произвел бы только взаимное охлаждение и недоверчивость между обеими церквями. 2) Великая церковь имеет одну главу, одного видимого представителя ее единства и цельности, константинопольского патриарха, носящего поэтому титул «вселенского». Правда, при нем существует синод; но этот синод есть не более, как только неременный совет патриарший, и не имеет самостоятельного существования. Поэтому, всякое действие синода в области церковного управления, которое было бы совершенно без участия патриарха, как главы церкви, и вне его власти, не может носить официального характера, и по самой сущности своей лишено всякой законной силы. А таков именно протест геронтов, на который здешняя церковь смотрит, не без основания, как на явную непокорность установленной власти вселенского патриарха.

По той же логической последовательности, Святейший Синод, принимая этот протест и даже удостоивая его письменного ответа, показал бы тем, что он признает в одностороннем и пристрастном воззвании пяти архиереев официальный характер и законную силу, что он принимает его, как бы за истинное выражение мнения самой великой церкви, и тем неминуемо поставил бы себя в прямую противоположность с патриархом и большинством других здешних иерархов, которые осудили протест геронтов, и в прочем никак не менее их ревнуют о неприкосновенности вековых прав Восточной церкви.

Я имею твердое убеждение, что таковое действие Святейшего Синода было бы истолковано именно в этом смысле здешнюю церковь, и произвело бы, вследствие того, ничем не вознаградимый вред, тем более, что решение вселенской патриархии и после оногo осталось бы неизменным. А если принять во внимание, что афинские газеты и теперь уже, предваряя событие, объявляют во всеуслышание, что Святейший Синод отвечал геронтам с полным сочувствием и благосклонностию, то надлежит опасаться, что, когда этот письменный ответ будет действительно послан к геронтам из С.-

Петербурга, он не замедлит появиться печатно в тех же афинских газетах, и разномыслие нашей церкви с константинопольскою получить чрез то самую вредную гласность.

Если Святейший Синод не одобряет удаление геронтов, то смею присовокупить свое мнение, что он мог бы обратиться с изложением своих недоумений по этому поводу прямо к великой церкви, то есть к представителю ее вселенскому патриарху; и я вполне убежден, что его святейшество поспешил бы с радостью разъяснить сомнение нашего Святейшего Синода подробным ответом на братское его обращение. Такой образ действия имел бы ту двойную выгоду, что был бы наиболее сообразным с сущностью здешнего церковного представительства, сосредоточенного в официальном лице патриарха, а между тем заявил бы и собственное, вполне независимое, воззрение нашей церкви на здешние церковные события.

Я решился изложить конфиденциально вашему превосходительству мнение мое по сему предмету в той надежде, что императорскому министерству, может быть, угодно будет воспользоваться им, дабы обратить благосклонное внимание нашего Святейшего Синода на практические невыгоды письменного ответа его на протест геронтов. Я почел бы себя счастливым, если бы вполне добросовестные и, смею сказать, основанные на местном наблюдении и опыте, замечания мои послужили к предупреждению прискорбного разногласия между Российской и константинопольскою церковью, и во всяком случае не мог скрыть от вас моего внутреннего убеждения по столь важному для нас предмету.

Согласно с указанием нашего превосходительства, я не оставил обратить внимание известных мне членов народного совета на всю несообразность и практическую неприменяемость постановления оногo, воспреещающего патриарху иметь сношения с отдельными членами синода, и просил их выключить вовсе эту статью при производящемся ныне пересмотре деяний совета. Соглашаясь вполне с моей оценкой, они обещали мне употребить свое влияние в народном

собрании для исключения этого правила из постановлений совета.

Что же касается до правил, изложенных в ст. 19-й и 20-й IV акта совета, определяющих порядок низведения патриарха, то я долгом считаю заметить, что правила эти не содержат в себе никакого нововведения, а лишь подтверждение прежних постановлений, в силу которых патриарх, хотя и бессменный пожизненно, подлежит, однако же, низведению в двух специальных случаях: измены правительству и нарушения своих религиозных обязанностей. Народный совет включил эти правила в новый устав по необходимости, так как они определяют отношения церкви к турецкому правительству и повторяются исстари и неизменно в каждом берате Порты о постановлении патриарха. Нельзя также винить народный совет в произвольном распространении смысла этого старого постановления, а должно, напротив того, отдать ему справедливость, что он, по возможности, ограничил его применение к каждому отдельному случаю. До сих пор патриархи, к сожалению, слишком часто низводились под предлогом нарушения религиозных и политических своих обязанностей, и это делалось обыкновенно без всякого права, по одним лишь наветам двух, трех отдельных лиц, подговоренных к тому самою Портою, которая редко отрешала патриархов от должности собственною властью, а почти всегда скрывала участие свое в этом деле под личиною поступавших к ней будто бы обвинений извне, из среды самой церкви и народа. Теперь же народный совет значительно ограничил возможности таких обвинений двумя важными условиями: 1) что донос Порте на патриарха может быть сделан только по взаимном соглашении синода с советом, и 2) при том не иначе, как по решению большинства двух третей того и другого.

В верху письма графа А. П. Толстого митрополит Филарет написал:

«Дек. 16. Дек. 17. Ответствуется без изменения мнения 6 ноября».

Отношение вашего сиятельства, от 10 дня сего декабря (№ 6960), получено мною 16 дня.

Изъявив ваше суждение, «что мы не призваны судить спор между патриархом и геронтами», ваше сиятельство даете мне разуместь, что вы несогласны с некоторыми моими мыслями, изложенными в мнении моем 6 ноября, по делу о протесте геронтов; но вам неугодно было выразить определенно, какое ваше мнение по предметам, подверженным недоумению, а потому и мне трудно определить, в какой мере мог бы я присоединиться к нашему мнению.

Изволите писать, что вам «в точности неизвестно, к каким именно каноническим постановлениям относится название «коренных». Коренные постановления церковные суть те, без которых церковь не была бы истинною, единою, святою, соборною и апостольскою Христовою церковию, неодолимою вратами адовыми, с нарушением которых она потеряла бы характер православия, или освящающую силу таинств, или чистоту и твердость иерархии, с ее непрерывным, от сошествия Святого Духа и апостолов, друг другоприимательным преемством благодати священнодейственной, или, наконец, утратила бы характер святости нравственной, чрез принятие правил жизни, противных учению Христову. Если бы такого рода отступление от коренных церковных постановлений усмотрено было в действиях константинопольского церковно-народного собрания, то, повторяю мои слова, надлежало бы свидетельствовать о истине, хотя бы предвиделось прекословие. И не видится причины сомневаться в том, что если бы такое отступление от коренных церковных постановлений усмотрели в действиях церковно-народного собрания присутствующие в нем вселенский патриарх и другие православные архиереи, то они не преминули бы протестовать против сего; но они не только не протестуют, но и подписывают акты церковно-народного собрания. Посему не вижу причины отказаться от того мнения, что Святейшему Всероссийскому Синоду не открывается случай, и не предлежит обязанность формально протестовать против действий церковно-народного собрания».

«Действия константинопольского церковно-народного собрания касаются постановлений о избрании и низведении

патриарха», и проч. Правда это, и то, что на рассматриваемые сим собранием предметы, нельзя смотреть, как на «предметы не особой важности». Правда и то, что в определениях сего собрания примечаются несовершенства, больше или меньше неблагоприятные для силы и твердости церковного управления. Однако в них не усматривается того, что решительно нарушало бы коренные постановления церковные. Из России, по возможности, подаются, и чрез российское посольство направляются к некоторым благонамеренным членам церковно-народного собрания соображения и мысли к устранению замечаемых несовершенств; частью и принимаются, и способствуют улучшению делаемых постановлений. Таким образом долг церковного братолюбия, по мере возможности, исполняется. Что же можно делать более?

Писать ли от Российского Синода к вселенскому патриарху или великой церкви? Чего по сему можно ожидать? Всем это предсказывает посланник, когда пишет, что великая церковь «не терпит никакого вмешательства других единоверных церквей в ее внутренние дела, хотя сколько-нибудь похожего на внушение или назидание; она видит в подобных проявлениях прямое посягательство на свою независимость»; что иерархи ее «ни в каком случае не согласятся подчиняться влиянию какой бы то ни было единоверной церкви, и тем менее Российской, от которой более, чем от всякой другой, опасаются ограничения своей свободы». Посему надлежит ожидать, что те же люди, которые чисто и тихо поданную им мысль принимали спокойно и со вниманием, и располагались приспособить ее к делу, – те же люди против формального послания Российского Синода поднимут бровь и скажут: какое право имеют нам указывать? И таким образом прямое, формальное, сношение не принесет и той пользы, которую принесло частное и косвенное. Святейший Синод будет оскорблен невниманием великой церкви, и между иерархиями произойдет, если не явное несогласие, то охлаждение.

Не думаю, чтобы можно было действовать иначе, как до сих пор действовано. В такое действование, может быть, не без

пользы был бы введен архимандрит Антонин⁶¹, если бы он перемещен был в Константинополь.

Г. посланник предлагает, чтобы Святейший Синод обратился к великой церкви с изложением своих недоумений по делу о геронтах. Не думаю, чтобы сие полезно было по неприступной высоте великой церкви, им самим указанной. И Святейшему Синоду нет нужды ученически просить разрешения недоумений, которых нет; ибо геронты, без всякого недоумения, не правы.

С утешением присоединяясь к мысли вашего сиятельства о Синоде, молю с вами Господа нашего Иисуса Христа, да благоволит, по обетованию своему, быти посреди собранных во имя Его, да и в сем соборе, по наследию от первого собора апостольского, совершается, еже изволяется Духу Святому, ради церкви святой.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностию...

17 Декабря 1859 г.⁶²

1860 г.

27 января. Замечание митрополита Филарета на проект послания к вселенскому патриарху

Митрополиту Филарету быть доставлен проект послания вселенскому патриарху, по случаю удаления геронтов из патриаршего синода, следующего содержания:

Святейший Владыко.

Православная церковь Российская никогда не преставала, по заповеди Господней, блюсти единение духа в союзе мира и любви с досточтимую великою церковию, чрез которую прияла свет Христовой веры, и посему в важнейших внутренних делах церковных прибегала к свету, опоре и благословию святейших патриархов. При столь близком общении, поскольку «аще страждет один уд, с ним страждут вси уди, аще ли же славится один уд, с ним радуются вси уди», Российская церковь с сердечным соболезнованием принимала известие о бедствиях многострадальной церкви Восточной, которые исчислять здесь не нужно, потому что они известны всем. Но вместе с тем, с благодарностию к Богу Промыслителю, утешаемся мы благодатию, кою Господь питает и укрепляет церковь греческую, и благодеяниями, которые Он видимо оказывает ей среди неисчисленных скорбей.

Посему, узнав о созвании, в минувшем году, константинопольского собрания, и о действиях его, пастыри Российской церкви радовались той мудрой попечительности, с которою ваше святейшество и досточтимый ваш синод, епископы и все православные подданные оттоманской Порты озаботились исправлением недостатков, вкравшихся в церковное управление, вследствие исключительного положения греческой церкви и известных обстоятельств, а также по общему свойству человеческой природы и дел человеческих. Единомысленно с вашим святейшеством и досточтимыми греческими иерархами мы полагали, что оставлять без всякого снятия и исправления подобные недостатки было бы опасно в настоящее время, когда иноверие всеми силами старается возбудить ненависть народа к православному духовенству, и

когда становится необходимо, чтобы высшее духовенство пользовалось полным доверием народа. Также с радостью слышали мы о благой решимости народного собрания и святейшего синода принять к суждению с полным вниманием жалобы, принесенные церкви в разные времена нашими общими братьями, единоверцами болгарам, и, исследовав с духовною попечительностью и с снисходительною любовью, до какой степени поданные жалобы требуют удовлетворения, оказать справедливость для водворения мира и спокойствия церкви. Усердно желаем, чтобы слово Божие всюду было проповедуемо на языке, понятном народу, и призывало всех к смирению и любви, и чтобы все православные обитатели турецкой империи не отделились друг от друга различием народностей, но паче соединялись единством веры и союзом общей любви, помня, что перед Господом «несть эллин, ни скиф».

Обращаясь к другим правилам и предположениям народного собрания, долгом совести считаю я, как первенствующий в Российском Синоде, не скрыть от вашего святейшества искреннего желания, чтобы сие собрание, которое, конечно, не погрешило, сознав необходимость улучшений в положении церкви, столько же не погрешило и в избрании способов к исполнению своих благих намерений, а если в последнее время чем-либо были нарушены церковные правила, чтобы самое исправление не обратилось в новое их нарушение. В правилах о избрании патриарха и архиереев мы считаем более безопасным и полезным во всей точности соображаться как с церковною практикою минувших веков, так и с постановлениями апостольскими и соборными. Предоставление же мирянам участия в суде над епископами и в управлении церковными имуществами мы признаем, как оно действительно и есть, противным правилам св. апостол и св. соборов, преданиям и вековым привилегиям церкви. От нарушения божественных канонов никогда и никакой нельзя ожидать пользы; и как греческая церковь доселе сияла точнейшим и строжайшим соблюдением всего, что определено для вероучения словом Божиим и преданием церкви, то

уповаем, что и в управлении церковном она до скончания веков твердо будет держаться открытого в правилах соборных и отеческих «закона Божия непорочна», который есть «светильник ногам нашим и свет стезям нашим».

Что касается до предположения назначить высшему духовенству жалование, то мы знаем, что «Господь повелел проповедующим благовестие от благовестия жити», т. е. что Он повелел служащим церкви получать на потребности временной жизни пособия вещественные от верующих порознь, или от общества верующих в совокупности. Но вместе с сим мы полагаем, что и православным мирянам надлежит опасаться, дабы они, ослабляя высшее духовенство новыми мерами, для него неблагоприятными и несвойственными его достоинству, не ослабили чрез то и своего внутреннего единства, и силы. Далее, от всего сердца желаем мы, чтобы власть вселенского патриарха не была унижена или ограничена ни вводимыми вновь обычаями, ни постановленными вновь узаконениями, а, напротив, всячески была бы ограждена и упрочена; так как высокому сану патриарха принадлежит право на доверие и покорность всех православных христиан в делах веры и совести, то и упадок патриаршего достоинства был бы оскорбительным для достоинства всей церкви. Наконец, также для блага всей церкви, считаем необходимым, чтобы и на будущее время синод великой церкви не был лишен возможности иметь и некоторых постоянных членов, чрез сие самое опытных в высшем церковном управлении, пользующихся полным уважением подчиненного духовенства и народа, и облеченных властью, подобающею представителям церкви.

Вашему святейшеству, без сомнения, известно, что некоторые члены константинопольского синода обратились к Святейшему Всероссийскому Синоду с посланием, в котором сетуют на внезапное удаление свое из синода и из столицы. Нам в подробности не известны обстоятельства сего удаления, и сие не подлежит нашему суждению. Но не скрываю от вашего святейшества скорби Всероссийского Синода о том, что в восточной церкви произошло несогласие, подающее повод к

неблагоприятным суждениям иноверных о православной иерархии. Мы уверены, что мудростию вашего святейшества будут уничтожены причины разногласия и что дух единомыслия и единодушия церковного, благодатию Божиею, восторжествует над всем, что противно миру православной церкви.

Вдали от дела и от непосредственного дознания и рассмотрения обстоятельств можно изъяснять только недоумение и заботу. Но так как нельзя быть невнимательну, или равнодушно, когда в церкви Божией происходят события, которые или должны возвысить ее мир и благосостояние или же могут породить для нее новые трудности, я почел долгом своим, как бы разделяя некую долю заботы, занимающей ваше святейшество, изложить пред вами сии мысли, в печали нашей о доме Божием, о православной Восточной церкви.

Утверждение на Тя надеющихся! Утверди, Господи, церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию.⁶³

По содержанию изложенного проекта митрополит Филарет, 27 января, 1860 года, представил следующие замечания:

О проекте отношения к вселенскому патриарху

I

«С досточтимую великою церковию».

В древние времена *великая церковь* означала не патриарха с синодом, а патриаршую кафедральную (софийскую) церковь и при ней многочисленный штат патриарших должностных лиц, между которыми старейшие были: великий эконо⁶⁴, великий сакелларий⁶⁵, великий скевофилак⁶⁶, и пр. Тогда обратиться к великой церкви не значило обратиться к патриарху.

И ныне сомнительно, была ли бы правильна и приятна святейшему патриарху речь, в которой Всероссийский Синод говорил бы о своем единении с *великою церковию*, а не с престолом вселенского патриарха.

II

«Прибегала к совету, опоре и благословению святейших патриархов».

Состав слов недовольно определенный и правильный.

III

«Многострадальной церкви восточной».

Страждущему приятнее елей утешительного слова на рану, нежели удар по ране словом: ты страдаешь.

IV

«Благодеяния».

Не задумывается ли при сем слове святейший патриарх?

V

«Радовались той мудрой попечительности».

Открытие церковно-народного собрания соединено было с такими обстоятельствами, что внушало не радость, а скорбь, заботу и опасение.

VI

«Исправлением недостатков, вкравшихся в церковное управление».

Не думаю, чтобы вселенскому патриарху приятно было, когда мы, не быв спрошены, скажем: у вас вкрались недостатки

в церковное управление. Но можно ли обойтись без сих неприятных слов?

VII

«Оставлять без всякого внимания и исправления подобные недостатки было бы опасно».

И это неприятное слово для греческой иерархии; и на что угрожающее слово, когда уже принялись за дело исправления?

VIII

Когда становится необходимо, чтобы высшее духовенство пользовалось полным доверием народа».

Неужели это теперь только *становится необходимым*? Неужели это в иное время не нужно?

IX

«С радостью слышали мы о благой решимости народного собрания принять жалобы, принесенные болгарами».

Не может ли случится, что и похвала будет принята с неудовольствием, как вмешательство?

X

«Обращаясь к другим правилам и предположениям народного собрания, долгом совести считаю я, как первенствующий в Российском Синоде, не скрыть».

Не думаю, чтобы правая совесть стала обличать первенствующего члена Всероссийского Синода, если бы он не решился подавать советы греческому национальному собранию, когда ни оно, ни греческая иерархия не просят у него советов.

Как повод к сему сношению подало письмо геронтов, присланное не к первенствующему члену Святейшего Синода, а к Святейшему Синоду: то, по моему мнению, первенствующему члену надлежит писать отношение к патриарху не от своего только лица, но по поручению Святейшего Синода.

XI

Далее следуют в проекте отношения многие выражения, в которых содержатся, более или менее, ясные намеки на то, что некоторые действия церковно-народного собрания неодобрительны и решения его должны быть исправлены. Как то:

«чтобы... не погрешило в избрании способов»,

«чтобы самое исправление не обратилось в новое их (церковных правил) нарушение»;

«в правилах о избрании патриарха... мы считаем более безопасным... соображаться... с церковною практикою... с постановлениями апостольскими и соборными».

«Мы полагаем, что и православным мирянам надлежит опасаться, дабы они, ослабляя высшее духовенство новыми мерами, для него неблагоприятными и несвойственными его достоинству, не ослабили единства».

«Желаем мы, чтобы власть вселенского патриарха не была унижена, или ограничена, ни вводимыми новыми обычаями, ни постановляемыми вновь узаконениями».

Что если найдется между членами церковно-народного собрания человек беспокойный, который на такие замечания решится сказать, и написать, и напечатать следующие, или подобные следующим, возражения: мы не ослабляем духовенства, и не унижаем патриарха; мы стараемся укрепить порядок против усилившегося произвола. Напротив того, не больше ли, нежели у нас, ослаблено высшее духовенство у вас, в России? У вас патриарх не только унижен, но и уничтожен...? Будет ли приятно церкви Российской такое последствие нашего вмешательства в дела Восточной церкви? Скажут, напомним опровержение. Но в подобных случаях нанесенная возражением рана не легко исцеляется опровержением возражения.

Нахожусь в необходимости остаться при мнении, которое 6-го дня ноября,⁶⁷ прошедшего 1859 года, изъявлено мною в записке и письме шести митрополитов константинопольского патриархата к Всероссийскому Синоду. Именно: что Всероссийскому Синоду неудобно обратиться к вселенскому патриарху с своими замечаниями и советами, по приведенным в той записке причинам: что желательно подать патриарху и народному собранию полезные мысли, но сие должно быть сделано неофициальным путем (к которому принадлежит и отношение первенствующего члена Святейшего Синода к патриарху) и с особенною скромностию и осторожностью.

XII

«Считаем необходимым, чтобы синод великой церкви не был лишен возможности иметь и некоторых постоянных членов».

Здесь есть справедливое, о чем желательно подать мысль в Константинополь; но мысль выражена здесь так, что всего ближе можно принять это за требование восстановления геронтов и эфоров, уничтоженных определением церковно-народного собрания, которое подписал и вселенский патриарх. Можно ли надеяться, что, по слову первенствующего члена Российского Синода, вселенский патриарх и церковно-народное собрание уничтожат свое определение? Не должно ли, напротив, опасаться, что слово сие будет принято с неудовольствием? И если так, то для чего писать слово, которое не принесет пользы, а только принесет неудовольствие.

Церковно-народное собрание не поколебалось предать печатной гласности протест геронтов, присовокупив к нему опровержение. Не может ли случиться, что если не все собрание, то какой-нибудь член его решится открыто сделать возражения на отношение первенствующего члена, и скажет: удивительно, что Российская церковь не доверяет твердости константинопольского синода, в котором с святейшим патриархом присутствуют 12 архиереев, призываемых в синод на два или на четыре года, тогда как в Российском Синоде присутствуют только от трех до пяти архиереев и едва ли не большая часть из них призываются в Синод на один год.

Если Российский Синод не доверяет твердости константинопольского, то, прежде заботы о постороннем, должен позаботиться о своей твердости; а если свое положение находит довольно твердым, то не имеет причины заботиться о твердости константинопольского синода, который тверже Российского.

Не должно ли остеречься, чтобы не случилось подобного?

XIII

«Вашему святейшеству, без сомнения, известно, что некоторые члены константинопольского синода обратились к Всероссийскому Синоду с посланием».

Почему знать, точно ли известно сие патриарху? Геронты, конечно, не просили у него благословения жаловаться на него, а вероятнее написали свое письмо украдкою от него.

XIV

«Сие (дело геронтов) не подлежит нашему суждению».

Но не равно ли не подлежит нашему суждению и все, о чем писано выше в проекте отношения? Почему же там сего не замечено? Почему там сказано со властью: «мы желаем»?

XV

Впрочем, письмо геронтов именно есть то, что дает причину и предмет предполагаемому отношению первенствующего члена Святейшего Синода. По долгу церковного единения прилично известить о сем святейшего патриарха и изъяснить скорбь о возникшем в иерархии несогласии. Если и можно присовокупить к сему некоторые мысли относительно происходящего ныне в константинопольской церкви, то с крайнею скромностию и осторожностию, чтобы не было никакого вида, будто бы мы хотим учить Восточную церковь, или чего-нибудь от нее требуем.

27 Января, 1860 г.⁶⁸

30 января. Составленный митрополитом Филаретом проект послания к вселенскому патриарху

Слово апостольское к христианам эфесской церкви, а в лице их и всем христианам и христианским церквам, заповедует тщатися блюсти единение духа в союзе мира.

Согласно с сим, Российская церковь всегда тщалась, тщится и не престанет тщатися блюсти единение духа с вселенским престолом вашего святейшества и с управляемою вами церквью, как вообще по священному долгу, так в особенности потому, что в ней чтит свою древнюю, по духу, мать и руководительницу к совершенству церковного благоустройства.

И ныне Всероссийский Синод признал должным, по общей мысли, чрез меня⁶⁹ простер к вашему святейшеству глубокопочтительное слово, внушаемое тем же попечением о церковном единомыслии и единодушии, при открывшемся неожиданном случае.

Преосвященные митрополиты: Паисий эфесский, Парфений ираклийский, Иоаким кизический, Дионисий никоидийский, Иоанникий никейский и Герасим халкидонский обратились⁷⁰ к Российскому Правительствующему Синоду письмом «о защите (таковы собственные их слова) подвергшихся крайней опасности прав и преимуществ великой константинопольской и других православных церквей, находящихся под скипетром оттоманского царства». Они не показывают определенно и ясно, какие именно права и преимущества Восточной православной церкви подвергаются опасности, и от кого; и из многих горьких, но столь же неопределенных жалоб, наполняющих письмо их, наиболее ясная простирается «удаление из царствующего града почетных архиереев», под каковым наименованием преосвященные митрополиты разумеют, конечно, самих себя.

С удивлением встретили мы сию нечаянность и вместе усмотрели, с глубокою скорбью, возникшее в окружающем ваше святейшество священноначалии некоторое нарушение единомыслия.

Поелику мы не могли не приметить, что преосвященные митрополиты открыли сношение с Российским Синодом без благословения вашего святейшества, то признали справедливым не входить с ними во взаимное сношение; и в то же время, руководясь искренностью, находим себя обязанными не оставить встретившегося случая неизвестным вашему святейшеству.

Святейший владыко!

Господь и Бог и Спаситель наш положил нашему упованию непоколебимое основание, когда рек, что и врата ада не одолеют церкви Его. Однако, как, по апостолу, церковь Христова есть единое тело, а егда страждет един уд тела, состраждут вся уди, то, не без скорбной заботы, приемлем некоторые, доходящие до нас, сведения о великом подвиге, который проходит теперь великая константинопольская церковь.

Не близкие к дознанию происходящих дел, и непризванные к суждению оных, к Божественному Пастыреначальнику, Господу нашему Иисусу Христу возводим мы помышления и сердца в молитвах, да благодать Божественная и дух святых апостолов и бого-мудрых отцов владычествуют в советах великой церкви; да простирается от престола вашего на все священноначалие и на всю православную паству благодатная сила единомыслия и единодушия; да сохраняется в чистоте и полноте Богопреданная власть священноначалия его любовью к пастве и самопожертвованием благу ее, и взаимною любовью и послушанием паствы; да имеет всякая православная народность попечением священноначалия вразумительное для нее богослужение и учение, и да понимает всякая православная народность, что, охраняя единение и крепость святой церкви и ненарушимый чин священноначалия, она охраняет собственную свою крепость и благосостояние.

30 Января, 1860 г. ⁷¹

24–25 апреля. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с приложением записки об актах константинопольского церковно-народного собрания

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А.П. Толстой, при отношении от 19 апреля, 1860 г., за № 2186, препроводил к митрополиту Филарету «перевод с протеста, поданного некоторыми епископами против постановлений константинопольского собрания, и две записки, содержащие сведения о действиях сего собрания, по удалении геронтов, и о том, какие в его актах сделаны изменения и дополнения». При этом граф Толстой присовокупил, что «копии с самых депеш князя Лобанова, из которых сии сведения извлечены, не преминет препроводить, как только они будут возвращены от первенствующего члена Святейшего Синода⁷², у которого находятся».

В означенных записках излагались следующие сведения:

1) По удалении из Константинополя бессменных синодальных членов, церковно-народное собрание занялось точнейшим определением доходов патриарших и архиерейских и изысканием источников для сих доходов, и затем приступило к окончательному пересмотру и исправлению прежних своих постановлений.

Патриарх александрийский ⁷³ Каллиник, прибывший в сие время в Константинополь, был приглашен принять участие в трудах собрания, и явившись в оное, в заседании 25 сентября–7 октября 1859 года, объявил, что прежде не одобрял действий церковно-народного собрания, но впоследствии убедился, что они согласны и с канонами и с пользою церкви. Сей одобрительный отзыв некоторые лица приписывали желанию блаженнейшего Каллиника *привлечь на свою сторону членов собрания и чрез их посредство сделаться впоследствии вселенским патриархом.*

Когда труды собрания стали приближаться к концу своему, внутри его самого открылось несогласие, и стремление остановить предпринятые им преобразования. Сопротивление сие исходило отчасти от логофета Николаи Аристархи, отчасти от святейшего патриарха константинопольского Кирилла, который перестал действовать единодушно с собранием, с тех пор, как узнал, что члены оногo, убедившись в его слабости, непременно желают удалить его тотчас по утверждению Портоу новых постановлений. На место святейшего Кирилла есть четыре кандидата: блаженнейший Каллиник, митрополит серрский (deserres), бывшие патриархи константинопольские – Григорий VI и Анфим VI, занимавший престол вселенского патриарха во время войны 1854–1856 гг. В пользу святейшего Анфима склоняется и императорское российское посольство.

К сопротивлению логофета и патриарха присоединились скрытые действия удаленных геронтов. Сначала они попытались было подвигнуть к протесту против постановлений церковно-народного собрания живущего на покое патриарха Григория VI (который на сие не согласился, объяснив, что постановления сии ему почти вовсе неизвестны), потом, также, неудачно, членов различных константинопольских корпораций. Наконец они успели склонить на свою сторону трех из заседающих в собрании епископов: адрианопольского, димитриадского и силиврийского.

В заседании 5–14 февраля 1860 г., когда всем членам собрания предложены были к подписи пересмотренные постановления оногo, сии три епископа отказались подписывать, подали патриарху против оных протест, подписанный ими и некоторыми епископами, не принадлежащими к собранию, и объявили, что подобный протест подан ими и Порте.⁷⁴ Этот поступок трех епископов возбудил в собрании сильное негодование. Их стали обвинять в том, что они поступают бесчестно, отказываясь подписывать то, на что прежде изъявляли согласие; что они нарушили тайну, сообщили постановления собрания посторонним епископам, и наконец, что они оказали неповиновение патриарху, подав Порте протест без его ведома.

Вместе с тремя епископами отказались подписать постановления *славянские депутаты*. Уже в первых заседаниях собрания они не переставали жаловаться на то, что составляют в оном крайнее меньшинство (их 3, а греческих депутатов не менее 17); потом жаловались на то, что большая часть предположенных собранием взносов для покрытия константинопольского патриаршего долга должна пасть на славянское народонаселение Турции, по численному превосходству его перед греками, и наконец предъявили требования об учреждении независимой болгарской иерархии, которую избрали бы сами паствы, и которая принимала бы участие в общих делах церкви и имела бы доступ к вселенскому патриаршеству. Собрание, сделав некоторые возражения на эти требования, оставило их без внимания и объявило, что они выходят из пределов программы, начертанной Портою. По этой причине *славянские депутаты* не соглашались подписать новые постановления.

Однако же собрание не обратило внимания на то, что сии постановления подписаны не всеми членами оногo, 6–18 февраля депутация, под предводительством блаженнейшего Каллиника александрийского, официально представила труды свои министру иностранных дел Фуаду-паше с просьбою скорее утвердить их. Вместе с тем собрание потребовало от патриарха, чтобы он, в наказание трем протестовавшим епископам, выслал их, не сносясь с синодом, в котором они же заседают. Патриарх на это не согласился, и препроводил в Порту протест епископов и возражения на оный собрания, и предоставил ей решить судьбу этих епископов. Порта предложила патриарху оставить их без наказания. Патриарх после этого хотел было просить, чтобы его уволили на покой, но члены собрания успели убедить его святейшество отложить свое намерение.

22 февраля собрание решило послать к Фуаду-паше вторичную депутацию, с просьбою об утверждении его постановлений. Мера эта была вызвана тем, что министр иностранных дел частным образом высказал требование, чтобы *в эти постановления была внесена статья о праве, которым теперь пользуется Порта, сменять патриарха по своему*

произволу. Члены собрания никак не соглашались на это требование. Между тем если бы это несогласие между Портою и собранием не прекратилось, то Порта могла бы воспользоваться протестом трех епископов и предложить новый пересмотр предположенных постановлений, чего опасаются члены собрания. Посему князь Лобанов предложил им, чтобы они предоставили Порте упомянуть о праве сменять патриарха не в самых постановлениях, а в своем утвердительном ираде. Члены собрания приняли предложение Лобанова; но ответ Порты еще неизвестен.

Между тем посланник английский, узнав от князя Лобанова о положении дела, предложил членам собрания содействие свое к тому, чтобы было ускорено утверждение Портою правил, постановленных собранием. Митрополит артский не принял сего предложения, сказав, что, в случае нужды, собрание обратится к ходатайству посланников пяти великих держав, в том числе и к английскому. Примеру артского митрополита последовали другие члены собрания.

2) По удалении геронтов, церковно-народное собрание приступило к пересмотру своих постановлений и сделало некоторые изменения и дополнения, из которых главнейшие заключаются в следующем:

а) В первом проекте правил об избрании патриарха, в случае упразднения патриаршего престола, назначался для избрания нового патриарха *шестидесяти-однодневный* срок. Высокопреосвященный митрополит Филарет замечал, что сей срок *короток*, по пространству патриаршей области, и что 25 правило IV вселенского собора дает три месяца. В окончательно пересмотренных постановлениях церковно-народного собрания второю статьею 1-й главы шестидесяти-однодневный срок заменен сорока-однодневным, и министры Порты находят и сей срок слишком продолжительным.

б) Девятою статьею второй главы первоначального проекта предоставлено было духовенству и мирянам вакантной епархии право представить и от себя кандидата в архиереи, который, по одобрении святейшего синода, должен был включаться в число кандидатов к окончательному выбору. В исправленных

постановлениях церковно-народного собрания о сем праве епархии, участвовать в избрании епископа, не упоминается.

в) Двенадцатую статью второй главы первоначального проекта было постановлено следующее: «если проступки, в коих епископ обвиняется, суть чисто духовные: суд производится одним святейшим синодом; если же дело касается лихоимства и обмана, три светских члена постоянного совета присутствуют в суде». Ныне, согласно с мнением высокопреосвященного митрополита Филарета, выраженном в VII статье записки от 31 марта, 1859 г., статья сия изменена следующим образом: «если обвинения против епископа касаются мирских дел: патриарх и святейший синод назначат комиссию, состоящую из четырех епископов и четырех мирян, принадлежащих к постоянному смешанному совету, и эта комиссия, рассмотрев обвинения принесших жалобы и защиту обвиненного, составит мнение и предложит свои заключения святейшему синоду, который по своей правости, поступить согласно с правосудием».

г) Тринадцатую статью второй главы постановлено, что епархиальные архиереи обязаны непременно присутствовать в заседаниях смешанных судебных мест (меджлисов), учрежденных во всех областных городах, или, в случае болезни, посылать другое духовное лицо, вместо себя. В первоначальном проекте этого правила не было.

д) Статьи 14–17 второй главы содержат следующие новые постановления о наследстве особ архиерейского сана:

По кончине патриарха, епархиальна епископа, или архиерея, живущего на покое, признаются законными его собственные распоряжения по духовному завещанию касательно тех только имуществ, о которых есть положительные доказательства, что они достались по частному наследству от близких родственников. За тем, и за вычетом нужных издержек на похороны и т.п., остальное имущество разделяется на три равные части: первая часть предоставляется в пользу ближайших родственников, вторая часть употребляется на приобретение недвижимых имуществ в пользу (патриаршей или епископской) кафедры скончавшегося, доходы с которых

употребляются на приобретение других имуществ, и т.д., пока доходы со всех этих имуществ в совокупности будут достаточны для покрытия всех нужд и текущих издержек патриарха, или епископа. Если же патриарх, или архиерей, скончается на покое, то вторая часть их наследства предоставляется не в пользу их кафедры, а в пользу общественных заведений в их родине. Третья часть разделяется снова на две половины, из которых первая назначается в пользу общественных заведений в столице, а вторая в пользу вселенского патриаршего престола, и употребляется на покупку недвижимых имуществ, доходы с которых служат к покрытию нужд патриарха.

е) По первоначальному проекту архиерею воспрещалось пребывание в Константинополе: 1) без предварительного позволения патриаршего и 2) без *согласия* синода. Высокопреосвященный митрополит Филарет на сие заметил в XV статье записки от 31 марта, 1859 года: «не довольно ли первого? Нужно ли второе? Почему не доверить патриарху, что он благоразумно одному дозволит, другому не дозволит?» Ныне в 9 и 10 статьях, III главы, правило сие изменено следующим образом: «архиерею нельзя пребывать в Константинополе без дозволения патриаршего, и без *ведома* синода».

ж) В первоначальном проекте на патриарха возлагалось запрещение иметь частные сношения с каким-либо из синодальных членов для избежания всякого повода к беспорядку и недоверию. Согласно с замечаниями высокопреосвященного Филарета, запрещение сие отменено, и, вместо сего, в четвертой статье IV главы сказано следующим образом: «патриарх должен... уважать всех членов святейшего синода, со всеми безразлично обращаться с кротостью и братскою любовью, не оказывая никому из них исключительного предпочтения, для избежания всякого повода к беспорядку и недоверию».

з) В двенадцатой статье IV главы первоначального проекта было сказано, что если архиерей будет говорить против патриарха неприличным образом, позоря его имя и без стыда оскорбляя его высокий сан, то в первый раз ему полагается от патриарха наедине дружеское наставление, во второй выговор

при синоде, и в третий строгое наказание. В исправленных постановлениях эта статья изложена следующим образом: «строго требуется от членов сввода, чтобы они обращались с патриархом почтительно, и избегали всякого неприличного и неуместного действия, которое могло бы унижить епископский сан и иметь неприятные последствия, как для них, так и для церкви».

и) Первою статьею V главы от секретаря постоянного совета требуется знание, кроме греческого, турецкого, болгарского и, если возможно, французского языков. По первоначальному проекту требовались только турецкий и французский.

й) В первоначальном проекте от лиц, участвующих в избрании членов постоянного совета, требовалось, чтобы они были подданные империи и пользовались общим уважением. Теперь в четвертой статье V главы прибавлено: «без различия народности».

к) Пятнадцатою статьею той же главы постановляется, что светские члены совета будут служить безвозмездно. По первоначальному проекту им назначалось жалованье, не свыше 1500 пиастров в месяц.

л) Шестнадцатою статьею постоянному совету предоставляется, вместе с патриархом и святейшим синодом, наблюдать за правильным употреблением доходов таких церквей и мест, в которые стекается много богомольцев, и за точным исполнением хрисовул, завещаний, пожертвований, и т. д., в пользу сих мест, и, в случае нужды, входит в непосредственные сношения с настоятелями оных.

м) Восемнадцатою статьею каждому члену совета, равно как каждому православному христианину, предоставляется почтительно доводить до сведения патриарха синода об известных ему злоупотреблениях со стороны духовных лиц.

VI глава актов церковно-народного собрания содержит следующие новые постановления о доходах патриарших и архиерейских, о жалованьи патриаршим чиновникам, о содержании общественных заведений и об управлении монастырей:

На содержание патриарха определяется 500,000 пиастров; из них 130,000 пиастров вносятся жителями Константинополя, а остальные 370,000 епархиальными архиереями.

Всем архиереям назначается ежегодный постоянный доход, сообразно с нуждами кафедры и средствами епархии, от 12,000 до 121,750 пиастров, которые, по совещанию с местными народными советами (демогеронтиями), правильным образом распределяются на всю епархию.

Из этих доходов каждый архиерей посылает, чрез посредство народной кассы, патриарху от 350 до 27,000 пиастров.

Впоследствии предполагается на содержание патриарха и патриархии определить часть доходов погонийского и велльского монастырей. Тогда прекратятся и взносы епископов, и сборы с епархий в пользу патриарха.

Из ныне назначенных взносов в пользу патриарха составит, против 370,000 пиастров, излишек в 31,040, который предоставляется в пользу народной кассы.

Кроме постоянных доходов, архиереям предоставляются следующие случайные доходы.

За дозволение брака 10 пиастров.

За развод не менее 100 пиастров (в пользу общественных заведений).

За служение литургии, похорон, бракосочетание, и т. п., не менее 50 пиастров.

За отлучение не менее 50 пиастров (в пользу общественных заведений).

От каждого приходского священника ежегодно 10 пиастров, под названием канонического взноса (droit canonique).

Все остальные сборы, бывшие в употреблении, под названием филотимон, психомеридион, и т.п. отменяются.

Настоящему логофету Николаю Аристархи предоставляется пользоваться прежними его доходами, и по назначении нового логофета на его место, постановлено, что сия должность будет почетная и безмездная.

Протосингелу, первому секретарю синода и постоянного совета назначается жалованье по 24,000 пиастров, вторым

секретарям по 12,000, и т. д., на пособие синодальным членам и епископам 200,000 пиастров, на человеколюбивые заведения 300,000, и т. д.

Издержки сии покрываются следующими сборами: с монастырей в Румелии (имеющих владения в Молдавии и Валахии) 6,000 червонцев, с синайских монастырей 2,000, из свято гробской казны 8,000, с афонской общины 4,000 червонцев, и друг.

Народный долг предполагается погасить посредством особенных сборов со всех православных христиан.

Монастыри подчиняются наблюдению епархиального архиерея. Им воспрещается иметь в своем приходе деревни. В первоклассных монастырях (где более 20 братий) богослужение должно быть ежедневное; во второклассных (где более 10 братий) трижды в неделю, а в третьеклассных по субботам и воскресеньям. Воспрещается раздавать титулы игуменов упраздненных монастырей, и постановлено восстановить разоренные монастыри.

Великая церковь приложит все свои старания к тому, чтобы упрочить доходы монастырей, имеющих владения в Молдавии и Валахии, и оградить их от всякого незаконного посягательства. В вознаграждение, за таковое покровительство, монастыри будут вносить в народную кассу 10 процентов из своих ежегодных доходов, и эти суммы будут употребляться на народные нужды.

Монастыри афонские будут управляться так, как управлялись доселе, и освобождаются от взноса (филотимон), платимого патриарху за утверждение игуменов в Валахии и Молдавии и засвидетельствование разных документов. Взамен сего народная касса будет ежегодно получать от них 4,000 червонцев».

Конфиденциально.

При отношении вашего сиятельства, от 19 дня сего апреля (№ 2186), доставленные мне сведения о константинопольских делах очень печальны.

По примеру тому, что правила церковно-народного собрания о избрании патриарха были исправлены и приближены

к правилам церковным, можно было ожидать, что подобным образом исправлены будут и другие правила, особенно о важных предметах. Но сего не оказалось.

Разногласие в собрании, и открывшееся большинство голосов духовенства, требующих пересмотра правил, представляло, при худых обстоятельствах, хороший случай обратить дело на сей путь, в надежде чего-либо лучшего; но, к прискорбию и удивлению, посольство действовало противоположным сему образом.

Ради блага церкви Христовой надлежало бы дать иное направление действованию посольства. И это нужно было сделать в скорейшем времени, по получении сведений.

От 5 февраля для протеста семи архиереев доныне, в течение двух с половиною месяцев, дело по неправому пути могло пройти так далеко, что возвращение на правый путь, трудное и прежде, может быть, сделалось почти невозможным.

Теперь можно было бы решиться писать к греческой иерархии, хотя нас и не спрашивают. Но к кому? Вселенский патриарх⁷⁵ колеблется, не действует, и хочет оставить свое место. В каком положении синод, и кто в нем теперь, не видно. Патриарха александрийского⁷⁶ признают пристрастным искателем вселенской кафедры. Патриархи антиохийский и иерусалимский⁷⁷ сидят у себя, закрыв глаза; и думают, что не придет зло, которого они не хотят видеть.

Не имеете ли вы, или Святейший Синод, сведений, каких я не имею, которые бы могли осветить какую-нибудь стезю среди сего мрака?

Препровождаю при сем обстоятельную записку, в которой открываются печальные виды неблагополучного дела.

О благосостоянии святых церквей Господу помолимся.

25 Апреля, 1860 г.

Об актах константинопольского церковно-народного собрания, при виде окончания оных

I. Две записки: о действиях сего собрания, по удалении геронтов, и о пересмотре постановлений церковно-народного собрания, представляют весьма неутешительные виды. Печальные виды представляло сие собрание и в начале, и в продолжении своего действования, но являлись и некоторые надежды лучшего; наконец, надежды не оправдываются, и вид дел становится мрачнее прежнего.

II. Предметы церковно-народному собранию подлежали вообще церковные; следственно представляющиеся вопросы надлежало разрешать, во-первых, согласно с правилами церковными; во-вторых, применительно к особенным обстоятельствам Восточной церкви, при помощи опытных, благорассудительных и благонамеренных соображений. Такому делу свойственно было производиму быть или чисто церковным собором, или, применительно к особенным обстоятельствам церкви и руководимых ею народностей, содействием нескольких избранных светских особ. Но на деле оказалось, что в церковно-народном собрании церковная стихия стеснена была преобладающим большинством светских членов.

III. Благонамеренность членов могла исправлять действие сего неравновесия. И, подлинно, проект правил о избрании патриарха, в начале далекий от церковных правил, в последствии, посредством пересмотра, довольно соглашен был с ними.

IV. В постановлениях церковно-народного собрания есть и другие проекты, между прочим, о предметах великой важности, которые требовали бы подобного пересмотра.

Таково постановление: «каждый член будет заседать в синоде не более двух лет». По сему правилу не будет опытных членов синода; и это неблагоприятно для твердости его действования. Таково постановление о низведении святейшего патриарха с престола действием смешанного собрания, после

двух «почтительных замечаний» синода, и после третьего «почтительного замечания» синода и постоянного совета.

Таково слишком неопределенное постановление о низведении патриарха за нарушение «политических обязанностей».

Последняя записка о пересмотре не показывает, чтобы указанные здесь постановления подвергнуты были пересмотру, и чтобы получили какое улучшение.

V. В записке является новое постановление, что «епархиальные архиереи обязаны непременно присутствовать в заседаниях смешанных судебных мест».

Неизвестно, какие дела будут подлежать действию сих смешанных судебных мест. Но невольно представляются вопросы: удобно ли согласить сие с обязанностями архиерея, например, в путешествии для обозрения епархии? Не придется ли архиереям подписывать определения о палочных ударах, и тому подобные? Не будет ли сия новая обязанность поводом к возбуждению против архиерея неудовольствий и распрей, тогда как характер его служения должен быть преимущественно мирный? Почему не быть в сих судах другому духовному лицу постоянно, что допускается временно, в случае болезни епископа?

VI. «Шестнадцатою статьею постоянному совету предоставляется, вместе с патриархом и святейшим синодом, наблюдать за правильным употреблением доходов таких церквей и мест, в которые стекается много богомольцев».

Доходы сих мест могут быть следующие: 1) деньги, по благочестивому усердию, полагаемые богомольцами пред особенно чтимою святынею, которые потому и принадлежат сей святыне, и должны быть употребляемы на свечи, или лампадный елей, на ладан и прочие потребности богослужения, и, в случае избытка, на дела человеколюбия, не противные благочестивому усердию, например, на питание бедных, из тех же богомольцев; и 2) деньги, из благодарности даваемые богомольцами духовенству, совершающему для них молитвословия, и следственно составляющие собственность сего духовенства с его начальством. Не видно, по какому праву

и для какой цели народный совет входит в наблюдение за сими деньгами?

Евангельская вдовица может задуматься, положить ли ей свои лепты в сокровищницу храма, когда народное собрание хочет стеречь их, вероятно, для того, чтобы взять себе. Печально видеть к святейшему патриарху и синоду недоверие, по которому народное собрание, видя у них деньги, их распоряжению подлежащие, приставляет к ним от себя непрерывную стражу.

По крайней мере, можно было бы тоже дело сделать более благовидным и более согласным с церковными правилами образом, чрез устройство церковно-хозяйственного комитета из нескольких экономов кафедр, с одним или двумя депутатами от народного собрания, под главным начальством патриарха и синода, и с отчетами пред ними.

VII. В постановлениях о жаловании представляются необычайности.

Жалованье архиерея (от 12,000 до 121.750 пиастров) получается налогом, распределяемым на всю епархию. Удобно ли и благоприятно ли для дружелюбных отношений пастыря с паствою?

Какое твердое основание тому, что иной архиерей будут получать в десять раз более другого?

Есть ли верная сообразность в том, что некоторые архиереи будут получать 12,000 пиастров, жалованье равное жалованью второго секретаря синода и постоянного совета, а первый секретарь будет получать вдвое более архиерея?

Жалованье патриарха 500.000 пиастров, и в счет его, впредь до усмотрения, 370.000 должны вносить архиереи.

VIII. Архиерею предоставляются случайные доходы:

- 1) За дозволение брака 10 пиастров.
- 2) За развод не менее 100 пиастров (следственно и более, беспредельно) в пользу общественных заведений.
- 3) За служение литургии, похороны, бракосочетание не менее 50 пиастров.
- 4) За отлучение не менее 50 пиастров в пользу общественных заведений.

5) От каждого приходского священника ежегодно по 10 пиастров, под названием канонического взноса.

К сим последним словам приписаны французские (droit canonique) не для того ли, может быть, чтобы основания сему искали в западном каноническом праве, потому что в каноническом праве православной церкви такого налога нет?

Непонятно, с какою целью узаконяется за совершение литургии архиерею брать не менее 50 пиастров; ибо сим разрешается давать и брать более, сколько угодно, а запрещается брать и давать 45 пиастров, 40 и так далее. Неужели посему должно осудить архиерея, если он, по любви к благочестивому, но бедному мирянину, совершит с молитвою о нем литургию, и получит 10 пиастров, или совсем ничего не получит?

Не справедливее ли или не полезнее ли было бы следующее правило: за служение литургии, погребение, бракосочетание архиерей может принимать добровольные даяния от мирян; но если бы потребовал более предлагаемого, то подлежал бы осуждению, как вмешивающий корыстные виды в святое дело богослужения.

IX. Назначается брать с синайских монастырей 2000 червонцев, из святоградской казны 8000 червонцев, с афонской общины 4000 червонцев. Не видно, почему сия обязанность возлагается на иерусалимскую церковь, имеющую своего патриарха, свой синод и свое управление?

Касса народная, то есть принадлежащая народу, будет ли в состав свой получать что от народа, не видно; и ясно видно то, что она будет получать 4000 червонцев от афонских монахов.

В России, при чтении сего постановления новообразуемого христианского управления, невольно приходят на мысль старинные взятки ханов, которые, не будучи христианами, требовали от христианского российского духовенства и монахов только молитвы, или денег.

X. Когда дело церковно-народного собрания, по-видимому, приближалось к совершению, оно значительно поколебалось и обнаружило признаки нетвердости.

Три патриарха не участвовали в трудах сего собрания, хотя польза церкви требовала бы, чтобы духовенство, соединив все свои силы, стало на страже церковных правил, дабы охранить их от произвольных действий светской стихии. Вдруг явился в собрание патриарх александрийский Каллиник, признался, что прежде не одобрял действий оного, но объявил, что теперь находит оныя правильными и полезными; и такую нечаянностью не убедил собрание в искренности своих убеждений.

Потом вселенский патриарх и логофет оказались не единомысленными с собранием. Далее, три члена собрания, архиереи: адрианопольский, димитриадский и силиврийский, отказались подписать акты оного, и с четырьмя другими архиереями подали патриарху протест, в котором требовали, чтобы акты подвергнуты были рассмотрению патриархов настоящих и живущих на покое и других архиереев, опытных в делах. Таким образом открылось, что акты о предметах церковных опираются на мнения только четырех или пяти архиереев, тогда как не одобряются семью архиереями, с которыми, вероятно, согласен и вселенский патриарх; и следственно неодобряющееся мнение пользуется большинством.

XI. При таком положении дела нельзя признать правильным и беспристрастным действия народного собрания, которое двукратно домогалось получить от Порты утверждение актов.

XII. Нельзя, без глубокого прискорбия, видеть, что в то время, когда сии акты, с правилами церковными и с пользою церкви не соглашенные, ничтожным меньшинством духовенства одобряемые, и напротив, хотя немногочисленным, однако же большинством духовенства не одобряемые, поставлены чрез сие на путь не к утверждению, а к пересмотру⁷⁸, российский, в Константинополе, посланник⁷⁹ принял неправую сторону народного собрания, дал ему побуждение и совет, как бы скорее достигнуть утверждения актов, и открыл о сем английскому посланнику, который, вследствие сего, вызывался содействовать сему.

XIII. Достойно замечания, что в сем случае митрополит артский, хотя и стоящий на стороне народного собрания,

заблагорассудил последовать не внушению русского посланника, а внушению осторожности: он отказался принять предложение английского посланника.

XIV. Полагаю, что если бы все сие благовременно известно было Святейшему Суноду, то он употребил бы убедительное ходатайство, чтобы по сему предмету русскому, в Константинополе, посланнику дано было иное направление, именно, чтобы он способствовал обращению актов к пересмотру, предложенному семью архиереями.

XV. Наконец дело, построенное из многих необычайностей, покрыто новою необычайностию. Турецкий министр иностранных дел требует, чтобы бы в постановления церковно-народного собрания внесена была статья о праве Порты сменять патриарха по произволу. Члены собрания не соглашаются. Как поступит в сем случае русское посольство? Поддержит ли оно христианскую сторону? Станет ли против произвола, когда дело идет о законе? Будет ли держатся всегдашней политики России, чтобы поддерживать несменяемость патриарха? Сошлется ли на права, огражденные союзным трактатом? Чтобы скромно отклонить магометанский произвол, укажет ли, по-крайней мере, на то, что в актах есть уже (хотя, впрочем, не очень счастливое) правило о низведении патриарха с престола за неисполнение политических обязанностей? Ничего такого не оказалось. Напротив, того, посольство дало Порте совет, как удобнее удержать свой произвол. Оно предложило упомянуть о праве сменять патриарха в утвердительном ираде⁸⁰.

Не сего, без сомнения, желал и ожидал благочестивейший Государь Император Всероссийский, защитник православной церкви.

24 Апреля, 1850 г.⁸¹

23 мая. Мнение митрополита Филарета, по поводу постановления церковно народного собрания, об увеличении получаемого логофетом⁸² Николаем Аристархи содержания

По официальному известию из Константинополя, от 7 февраля сего 1860 года, церковно-народное собрание представило странное зрелище.

Собрание определило, чтобы должность логофета, как почетная, проходима была впредь без жалованья, но, чтобы нынешний логофет Николай Аристархи сохранил получаемое им жалованье, 50 тысяч пиастров. Но он сим не был доволен, и требовал увеличения жалованья. Собрание не соглашалось; на сие он сказал, что, «свергнув десять вселенских патриархов, он будет уметь и теперь испросить от Порты фирман, от которого задрожат упорные члены совета». Устрашенные члены собрания прибавили к своему постановлению статью, которою, в уважение отличных заслуг Аристархи, предоставили ему желаемое им увеличение жалованья.

В сем заседании не присутствовал доктор Карафеодори. В следующем заседании он в долгой речи, между прочим, сказал, что собрание составлено не для того, чтобы назначать награды, и что Аристархи, который хвалится, что низложил 10 патриархов и 50 архиепископов, без сомнения, довольно награжден при занятии сих вакансий, так как известно, что сие дорого стоило избираемым. Побужденное смелостию и красноречием Карафеодори, собрание уничтожило дополнительную статью, внесенную в акты в предшествовавшем заседании.

Способно ли такое собрание составить правила благоустройства? И составляемые им правила будут ли приняты с таким уважением, которое покоряло бы им совести, и побуждало к верному исполнению оных?

23 мая, 1860 г. ⁸³

27 мая. Письмо митрополита Филиппа к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, о неточности сообщенных ему из Константинополя депеш и происшедших отсюда неверных по ним заключений

Конфиденциально.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Прочитав сообщенные мне константинопольские депеши в полном их тексте, не мог я оставить без внимания то, что сообщенные мне прежде извлечения из сих депеш были не точны, и сделаны с опущением важных обстоятельств. Из сих неточных извлечений в записке моей 24 апреля выведены заключения, которые не должны были быть таковы, если бы я смотрел на дело по точным сведениям полных депеш. По долгу справедливости, объяснил я сие в прилагаемой при сем записке; и как записка моя 24 апреля доведена была до сведения г. министра иностранных дел, то ваше сиятельство окажете мне справедливость, если благоволите довести до его сведения и прилагаемую при сем записку.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

В лавре. Мая 27 дня, 1860 г.⁸⁴

О неточных извлечениях из депеш

От 19 апреля, сего 1860 года, препровождены были ко мне две записки: 1) о действиях церковно-народного собрания, по удалении геронтов, и 2) о пересмотре постановлений церковно-народного собрания. Соответственно содержанию сих записок составлена мною записка 24 апреля.

22 мая сообщены мне депеши из Константинополя, от 7, 21, 23 и 28 февраля и 6 марта. Оказалось, что вышеозначенные записки извлечены из сих депеш, но неточно.

В депеше 6 марта, 1860 г., сказано, что Порта конфиденциально изъявила народному собранию свое согласие утвердить акты его, если в них особою статьею признано будет право оттоманского правительства низлагать патриарха в случаях, которые предусмотрены и обозначены в берате, выдаваемом новоизбранному патриарху. В берате же обозначается, между прочим, следующий случай: «если он нарушит верность к нашей славной империи».

Но в записке, сообщенной мне от 19 апреля, не упомянуто, что Порта требование свое основала на принятой форме берата, а сказано, что министр ее требовал постановления о праве ее «сменять патриарха по своему произволу». Эта неверность немаловажная. В сем последнем виде требование Порты представлялось не законом, а отрицанием всякого закона, выражением крайнего преобладания, простертого до забвения справедливости; тогда как, напротив, требование Порты не было так неограниченно, и основывалось на существующем уже обычае, и на праве государственном. Такое неверное изложение дела, по необходимости, вело к заключению о требовании Порты более строгому, нежели какого требовал истинный смысл оно.

В записке, сообщенной мне от 19 апреля, сказано о стремлениях остановить преобразования, о сопротивлении патриарха, об отказе трех епископов от подписания актов народного собрания и о их протесте; но не упомянуто, что патриарх одобрил и подписал акты. По точным же словам

подлинной депеши, патриарх объявил в собрании, что он признает законными и согласными с его совестью все акты совета; и, как они касаются вопросов чисто административных, а отнюдь не вопросов духовных, то он не хочет отказать собранию в подписании оных». Из подлинной депеши видно также, что даже один из протестующих архиереев подписал акты, и что патриарх в тоже время осудил трех протестующих.

Опущение сих обстоятельств составляет важную неверность в изложении дела; ибо при сих обстоятельствах акты получают более значения, нежели имели бы без оных, и не так удобно могут быть отвергаемы, как если бы не было о них такого свидетельства патриарха и подписи его под ними.

Из постановлений совета, наиболее удаленное от церковных правил и угрожающее вредом, есть постановление о низложении патриарха, после трех замечаний действием смешанного собрания, в котором большинство составляют светские члены. Но когда и сие постановление, в числе *всех* прочих, так решительно одобрено вселенским патриархом, то, после сего, действие российского посольства в пользу актов не предоставляется так несообразным с обстоятельствами, как оно представлялось по неточным выпискам из депеш.

В подлинных депешах есть и другие обстоятельства, которые дают делу вид, не открытый в извлечениях. Митрополит адрианопольский подписывает акты; и отказывается от своей подписи. Никто в собрании не стал твердо против угрозы логофета Аристархи, неуместно требовавшего себе увеличения жалованья, и все, бывшие в собрании, сделали постановление в его пользу. В следующее заседание явился благонамеренный Карафеодори: и как прежде один человек заставил собрание сделать постановление, так теперь один человек заставляет уничтожить сделанное постановление. Карафеодори достоин уважения; но каково достоинство собрания? И не имело ли причины российское посольство опасаться, что неудовлетворительно составленные акты, в случае исправления их, могут сделаться хуже?

С прискорбием должен я признать, что сообщенные мне, 19 апреля, извлечения из депеш, с опущением важных обстоятельств, привели меня, в записке моей 24 апреля, к некоторым заключениям, которые не были бы таковы, если бы я имел тогда в виду подлинные депеши.

26 Мая, 1860 г.⁸⁵

1 июня. Письмо митрополита Филарета к князю С.Н. Урусову⁸⁶, с приложением записки: о пересмотре константинопольских актов

Конфиденциально.

Светлейший князь, милостивый государь.

Письмо вашего сиятельства, от 25 мая, получил я на пути в лавру, будучи при том связан данным словом совершить в следующий воскресный день освящение одного сельского храма. Потому не мог довольно скоро написать то, что требовалось.

Теперь, возвращая письмо г. посланника⁸⁷, от 10 дня мая, не прямо к вам, но, как вы требовали, чрез графа Александра Петровича, непосредственно к вам препровождаю при сем записку о пересмотре константинопольских актов, и к ней присовокупляю, нужную к объяснению, записку 26 дня мая о неточных извлечениях из депеш. Графу Александру Петровичу последняя записка сообщена, и первая теперь же сообщается в другом списке.

Призывая вам благословение Божие, с истинным почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга,

Филарет, митрополит московский.

В гефсиманском ските.

1 июня, 1860 г. ⁸⁸

О пересмотре актов константинопольского-церковно-народного собрания

I. По соображении имеющихся сведений о сих актах, о составителях их и о том, в какие руки может впасть пересмотр их, оказывается нужным рассмотрение двух вопросов: 1) точно ли нужен пересмотр, и 2) может ли он, при настоящих обстоятельствах, быть предпринят с благонадежностью?

II. В записке моей 24 апреля⁸⁹, в статьях IV, V, VI, VII, VIII, IX, указаны те постановления сего собрания, более или менее важные, которые требуют пересмотра и усовершенствования, и частью значительного изменения. Важнейшее из них есть постановление о низложении вселенского патриарха, более других удаленное от правил церковных, и угрожающее вредом для церкви. Не могу и теперь отказаться от мнения, что пересмотр актов точно нужен.

III. Но великую трудность представляет второй вопрос, о возможности благонадежного пересмотра актов при настоящих обстоятельствах. Сей вопрос не был мною рассматриваем в записке 24 апреля; потому что тогда не имел я в виду сведений, дошедших до меня впоследствии и особенно заключающихся в письме г. посланника, от 10 мая.

IV. По сведениям, составившимся доньше, вопрос о благонадежном пересмотре актов подвергается сильным сомнениям. Весьма значительно то (прежде неизвестное) обстоятельство, что их подписал вселенский патриарх, одоблив их пред церковно-народным собранием в сильных выражениях, что он «признает законными и согласными с его совестью все акты совета; и как они касаются вопросов чисто административных, а отнюдь не вопросов духовных, то он не может отказать собранию в их подписании». Патриарх александрийский⁹⁰ также подписал акты. Из сего, без сомнения, будет извлечено возражение против пересмотра; и ревнующие за твердость церковной иерархии должны признать, что не очень удобно пренебречь решение вселенского патриарха, и другого, старейшего по нем, патриарха. Как пересмотр будет

ограждать твердость иерархии, если он начнется обращением в ничто решения верховного лица иерархии?

V. Имеем в виду поразительный опыт нетвердости всех духовных и светских членов церковно-народного собрания, кроме одного, и то светского члена. Логофет Аристархи неуместно требовал увеличения своего жалованья.⁹¹ Собрание не соглашалось. Но когда он еще более неуместно похвалился, что свергнул десять патриархов, и произнес угрозу, тогда все присутствующие члены собрания сделали раболепное постановление, согласно с его желанием. В следующее заседание пришел доктор Карафеодори, доказал нелепость сего постановления, и собрание, по справедливости уничтожив сделанное им самим постановление, с тем вместе вновь обнаружило свою нетвердость; потому что одному человеку допустило ввести его в погрешность, и для исправления погрешности нашелся только один человек. Если так нетвердыми оказались себя избранные люди, и если такие же люди собраны будут для пересмотра актов, то можно ли ожидать улучшения оных? Не должно ли опасаться большего повреждения?

VI. Если принять в рассуждение сведения, что, так называемые, геронты принимали живое участие в возбуждении раздора между духовными членами церковно-народного собрания и следовавшего за тем протеста, что им деятельно помогал вышеупомянутый логофет Аристархи; что геронты употребили даже подкуп для ниспровержения действий церковно-народного собрания; что, в случае предпринятия пересмотра актов, сии самые геронты (которых звание найдено незаконным и вредным, и актами уничтожено), в качестве старших архиереев, сделаются деятельными членами пересматривающего собрания; что, по предположению Порти, в сие собрание войдут светские члены, выборные из всех цехов, и следовательно и в пересматривающем собрании, также как в составлявшем акты, церковные предметы подвергнутся суду светских лиц: то не можно убедиться, что второе собрание будет лучше первого, и нельзя не опасаться, что пересмотр актов

возвратит силу беспорядкам и злоупотреблениям, против которых составляемы были акты.

VII. Теперь вселенский патриарх решился оставить престол свой.⁹² Если акты собора не будут утверждены, или хотя временно допущены в действие, то избрание патриарха должно произойти по прежнему обычаю, и может подвергнуться замешательству, или впасть в пристрастные руки геронтов, которые, без всякого основания в церковных правилах, почитают себя, как сказано в замечаниях на акты, приписываемых одному из них, Иоакиму, митрополиту кизическому, «эфорами и представителями всех отсутствующих архиереев», и следственно себе одним усвоят право избрания патриарха. Вероятнейшим последствием сего может быть то, что дела церковные с пути исправления возвратятся на прежний путь неисправности.

VIII. Не без основания члены церковно-народного собрания утверждают, что единственное судилище, которому они могут подчиниться с своими актами, утвержденными вселенским патриархом, и другим патриархом, есть собор представителей всех православных церквей, в том числе и Российского Святейшего Синода, и синода афинского. Требование такого суда может иметь силу особенно в том случае, если патриархи не откажутся от своей подписи, как отказался один из митрополитов. Из сего рождается новое опасение, что предполагаемый пересмотр актов, без требуемого собора, не достигнет цели, и может произвести несогласия, более сильные, нежели нынешние.

IX. Мысль же о соборе и неудобоприложима к настоящему делу и вообще неудобополнима в настоящих обстоятельствах, по следующим соображениям:

1) Порта, по всей вероятности, не согласится ни на то, чтобы в ее владениях собрался собор, в котором бы участвовало и российское духовенство и духовенство греческого королевства, ни на то, чтобы духовенство пошло для сего из ее владений за границу. Не может ли случиться, что ее возражения против сего и западными державами поддержаны будут?

2) По чину древних соборов, на собор должны придти все епископы церковных областей, предприемлющих собор, или, по крайней мере, большее число епископов, которым прочие могут вверить на сей случай свои голоса. Но удобно ли, например, хотя 25 российских епископов, с потребным напутствием, отправить в Константинополь на неопределенное, без сомнения, не краткое время, и столько епархий большею частию обширных, оставить без архиереев?

3) Вопросы, рассмотренные в константинопольских актах, частию могут быть разрешены по правилам церковным, а частию только по местным соображениям, недоступным собору. Например, собор может решить, что епископ не должен брать с каждого приходского священника ежегодно 10 пиастров, под названием канонического взноса, потому что в канонах православной церкви сего нет; но может ли собор решить вопрос: откуда, вместо сего, взять деньги на содержание епископа?

4) Да и самая греческая иерархия, не без права присвояющая себе самое высокое положение в православной церкви, предложит ли составить собор, с участием церкви Российской и церкви греческого королевства, и согласится ли подчиниться решениям такого собора по вопросам, как выразился святейших патриарх, чисто административным, касающимся только внутреннего устройства греческой церкви, а не по вопросам догматическим, и относящимся до всей церкви Вселенской? Церковь же Российская не может предложить созвание такого собора по той же причине, что дело идет не о догматических и до всей церкви Вселенской относящихся вопросах, а также и потому, что она не имеет официального сведения о происходящем в церкви константинопольской.

Х. Итак, в настоящем деле непреклонно стоят, одна против другой, две противоположные мысли: 1) что пересмотр константинопольских актов нужен и 2) что пересмотр сей в настоящих обстоятельствах крайне неудобен и ненадежен. Между сими противоположностями должно искать пути для исхода дела. Не может ли сей путь найден быть в том, чтобы Порта допустила составленные акты в действие на три года,

или несколько более, для опыта, с предположением подвергнуть потом пересмотру те постановления, на которые для сего укажет опыт и довольно внятный голос православной церкви? Может быть, по времени, Господь призовет на вселенский Престол мужа силы духовной, и поможет ему собрать сотрудников, у которых пересмотр состоявшихся доныне актов будет в руках чистых, твердых и благонадежных.

XI. Если же сей путь к исходу дела, сколько-нибудь благонадежному, не будет одобрен, или не окажется возможным открыть его: то едва ли что́ остается для Российской церкви, при виде затруднений церкви греческой, как молить Господа Вседержителя, чтобы Он неистощимыми средствами Своей премудрости и милосердия сохранил безопасным колеблющийся кивот святыни, и не предал его в плен иноплеменникам.

XII. Если сему мнению моему не суждено остаться без внимания, то, да будет *спасение во мнозе совете*: прошу подвергнуть оное совещанию первенствующего члена Святейшего Синода.

31 Мая, 1860 г.⁹³

14–17 июня. Замечания митрополита Филарета на письмо князя А. Б. Лобанова-Ростовского, от 24 мая

Князь С. Н. Урусов, при отношении, от 11 июня, 1860 года, за № 3524, препроводил к митрополиту Филарету, «в русском переводе, полученную им из министерства иностранных дел выписку из частного письма русского посланника, в Константинополе, министру иностранных дел, от 24 мая, 1860 года», следующего содержания: «При сем представляю вашему сиятельству объяснения на одну из записок, духовного ведомства, которую вы изволили сообщить мне при письме от 4 мая. Смею надеяться, что вы удостоите обратить внимание на умеренность тона в моем ответе; я должен признаться, что это мне стоило чего-нибудь, при встрече с приводимыми в той записке основаниями, совершенно неверными. Мои объяснения касаются только того, что относится лично до меня; что же касается до полемики о каноническом праве, то с моей стороны было бы весьма неприлично входить о том в состязание со Святейшим Синодом. Впрочем, я не король сардинский, и не мог бы снести равнодушно порицания, которому могло бы подвергнуться личное мое поведение со стороны наших духовных властей. Поэтому я считаю себя обязанным, если, впрочем, не получу положительных приказаний, держаться как можно дольше от всего, что может произойти в церкви константинопольской; и однако же открытия и искренняя поддержка со стороны Святейшего Синода дала бы мне в эту минуту неоспоримую силу к предупреждению всего того зла, которое, как я очень опасюсь, в непродолжительном времени, разверзнется пред моими глазами».

В упомянутом «объяснении» князь Лобанов писал:

«Я прочел с глубоким вниманием сообщенную мне императорским министерством конфиденциальную записку высокопреосвященного митрополита московского «об актах константинопольского церковно-народного собрания, при виде окончания оных» и извлек из нее, для себя лично, поучительные

указания относительно церковно-административных вопросов, подлежавших суждению сего собрания.

Но в применении к здешним церковным делам, указания сии, к сожалению, должны оставаться бесплодными. Императорская миссия и теперь, как и прежде, не считает себя в праве и не имеет возможности вступаться в решение канонических вопросов и давать по этому поводу Восточной церкви непрошенные ею советы, хотя бы даже от имени церкви Российской. Едва ли и предстоит в том польза и надобность в настоящее время; ибо, при ожидаемом возвращении в Константинополь митрополитов-геронтов, не подлежит почти никакому сомнению, что не только худое в актах совета, но и все его дело будет вполне ниспровергнуто.

Как бы то не было, но я считаю себя обязанным, в очищение собственной моей совести, указать на некоторые недоумения, возбужденные во мне чтением записки высокоуважаемого архипастыря нашего, в особенности что касается до официального моего действия в вопросе, столь близком к сердцу всякого православного русского, а тем более важном для меня, как представителя императорского правительства.

Замечания и соображения митрополита московского основаны, как видно из самого начала и из некоторых других мест его конфиденциальной записки, на данных, сообщенных его высокопреосвященству в двух других записках, под заглавием: «о действиях церковно народного собрания, по удалении геронтов» и «о пересмотре постановлений сего собрания». Эти две последние записки мне неизвестны; но данные, заключающиеся в них, не вполне согласны ни с пересмотренною редакцией постановлений народного собрания, ни с собственными моими депешами.

Так, напр., в VI п. записки высокопреосвященного митрополита сказано: «16-ю статьею постоянному совету предоставляется, вместе с патриархом и св. синодом, наблюдать за правильным употреблением доходов таких церквей и мест, в которые стекается много богомольцев».

Между тем соответствующая статья пятого члена актов (о смешанных народных советах) говорит о надзоре за правильным употреблением доходов всех священных обителей, т. е. церквей и монастырей, зависящих от вселенской патриархии и находящихся в пределах турецкой империи, согласно с хрисовулами, духовными завещаниями и другими дарственными записями жертвователей. Поэтому здесь вовсе не идет речь о деньгах, приносимых по усердию богомольцев пред особенно чтимою святынею, или жертвуемых ими духовенству, за совершение молитвословий и треб, а говорится о доходах с церковных и монастырских имений. Известно, как громко вопиет теперь общественное мнение христиан в Турции (в Эпире, Кандии и других местностях) против несоответственного употребления и расхищения этих доходов корыстными управителями, без ведома самих кириархов; о подобном же предосудительном управлении поверенных святого Гроба принадлежащими ему имениями в России неоднократно извещаем был и наш Святейший Синод от собственного нашего духовного начальства в бессарабской области.

VII §-м высокопреосвященный митрополит указывает на несообразности в способе взимания и в сравнительной несоразмерности определенных епархиальным архиереям доходов с паствы.

На сие можно отвечать, что система обязательного налога принята за основание платы с двоякою доброю целию: 1) чтобы предупредить на будущее время соблазнительные распри между архиереем и паствою о количестве, так называвшихся прежде, добровольных пожертвований паствы, в самом же деле насильственных с нее поборов; 2) чтобы помешать турецкому правительству определить от себя жалованье архиереям, обложив для сей цели своих христианских подданных новым правительственным налогом, будто бы в пользу епископов, и тем перевести в свои руки самые средства существования православного духовенства.

Что же касается до ничтожности архиерейских доходов в некоторых епархиях, то в ней виноват не народный совет, а

излишнее размножение епископских кафедр, на сравнительно малых пространствах, и при весьма ограниченных паствах, из коих многие не в состоянии заплатить более.

При распределении случайных архиерейских доходов (VIII § записки), народный совет принимал за основу не большую, а меньшую степень (minimum) взноса, единственно в видах ограждения выгод епархиальных архиереев; ибо, при общем ныне упадке уважения к духовным владыкам со стороны народа в областях Турции, надлежало опасаться, что паства отказалась бы от какой бы то ни было платы высшему своему духовенству, если бы определение количества оной предоставлено были произволу мирян. Не воспрещается, впрочем, ни владыкам, если пожелают того, совершать требы даром или за меньшую плату, ни мирянам давать от усердия более узаконенного.

Переходя теперь собственно к образу действия императорской миссии в здешних церковных вопросах, я замечая, с прискорбием, что он подвергся, совершенно непонятным для меня, укори́знам в последней части записки высокочтимого мною архипастыря (§§ XII–XV).

Я поддерживал церковно-народный совет своим нравственным влиянием только по отношению к общему духу, всей его деятельности.

В этом смысле я принял его сторону не только в последний период трудов его, но с самого начала и во все продолжение оных, потому что во всей его деятельности, как мне казалось, проводилась одна главная мысль, неизменно остававшаяся верною самой себе: примирить духовенство с народом, ограничить произвол и того и другого, установить порядок и твердый церковный авторитет, вместо прежних безначалия и беспорядков. Этой мысли принесены уже были в жертву личные интересы геронтов; и всякое действие, которое имело бы в виду возвращение им прежнего значения в церкви, казалось мне предосудительным для православия. Посему я не мог одобрить ни протеста меньшинства духовных членов совета, к коему присоединились еще четыре архиерея синода, как теста связанного с тайными происками геронтов, ни пересмотра актов совета на основаниях, предложенных Порте протестовавшими,

т. е. чтобы пересмотр этот произведен был самими же геронтами, личными врагами совета. При всем том, если бы народное собрание не имело на своей стороне законного представительства высшего церковного авторитета, я мог бы и должен был бы воздержаться от нравственной ему поддержки. Но в нем сначала до конца председательствовал вселенский патриарх, верховный представитель прав греческой церкви и народа, утвердивший своим участием и подписью все его акты. Я должен был, уже по самой этой причине, принять его сторону, дабы не выходить из пределов самой строгой законности.

Но, защищая народное собрание, я избегал положительного ходатайства в пользу его пред турецким правительством, предоставляя ему самому ведаться с Портою, собственными силами, так как дело его не касалось нас непосредственно, а между тем затрагивало самые живые интересы греческой церкви и народа, в которых он был лучший судья. Депеши мои служат доказательством, что в редких случаях объяснений моих с Портою по церковным вопросам, турецкие министры сами заговаривали со мною об этих делах, не дожидаясь моего вызова. Я твердо уверен, что если бы личные мои объяснения с ними могли быть облечены официальной силою мнения Российской церкви, то дело совета давно уже было бы окончательно выиграно, тогда так теперь оно близко к падению.

В записке митрополита московского выражено мнение, будто я открылся английскому послу в делах народного совета, с целью вызвать его на совокупное действие в пользу скорейшего утверждения актов одного, и побудить самих членов собрания к принятию предлагаемого им Генри Бульвером покровительства; но что артский митрополит отказался от одного, отступив в этом случае от моих внушений.

Напротив того, из депеши моей, от 23 февраля–6 марта, № 22, явствует, что сэр Генри Бульвер, в нескромном желании своем заявить пред народным советом свое собственное значение и вес у турецких министров, в подрыв исключительному моему влиянию в делах единой церкви, старался вывести мое мнение о делах собрания; что я удовлетворил его любопытство лишь в общих чертах и с тем,

чтобы помешать ему повредить желанному мною исходу этого дела противными происками, и что, к изумлению моему, английский посол стал выдавать мое мнение за собственное, предлагая членам собрания непростительное свое покровительство. О находчивом же ответе артского митрополита и прочих его товарищей я отзывался с явным одобрением, и самое уведомление о сделанном им Бульвером предложении получил, доверительным образом, от того же митрополита. Уже и прежние мои донесения императорскому министерству о неудавшихся попытках английского посла заставить великую церковь служить послушным орудием британской политики на ионических островах свидетельствуют, самым положительным образом, что я неусыпно следил за всеми посягательствами иноверных держав на честь и достоинство вселенской патриархии. А факты показывают, лучше всех объяснений, что с самого начала действий народного собрания члены оного не открывались никому из представителей иностранных держав, кроме меня одного. Я также отклонил и бывшего французского посла от враждебных оному домогательств пред турецким правительством.

В § XV записки высокопреосвященного митрополита сказано, далее, что императорская миссия дала Порте совет, как удобнее удержать произвол свой в низложении вселенских патриархов, предложил ей упомянуть о сем праве в утвердительном ираде.

Конечно, подобное действие с моей стороны было бы чистым предательством церкви в пользу мусульманского произвола. Но самое обвинение в столь важной погрешности тем чувствительное для меня, что подробное изложение факта, послужившего к оному поводом, в депеше моей, от 23 февраля–6 марта, № 22, несомненно доказывает, что я, совершенно наоборот, поступил в этом случае, в видах вящего ограждения прав церкви от произвола мусульманского правительства.

А именно, когда народный совет уже представил в Порту полный свод своих актов, турецкие министры остались недовольными тем, что в постановлениях оного об избрании

патриарха не выговорено в пользу правительства права сменить его, по смыслу бератов, за нарушение им духовных обязанностей своего сана и за измену правительству, и предоставлено самой церкви, т. е. синоду и смешанному совету, определять, по собственному усмотрению, отдельные случаи, когда предписания берата имеют быть применяемы к низложению патриарха. Турецкие министры предложили, вследствие сего, совету дополнить этот пробел в своих актах. Некоторые из членов собрания, уstraшенные настойчивостию Порты, обратились ко мне за советом, как поступить в этом случае. Имея в виду, что удовлетворение желания Порты нарушить самые драгоценные права церкви и народа, я дал им совет противиться всеми силами домогательству турецких министров. Но так как можно было предвидеть, что последние не легко отступятся от своих требований, тем более, что право сменять патриарха в известных случаях действительно утверждено за Портою бератами султанов-завоевателей, и тяготеет над греческою церковью и народом, как официально-неизбежное зло, я дал некоторым, как духовным, так и светским, членам собрания мысль предложить оттоманским министром упомянуть о правах Порты в утвердительном ираде в тех же самых выражениях, в каких они значатся в обычных патриарших бератах, вместо того, чтобы включать оные в акты церковно-народного собрания. Подобная сделка, присовокупляя в депеше моей, от 23 февраля, «имела бы для народного собрания ту важную выгоду, что избавляла бы иное от тяжелой необходимости освящать в общенародном акте начало, столь противное совести и интересам христианского племени, и слагала бы на одну Порту, в глазах ее православных подданных, всю ответственность столь ненавистной им меры.

Но Порта не согласилась на предложение, которое было действительно сделано ей в этом смысле народным советом. Она предпочла, для своих выгод, не утверждать вовсе первого члена актов совета об избрании патриарха, и возвратиться к прежнему порядку избрания, на основании бератов, как более благоприятствующему ее произволу.

В этом действии Порты заключается, бесспорно, лучшее оправдание как чистоты побуждений народного совета, так и собственных моих внушений членам сего собрания».

По прочтении изложенных записок, митрополит Филарет писал князю С. И. Урусову:

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

При письме вашего сиятельства, от 7 дня сего июня, полученном 12 дня, препровождена ко мне, по отношению г. министра иностранных дел⁹⁴, копия с письма российского, в Константинополе, посланника князя Лобанова, от 24 дня мая.

Надпись: *весьма нужное*, не может иметь иного значения, как то, что от меня требуется скорый ответ. Это меня затрудняет.

Вам известно, что, от 19 апреля, были мне доставлены две записки, которые потом оказались неверными извлечениями из депеш, но на которых основалась моя записка 24 апреля. Посему 26 мая написал я записку о сих неточных извлечениях; но потом изъявил желание, чтобы записка сия осталась без действия, дабы она не причинила неприятности тому, кто, вероятно, по причине поспешности, сделал неточные извлечения.⁹⁵

Записка 24 апреля, основанная на неточных извлечениях, естественно, не соответствовала содержанию подлинных депеш. И жаль, и удивительно, что сего не заметили читавшие подлинные депеши, не обратили на сие внимания, и не приняли соответственных мер.

Теперь из письма князя Лобанова открылось, что записка моя 24 апреля, вся вполне, послана была к нему, что он увидел в начале ее указание на две записки, те самые, которые суть неточные извлечения из депеш, и он обличает их неточность и с редакцию константинопольских актов и с депешами. После сего мне в ответе моем уже нельзя не говорить о том, что уже обличено в письме, на которое требуется от меня ответ.

Посему благоволите не винить меня за записку, которую при сем посылаю, и которую прошу сообщить г. министру иностранных дел.

В затруднение поставляет меня и сказанное в письме вашем, от 8 дня сего июня, что вопрос, удобно ли домогаться пересмотра актов, решен членами Святейшего Синода отрицательно; при чем умолчано о записке моей 31 мая о сем самом предмете. Сие ведет к заключению, что она не доведена до высочайшего сведения; а в таком случае остаюсь пред очами Его Величества несправедливым обвинителем, упорным после обнаружения неверных оснований обвинения. Ибо мне известно, что записка моя 24 апреля была представлена Государю Императору и подверглась замечаниям Его Величества в тех местах, которые основаны на неточных сведениях. Из письма вашего, от 4 дня сего июня, знаю также, что Государь Император изволил спрашивать, послано ли ко мне письмо г. Новикова. Это есть доказательство того, что Государь Император ожидает от меня объяснения по XII и XV статьям записки 24 апреля. Итак, и по ходу дела, и по правде нужно, чтобы записка 31 мая доведена была до высочайшего сведения.

Много изволите меня обязать, если не оставите меня по сему без ответа, дабы я мог дать сему наставление для будущего.⁹⁶

Призывая вам благословение Божие, с истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

14 Июня, 1860 года.

I. О письме князя Л.Б.Лобанова-Ростовского, от 24 мая, 1860г.

I. поскольку все письмо сие относится к записке моей 24 апреля, то оно налагает на меня непременный долг дать ответ по содержанию оною.

Ответ сей отчасти дан уже мною, прежде получения сего письма, в записке моей от 31 мая.⁹⁷

Сущность сего ответа состоит в том, что некоторые действия князя представились мне неожиданными, и я отозвался о них в записке 24 апреля с прискорбием потому, что писал сию записку по сведениям, которые вели к такому заключению, и не имел в то время сведений, которые не позволили бы сделать такое заключение; что, после более полных и точных сведений, прискорбие мое обратилось на произнесенное мною заключение, которое оказалось несообразным с сими сведениями; что по сим сведениям, не отказываясь от моего мнения о неудовлетворительности актов церковно-народного собрания, признаю я справедливым отказаться от моего мнения о требовании пересмотра сих актов, находя сей пересмотр в настоящих обстоятельствах крайне неудобным и ненадежным, на что и доказательства мною представлены в IV, V, VI, VII, VIII и IX статьях записки 31 мая.

Впрочем, сверх сего общего, письмо князя требует от меня и некоторых особенных ответов, по особенным предметам оною.

II. В письме сказано, что миссия «не имеет возможности вступаться в решение канонических вопросов».

Ответствую: о сем и не было с моей стороны требования или предположения. Несовершенства актов показываемы были мною, дабы доказать неблагонадежность оных для церкви, потребность исправления, которое должно быть сделано иерархией, и для которого открывался случай протестом семи архиереев. Миссия же как благоприятствовала сношениям с турецким министерством утверждению актов, так могла удержаться от сего и оставить свободный путь протесту и

пересмотру. Повторяю, что такое воззрение было тогда, когда я не имел еще полных сведений, исправляющих сие воззрение, равно как и ожидаемое теперь (достойное сожаления) возвращение в Константинополь геронтов не представлялось мне возможным.

III. В письме князя замечается, что бывшие у меня записки, на основании которых писана записка моя 24 апреля, не вполне согласны с пересмотренною редакцією актов и с депешами.

Из сего замечания следует, что VI статья моей записки 24 апреля относится к неверному переводу французского выражения, а не к шестнадцатой статье актов.

IV. Далее, в письме князя даются некоторые объяснения на постановления актов о жалованье и доходах архиереев. Не почитаю нужным входить о сем в дальнейшие рассуждения, как о внутренних, хозяйственных распоряжениях греческой церкви; я указал только странный вид, ими представляемый.

V. С особенным прискорбием говорится в письме о XII и XV статьях моей записки 24 апреля. Не меньше прискорбно и мне, что виною такого прискорбия были означенные статьи, основанные на имевшихся тогда сведениях, но потом оказавшихся несообразными с полученными после сведениями, более полными и точными, как о сем сказано и выше, под числом 1-м.

VI. Князь пишет, что он в отношении к общему духу деятельности церковно-народного совета «принял его сторону, не только в последний период трудов его, но с самого начала». Ответствую, что я никогда не выражал сомнения об его деятельности с начала и в продолжение трудов совета.

VII. В письме сказано о народном собрании: «в нем сначала до конца председательствовал вселенский патриарх, верховный представитель прав греческой церкви и народа, утвердивший своим участием и подписью все его акты. Г. посланник должен был по одной этой причине принять его сторону». На сие отвечаю, что и я в IV статье записки 31 мая признал важность подписания актов вселенским патриархом и энергического пред собранием отзыва, которым он признал законными и «согласными с его совестью все акты совета».

VIII. Напротив, неожиданно для меня следующее место в письме князя: «я твердо уверен, что если бы личные мои объяснения с ними (с турецкими министрами) могли быть облечены официально силою мнения Российской церкви, то дело совета давно уже было бы окончательно выиграно». Признаюсь, я никогда сего не думал, и теперь не могу в сем убедить себя. Церкви Российской неудобно изъявить официально свое мнение по делам церкви греческой, когда нет к тому приглашения со стороны сей последней. Церковь константинопольская, не без основания поставляющая себя в самое высокое положение, могла бы оскорбиться, как не призванным вмешательством. Да и как могла бы изъявить Российская церковь официально свое мнение по делам, о которых не имеет официального сведения? Если бы мы сказали, что знаем нечто о их делах неофициальным образом: не прогневался ли бы на нас вселенский патриарх, как прогневался на своих митрополитов? Зачем нарушать тишину (?) церковно-народного совета? И Порты с приятностию ли услышала бы голос Российской церкви? Не почла ли бы нужным, или по своему рассуждению, или по внушениям, оттолкнуть это вмешательство?

IX. Относительно XV статьи моей записки 24 апреля да будет принято в рассуждение то, что она, как в ней ясно видно, направлена определенно против подтверждения «права Порты сменять патриарха по произволу». После для меня открылся иной ход сего дела. Министр Порты основывался на берате, и стоял за право Порты сменить патриарха не по произволу, а в случае измены... И при сем действование посольства оказалось инаковым, нежели как представлялось по прежнему сведению. Против сего вида дела XV статья не была писана, и да не будет признана писанною.

X. Выяснение сие оканчивается тем, что по делу об актах церковно-народного совета мое мнение, с документами, по последней возможности, соображенное, заключается в записке 31 мая, на которую и да будет благоволено обратить внимание.

14 Июня, 1860 г.

II. О выписке из письма князя А. Б. Лобанова-Ростовского, от 24 мая, 1860 года, полученной в Москве 16 июня

I. Пред изречением князя, «я не король сардинский», сохраняю молчание.

II. За сим следуют в письме слова: «не мог бы снести равнодушно порицания, которому могло бы подвергнуться личное мое поведение со стороны наших духовных властей». Здесь мысль князя, может быть, сильнее и обширнее выражена в сообщенном мне русском переводе, нежели во французском подлиннике. *С прискорбием отозваться о некоторых действиях, которые, по дошедшим сведениям, казались несообразными с обстоятельствами, – это, по моему мнению, далеко от того, чтобы порицать личное поведение.*

III. Князь находит «основания, приведенные в той записке (без сомнения, в моей записке 24 апреля) совершенно неверными». Но если это так, то он благосклоннее и справедливее поступил бы со мною, если бы тотчас признал меня неверными сведениями обманутым в моих заключениях, а не представлял меня из неверных сведений усиленно выводящим неблагоприятные заключения и упорным в сих заключениях. Тогда его воззрение на записку 24 апреля, по справедливости равнодушное, могло бы сделаться более спокойным.

IV. Может быть, долгое с моей стороны необъяснение случившейся запутанности принято за упорство в изъявленном мнении.

Посему долгом поставляю ход сего дела в отношении ко мне изложить по дням.

22 мая получил я полные депеши князя, и из них узнал неточность сведений, по которым писана записка моя 24 апреля.

За сим, в записке 31 мая уже писал я, что свидетельство вселенского патриарха об актах и их подписание им не были мне прежде известны; и, исправляя мое прежнее мнение,

доказывал, что в настоящих обстоятельствах пересмотра актов требовать было бы крайне неудобно и ненадежно.

12 сего июня, получив копию с письма князя, от 24 мая, в записке моей 14 дня, объясняясь о том же, я сказал, что после полных и точных сведений, изъявленное мною прискорбие обратилось на произнесенное мною заключение, которое оказалось несообразным с сими сведениями.

V. В конце сообщенной мне выписки князь говорит: «открытая и искренняя поддержка со стороны Святейшего Синода дала бы мне в эту минуту неоспоримую силу к предупреждению всего того зла, которое, как я очень опасаюсь, в непродолжительном времени развернется». Жаль, что он не объяснил, в чем могла бы состоять столь действительная поддержка. Для меня это непонятно. Таже мысль князя встречена была мною в сообщенном мне прежде письме, и я отвечал на нее в записке моей 14 дня сего июня, под числом VIII.⁹⁸

17 Июня, 1860 г.⁹⁹

27 июня. Письмо митрополита Филарета к князю С. Н. Урусову, по поводу записки, от 14 июня 1860 года

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

Граф Александр Петрович утешил нас, посетив экзамен академии. 24 дня, вечером, прибыл он, и 25-го, четыре часа слушал наши совопрошения, а потом посетил меня.

В сие время граф изъявил желание, чтобы записка моя 14 дня сего июня была смягчена в тех выражениях, которые касаются неточных сведений о константинопольских актах. Я сократил ее и, по переписании, лично вручил графу в лавре же.

Что при сем сказал я ему, то, на случай забвения, скажу теперь.

О неточных сведениях говорится еще в записке моей от 17 дня; потому и в ней статью о сем надлежало бы уничтожить. Но все нужное в отношении к делу сказано в записке 14 дня; в записке же 17 дня ответствуется только на гнев посланника; посему сию последнюю записку нет нужды доводить до сведения министерства иностранных дел, и таким образом она никому не причинит беспокойства.

Я уже в самой сей записке начинал молчать, именно на изречение князя Лобанова, что он не хочет быть бельгийским (?) королем. Если бы я стал отвечать, то посоветовал бы не отказываться быть бельгийским королем, который много лет благоразумно правит государством, и, встречая на пути своем трудности отвне и внутри государства, проходит сквозь них искусно и благополучно.

Призывая вам благословение Божие, с истинным почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

27 Июня, 1860 г.

Обратите осторожное внимание Святейшего Синода на предложение генерала Хрулева¹⁰⁰ о вступлении с ним в торговую компанию о иконах. Церковные правила, которые запрещают подобное священнику, удобно ли позволять Св. Синоду? При том, предприятие, обещающее удобство и пользу

на первый взгляд, вероятнее, угрожает затруднениями и
убытком.¹⁰¹

9 июля. Письмо митрополита Филарета к князю С. Н. Урусову, по поводу письма советника российского, в Константинополе, посольства, Е. П. Новикова, от 7 мая, 1860 года

Князь С. Н. Урусов, при отношении от 4 июня, за № 3347, и при собственноручном письме, от 7 июня, 1860 г., препроводил, «на благоусмотрение» митрополита Филарета копию с письма советника миссии русской, в Константинополе, Е. П. Новикова, к директору азиатского департамента¹⁰², от 17–29 мая, 1860 года.

По содержанию этого письма митрополит Филарет дал отзыв следующего содержания:

О письме советника российского, в Константинополе, посольства, от 7 мая, 1860 года

I. В сем письме прежде всего требует ответа следующее обвинение: «две почты кряду приносят нам положительные протесты духовного начальства против образа действий миссии в здешних духовных делах».¹⁰³ Неизвестно мне, что именно получено в Константинополе с упомянутыми двумя почтами; неизвестно и то, писано ли, и что писано от Святейшего Синода, или первенствующего члена его; но несомненно думаю, что часть обвинения падает на меня, и именно на мою записку 24 апреля: об актах константинопольского церковно-народного собрания, при виде окончания оных. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы объясниться и воздать долг истине.

Поелику я не имею прямого, официального, отношения к делам константинопольским, и только, по благосклонному мнению, что я с искреннею заботою помышляю о *мире и благосостоянии святых Божиих церквей*, сообщаются мне иногда о сих делах сведения и допускается изложение моих мыслей об оных: то естественно, что иные сведения о них доходят до меня, а иные не доходят, или доходят не вскоре. Так я позволил себе в XII статье записки 24 апреля изъяснить прискорбие о том, что российский, в Константинополе, посланник настоятельно действовал в пользу утверждения актов, при виде большинства протестующих против них архиереев; но это потому, что я тогда не знал некоторых важных обстоятельств, относящихся к сему делу. Уже, по отправлении моей записки, получил я сведение, что вселенский патриарх подписал акты, выразясь при том энергически в собрании, что «признает законными и согласными с его совестью все акты совета». Так же поздно узнал я и то, что протест и большинство протестующих возбуждены геронтами, и что патриарх в собрании осудил протестующих. После сих сведений, хотя я не могу присоединиться к мнению святейшего патриарха о законности и совершенстве актов, но должен признать, что посольство имело основание действовать в пользу утверждения

оних; и таким образом, но крайней мере, с моей стороны, не остается того, что г. советник в письме своем назвал протестом.

Подобным образом в XV статье моей записки 24 апреля находил я неожиданным, что посольство поддерживало требование турецкого министра о признании «права Порты сменять патриарха по произволу». Это продолжал бы я и теперь признавать неожиданным, если бы дело было точно в таком виде. Но, по отправлении записки моей 24 апреля, получено мною сведение, что турецкий министр требовал подтверждения формулы обыкновенно вносимой в берат каждому новоизбранному патриарху, и что в берате обозначается следующий случай низлагать патриарха: «если он нарушит верность нашей турецкой славной империи». Это дает делу совсем иной вид; и против сего вида дела также нет того, что г. советник назвал протестом духовенства.

II. Далее, г. советник жалуется, что «этот голос (духовенства) подается тогда, когда дело зашло уже так далеко, что миссии трудно, не уронив своего достоинства и нравственного влияния, дать ему другое направление». Жалоба уважительная; но едва ли можно было предупредить ее. Мнения изъясняются, по получении сведений; а между тем, как приходят сведения и посылаются мнения, дела не ждут, а идут вперед. Сделанное мною в записке 31 мая предположение, чтобы акты допущены были в действие на три года, или несколько более, для опыта, не могло ли бы годиться для того, чтобы посольство в сем смысле действовало, не отступая от своего направления, а только применяя оное к утишению настоящих распрей?

III. Продолжается жалоба на духовенство, что голос его подается «не в виде положительного наставления».

Не зная и не имея права говорить о действовании Святейшего Синода, о себе должен я сказать, что не имею права предлагать положительные наставления.

IV. Обстоятельно рассуждается в письме г. советника о болгарском вопросе, и сообщаемые им сведения примечательны и рассуждения благонамеренны. Но, при воззрении на дело с церковной стороны, нельзя сказать, чтобы

болгары имели *право* искать церковной автокефалии, и особенно автокефалии патриаршеской.¹⁰⁴ Например, походит ли это на истребование автокефалии Российской церковью? Численность болгар не огромна; в местах жительства, особенно в городах, они смешаны с греками; найдет ли свои пределы отдельная, их церковь? Один город и при том патриарший, Константинополь, надобно будет размежевать (деление не бывалое) на две автокефальные церкви; потому что болгар в Константинополе несравненно более, нежели греков. И в политическом отношении, полезно ли разделение одной церкви на две? Две разделенные и несогласные не будут ли слабее пред гнетущею силою магометан, нежели одна нераздельная церковь, с признанным издавна правом духовным и иерархическим? Впрочем, требование автокефалии болгарам извинительно потому, что вынуждено выводящими из терпения поступками греческой иерархии. И по сей причине нужно им оказать возможное, без большего уклонения от правил и порядка церковного, удовлетворение. К сожалению, они сами поставили сему новое затруднение мятежным в церкви против патриарха действием 3 апреля.¹⁰⁵

Выписываю здесь, что, по получении о сем сведения, писано мною, от 14 июня, к синодальному обер-прокурору¹⁰⁶.

«Теперь из письма князя Лобанова открылось, что записка моя 24 апреля, вся вполне, послана была к нему, что он увидел в начале ее указание на две записки, те самые, которые суть неточные извлечения из депеш, и он обличает их неточность и с редакциею константинопольских актов и с депешами».

К большому сожалению, сему новое затруднение поставлено, если справедливо сведение, сообщаемое в письме г. советника, что епископ Иларион¹⁰⁷ предался народному движению, с совершенным пренебрежением церковной власти, и самовольно назвал себя архиепископом болгарским.

Между тем нельзя с убеждением оспаривать мнение г. советника, что усилие Порты и великой церкви мерами строгости удержать болгар в подчинении патриарху не обещало бы добрых последствий, и доставило бы благоприятный случай западной пропаганде.

Что же можно было бы сделать в сих запутанных обстоятельствах? По моему мнению, надежнейшею развязкою было бы то:

1) чтобы епископ Иларион, с благонамеренными и рассудительными из болгар, просил у патриарха дарования им самостоятельного митрополита и прощения согрешений;

2) чтобы вселенский патриарх милостиво простил виновных и даровал болгарам то, что выше сказано о митрополите, частью независимом, частью связанном с патриархией не тяжелым союзом.

V. По долгу справедливости не могу не коснуться и жалобы г. Новикова на взводимое на него нареkanie, будто он возбудил болгар против греческой церкви. Имев случаи сведения о движении болгар почерпать из многих источников и отчасти имев случай узнать образ мыслей г. Новикова, я имею причины полагать, что если он действовал, то действовал примирительно и предохранительно.

VI. Наконец, что касается до вопроса о утверждении или пересмотре актов церковно-народного собрания, о сем, по мере моего разумения, сказано мною в записке 31 мая.

9 Июля, 1860 года¹⁰⁸

12 июля, 4 августа, 22 августа. Мнение митрополита Филарета о способе предстоящего избрания вселенского патриарха

Князь С. Н. Урусов, при отправлениях, от 31 июля и 8 августа, 1860 года, за № № 5074 и 5274, препроводил к митрополиту Филарету, согласно желанию князя А. М. Горчакова, записку князя А. Б. Лобанова-Ростовского. за № 102, и литографированную копию с депеши его, за № 109, по предмету избрания вселенского патриарха.

Князь А. Б. Лобанов-Ростовский, в депеше от 14–26 июня, писал князю А. М. Горчакову:

До сведения моего дошло, что Порта, отказавшись от предложения произвести избрание нового патриарха по древнему обычаю, освященному бератами, составила другой план, именно: заменить, так сказать, своею собственною властью действие синода, предоставив самой себе выбор главы церкви из трех кандидатов, которых решение епископов и народа назначило бы окончательно на престол патриарший.

Сильно обеспокоенный этими сведениями, я твердо решился, в случае, если бы Порта обнаружила свое намерение, всемерно сопротивляться осуществлению его и обратить полное внимание турецких министров на строгое неодобрение, которое эта мера непременно должна была вызвать со стороны императорского правительства. Я поощрял в то же время членов национального совета настойчиво противиться ей, и уверял их в полной моей готовности поддержать их усилия в этих обстоятельствах.

К счастью до этого не дошло. 5-го числа сего месяца министр иностранных дел пригласил многих членов национального совета, как духовных, так и светских, явиться к нему для объяснения с ними о важных предметах.

Когда они собрались, Фуад-паша распространился с большою подробностью о главе актов национального собрания, относящейся до избрания патриарха. Он упомянул сперва о трех степенях избрания, которые совет постановил, именно: 1) о

требуемом от всех епархиальных епископов указании на тех лиц, кто может подлежать избранию; 2) о выборе из числа этих лиц трех кандидатов, предоставленном архиепископам и старшинам народа, пребывающим в Константинополе, и 3) об окончательном избрании из трех кандидатов нового патриарха, исключительно предоставленном каноническому действию синода и епископов, которые будут находиться в то время в столице. Министр дал потом заметить, что этим способом постепенного избрания национальный совет упрочил за церковь и народом условия выбора, им благоприятные, но не охранил обеспечений в верности и преданности, которых государство имеет право требовать от патриарха, как несущего государственную службу, независимо от двойного его характера: главы церкви и народа. «Я вас собрал, именно с тою целью, чтобы на этот счет согласиться с вами и общими усилиями изыскать средства, которые наиболее приличествовали бы охранению прав государства. Тут нет речи ни о каком принуждении; от вас требуется не подчиниться чужой воле, а только выразить свои мнения».

На вопрос одного из приглашенных, какое было личное мнение об этом предмете самого Фуада паши, он отвечал, что, по мнению его, есть много способов к избранию. Правительство считает антиканоничным и притеснительным первый из них, который состоит в предоставлении Порте права признать или отвергнуть патриарха, правильно избранного по существующим церковным обычаям. Равным образом он думает, что установить второй способ, который давал бы Порте право исключать из списка трех окончательных кандидатов того, который не пользовался бы ее доверенностью, значило бы слишком много требовать от церкви и народа. Еще менее могла бы Порта, как правительство мусульманское, присвоивать себе право, которым пользовались константинопольские христианские императоры, избирать своею собственною властью того из трех кандидатов, который более соответствовал бы ее видам. Но так как намерение национального совета было установить впредь избрание правильное и каноническое и устранить самовольное вмешательство, которое в прежнее время часто случалось со

стороны правительства, по внушению нескольких беспокойных светских лиц, то необходимо, прибавил министр, определить вперед права Порты. И с сей целью можно было бы предложить вполне беспристрастное разрешение всех затруднений. Оно состоит в том, чтобы Порте представлялся список всех кандидатов, какое бы ни было их число, указанных епископами в первой степени избрания, и чтобы правительство имело право вычеркивать из сего списка, если сочтет нужным, того из кандидатов, который, по его мнению, не заслуживал бы его доверия. Как скоро такие исключения сделаны, избрание продолжалось бы без всякого дальнейшего препятствия, и окончательно выбранный патриарх утверждался бы Портою без малейшего возражения.

11 числа национальный совет, в полном собрании, принял следующую программу, которая была подписана всеми членами собрания: по требованию высокой Порты, чтобы принадлежащее верховной власти право исключения было должным образом внесено в уложение, относящееся до избрания вселенского патриарха, народное собрание под председательством его блаженства, патриарха александрийского, постановило следующее:

1) «Верховное право исключения, если считать оное неизбежным, должно быть установлено так, чтобы древние преимущества церкви и народа сохранены были во всей их целости, как того желает и сама высокая Порта, по изъяснению министра иностранных дел».

2) «Немедленно, по получении ответов от всех епископов, пребывающих вне столицы, и по рассмотрении листов, на которых каждым из них написано имя кандидата, все эти имена, равно как и те, которые будут присовокуплены по предложению избирательного собрания, будут вносимы в общий список и представляемы высокой Порте, которая изъавит свое мнение относительно их в 24 часа, и исключит, если признает за нужное, одного или двух только кандидатов. Потом приступят к собранию голосов, и тот из остальных кандидатов, на стороне которого окажется большинство, будет возведен на престол с обычною церемониею и представлен Порте, которая сделает

ему официальный прием, употребительный в таких случаях, как патриарху, признанному в сем достоинстве».

Сверх того, предусматривая случай, когда число кандидатов не будет превышать 4, 3 или даже 2, народное собрание постановило, чтобы, в таком случае, несколько других имен архиепископов вносимы были для формы в список, представляемый правительству, с тем однако же, чтобы эти архиепископы не приобрели чрез то права быть избираемыми, так как цель вписания имен их состоит в том, чтобы доставить действительным кандидатам более надежды на успех.

Ответ, в смысле предшествующей программы, был поднесен оттоманскому министру иностранных дел некоторыми из членов народного совета. Фуад паша вполне одобрил принятую ими программу, и сказал им, что он не преминет представить ее султану, и надеется, что его величество не замедлит ее утвердить».

На отношении князя С. Н. Урусова митрополит Филарет написал:

«4 Августа. Неясное положение дела препятствует суждению. О сем ответствовать, с возвращением депеши».

I

I. Домогательство магометанского правительства присвоить себе окончательный выбор патриарха из трех кандидатов, если бы получило успех, это было бы в нарушение церковных правил, к оскорблению достоинства православной церкви, ко вреду иерархии. Российское посольство, которое искусным образом привело в бездействие означенное домогательство, заслуживает благодарность православной церкви.

II. Впрочем, что Порты, как говорит Фуад-паша, имеет право требовать обеспечения верности избираемого в патриарха, в качестве принадлежащего к государственной службе, против сего нельзя спорить.

III. Хорошо, что Фуад-паша, приписывая патриарху характер главы церкви, не отрицает в нем и характера главы народа.

IV. Требование турецкого министра, чтобы Порты имела право, из первоначального списка кандидатов на патриаршество, в низшей степени избрания, исключить того, кто

не заслуживал бы ее доверия, имеет основание в сказанном выше, под числом II, и довольно умеренно.

V. Положение народного совета, предоставляющее Порте право из первоначального списка кандидатов на патриаршество исключить одного или двух, есть уступка, от которой трудно уклониться, и, может быть, необходимая.

VI. «Сверх того, это для меня непонятно»:

Предполагается случай, что кандидатов будет только два. Но если это случится, то невозможно будет и церковное избрание, соответственное постановленным правилам, которые требуют для окончательного иерархического избрания трех кандидатов.

Кто впишет в список кандидатов дополнительные имена неизбранных и неназначаемых к избранию архиепископов: синод или народное собрание, или тот и другое вместе?

Положим, что истинных кандидатов два или три, и что потому внесено в список три мнимых кандидата. Если Порта будет иметь право исключать только мнимых кандидатов, то она будет обманута; она будет браковать не имеющих права быть избранными, а истинное избрание пойдет мимо нее. Будет ли она довольно непроницательною, чтобы допустить сие? Если же она будет иметь право исключать и истинных кандидатов, то прибавление к ним мнимых не принесет никакой пользы.

Если Порта, имея пред собою трех истинных кандидатов и трех мнимых, исключит «одного из истинных, то останется только два кандидата. А если истинных будет только два, то, по исключении Портою одного, останется один. В обоих сих случаях невозможно избрание по правилам церковно-народного собрания, которые требуют, чтобы к высшему церковному избранию представлены были три кандидата. Дабы могло совершиться такое избрание и по исключении Портою одного или двух кандидатов, надобно, чтобы в первоначальном списке было пять или шесть кандидатов. Что же делать, если первоначальное подавание голосов сосредоточится на двух или трех кандидатах? Не надобно ли в сем случае предоставить синоду и народному совету внесение в список еще по одному или по два действительных, а не мнимых кандидатов? Издали

можно только предложить сии вопросы: отвечать на них можно только по ближайшему соображению местных обстоятельств.

12 Июля, 1860 г.¹⁰⁹

II

Из сообщенного мне списка с депеши 12 июля, относительно избрания вселенского патриарха, можно усмотреть добрый знак начинающегося дела в том, что в место блюстителя патриаршего престола избран митрополит никейский, хотя из геронтов, но не из тех, которые составили известный протест и удалены из синода, и пользующийся добрым мнением.

Что же касается до того, что Порты слишком неопределенно и широко выражает свое право устранять сомнительных для нее кандидатов патриаршества: о сем нельзя произнести никакого суждения, потому что выражения изданного о сем акта еще неизвестны. И трудно улучшать дело с той стороны, с которой оно особенно в руках Порты, как имеющее оттенок государственный. Бог да поможет российскому посольству в деле Восточной православной церкви, которому западные, конечно, не окажут сильного сочувствия, и особенно держава, у которой нельзя отрицать уважения и усердия к христианству, но которой политика не стыдится пред лицом Европы более пещись о мучителях христиан, нежели о мучимых христианах.

4 Августа, 1860 г.¹¹⁰

III

Препровожденную ко мне, при отношении 8 августа, 1860 года, за № 5274, литографированную копию с депеши князя Лобанова-Ростовского, от 19–31 июля, за № 109, по предмету порядка избрания вселенского патриарха, возвращаю.

Турецкое правительство, присвоив себе неограниченное право отстранять кандидатов патриаршества, не только стесняет церковное, но может и совсем уничтожить оное. Например, если будет в списке четыре кандидата, и турецкое правительство, по своему неограниченному праву, исключит трех, и оставит одного, то выбор церковный не будет существовать, а существовать будет только выбор турецкий.

Нельзя ли дать уразуметь турецкому правительству, что чрезмерным требованием оскорбляется в религиозное и народное чувство напрасно и без нужды. История патриархии не представляет примера, который давал бы причину брать предосторожность против политического вреда для Порты от вселенского патриарха. При том в постановлениях церковно-народного совета есть правило на случай нарушения патриархом политических обязанностей. Какая же нужда преждевременно против невинного вооружаться подозрениями.¹¹¹

22 Августа, 1860 г.

24–25 октября. Мнение митрополита Филарета о последних обстоятельствах избрания вселенского патриарха

Князь С. П. Урусов, при отношении 20 октября, 1860 года, за № 7092, препроводил к митрополиту Филарету «краткое извлечение из депеши князя Лобанова-Ростовского по делу об избрании вселенского патриарха».

По этом поводу митрополит Филарет писал:

I. Благодарение Богу, что константинопольская церковь, наконец, имеет патриарха; и, сколько можно судить по полученным сведениям, избрание его произошло законным образом, хотя прошло сквозь затруднения и смятение.¹¹²

II. Но как не ровны и не ясны пути, которыми идут тамошние дела! Избранный в патриархи митрополит кизический в полученном сведении не назван по имени: должно полагать, что это Иоаким¹¹³, в числе геронтов удаленный от синода и из Константинополя, и 11 июня, 1859 г., подписавший с прочими геронтами¹¹⁴ против тогдашнего патриарха¹¹⁵ протест, обращенный к Святейшему Синоду Всероссийскому. Церковно-народное собрание с прежним патриархом сделало постановление о уничтожении звания геронтов, за их злоупотребления: члены того же собрания, кроме патриарха, одного из геронтов избрали в патриарха. Как соглашены сии, взаимно противоречащие, действия, неизвестно. Геронты в 1859 году были удалены из синода; тогдашний патриарх не оказал сему противодействия, и следственно утвердил сие: какою же властью, в небытность патриарха, возвращены они в синод? Это также неизвестно.

III. Неожиданно бедственное предложение г. Константина Карафеодори, чтобы архиереев, подлежащих суду, допущенных участвовать в избрании патриарха в смешанном собрании, не допускать до участия в избрании церковном.

Если они недостойны, то почему он не устранял их прежде из смешанного собрания? Разве он полагал, что в сем и недостойные участвовать могут?

Ему, человеку светскому, приличнее было бы изъяснить свое сомнение о том, кто не достоин присутствовать в церковно-светском собрании, нежели в чисто церковном.

Подлежащих суду архиереев ввел в синод бывший патриарх в прошедшем году, может быть, потому, что, посредством особенного дознания, жалобы на них нашел неосновательными, или маловажными, а может быть, и не по праву. Но не видно, чтобы кто-либо против сего протестовал в свое время, ниже сам г. Карафеодори. По какому же праву архиереев, на которых он смотрел более года, как на достойных членов синода, вдруг провозгласил недостойными 1 октября, 1860 года?

IV. Нельзя без глубочайшей скорби помыслить о последствиях, которыми сопровождалось бедственное предложение г. Карафеодори.

«Митрополит адринопольский (подсудимый) бросился на митрополита амассийского и схватил его за одежду на груди. Епископы епископам наносили удары. Крики привлекли посторонних».

Так поступило собрание, которое составляли высшее духовенство и цвет народа. Что думать о сем? Чего ожидать? Чего надеяться? Закроем глаза. Заградим слух. Но это бесполезно. Они постарались сделать невозможным, чтобы сие печальное зрелище закрыто было завесою молчания. «Крики привлекли посторонних». Что подумает и скажет народ, и народы присные и чуждые? Патриарший местоблюститель нечаянную и невольную горькую гласность превращает в официальную: «надобно донести Порте и испросить ее повелений».

Неужели патриарший местоблюститель, закрывая собрание, не мог испросить краткого молчания спорящих, и сказать: «отцы и братия! остановим на время состязание; помыслим о достоинстве нашего собрания, согласитесь взять назад ваши слова и ваши удары, и все сие признать несостоявшимся. Завтра мы соберемся, и рассмотрим дело с большим спокойствием»?

V. Геронты, о которых так много было говорено, и за них, и против них, и здесь призывают на себя внимание.

В известии 27 сентября сказано, что большинство геронтов накануне собрания 20 сентября обратилось с просьбою к Аалипаше об исключении патриарха Анфима¹¹⁶ из кандидатов на патриаршество. Геронты, по закону, должны были смотреть на избрание патриарха с церковной стороны и подавать голос в избирательном собрании. Порта имеет право смотреть на избрание патриарха с стороны государственной; и в сем отношении ее дело, а не геронтов, рассуждать, кого исключить из кандидатов. Итак, вот едва составлен закон о избрании патриарха, и уже геронты, оставив законный путь, идут окольною дорогою к своей цели.

По известию 4 октября, после смятения в заседании 1 октября, и по закрытии заседания патриаршим местоблюстителем, четыре геронта покушались возобновить заседание под председательством митрополита никейского. Лучше ли удара рукою этот нравственный удар, нанесенный местоблюстителю и закону собрания?

VI. Кажется, справедливо и полезно было бы, если бы новоизбранный святейший патриарх благоволил, и благонамеренные члены иерархии споспешествовали ему, употребить следующие меры:

1) Немедленно обратить внимание на дела подлежащих суду архиереев, и, если объяснения окажутся важными и доказательными, устранить их из синода.

2) Обратив внимание на тех, которые в заседании 1 октября начали и более других оказали неблагочинные действия, и очистить их действия умеренною епитимиею.

Сие послужило бы к охранению чистоты и достоинства синода и к тому, чтобы стыд неблагочестия пал только на некоторых виновных, а не на все собрание.

Впрочем, дела лучше видны и обсудимы на месте.

Господу помолимся, с упованием, чтобы Он сохранил корабль церкви Своей, и ветру дышащую, невредимым, и чтобы великая церковь, со святейшим патриархом на престоле, проявляла свое истинное величие в правде и мире и святине.

24–25 Октября, 1860 года¹¹⁷

9 ноября. Мнение митрополита Филарета о новых подробностях избрания вселенского патриарха, по сведениям 11 октября, 1860 г.

Конфиденциально.

I. В церковном избрании патриарха, из 24 избирателей, 4 голоса подали в пользу бывшего патриарха Анфима – митрополиты никейский, ефесский¹¹⁸, артский¹¹⁹ и амассийский¹²⁰, не поколебавшись угрозами, не быв увлечены прельщениями Порты чрез логофета Аристархи.

1 голос подал в пользу патриарха александрийского¹²¹ митрополит кизический, нынешний вселенский патриарх.

Из 19 голосов в пользу нынешнего патриарха, поданных после угроз и обещаний логофета, сколько подано, вследствие сих угроз и обещаний, неизвестно. Нельзя, однако, не думать, что число сие значительно, если сравнить сие решительное избрание с предварительным. Например, александрийский патриарх в предварительном избрании получил наиболее голосов, именно 49, а в решительном только 1 голос.

Итак, вот первый плод усилий церковно-народного собрания составить избирательные правила, способные пресечь злоупотребления при избрании. Дело ведено по правилам, а в существе едва ли не более угрозами и обещаниями Порты или логофета и неверностью избирателей.

В сем нерадостном опыте можно усмотреть нерадостную истину, что и обдуманый закон против злоупотреблений не вполне или не вдруг достигает цели, при недостатке беспристрастия и твердости в действователях по оному.

II. Впрочем, сказанное о несовершенстве избрания не падает на избираемого. И такое избрание, в котором некоторые голоса не чисты, могло пасть на мужа достойного и полезного святой церкви.

Если святейший Иоаким был душою геронтов, то можно думать, что он имеет силу духа и знания, которые может оказать благотворное действие на дела церковные при достигнутом им полномочии.

Но если справедливо, что он с прочими геронтами свое противоборство нововведениям простирает до поддержания злоупотреблений, на которые сами греки жалуются, и что сия чрезмерная непреклонность была поводом к раздражению болгар, вышедшему из пределов, тогда как прежний патриарх расположен был и мог бы некоторым снисхождением удержать их в мире и послушании: то надобно желать, чтобы он поверил свой прежний взгляд новым, обширнейшим, воззрением на дела церкви с высоты вселенской кафедры, и принял в соображение требования и опасности времени.

III. С некоторого времени Российская церковь более прежнего желает быть в ближайших сношениях с вселенским патриархом и, так называемою, великою церковью. Но в настоящее время положение вселенского патриарха и великой церкви так неясно, что трудно предвидеть, можно ли надеяться благоприятных последствий, если бы теперь открылись желаемые сношения, особенно по делам значительной важности. Имеющиеся доныне сведения предписывают правило: подождать и усмотреть, что откроется яснее.

IV. Только в том случае, если бы новый вселенский патриарх обратился к Святейшему Всероссийскому Синоду с грамотою извещения и общения, желательно, чтобы Святейший Синод благоволил дать ответную грамоту общения и братолюбия, не касаясь каких-либо особых дел.

Иерусалимский патриарх¹²² жаловался, что на подобную его грамоту, на вступление на иерусалимскую кафедру, Всероссийский Синод не дал ответа.¹²³

9 Ноября, 1860 года.

В ноябре. Исправленный митрополитом Филаретом проект ответного послания Святейшего Синода вселенскому патриарху Иоакиму

Иоаким 2-й, избранный 4 октября на кафедру вселенского патриарха, от 22 того же октября, обратился к Святейшему Синоду с посланием следующего содержания:

«Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, о Христе Боге возлюбленнейшему и вожденному брату и сослужителю нашей мерности, братское приветствие о Христе».

«Божественный апостол говорит: *братолюбием друг к другу любезни, честию друг друга больша творяща*, и, согласно с сею апостольскою заповедью, духовное единение, отличающее совокупность о Христе по всей земле православных церквей Его, установило достохвальный и святой обычай: возвещать мирными (приветственными) грамотами о каноническом поставлении получивших от Бога духовное предстояние, сим самым провозглашая их единомушие, единомыслие и братолюбие, и вместе с тем стремясь к неразрывному скреплению священного духовного союза, для утверждения и славы святой и непорочной нашей веры. Священному сему обычаю последуя, и мы спешим в братской любви отправить настоящее братское наше послание, возвещающее Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду совершившееся, Божию милостию, восшествие наше на святейший патриарший апостольский и вселенский престол. Ибо, по добровольном отречении от оного святейшего предшественника нашего господина Кирилла и по созвании, для избрания преемника, общего собрания пребывающих в царствующем граде сем преосвященнейших братьев – архиереев, благоговейного клира, вельмож и знатных лиц и прочих избранных членов благочестивого нашего народа, здешних и призванных из епархий, мы были предпочтены, избраны, призваны и возведены на духовную сию высокую стражу каноническим архиерейским избранием, совершившимся в священном

патриаршем храме, с призыванием Всесвятого Духа и исполнением священных обрядов; после чего, удостоившись предстать и пред императорским престолом царствующего над нами державнейшего султана и воздав должные благодарственные молитвы, мы, с Божиею помощью, приняли кормило общего для всех корабля святой церкви Христовой.

Объявляя сие Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, просим умилоостивляющих Бога молитв его, чтобы мы возмогли благоугодно Богу пасти вверенный нам избранный народ Господень, утверждая его в священных догматах православной нашей веры, которые мы приняли и в которых воспитаны от утробы матерней, и, по силам, отражая всякое нападение видимых и невидимых врагов, и неосужденно соблюдая священный обет наш, согласно с сердечным нашим желанием. При настоящем благоприятном случае, выражая братолюбивые наши чувствования и должную благодарность сей общей матери святой церкви Христовой Святейшему Правительствующему Синоду, за представленные им в разные времена и при различных обстоятельствах доказательства братского сочувствия и благочестивого предстательства, избыточествующего по величию ревности Божественной, от глубины сердца испрашиваем державнейшему и Боговенчанному монарху и императору, всей православной Восточной церкви великодушному защитнику, и всему христоролюбивому императорскому дому нескончаемой державы, воздевая молитвенные руки к небесному Царю, Христу Спасителю нашему, а на Святейший Правительствующий Синод призываем мы от Вечного Архиерея просвещение в стезях его и изобильное плодоношение и благоденствие непрерывное, и исполнение всякого спасительного прошения, пребывая навсегда нашего о Христе возлюбленного брата, Святейшего Правительствующего Синода, любящий о Христе брат и всецелопреданный патриарх константинопольский Иоаким.

Святейшему Иоакиму архиепископу Константинополя, нового Рима, вселенскому патриарху, о Господе радоваться!

Господь наш Иисус Христос, истинный Бог и Спаситель наш, основав Свою святую церковь на незыблемом камени

веры и возбуждая чад ея к бдению и подвигам, предрек ей бедствия и скорби: в мире скорбни будете, рек Он ученикам Своим. Но дабы бедствия и скорби не поколебали веру и надежду, Он дал Своей святой соборной церкви обетование, что и врата ада не одолеют ей.¹²⁴

В едином духе, всегда сочувствуя и скорбям, и утешениям великой церкви константинопольской, Всероссийский Синод, по отречении от апостольского престола святейшего патриарха Кирилла, предместника вашего святейшества, не мог взирать без скорби на упраздненный вселенский престол, не малое время ожидавший духовного владыки и руководителя пастырей и пасомых. Скорбь сия увеличивалась доходящими до нас известиями, что в то же время враг спасения человеческого, близ самого вселенского престола, возбудил дух непослушаний в некоторых христианах болгарского племени, и даже покушался отторгнуть их от православия. Но при столь прискорбных событиях мы обретали утешение в том уповании, что Сам Верховный Пастыреначальник, Господь наш Иисус Христос, по непреложному обетованию Своему, оградит и защитит Свою возлюбленную невесту, святую церковь, от нападений врат адовых (Мат. 16:18), и в молитве, которую мы не преставали возносить к Нему, да воздвигнет Он на вселенский престол великой церкви достойного преемника приснопамятных иерархов константинопольских, которые, и, по преселении в вечность, к сонму блаженных духов, к церкви первородных, на небесех написанных (Евр. 12:23), не престают быть вождями для желающих спастись по всей вселенной, – первосвященника, который во власти, юже Господь дал нам есть в созидание, а не на разорение (2Кор. 13:10), духом крепости оградить вертоград Христов от нападения видимых и невидимых врагов, духом премудрости утвердить колеблющихся и духом любви, благодати и снисхождения умиротворить возникшие пререкания.

Ныне изволися Господу, по безприкладной милости Его, услышать смиренные моления рабов Своих. Достигшие до нас частным путем известия об избрании и возведении вашего святейшества на высоту апостольского вселенского престола

преложили скорбь и опасения наши о судьбах великой церкви на радость в надежду *благодатного действия* духовных дарований вашего святейшества. Вскоре за тем полученное нами прелюбезнейшее послание вашего святейшества (от 22 октября, 1860 г.), проникнутое духом благочестивой ревности о чистоте догматов православной веры и чувствованиями христианского братолюбия к Синоду Всероссийскому, исполнило нашу радость и утвердило надежду.

Итак, вознесши от глубины душевной *Верховному* Пастыреначальнику и Господу преискренние благодарения о вожделенном поставлении вашего святейшества на великую чреду служения церкви и теплые моления, да ниспослет Он от престола благи Своея вашему святейшеству радость, мир и здравие и да преподаст вам силу и премудрость к созиданию, утверждению и умиротворению великой церкви, Правительствующий Синод сим ответным посланием спешит приветствовать ваше святейшество, яко возлюбленного о Господе *отца* и брата, испрашивая священных молитв ваших пред престолом Всевышнего о церкви Российской и продолжения духовного общения посредством братолюбных посланий, да яко делатели и приставники общего вертограда Господня единой и нераздельной православной Восточной церкви, соутешаяся общею верою (Рим. 1:12), тщащеся блюсти единение духа в союзе мира (Еф. 4:2), друг друга тяготы носяще (Гал. 6:2), друг друга утешающе и созидающе (Сол. 5:11), паче же истинствующе в любви, возраstim в Него всяческая, Иже есть глава Христос (Еф. 4:15).

Следуя таковой заповеди блаженного Павла и побуждаясь чувствованиями любви к великой церкви константинопольской, о которой церковь Российская, древле приившая от нее учение веры и преемство священства, никогда не преставала вспоминать с любовью, как о присночтимой матери и прелюбезной сестре. *Правительствующий* Синод не мог и ныне премолчать пред вашим святейством о глубокой скорби, с которою он взирает на внутренние затруднения великой церкви, причиняемые движением сынов ее болгарского племени. Движение это *незаконное* и своевольное, но тем не

менее продолжающееся и уже нарушившее мир церкви, угрожает еще большими неустройствами и, что особенно горестно, отпадением от православной церкви, чему внешние противники православия, без сомнения, будут сильно содействовать. Посему Синод, усердно моля Господа Бога, да Своею вседействующею благодатию поможет вашему святейшеству устроить дела церковные с миром и благою и несомненною надеждою, с тем вместе считает священным долгом братской любви о Господе представить вниманию вашего святейшества, не будет ли усмотрено нужным допустить несколько неприятное, чтобы отвратить бедственное, допустив снисходительное удовлетворение некоторых, более или менее благословных, желаний болгар и неправильные их действия покрыв милосердным прощением, чтобы восстановить мир и обезопасить нераздельность *ввереной хранению вашему* церкви.

Но и в сем деле возлагая упование на неизреченную благодать Божию мысленно целуя ваше святейшество святым лобзанием, пребываем навсегда вашего святейшества благожелательнейшие о Христе братья и сослужители.¹²⁵

1861 г.

24 октября–12 ноября. Замечания митрополита Филарета о константинопольской иерархии, по сведениям 3, 10, 17 и 24 октября 1861 года

I

О греческой константинопольской иерархии, по сведению 3 октября, 1861 г.

I. Церковной иерархии, паче иного правительственного сословия, свойственно, прилично и нужно единомыслие и единодушие. Иерархии константинопольской особенно нужно пещися о сем, когда возникло и усилилось болгарское разъединяющее движение. Но не то видно на деле.

Церковно-народное собрание положило уничтожить в константинопольском синоде, так, называемых, геронтов, как излишних и вредных в церковном управлении.¹²⁶ В сем постановлении участвовал патриарх, с несколькими архиереями, и большая часть геронтов была удалена из синода и из Константинополя.

Но во время отречения бывшего пред сим патриарха от должности, в синоде вновь явились геронты. В патриархи избран геронт, нынешний патриарх Иоаким. Он оставил без внимания постановление церковно-народного собрания, и объявил, что геронты нужны для церкви, и что он будет их поддерживать. Но вот геронты не довольны тем, что патриарх с ними не советуется. Геронты, с прочими членами синода, составляют прошение к турецкому правительству о низложении патриарха – геронта. Патриарх – геронт жалуется также правительству на митрополитов – геронтов. Потом, без суда и объявления вины, схватывает трех членов синода, в том числе двух геронтов¹²⁷, и отсылает на острова, в монастыри, под стражу.

Что на сие сказать, как разве апостольское слово: *аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдите, да не друг от друга истреблены будете* (Гал. V:15)? Но кто скажет? Кто послушает?

II. Может ли быть поддержан нынешний патриарх? Едва ли. Разрушив единство свое с синодом, он разрушил силу его и свою, и, вероятно, утратил, если какое имел, сочувствие греков, не имев еще прежде сочувствия болгар.

III. Было ли бы полезно, если бы он мог быть поддержан? – Едва ли. Дело болгарское, вероятно, было бы устроено, если

бы он, то медленностью и упорством, то крутыми мерами¹²⁸, то неискренностью обещаний, не увеличил затруднений: ничто не убеждает ожидать от него лучшего впредь.

IV. Если возвращение патриарха Анфима¹²⁹ на престол ненадежно, и если митрополит амассийский в церковно-народном собрании оказывал себя ревностным против злоупотреблений, то, вероятно, в сем есть добрая надежда для вселенского престола. Где найдена сила, которая бы вызвала светило в начало дня из настоящего хаоса?

24 Октября, 1861 г.¹³⁰

II

«Вслед за получением от вашего высокопреосвященства записки о константинопольской иерархии, по сведению 3 октября», писал митрополиту обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, «я получил от г. министра иностранных дел две новые депеши князя Лобанова по тому же предмету.

Из этих депеш можно заключать, что отношения между вселенским патриархом и нашим посольством в Константинополе не совсем дружелюбны. Посему нельзя не опасаться всякого повода с нашей стороны к разрыву между ними, что, конечно, отозвалось бы весьма неблагоприятно и на отношениях обеих церквей между собою.

Препровождая депеши, за № № 189 и 195, к вашему высокопреосвященству, имею честь покорнейше просить почтить меня отзывом, следует ли за сим отсылать к князю Горчакову вышеупомянутую записку.

Одно из приложений к сим депешам, печатный лист из газеты Journal de Const-ple, не изволите ли, по миновании надобности, мне возвратить».

На это митрополит ответил запискою следующего содержания:

О происходящем в константинопольской иерархии, по сведениям от 10 и 17 октября, 1861 г.

I. По просьбе некоторых членов константинопольского синода о низложении вселенского патриарха, сей требовал дознания справедливости или несправедливости взведенных на него обвинений. Вследствие сего составила комиссия из патриархов: иерусалимского, бывших вселенских и митрополитов, не подписавших жалобы, и первого драгомана Порты.

На сие Российский посланник заметил, что открытое следствие о должностных и частных делах патриарха противно преданиям церковным, и что, каковы бы ни были последствия, самый акт процесса над патриархом незаконен и оскорбителен для достоинства церкви.

Здесь не видно отношения г. посланника к лицу и делам патриарха; но с удовольствием усмотреть можно его расположение поддерживать достоинство иерархии.

В самом деле, комиссия, составленная не по церковным правилам, а по произволу, в которой участвует драгоман, магометанин, которая требует доказательств по жалобе на патриарха, и которая, по порядку дела, чтобы верно оценить домогательства, должна потребовать оправдания от вселенского патриарха, унижает достоинство вселенского патриарха и оскорбляет достоинство церкви; это тем хуже, что она вызвана самим патриархом, и тем дает повод турецкому правительству и впредь действовать также произвольно.

II. Как же начинает дело комиссия? Первые три митрополита, подписавшие жалобу на патриарха, еще прежде, без суда посланы в изгнание, под надзор; без сомнения, это люди, преимущественно знающие дело и способные защищать жалобу; к ответу же призваны другие, следовавшие за теми, конечно, менее знающие, менее твердые или менее способные защищать дело. Это неблагодарная хитрость и вопиющая несправедливость.

III. Когда некоторые, допрашиваемые комиссией, архиереи потребовали исправления сей несправедливости и призвания к ответу первых, подписавших жалобу; не видно, чтобы комиссия на сие вызвалась. Справедливость в сем случае восстановлена турецким правительством. Это не говорит в пользу комиссии.

IV. 9 октября комиссия, согласясь выслушать изгнанных и задержанных митрополитов, присовокупила к сему условие, чтобы они были взяты и представлены посредством жандармов. Но сему последнему воспротивился великий визирь, отозвавшись, что ни род вины их, ни церковное их достоинство не позволяют поступить с ними, как с преступниками. Необычайный случай! Достоинство и свободу христианских православных архиереев защищает против православных же архиереев нехристианский сановник!

V. Г. посланник замечает, что взводимые на патриарха обвинения касаются только финансовой администрации, и легко могут быть опровергаемы. Это легкое воззрение, кажется, не обнимает всего дела. В прошении сказано, что поведение патриарха несообразно с церковными правилами; что он в 10 месяцев в 40 епархиях сделал перемены епископов: что это сделал по корыстным видам. Если сие показание чисел справедливо, то оказывается, что патриарх из числа подведомых ему архиереев, в 10 месяцев, переменил более половины. Трудно представить, чтобы так много потребовала истинная нужда управления; следственно весьма сомнительно, чтобы все сии перемены произведены были по справедливым и законным причинам, и чтобы в сем не участвовало приписываемое патриархом себе право от каждого архиерея, вместо ежегодного пособия, получать дар, при назначении его на кафедру. Митрополит ираклийский, в котором патриарх надеялся найти подпору против жалующихся, напротив того, подал новую просьбу о низложении патриарха. О том же готовится просьба от мирян, как бы от всей нации, и к визирю уже являлись несколько deputаций. При таком положении дела как не было бы основательно взять мнение против патриарха, так и, напротив, неудобно склониться мнением в пользу патриарха. Нужно ожидать, чтобы дело выяснилось.

VI. Посему для стоящего близ сего дела, и усердствующего благу церкви, предосторожность требует не приставать преждевременно ни к той, ни к другой стороне, чтобы не оказаться после подкрепителем неправой стороны, и защитником не полезного для церкви.

VII. Что касается до комиссии, как она составлена по согласию патриарха и Порты, и уже вошла в свое дело, то, конечно, нельзя ее уничтожить, а остается, по возможности, способствовать тому, чтобы она действовала основательно и беспристрастно, а не так, как начала; и чтобы последним ее действием был только вопрос: нужно ли устроить церковный суд и над кем, и над каким делом? А потом надобно церковные правила спросить, как поступить далее.

Филарет, митрополит московский.

6–7 Ноября, 1861 года¹³¹

III

О константинопольской иерархии, по известию от 24 октября 1861 года

I. Члены синода представили доказательства своей жалобы на патриарха. Патриарх дал ответы, то есть оправдание. Итак, над вселенским патриархом произведено следствие, только, кажется, не полное, потому что не видно вопрошения свидетелей и принятия в соображение документов. Печальное зрелище в церкви!

II. Аали-паша признал свою ошибку в том, что согласился составить следственную комиссию, и не согласился, чтобы она образовалась в суд. Новая нечаянность. Нехристианский сановник охраняет православную иерархию от уничтожения.

III. Доказательства членов синода и оправдания патриарха нам неизвестны. Свидетелей слышать и документов видеть не можем. Следственно нельзя судить, на которой стороне справедливость.

IV. Иерусалимский патриарх обвиняет геронтов потому, что они жалуются на такие действия патриарха, о которых акты сами подписали. Это не вполне убедительно. Вселенский патриарх пользуется большим уполномочию. Могло случиться, что они из раболепства подписывали определения патриарха, несогласные с их убеждениями, но, наконец, вышли из терпения, и стали протестовать. Они подписывали определения о производстве и перемещении архиереев; но они не на это жалуются, а на то, что патриарх соединял с сим корыстные виды, о которых они не подписывали актов.

V. Старейшины народа требуют, чтобы патриарх привел в действие постановления церковно-народного собрания. Патриарх обещает, но изъявляет надобность пересмотра. Правда, что постановления требовали бы пересмотра для улучшения их; но весьма жаль, что святейший патриарх столь долго оставлял сие без внимания, и, действуя произвольно и частию прямо в противность означенным постановлениям, довел до тяжких затруднений дело болгарское, а наконец и самого себя.

VI. Противники патриарха Иоакима, чтобы устроить дело болгар и ввести лучший порядок, хотят просить турецкое правительство, чтобы его *властию* приведены были в действие церковно-народные постановления, чтобы патриарх был *низложен*, чтобы геронты были *изгнаны*. Какое великое предпринимают они разрушение, так называемой, великой церкви!

VII. Партия патриарха Иоакима ищет ему подкрепления у английского посланника. Какая еще печальная черта! Это доказывает, что патриарх, хотя имеет партию, поддерживающую его, но не поддерживается доверием и усердием управляемой им церкви. И православный патриарх, чтобы устоять на своем престоле, ищет опоры вне православной церкви!

VIII. Какое средство можно было бы предложить константинопольскому православному клиру и народу, чтобы обрести добрый исход из сего печального положения? Конечно, благонадежно было бы, если б довольно мог воздвигнуться дух клира и народа, заповедать всенародный пост, покаяние и молитву о умиротворении православной церкви.

IX. Визирь положил для патриарха на весы: с одной стороны утверждение церковно-народных актов, а с другой отречение от престола. Не представляется убеждения пожелать перевеса ни той, ни другой стороне. Остается стать одаль, и ожидать, на которую сторону патриарх положит гирю своей решимости.¹³²

Филарет, митрополит московский.

12 Ноября, 1861 г.

1862 г.

4 февраля. Замечания митрополита Филарета о положении дел в константинопольском патриархате

В депеше из Константинополя от 2 января¹³³, сего 1861 года (при сем возвращаемой), встречается следующее:

Фуад-паша рекомендует вселенскому патриарху христианской добродетели.

Члены константинопольского синода не находят возможным примирение с патриархом.

Значительнейшие константинопольские греки вступили в иностранное подданство, равнодушны к соотечественникам, и не пользуются их доверием.

Истинные греки принадлежат к низшим классам, и мало обращают внимания на то, что выше вещественных нужд их.

Влияние на важнейшие дела принадлежит таким людям, как логофет Аристархи (Это тот логофет, который в церковно-народном собрании, домогаясь двойного жалованья, указал, как будто на заслугу, на то, что свергнул десять патриархов)¹³⁴.

Что в таких обстоятельствах можно сделать для умиротворения константинопольской церкви? К кому обратиться с словом мира?

Кажется, остается одно: молить Бога, чтобы умилосердился над Своею церковию и воздвигнул мужа или мужей правды и силы духовной.¹³⁵

**26 марта 1862 г.–20 июня 1864 г. Замечания
митрополита Филарета о константинопольской
иерархии, по сведениям 10 февраля, 1862 года, 27
июня, 2 и 9 июля 1863 года и начала 1864 года**

О константинопольской иерархии, по известию от 10 февраля, 1862 года¹³⁶

I

I. Святейший патриарх не желал (как доказывает медление доныне), но обстоятельствами принужден приняться за постановления церковно-народного собрания. 28 января сие собрание вновь открыто несколькими словами патриарха и речью самосского князя Аристархи. Сей светский оратор обличает патриарха и архиереев, и дает им наставления. Они безмолвствуют пред обличениями и наставлениями светского наставника, потому что не могут опровергнуть обличений; и между тем остаются непреклонно в тех расположениях, которые дали причину обличениям. Чем можно помочь иерархии, поставившей себя в столь странное положение?

II. Патриарх желает изменений в некоторых частях постановлений, сделанных церковно-народным собранием. Какое же он находит для сего средство? Он направляет вновь сошедшееся церковно-народное собрание к тому, что оно решается собираться в каждые шесть месяцев, и, когда нужно, по приглашению патриарха, чтобы наблюдать за церковными делами и за исполнением постановлений, делать нужные замечания, и представлять им на одобрение Порты. Таким образом из экстраординарной, одновременной учредительной палаты оно превращается в ординарную, постоянную, периодически собирающуюся палату; и церковные дела (даже не определено – какие) будут подвергаться «замечаниям» народного собрания и «одобрению» или неодобрению Порты. Как будто нужно патриарху, чтобы в дела церковные более прежнего вмешивался народ! Как будто нужно народу, чтобы в дела церковные более прежнего вмешивалась Порта! Но как же лучше было бы поступить иначе? Нашли бы, как поступить иначе, если бы духовенство пользовалось уважением и одобрением народа¹³⁷. Но это потеряно. А найти потерянное труднее, нежели потерять.

Вероятно, святейший патриарх поступил бы благонадежнее, если бы не домогался вдруг пересмотра сделанных постановлений, а объяснил, что приступает к исполнению оных, по возможности, неуклонному, предоставляя только себе, в особенных случаях, в которых опыт покажет какую часть постановлений неудобноисполнимою или недостигающею желаемой цели, предлагать о пересмотре оной. В таком случае от него зависело бы поднять или не поднять вопрос, и в какое время, и предварительно рассчитать достижение полезного и недопущение вредного для церкви.

При таком спокойном объявлении, он мог бы, с надеждою успеха, предложить и то, что будет довольствоваться учрежденным уже смешанным собранием, и генеральное собрание созывать будет только в случаях особенной важности.

При таком спокойном объявлении, не было повода и к тому оскорбительному для достоинства патриарха и синода шуму, который произошел потом в ординарном собрании синода, и продолжался два дня.

III. Что сказать об этой несчастной синодальной распре? Конечно, ничего нельзя сказать с надеждою успеха и пользы, когда ее не остановило и сделанное среди ее напоминание, что недавно, к оскорблению достоинства церкви и к стыду иерархии, происходила подобная, и не прекращена миролюбием и добрым рассуждением, а только остановлена гнетущею силою магометанина-министра. Не смотря на сие, препирающиеся вновь сами ищут помощи у той же гнетущей силы.

26 марта, 1862 года¹³⁸

1863 г.

II

Списки с константинопольских депеш, от 27-го июня¹³⁹ и от 2-го июля, на французском (языке), при сем возвращаются.¹⁴⁰

Печальное для церкви зрелище представляет дело вселенского патриарха Иоакима, на которого приносятся тяжкие обвинения от синода и народа, а который ищет себе защиты у иноверцев, и просит быть подверженным следствию от нехристианского правительства.

Мне кажется, российский поверенный в делах¹⁴¹ в сем деле трудном и запутанном действовал, как должно, отвлекая оное от партий, страстей, искательств покровительства к закону.

Желательно, чтобы г. Новиков имел возможность, в случае падения Иоакима, споспешествовать избранию из искателей и искомых того, кто более может и расположен служить благу церкви, и не искать своих си.¹⁴²

21 Июля, 1863 года.

III

Французский экземпляр константинопольской депеши, от 9 Июля, сего 1863 года, № 114, при сем возвращаю¹⁴³. Не имею сказать ничего более, как только, что весьма нужно молиться о мире святых Божиих церквей.¹⁴⁴

31 Июля. 1863 года.

1864 г.

IV

За упорное требование филотимона, то есть денежного дара от архиереев, патриарх лишается престола. Печальный вид церкви!¹⁴⁵

20 Июня, 1864 года¹⁴⁶

16 марта. Замечания митрополита Филарета на проект ответного послания Святейшего Всероссийского Синода к вселенскому патриарху Софронию

По удалении патриарха Иоакима, на вселенский престол был набран митрополит амассийский Софроний¹⁴⁷, который грамотою, от 20 ноября, 1863 года, известил о сем Святейший Синод. На это извещение в Синоде составлен и послан митрополиту Филарету на просмотр проект ответа следующего содержания: «Получив прелюбезнейшее, исполненное христианского братолюбия, приветственное послание вашего святейшества, с извещением об избрании вашем на апостольский и вселенский константинопольский престол, Святейший Правительствующий Всероссийский Синод сим ответным посланием спешит приветствовать ваше святейшество, яко возлюбленного о Господе сослужителя и брата, изъявляя искренние чувства радости о вожденном вступлении вашем на великую чреду служения церкви, и таковые же чувства благодарности за те душевные благожелания, коим преисполнено братское и любвеобильное приветствие вашей святыни».

«Испрашивая священных молитв ваших пред престолом Всевышнего о церкви Российской, Святейший Синод, с своей стороны, не престанет молить Господа, да поможет Он, Верховный Пастыреначальник, вашему святейшеству упasti великое разноплеменное, но единое во Христе, стадо константинопольской церкви, и боголюбезно понести возложенное на вас многотрудное бремя, да ниспослет Он от престола благодати Своей вашему святейшеству радость, здравие и силу, во еже духовный корабль пасомой вами великой церкви сохранить в мире, безопасно, мудро предотвращая воздвигаемые духом времени волнения».

«В уповании на благодать Божию, призывая на главу вашу обилие благодати Всесвятого Животворящего Духа, и целуя вас мысленно святым целованием, пребываем навсегда вашего

святейшества благожелательнейший о Христе брат и сослужитель, Святейший Правительствующий Всероссийский Синод».

Изложенный проект митрополит признал неудобным, и представил следующие замечания:

I. «Прелюбезнейшее». Слишком изысканная ласка. В одном слове дважды превосходная степень не соответствует правильности языка.

II. «Апостольский». Нужно справиться, назывался ли прежде в актах константинопольский патриарший престол апостольским. И если сего не было, то лучше не вводить нового (Григорий Богослов признавал три апостольских престола: римский, антиохийский и александрийский).

III. «Вселенский константинопольский престол». Сомнительное выражение. «Вселенский престол» дает мысль о вселенской власти: но ее патриарх не имеет. Титул вселенского принадлежит патриарху лично, как почетный. Святой Василий Великий называется вселенским учителем; но нельзя на сем основании назвать вселенским кесарийский престол. Впрочем, выражение *вселенский престол*, употребленное патриархом, хотя и не точное, можно допустить, чтобы из недоразумения не произошло большего недоразумения и спора.

IV. «Святейший Правительствующий Всероссийский Синод... спешит приветствовать ваше святейшество». Не сообразно, что здесь Святейший Синод говорит о себе в третьем лице, а под конец послания—в первом. Почетный титул *Святейший* не должен быть употреблен, когда Святейший Синод говорит от своего лица, и патриарх от своего лица не говорит: *мы, святейший патриарх*; так как и вообще это неводится.

V. «Вашего святейшества благожелательнейший о Христе брат и сослужитель, Святейший Правительствующий Синод». Титул *Святейший* и здесь употреблен неуместно, по вышесказанной причине.

VI. «Вашего святейшества... брат... Синод». Такой образ выражения едва ли когда был употребляем. Он представляет странный и принужденный вид. Когда патриарх называет

Святейший Синод своим братом: странность сего выражения исчезает при воспоминании, что сие наименование употреблено было патриархами в утвердительной грамоте о Святейшем Синоде. Патриарх благословно употребляет наименование Святейшего Синода братом, дабы показать, что он продолжает признавать данное Святейшему Синоду право равенства с патриархами. Святейший Синод достаточно, и с тем вместе скромно, оградит свое право, если в своей ответной грамоте назовет патриарха своим *братом*, и скажет, что *братски* приветствует его.

Может быть, составитель проекта имел мысль дать сильный ответ на употребленное в патриаршей грамоте в отношении к Святейшему Синоду выражение: «вашего досточтимого священства». Но и против сего достаточны выше предложенные скромные выражения, без принужденного выставления слов: *брат... Синод*.

Не хочется верить, чтобы патриарх употребил слово *священство*, с намерением унизить Синод, который он уже назвал своим братом. Может быть, решительнее судить о сем найдет основание тот, кто видит греческое слово, которое переведено словом: священство.

16 Марта, 1864 года.

При сем митрополит Филарет приложил свой проект послания от имени Святейшего Синода к вселенскому патриарху:

Святейшему Софронию, архиепископу Константинополя, нового Рима, вселенскому патриарху, о Господе радоваться.

Благословен Господь наш Иисус Христос, давший Своей церкви и чадам ее блаженнотворную заповедь любви, и испросивший от единосущного Отца Своего благодатный дар духовного единения, преимущественно сосредоточиваемого в священноначалии, и отсель простирающегося на все исполнение святые соборные и апостольские церкви.

Как плод сей священной любви, как знамение сего благодатного дара, прияли мы с радостию вождевленное послание вашего святейшества, извещающее нас о вашем избрании и вступлении на константинопольский патриарший

вселенский престол, совершившемся сообразно с церковными правилами при добром согласии священного собора и православного народа.

И сего ради, ваше святейшество, многочтимого о Господе брата и сослужителя, и мы, Правительствующий Всероссийский Синод, взаимно братски приветствуем, в духе искреннего общения веры и любви, утешаясь духовно, что древний высокий константинопольский престол сохраняет свой чин, твердость и достоинство.

К Господу нашему Иисусу Христу, Верховному Божественному Пастыреначальнику, припадаем смиренною молитвою, да светодательная благодать Его пребывает в нас могущественно действенною и преизбыточествующею; да великое разноплеменное, но в Господе единое духовное стадо, послушно следуя вашему гласу и вашим стопам, упасено будет в мире, в обилии благ духовных и в ненарушимом единении.

Прося Богоугодных молитв ваших о мире и благостоянии церкви Всероссийской, и мысленно целуя вас целованием святым, в единомысленной к вам братской о Господе любви пребываем вашего святейшества благожелательнейшие и преданнейшие, Всероссийский Правительствующий Синод.¹⁴⁸

1865 г

5мая. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с мнением о способе оказать финансовую помощь вселенскому патриарху

А. П. Ахматов¹⁴⁹, при отношении от 14 апреля, 1865 г., за № 1868, препроводил к митрополиту Филарету, для прочтения, полученную им из министерства иностранных дел копию с депеши русского посланника¹⁵⁰, в Константинополе, от 30 марта–11 апреля за № 81, о церковных делах в константинопольском патриархате.

Копию депеши посланника в Константинополе, от 30 Марта–11 апреля, № 81, о церковных делах в константинопольском патриархате, при сем возвращаю.

Возбужденные ею во мне мысли изволите найти в прилагаемой при сем записке о способе оказать финансовую помощь вселенскому патриарху.

I. Вселенский патриарх терпит скудость. Чтобы пресечь зло, надобно обратить внимание на причины оногo. Может быть, с устранением причин, само собою прекратится, или, по крайней мере, уменьшится зло.

Если же причины продолжать существовать в своей силе, то оно без пользы поглотит все врачебные против него средства. Какие же причины скудости вселенского патриарха? Земля перестает давать плод, потому что слишком истощена. Пособия патриархата от духовенства и народа, епископам от священников и народа, священникам от народа, некогда свободные, потом требовательные, преувеличиваемые, принудительные, истощили усердие народа; и сперва Болгария сделалась бесплодною для патриарха, а потом и на всю область распространяется неурожай. Недавно архимандрит одной славенской области, подведомой вселенскому патриарху, просил у епископа Российской церкви святого мира и антиминсов; и на вопрос, почему не просят оных, в порядке, от святейшего патриарха, отвечал: мы бедны, а надобно давать за посвящение епископа 1000 червонцев, за священника 100

червонцев, также и за святое миро и антиминсы надобно давать значительные суммы. В одной болгарской епархии поселяне построили церковь, и она не на один уже год оставлена неосвященною потому, что они за право поставить в ней престол предлагают епархиальному архиерею менее червонцев, нежели сколько он желает получить.

Один епископ в Македонии (получивший образование в России) нашел у себя средство против скудости: получая от епархии обычные пособия, он стал употреблять необходимую только часть оных для себя, а прочее в пользу церквей и училищ в епархии; народ обрадовался, и тем охотнее стал давать ему обычные пособия. Но когда народ соседних епархий стал того же требовать от своих архиереев, тогда архиерея-нововводителя оклеветали, и довели до тюрьмы¹⁵¹. Сей пример, и другие, показывают, что причина являющейся скудости восточной иерархии заключается еще в том, что попечение о личных хозяйственных делах преобладает над попечением о делах церковных. Члены константинопольского синода предшественника нынешнего патриарха обличали, что он в несколько месяцев переменил около 40 архиереев;¹⁵² от каждого рукоположенного или перемещенного получил обычное пособие, и употребил в свою личную пользу. В пользу иерусалимской патриархии, а преимущественно гроба Господня, собрана была в России большая сумма; в потом доходили в Россию сведения, что значительная часть оной перешла из церковной в личную собственность. В пользу антиохийской патриархии собрана была в России значительная сумма; и, хотя патриарх Мефодий¹⁵³ являлся особенно попечительным о благе своей церкви, однако, по его кончине, открылось, что немалая часть оной суммы перешла в руки родственников его.

Предшественнику¹⁵⁴ нынешнего александрийского патриарха¹⁵⁵ также послана была собранная в России весьма значительная сумма; но правильное употребление ее очень затмилось, против чего свидетельствует собравший оную фиваидский епископ. Сведения сии почерпнуты большею частию из официальных источников. Трудно надеяться, чтобы такие распоряжения и такой образ действия изменились к

лучшему; а если не изменятся, то никакие чрезвычайные пособия не будут достаточны для обеспечения вселенского патриаршего престола в его разнообразных потребностях.

II. Возникла мысль устроить сбор во всех православных странах, и особенно в России, чтобы составить капитал, и проценты употреблять на содержание вселенской патриархии.

Не богатое для всех нужд ее пособие было бы ей доставлено, если бы доставлен был ежегодный доход в 100.000 рублей, но для сего нужно собрать, по крайней мере, 2,000.000 рублей. Для сего Болгария и вся патриаршая область и весь Восток (за исключением, может быть, немногих богатых греков, рассеянных по разным странам) не обещают богатой жатвы. Надежда на Россию; но в какой степени сильна? В западных странах распространен обычай по подписке копеек собирать большие суммы; в большинстве русского народа нет такой идеи. Здесь надобно собирать рубли, но число способных дать их не очень велико. В сознании русского народа сильно светится святой Иерусалим и преподобный Афон, и привлекают значительные пособия от некоторых частных лиц, но не от общенародного сбора. В кружки, поставленные в церквях, в пользу гроба Господня, в московской епархии собрано в прошедшем году 234 рубля, на восстановление православия на Кавказе 3127 рублей. К Константинополю и его патриарху не примечается в России сильно возбужденного и широко распространенного сочувствия. При том, вследствие разных причин, можно усомниться, таково ли ныне время, чтобы удобно было ожидать щедрых и обильных пожертвований от русского народа, а также и от русского духовенства, когда от конца до конца России оглашаются его нужды, а не удовлетворение сих нужд.

III. Есть другая мысль о способе помочь вселенской патриархии – учредить для нее в России подворье, приносящее доход, по примеру существующих александрийского и иерусалимского.

Что такое подворье, и от чего оно произошло? Иерусалимский патриарх имеет нужду быть в Константинополе по делам своей церкви и иногда жить здесь немалое время;

итак, нужно в Константинополе иерусалимское подворье. Новгородский митрополит имел нужду быть в Москве и жить здесь немалое время по делам церковным и для участия в торжественных церковных служениях; и так, нужно в Москве новгородское подворье, которое под сим именем сохранилось и доныне. Иерусалим посещают много русских поклонников; для них нужно убежище, и над ними надзор для соблюдения порядка и недопущения соблазнов; итак, нужно в Иерусалиме русское подворье. Но строить патриаршее подворье и в нем церковь из корыстных видов, как строят лавку, или корчемницу – в церковном ли это духе?

Скажут: какие же существуют уже в Москве три патриарших подворья, иерусалимское, антиохийское и александрийское? Но можно не без справедливости ответить: к сожалению. После 1812 года присланный от иерусалимского патриарха¹⁵⁶ архимандрит просил отдать ему опустошенную неприятелем церковь и землю упраздненной при ней причта. Время было несвободное для того, чтобы остановиться над исследованием сей просьбы и соображением ее с правилами и порядком церковным: обрадовались, что открывается возможность, при множестве разоренных церквей, одну из них увидеть благоустроенною без усилий местного начальства. Отдали церковь и землю; и вот иерусалимское подворье. По сему примеру того же достигли патриархии антиохийская и александрийская. Впрочем, мы отдавали церковь и землю, желая братолюбно послужить единоверным иерархиям; им предлежало рассуждать, ознаменовано ли их дело чистым церковным характером.

Существование патриаршего подворья в области, патриарху неподведомственной, может быть сопряжено с затруднениями в отношении к управлению и к миру церковному. Патриарх не видит и не руководствует своего духовенства, служащего на подворье, а епархиальное начальство, которое видит его, не имеет над ним власти. Неудобство сего положено дознано печальными опытами. Один из начальников иерусалимского, в Москве, подворья бесчинствовал до того, что нужным оказалось заключить его в спасо-евфимиев монастырь;

другой выслан был из России. Случаи сии прошли без последствий со стороны иерусалимского патриарха; но подобные случаи в отношении к вселенскому патриарху, который присвоит себе высшее полномочие, могут сопровождаться недоразумениями между иерархиями, не без опасности нарушения мира церковей.

Наконец, если бы решено было оставить в стороне церковные соображения, и преследовать только денежные виды: нужно, по возможности, сообразить, могут ли они быть блистательны. Для сего не бесполезно узнать, что говорит опыт трех уже существующих в Москве патриарших подворий. Значительные суммы собраны были временно, по прочим сборным книгам, данным от Святейшего Синода. Обыкновенные церковные доходы незначительны. Иерусалимское подворье употребило около 30,000 рублей на построение зданий, от которых надеется получать ежегодно около 3000 рублей. Александрийское подворье употребило около 40,000 рублей на построение дома, от которого доход еще не определился. Антиохийское подворье, по показанию управляющего им архимандрита, в прошедшем 1864 году, получило дохода около 900 руб., и отослало к патриарху менее 200руб. Может быть, дело будет лучше, если предпринято будет устройство подворья для вселенской патриархии не в Москве, в которой дары благочестивой благотворительности разделяются на преизобилующее множество церковей, монастырей, часовен, подворий, но в Петербурге, который и населением, и богатством сильнее Москвы. Но там для сего подворья, вероятно, не найдется и церкви готовой; а потому потребуется большая сумма построить церковь и жилище для имеющих служить в оной. Если же, подобно как в Москве, окажется нужным иметь приносящие доход постройки, то для сего еще потребуется большая сумма. Итак, видно, что посев стоит дорого; но не видно, будет ли обильная жатва. Как бы то ни было, предполагаемое подворье не обещает быть сильною подпорою для потрясенного и под бременем долгов едва не обрушивающегося хозяйства вселенского патриарха.

IV. Если на что-нибудь надобно решиться, то лучше решиться на сбор денежного пособия для вселенской патриархии.

И это не без опасения, что одним из последствий сего предприятия будет следующее: западные сравнят богатую лепту святого Петра с скудною лептою вселенского патриарха и скажут: видите, какое у нас обилие церковной жизни и какая мертвенная холодность на Востоке!¹⁵⁷

21 ноября. Замечание митрополита Филарета по содержанию депеши русского посланника в Константинополе, от 12–24 октября, о положении дел в константинопольской церкви

Граф Д. А. Толстой, при отношении от 4 ноября, 1865 г., за № 5583, препроводил к митрополиту Филарету, в переводе, на его усмотрение, полученную из министерства иностранных дел депешу русского посланника в Константинополе, от 12–24 октября, за № 260, в коей Н. П. Игнатъев сообщал: «Донесением, за № 257, я сообщил об удовлетворительном исходе распри, происшедшей между патриархией и светскими членами смешанного совета. Между этими последними один г. Зографос остался упорным во вражде к патриарху, вследствие чего его святейшество объявил, что более не признает его членом совета и, затем, считая спор оконченным, созвал совет, которого заседания возобновились к пятницу.

Однако, состоявшееся примирение более наружное, нежели действительное. Несогласие продолжает существовать в глубине мыслей, и если миряне сделали уступки пред духовною властью, то это единственно для более верного преследования своей цели, заключающейся в низложении патриарха.

Эти замыслы известны святейшему Софронию, который недавно сказал мне, что он не предвидит ничего доброго в будущем. В настоящее время патриарх озабочен пересмотром церковного устава. Он обратился к Порте за разрешением возложить на особую комиссию, составленную из шести духовных и шести светских членов, приготовление предварительных соображений по сему преобразованию; впоследствии будет созвано общее собрание для рассмотрения предположений, выработанных комиссией.

Изменение хартии, служащей основой устройства великой церкви, составляет труд щекотливый и сопряженный с многочисленными затруднениями. С одной стороны, дознано, что настоящий устав не приложим в некоторых случаях и наносит ущерб обаянию духовной власти; с другой – есть

основание спросить: одарены ли надлежащими качествами те люди, которые призваны разрешить этот важный и сложный вопрос? По своему праву и познаниям находятся ли они в необходимых условиях независимости, чтобы противиться влияниям Порты? Не воспользуется ли последняя этим случаем, чтобы подрываться под вековые права церкви и совершенно подчинить ее правительственной власти? Я не возьмусь отвечать теперь на эти вопросы; но, не взирая на уверения патриарха, не могу воздержаться от опасений.

Его святейшество сообщил мне, что, вместе с пересмотром устава, будет рассматриваться болгарский вопрос, дабы постановления по оному могли быть внесены в новое церковное уложение. Это составляет еще затруднение, в прибавку ко всем другим. Патриарх положительно меня уверил, что вопрос о назначении жалованья духовенству будет совершенно отстранен от дела, по причине встреченного им сопротивления со стороны народа и нашего посольства.

Я не сомневаюсь в искренности этих уверений, но опасаясь, чтобы события их не уничтожили, если епархии будут упорствовать в отказе платить установленный церковный сбор».

Возвращаю французский экземпляр депеши г. посланника, № 260. Скажу стократ (?) (зная, что говорю без пользы), что все опасения г. посланника справедливы; и что вопрос болгарский нужнее и полезнее было бы разрешить отдельно, немедленно, властью и бескорыстием святейшего патриарха.

21 Ноября, 1866 г.¹⁵⁸

1866 г.

28 сентября. Заметка митрополита Филарета по содержанию донесения вице-консула нашего в Александрии о странном поведении патриарха александрийского Никанора

Товарищ синодального обер-прокурора, Ю. В. Толстой¹⁵⁹, при отношении, от 25 апреля, 1866 г., за № 5064, препроводил к митрополиту Филарету, в копии, полученное из министерства иностранных дел донесение управлявшего русским консульством в Александрии, от 26 июля–7 августа, за № 135, с двумя приложениями, в коем вице-консул, между прочим, сообщал: «александрійский патриарх Никанор, по причине болезненного состояния своего, чувствуя себя не в силах управлять патриаршим престолом, и вследствие настояний православных общин, принужден был назначить своим главным викарием во всем Египте вновь посвященного антиохийским патриархом епископа Мелетия, и с этою целию он подписал предложенные ему и составленные епитропами этих общин, вместе с епископом Мелетием, два документа, которые я поспешаю представить при сем в копиях и переводах. Один из них есть послание патриарха к духовенству и православной пастве в Египте, коим, объявляя о назначении епископа Мелетия главным викарием своим во всей стране, он просит о признании его в сем звании и оказании ему содействия в исполнении его новой обязанности; другое письмо патриарха к преосвященному Мелетию, заключающее в себе, в самых общих чертах, наставления, касающиеся нового его звания. Первый из сих документов был читан всенародно в здешнем соборе и отправлен патриархом по епархиям с одним из священников. Епископы каирский и дамиетский, раздраженные в высшей степени быстрым и незаслуженным возвышением Мелетия и признавая такое распоряжение патриарха, в котором они ничего не хотят видеть, кроме происков и интриг против себя со стороны Мелетия и некоторых членов александрийской коммуны, не законным и не согласным с условиями¹⁶⁰, подписанными им при избрании его на патриарший престол, по

которым он не имеет права действовать в подобных случаях без согласия всего духовенства и общин, отказались подчиниться новому распоряжению и признать над собою власть Мелетия. Первый из них в своей ярости дошел до того, что выгнал из своего дома посланца патриарха самыми возмутительными ругательствами и бранью, направленными против патриарха и Мелетия. Связанные документы доставлены были в генеральное консульство самим епископом Мелетием, который, объявив мне о своем новом назначении, просил меня об оказании ему поддержки и содействия с моей стороны. Поздравив его с новым назначением, я выразил надежду, что он окажется достойным того высокого поста, на который призван патриархом и православными общинами, и что будет действовать в духе христианской церкви, стараясь водворить согласие и мир между общинами и духовенством и устраняя все малейшие поводы к вражде и раздорам.

В тот же самый день я был с визитом у патриарха. Его блаженство, объявив мне о своем новом распоряжении, жаловался на каирского епископа Пендеполеоса, оказавшего такое грубое и наглое неуважение его посланцу. Сожалея о случившемся, я советовал патриарху отправиться в Каир и личным своим влиянием призвать непокорного епископа к повиновению. Его блаженство вполне согласился с моим мнением и обещал последовать моему совету, лишь только пройдет жаркое время».

На первой странице означенного отношения митрополит Филарет написал:

Сентября 28. После неприличных действий блаженнейшего патриарха, удивительно, что г. вице-консул присоветовал ему лично прибыть и личным влиянием действовать на непокорного епископа каирского, который пред сим выгнал посланного патриархом.

Не должно ли опасаться, что патриарх и здесь будет действовать не мирно, и вызовет новые неприличия?¹⁶¹

1867 г.

21 августа. Письмо митрополита Филарета к Ю. В. Толстому, с запискою о суде над Кириллом, архиепископом синайским

Ю. В. Толстой, при отношении, от 5 августа, 1867 года. за № 4277, препроводил к митрополиту Филарету, «в переводе, полученное из министерства иностранных дел отношение посла нашего в Константинополе, от 25 Июля, № 200, по поводу разногласий, возникших между архиепископом синайским и монастырем св. Екатерины», следующего содержания: «Вашему сиятельству не безызвестно о печальных разногласиях, возникших за несколько времени пред сим, между архиепископом синайским и братиею монастыря св. Екатерины. Подчиненные преосвященного Кирилла возводят на него множество обвинений, из коих самое важное то, будто он растрчивает монастырские доходы на себя. Между прочим, упрекают архиепископа и в том, что он уступил императорскому правительству манускрипт Библии, именуемой синайскою, не выпросивши взамен паровое судно, между тем как монахи обители св. Екатерины считали себя в праве надеяться на это. Не легко с точности судить об основательности подобных обвинений; но преосвященный Кирилл утверждает, во-первых, что если при его избрании и были экстраординарные расходы, то они делаемы были самою общиною монастырскою; что же касается до заведывания доходами после этого времени, то он готов с документами в руках, доказать свою правоту и требовать себе суд. Я вполне одобрил эту готовность архиепископа и располагаю его положить конец ненормальным отношениям его к своей пастве, состоящей только из одного монастыря. Преосвященный Кирилл, по-видимому, не боится следствия; но он не хочет подлежать суду одного патриарха иерусалимского, который, кажется, хочет присвоить себе это право, основываясь единственно на древнем обычае, предоставляющем ему посвящение архиепископа синайского. Известно, что патриарх противодействовал избранию

преосвященного Кирилла и с того времени не переставал оказывать ему неприязненность.

Чтобы выйти из затруднения, я советовал ему искать суда у чрезвычайного церковного трибунала, который бы состоял из четырех патриархов, в настоящее время занимающих должности, а также всех из предшественников, какие находятся в наличности. Участие их в следствии будет служить ручательством беспристрастия; потому что, между состоящими ныне на должности патриархами, патриарх антиохийский¹⁶² обыкновенно следует мнениям своего собрата – патриарха иерусалимского¹⁶³, который лично не расположен к архиепископу синайскому. Что же касается до преосвященного Никанора александрийского, то его умственное и физическое состояние, по-видимому, не позволяют ожидать от него канонического решения, достаточно основательного, особенно по такому сложному делу. Наконец, приговор трибунала, таким образом составленного, будет иметь то важное значение, что он значительно восстановит авторитет преосвященного Кирилла, если будет благоприятен для него.

Архиепископ мне обещал последовать моей мысли. Между тем, приняв во внимание желание обеих сторон, находящихся в споре, я отложил до устройства изложенного дела передачу сумм, назначенных монастырю горы Синая и поступающих к нему чрез наше генеральное консульство в Египте».

Ваше превосходительство, милостивый государь.

О предполагаемом суде над Кириллом, архиепископом синайским, может быть, излишне будет довести до сведения министерства иностранных дел замечание, изложенное в записке, при сем прилагаемой.

О суде над Кириллом, архиепископом синайским

Синайские монашествующие жалуются на архиепископа. Он желает оправдаться, только не пред судом иерусалимского патриарха, «который, кажется, хочет присвоить себе это право, основываясь единственно на древнем обычае, предоставляющем ему посвящение архиепископа синайского».

В опровержение сего домогательства патриарха иерусалимского представляется следующее:

I. Он может быть отведен от суда на том основании, что в официальном деле оказал себя не беспристрастным в отношении к преосвященному Кириллу, отказавшись рукоположить его. Собор прочих патриархов признал сей отказ незаконным, противным церковному правилу. Но и против сего патриарх иерусалимский упорствовал, почему собор патриархов принужден был на сей раз рукоположение в синайского архиепископа передать патриарху константинопольскому.

II. Если патриарх иерусалимский на праве рукоположения основывает право суда, то по сему самому он не должен судить архиепископа Кирилла, которого не рукополагал.

III. Но и совсем несправедливо заключение, будто патриарх иерусалимский, имея право рукополагать архиепископа синайского, по сему самому имеет право и судить его. Вот пример, опровергающий сие заключение: митрополит ираклийский имеет, по преданию, право рукополагать константинопольского патриарха (зри Зонар. и Валсам. в толковании на 3 прав. II вселенского собора). Но никто не выведет из сего заключение, что митрополит ираклийский имеет право судить константинопольского вселенского патриарха.

21 Августа, 1867 года¹⁶⁴

1 ноября. Мнение митрополита Филарета по вопросу о постоянных сношениях между церквами константинопольскою и российскою

Обер-прокурор, граф Д. А. Толстой, при отношении от 25 марта, 1867 г., за № 1508, препроводил к митрополиту Филарету доставленное из министерства иностранных дел донесение русского посланника в Константинополе, от 28 февраля–12 марта, за № 64, о первых действиях святейшего Григория¹⁶⁵, по вступлении его на вселенский константинопольский престол; при чем сообщил, что в разговоре посланника с патриархом был поднят вопрос об установлении более тесного общения между церквами константинопольскою и русскою, и заявленное святейшим патриархом воззрение на этот предмет и его прежний образ действий дают основание полагать, что вопрос о сношениях между церквами может потребовать скорого разрешения. Между тем еще ранее сего, во всеподданнейшей докладной записке моей о деятельности русского духовного ведомства за 1865 год, я представлял высочайшему вниманию Государя Императора следующие мои соображения:

«Общение всех православных церквей между собою должно составлять истинную силу православия и самый надежный отпор пропаганде латинской церкви, хвальнойся своим административным единством. В этих видах весьма желательно было бы установление прямых сношений между православными церквами по делам часто духовным. Как ни деятельно поддерживает наша дипломатия интересы православия на Востоке, но дипломатические чиновники, при всех их достоинствах, не могут иметь тех богословских познаний, которые необходимы для ведения переговоров по делам чисто духовным. От недостатка общения происходят некоторые разности в обрядовой части богослужения и другие неудобства, мешающие полному единству церкви».

Против этой статьи отчета Его Величество изволил собственноручно написать: «Сообразить, как это исполнить».

Войдя по этому предмету в сношении с г. вице-канцлером, я вместе с тем, позволяю себе обратиться к вашему высокопреосвященству с покорнейшею просьбою об обязательном сообщении вашего отзыва.

Если вопрос об изъясненных сношениях между церквами разрешится в утвердительном смысле, то одною из самых важных и существенных забот для нас будет, по моему мнению, выбор лица, из монашествующих или вдовых священников, которое, по своему образованию, нравственным качествам и практическому такту, могло бы с пользою для церкви получить назначение для вышеупомянутой цели на Востоке. Выбор этот будет, конечно, труден, но я полагаю надежду на наше проницательное указание и в настоящем деле, почему покорнейше прошу вас, милостивый государь и архипастырь, не оставить нас сообщением также этого указания.

За сим товарищ обер-прокурора, Ю. В. Толстой, при отношении, от 18 августа того же 1867 г., за № 4337, препроводил к митрополиту Филарету доставленное из министерства иностранных дел донесение русского посла в Константинополе, от 18–20 июля, за № 196, следующего содержания:

«В донесении от 28 февраля–12 марта я сообщил вашему сиятельству¹⁶⁶ об обмене мыслей между вселенским патриархом и мною, относительно пользы более частых сношений между разными частями Восточной церкви. С того времени я пользовался каждым удобным случаем, чтобы снова обращаться к этому вопросу, которому святейший Григорий придает принадлежащее ему значение. Вполне разделяя мнение, выраженное графом Толстым в сообщении, переданном мне императорским министерством 27 марта, его святейшество желал бы, чтоб по церковным вопросам установилась более тесная связь между разными самостоятельными православными церквами. Он совершенно согласен с мыслию г. обер-прокурора Святейшего Синода относительно огромных выгод, достигаемых на Востоке католицизмом, благодаря его единству в административном отношении. По его мнению, единственное средство возвеличить

Восточную церковь заключается в уничтожении той разобщенности, какая в ней существует. Прямые и частые сношения между различными самостоятельными церквами, преимущественно же между русским Святейшим Синодом и константинопольским патриархатом, совершаемые без всякого посредничества русского правительства, уничтожили бы, по убеждению его святейшества, ту несообразность, какая происходит от вмешательства русских политических властей. Когда политические агенты, продолжал его святейшество, имеют поручение вести переговоры о церковных делах, в таком случае всегда готовы приписывать им политическую цель, скрытую под покровом религии. Этого уже не будет, как скоро высшему русскому духовенству предоставлено будет по церковным делам непосредственно сноситься с патриархатом, без всякого посредства правительства.

Вопрос об укреплении связей между самостоятельными церквами очень важен, говорил мне патриарх, но ему нужно еще созреть. В настоящее время я не могу заняться им, как бы я желал. Вы знаете, что болгарский вопрос слишком озабочивает нас; к тому же я стараюсь несколько привести в порядок наши внутренние дела и составить мой синод основательно, из лучших владык, какие есть у нас, потому что все мои предприятия будут парализованы, пока я не буду обезопасен со стороны своего синода. Лишь только получу возможность, я возобновлю рассуждения по вопросу об укреплении связей между самостоятельными православными церквами.

Я отвечал его святейшеству, что не нужно терять драгоценного времени патриаршествования его святейшества, что другой патриарх не будет иметь ни нужного авторитета, ни влияния, ни твердости, ни надлежащего умения, чтоб привести к благому концу подобное дело.

Впоследствии я слышал от многих членов синода, что патриарх часто заводил с ними разговор о необходимости извлечь константинопольскую церковь из ее разобщенного состояния и укрепить связи, соединяющие с нею единоверные самостоятельные церкви. В частнейшие подробности святейший

Григорий не входил. Очевидно, он хочет испытать почву и приготовить умы. Означенная идея еще только прозябает здесь; но она начинает и иметь успех.

Мне остается только повторить уже выраженное прежде желание – узнать воззрения Святейшего Синода относительно практических средств, какие нужно употреблять для достижения предполагаемой им цели. Обсуждение этих средств могло бы затем привести меня к точному определению тех предложений, какие нужно делать вселенскому патриарху».

«В соответствии отношениям графа Димитрия Андреевича, от 25 марта, № 1508, и вашего превосходительства, от 18 августа, № 4337, препровождаю при сем записку:

О постоянных сношениях между церквами константинопольскою и российскою.

Как на предмет сей записки обращено внимание вселенского патриарха и российского в Константинополе посла, и потому им более или менее может сделаться известным содержание означенной записки: то да будет благоволено прежде всего предложить оную на рассмотрение Святейшего Синода».

1 Ноября. 1867 г.

О постоянных сношениях между церквами константинопольскою и российскою

I. Российский посол, в Константинополе предложил святейшему патриарху Григорию, «что обаяние вселенского престола могло бы быть восстановлено чрез более частые сношения с другими автокефальными церквами, посредством письменных сношений и посредством посылки от них представителей в Константинополь».

II. А святейший патриарх Григорий еще в 1844 году писал: «одною из мер к улучшению печального положения греческой церкви могло бы быть назначение, если возможно, со стороны Всероссийского Святейшего Синода постоянным представителем Российской церкви при константинопольском патриархе и синоде одного из членов русского духовенства в таком сане, в каком Синодом признано будет удобнее, и при том известного своим образованием и рассудительностью; это лицо должно быть уполномочено подавать голос и участвовать в разрешении всех духовных вопросов нашей церкви, которая, таким образом, его присутствием сильнее побуждалась бы вести дела согласно с апостольскими постановлениями и канонами. Святейший Российский Синод, по долгу братской любви, сочувствует незаслуженным страданиям, сокрушающим его возлюбленную сестру о Иисусе Христе, и принимает искреннее участие в ее нынешнем критическом положении. Таким образом нет сомнения, что он благоволит и в настоящем случае содействовать к облегчению наших затруднений и подаст руку помощи, в такую пору, когда мы более всего нуждаемся в братской взаимности за те услуги, которые греческая церковь имела возможность оказать России в прежнее время».

III. В церковных правилах не найдется положения, могущего служить основанием для того, чтобы при святейшем вселенском патриархе, и при сущем с ним соборе, мог состоять представитель другой автокефальной церкви с правом «подавать голос и участвовать в разрешении всех духовных

вопросов константинопольской церкви». 27 правило карфагенского собора повелевает, чтобы на ежегодный собор африканской церкви первенствующие епископы меньших, не автокефальных, церквей присылали от своих соборов трех или нескольких местоблюстителей. Нельзя сказать, чтобы правило сие могло иметь прямое приложение к настоящему случаю. Итак, представитель Российской церкви в Константинополе, и голос его может встретиться с возражением, что это не на основании правил церковных. И нельзя предсказывать удовлетворительного, согласного, разрешения сего возражения от членов константинопольского синода, которые иногда в большинстве отделяются от суждения святейшего патриарха.

IV. Некто указывал, для предполагаемого учреждения на древний пример апокрисиария, каковой бывал при константинопольском императоре от папы римского, и при константинопольском патриархе от некоторых других патриархов. Но это был, сколько известно, посредник сношений, без определенных прав, кроме свободного доступа к императору и к патриарху. Власть и благоволение императора могли состоящему при нем апокрисиарию дать большее значение, нежели какое мог иметь состоящий при патриархе. Посему и сей пример едва ли может дать благонадежное руководство в настоящих обстоятельствах.

V. Положим, что в настоящее время находится в Константинополе представитель Российской церкви. Дело идет о разрешении болгарского вопроса. Святейший патриарх, сколько известно, полагает образовать особую болгарскую область с митрополитом, без отделения, впрочем, от патриархии. Но болгары говорят, что недовольно уступлено им, а греки говорят, что слишком много уступлено. Если представитель Российской церкви от себя изъяснит мнение, согласное с предположением святейшего патриарха; сие, конечно, не будет иметь никакого влияния на дело. Если он будет просить мнения Святейшего Синода, то Святейшему Синоду трудно будет произнести оное с убеждением; потому что болгарский вопрос окружен такими сложными, запутанными, взаимно противоречивыми подробностями, которые неудобно

будет Святейшему Синоду и узнать, и сообразить. Если же Святейший Синод и произнесет свое мнение, полагаясь на суждение святейшего вселенского патриарха: и от сего едва ли окажется сильное влияние на дело, в котором разногласие, удобопрекратимое в начале, продолжением распри и несдержанным действованием разногласящих доведено до крайности.

VI. В настоящее время вселенскому патриарху и его собору предлежит рассмотрение дела об архиепископе Евгении, которого вселенский патриарх поставил местоблюстителем патриархии александрийской¹⁶⁷, и которого александрийский собор лишил сана своим определением, подкрепленным грамотами патриархов антиохийского и иерусалимского. Как теперь нет в Константинополе представителя Российской церкви, то Всероссийский Синод может оставаться в мире со всеми восточными церквами, не смотря на открывшееся между ими разногласие, и спокойно ожидать их примирения, или же обращения к его совещанию, по приведении дела в достаточную ясность. Но если бы в сие время находился в Константинополе представитель Российской церкви, то от него и чрез него от Всероссийского Синода скорее потребовалось бы мнение по сему делу, и следственно настояла бы необходимость с одною стороною войти в согласие, а с другою в несогласие, и это со стороны представителя могло случиться даже прежде, нежели дело созрело к решению. Трудно ожидать, чтобы в сем случае присутствие представителя принесло более пользы, нежели затруднения.

VII. Могут быть дела церковные, менее смешанные с посторонними обстоятельствами и видами, в которых участие представителя Российской церкви в Константинополе может быть более удобным и более полезным. Но если в одних делах оказываться будет полезная сила церковного общения, и, напротив того, в других, и, может быть, в большем числе, бессилие оно, то сомнительно, послужит ли сие к подкреплению церквей, к улучшению их положения, и к поддержанию их достоинства.

VIII. Вышеизложенные соображения делают достойным внимания следующий вопрос: лучше ли иметь в Константинополе постоянно пребывающего представителя Российской церкви (и, может быть, других автокефальных) или, вместо того, стараться участить и усилить письменные сношения церквей, и только в некоторых особенных случаях употреблять посольство от одной церкви к другой? Письменные сношения, сопровождаемые согласием, могут приносить свою пользу, а недостигающие согласия менее выражают и обнаруживают несогласие церквей, и могут быть покрыты продолжением сношений.

IX. Для большего удобства сношения между церквами могут быть троякие:

1) Официальные, посредством грамот вселенского патриарха к Всероссийскому Синоду и Всероссийского Синода к вселенскому патриарху.

2) Менее официальные, посредством писем или отношений между вселенским патриархом и первенствующим членом Всероссийского Синода.

3) Неофициальные, чрез архимандрита – настоятеля посольской в Константинополе церкви, который получаемые от российской иерархии сведения может доводит до сведения Вселенского патриарха чрез его референдария¹⁶⁸, или же и непосредственно, и принимать поручения о том, что нужно написать к российской иерархии.

Сношения сии могут быть прямые, без посредства министерства иностранных дел, кроме особенных случаев, в которых Святейший Синод может иметь с оным совещательные сношения и пользоваться его посредством и содействием.

X. Опыт предлагаемых теперь сношений, по времени, может показать, можно ли, нужно ли и благонадежно ли перейти к тому, чтобы церковь Российская имела своего постоянного представителя при вселенском патриархе.¹⁶⁹

1 Ноября, 1867 г.

Настоящую записку граф Д. А. Толстой, 9 ноября, 1867 г., предложил Святейшему Синоду, и Синод, «по внимательном обсуждении вопроса об установлении более тесного общения

между церквами, признал (определение 14–21 августа, 1868 года, № 1619) полезным послать в Константинополь особое доверенное от Святейшего Синода лицо из архимандритов или заслуженных вдовых протоиереев, обладающих как церковным образованием, так и знанием местных языков, и вообще способностью для таких сношений, снабдив его подробною на предмет его действий инструкциею». В следующем 1869 году Святейший Синод (определение 10–18 апреля, № 707) одобрил в принципе инструкцию таковому поверенному следующего содержания:

«1) В видах установления ближайших сношений между Российским Святейшим Синодом и патриархом константинопольским, долженствующих повести к теснейшему общению и единению обеих православных церквей, российской и константинопольской, назначается от Святейшего Синода духовное лицо в Константинополь, в качестве поверенного по делам исключительно духовным.

2) Поверенный по духовным делам в Константинополе, доколе состоит в сем звании, подчинен исключительно одному Святейшему Синоду, поручения коего принимает и об исполнении оных, равно как о всей своей деятельности, доносит не иначе, как чрез посредство синодального обер-прокурора, и никого более.

3) Не состоя за тем ни в какой зависимости от местной духовной власти в Константинополе, поверенный в отношениях к патриарху константинопольскому и другим иерархам великой церкви соблюдает всецелое, подобающее им, уважение.

4) Равным образом, пребывая вне всякого служебного подчинения послу нашему в Константинополе, поверенный сохраняет к нему приличествующее уважение, и обращается к его содействию в тех случаях, когда оно потребуется для исполнения поручений Святейшего Синода.

5) Поверенный по духовным делам в Константинополе, без разрешения Святейшего Синода, никаких дел, на месте своего служения, сам не вчиняет.

6) Он не должен также вмешиваться ни в какие внутренние дела константинопольской церкви или патриархии и подавать по

оним в Константинополе официальные мнения или голос, не имея особого, на каждый случай, уполномочия и наставления от Святейшего Синода.

7) В дела политические поверенный по духовным делам ни в каком случае не вступает.

8) Главное назначение поверенного в Константинополе по духовным делам: передавать от Святейшего Российского Синода патриарху константинопольскому, и, наоборот, от патриарха Российскому Синоду сообщения по церковным делам, и тем достигать цели, изъясненной в § 1 сей инструкции.

9) Сообщения эти со стороны Российского Синода могут быть разнообразны по разнообразию нужд церкви или патриархии константинопольской, нередко ищущей духовной или материальной помощи у церкви Российской. Но нужды эти доселе были мало или отчасти неизвестны, а некоторые и совсем неизвестны Святейшему Синоду. В виду сего поверенный должен постоянно представлять Святейшему Синоду подробные сведения и ближайшие свои соображения о ходе и положении дел православной церкви в Турции, о всех мерах, распоряжениях или преобразованиях церковных, какие там будут предпринимаемы, и о всяком, в церковном отношении, примечательном событии.

10) Для достижения полноты и возможной обстоятельности в сообщении вышеупомянутых сведений и соображений, поверенный, по временам, имеет отправляться, не иначе однако же, как с ведома каждый раз посла нашего в Константинополе. в провинции, и там, расширять запас своих наблюдений личными собеседованиями с наиболее влиятельными членами православного духовенства, не придавая, впрочем, своим объявлениям никакого официального характера.

11) Действия иноверного духовенства в Турции весьма часто соприкасаются с положением там православия; почему поверенный по духовным делам в Константинополе представляет Святейшему Синоду, независимо от сведений и соображений в § 9 упомянутых, таковые же относительно и

иноверных церквей, и духовенства в Турции, на сколько это будет для него доступно.

12) Если от Святейшего Синода могут исходить чрез поверенного разнообразные сообщения к патриарху, то столько же, если не более, могут быть разнообразны поручения поверенному от патриарха к Российскому Синоду, особенно с постепенным укреплением ближайших взаимных отношений. Принимая поручения от патриарха, поверенный должен внимательно соображать, не составит ли то или другое из них предмета затруднений для Святейшего Синода в междущерковном отношении.

13) Всякое поручение патриарха к Российскому Синоду, могущее быть затруднительным для Синода потому ли, что оно касается чисто местного церковного разрешения, или потому, что может вовлечь Российский Синод в несогласные мнения с другими патриархами, при согласии с константинопольским и т.п., поверенный должен стараться отклонять, доводя, впрочем, о каждом уклонении до сведений Святейшего Синода, с подробным изложением причин.

14) Если поверенный, на основании предыдущего параграфа, устранился от передачи того или другого поручения патриарха к Российскому Синоду, и за тем известится о непременном намерении константинопольского патриарха войти по тому же предмету в письменное сношение с Российским Синодом, то на обязанность поверенного возлагается расположить патриарха предварительно снестись с первенствующим членом Российского Святейшего Синода, о чем поверенный также должен немедленно довести до сведения Святейшего Синода.

15) Сверх указанных выше сторон деятельности поверенного по духовным делам в Константинополе, ему предлежит, по ознакомлении с духовными лицами великой церкви, при удобном, по обстоятельствам времени, случай стараться постепенно достигать возможного единства между обеими церквями в отношении к встречающимся ныне некоторым обрядовым различиям, и особенно в отношении к признанию великою церковью тех российских святых угодников,

почитание коих нашею церковию неизвестно константинопольской, по неимению доселе постоянных, ближайших сношений между обеими церквами.

16) Поверенный по духовным делам в Константинополе, в живом сознании важности своего служения и положения, конечно, приложит все заботы к тому, чтобы, осторожным образом своих действий и высоким благоповедением, с одной стороны оправдать доверие к нему Святейшего Синода, а с другой привлечь таковое же и со стороны константинопольского патриархата, ибо при этих только условиях, и возможно будет достижение желаемого церковного общения.

17) Настоящая инструкция, как и вообще всякая другая, не может обнимать собою всех случайностей, которые могут встретиться поверенному по духовным делам в Константинополе на пути его действия. Поэтому, если поверенный, прибыв в Константинополе, усмотрит, по указанию опыта, какие-либо новые стороны, требующие разъяснения служебного его положения и деятельности, то не замедлит испросить у Святейшего Синода дополнительные руководительные правила.

18) При исполнении сей инструкции поверенный по духовным делам в Константинополе не оставит хранить ее единственно для своего сведения и руководства».

К сожалению, дело не имело дальнейшего движения, по случаю несогласия министерства иностранных дел.¹⁷⁰

II. О греко-болгарской распре

1858 г.

Мнение митрополита Филарета о предприятии экзарха¹⁷¹ Стоиловича печатать в Константинополе церковно-богослужебные книги на славянском языке

Константинопольская иерархия действует во вред себе и православной церкви, непреклонно стараясь иметь в Болгарии духовенство из греков. Народ не может иметь наставления в вере от духовенства, которого языка не понимает, и не может войти с оным в искреннее по духу веры общение. А не имея наставления православного, и не находясь в искреннем духовном общении с духовенством, народ болгарский не имеет ограждения от прозелитизма неправославных, которые посылают к нему миссионеров, приготовленных к своему делу, говорящих на его языке, имеющих политические для себя опоры, снабженных вещественными средствами привлекать к себе людей, особенно бедных. Не трудно усмотреть, какие могут быть от сего последствия. Для недопущения их, надобно, чтобы болгары имели духовенство единоплеменное, и если частию и греческое, для связи с константинопольскою иерархией, то достаточно знающее болгарский язык. Желательно, чтобы найдены были средства убедить в сем константинопольскую иерархию.

Предприятие экзарха Стоиловича печатать в Константинополе православные богослужебные книги на славянском языке не довольно изъясняется одним тем намерением, чтобы устранить воспоминание российской императорской фамилии и оскорбительные выражения против оттоманской державы. По сему намерению надлежало бы начать печатание с таких книг, в которых воспоминание императорской фамилии и воззвание против магометанства наиболее слышимы в церкви; но оно начато с Апостола и Евангелия, в которых сие вовсе неслышимо в церкви. В Евангелии только заглавный лист представляет имена российской императорской фамилии, и в указании евангельских чтений одно выражение: *за императора и за люди во время*

брани. Подобное есть и в Апостоле, и еще тропарь: Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы благоверному императору нашему на сопротивные даруя. Посему от предприятия Стоиловича можно опасаться и более вреда, нежели по первому виду представляется.

Посему стоит труда сделать опыт доставить болгарам из России нужнейшие богослужебные книги, напечатанные так, чтобы враги православия не могли указать на них, как на противные (?) политическому положению Турции.

Впрочем, исполнение сего требует не малозначительных совещаний.

В ектении имя Святейшего Синода не трудно заменить именем патриарха.

Прошение о низложении царства агарянского можно заменить прошением о обращении непознавших истины к истинному Богопознанию о вере.

Особенно трудно решить, как поступить с прошением ектении о благочестивейшем, самодержавнейшем, великом государе нашем, и проч.

Совершенное опущение сего прошения экзарх Стоилович может перетолковать, как восстание против султана; ибо христианская вера велит молиться за предержащую власть.

Если сказать словами апостола: о царе и о всех, иже во власти суть, Господу помолимся, и сие могут перетолковать так, что имя царя есть собственно имя русского императора.

Может, по-видимому, быть удовлетворительнее, следующее выражение прошения: о державствующем в царстве сем и о всех, иже во власти суть, Господу помолимся.

Повторяю, что сие требует не малых совещаний.¹⁷²

1859 г.

5 марта-10 сентября. Отзыв митрополита Филарета о письмах настоятеля русской посольской церкви в Константинополе архимандрита Петра по вопросу о преобразованиях в восточной иерархии

I

До сих пор нечего не сказал я о письме о. архимандрита Петра¹⁷³ из Константинополя. Может быть, теперь и благовременнее, нежели прежде, сказать нечто.

Приметно, с неудовольствием (и справедливым) говорит он, что один из членов российский иерархии¹⁷⁴ был возбудителем тревожной мысли о болгарском патриаршестве. И подлинно, достойно примечания, что сей нечаянно (после того, как видели его в полном здравии во время высочайшего коронования) судьбою Божиею отозван был в то самое время, когда правительство уполномочивало его действовать на болгар. Продолжение сего действия могло бы вести к затруднениям церковным и политическим.

Потом архимандрит Петр излагает свое дознание, несогласное с тем, что было ему сообщено в Москве, и что, кажется, он понял односторонне.

Он хочет опровергать мнение, что греческая иерархия не благоприятствует совершению богослужения у болгар на славенском языке. Но сам же говорит, что в настоящее время исходатайствован от Порты словесный приказ, чтобы совершаемо было богослужение на славенском языке в церквях, при которых больше домов болгарских, нежели греческих. Не ясно ли, что прежде настоящего времени не было оказано сей справедливости болгарам? Не ясно ли, что сию справедливость оказала болгарам Порты, а не греческая иерархия?

Далее говорит он, что ни от кого не мог узнать, почему в епархиях македонских не отправляется богослужение на славенском языке. Но какой здесь искать тайны? Очевидно, что богослужение не отправляется на славенском языке потому, что так велел архиерей. Трудно достать книг? Но если бы архиереи

желали доставить народу понятное богослужение: они могли бы попросить у России книг также свободно, как свободно просить денежных пособий; но просьбы от архиереев о книгах славенских не было.

О. Петр догадывается, что архиереи запрещают в Македонии славенское богослужение потому, что там «свиристуют агенты Борэ»¹⁷⁵. Это непонятно.

О. Петр говорит, что достойных или недостойных кандидатов болгары выбирают для священства, архиереи в это не вмешиваются. Видно ли в сем попечение о пастве? И не служит ли сие подтверждением жалобы болгар, что архиереи поставляют во священника того, кто дает больше денег?

О. Петр рассказывает, что при нем возведен в епископа из болгар Иларион¹⁷⁶, человек прямой, основательный, добрый и не без образования. Но тут же рассказывает, что Иларион прежде не пользовался милостию патриарха, и даже был в заточении. Значит ли это благоволение греческой иерархии к болгарам? Не потому ли взялись за бывшего в заточении, что в настоящее время русское посольство ходатайствует о доставлении болгарам национального священства?

Мне достался горький труд указывать темные облака на Востоке, где о. Петр хочет видеть только чистый свет. Но имею теперь нужду продолжить сей горький труд и далее константинопольского письма.

В отношениях иерусалимского патриарха¹⁷⁷ к преосвященному мелитопольскому¹⁷⁸ еще прежде¹⁷⁹ были мною показаны случаи, которые не могли быть признаками искреннего расположения к российской иерархии.

О патриархе антиохийском Иерофее¹⁸⁰ много может сказать одно то обстоятельство, что, по кончине антиохийского патриарха Мефодия¹⁸¹, от антиохийской церкви, к Иерофею, тогдашнему архиепископу фаворскому, прислана была для представления патриарху константинопольскому¹⁸² и синоду просьба о назначении патриарха, без указания имени; но когда сия просьба пришла к константинопольскому патриарху и синоду, в ней оказалось написанное по чищенному имя

преосвященного Иерофея, в качестве кандидата, вследствие чего он и произведен в патриарха антиохийского.

О нынешнем патриархе александрийском размышления требует следующее: доверенный от сей патриархии преосвященный Никанор, епископ фиваидский, неоднократно словесно, а наконец письменно просил распоряжения, чтобы деньги, собранные в России в пользу александрийской церкви, отосланы были к патриарху Каллинику не иначе, как под условием, чтобы в распоряжении оными участвовал российский консул. Это значит, что сам доверенный патриархии не доверяет тому, чтобы деньги сии патриархом и духовенством употреблены были верно, на пользу церкви, если не будут охранены стражею российского консула.

О члене константинопольского синода, митрополите никомидийском¹⁸³, есть достойное веры сведение, что он далек от единомыслия с нынешним константинопольским патриархом¹⁸⁴, и преследует свои личные виды. И архимандрит Петр заметил в патриаршем синоде «несчастное распадение мнений» и то, что «патриарх остается спокойным зрителем происходящего» в собранном народном совете по церковным делам, который должен был возбудить живейшую и единоклубную заботу иерархии.

Светлый луч восточной иерархии угас кончиною святейшего патриарха Константия¹⁸⁵.

Воздвигаются ли в восточной иерархии новые столпы церкви, которые из ее членов преимущественно соединяют в себе с мудростию ревность дома Божия, и в какой степени силен их голос, мы очень мало знаем. Желательно, чтобы о. Петр занялся изысканием и доставлением сведений о сем.

Необходимо внимательным взором пройти открытые здесь нерадостные виды, тогда как и попечение о хранении единства церковного, и братолюбная забота о трудном испытании, чрез которое проходит ныне Восточная церковь и некоторые нужды Российской церкви сильно побуждают нас к деятельным и искренним сношениям с восточною иерархией.

Если мы желаем предложить о укреплении согласия между Греческою в Российскую церковь в некоторых предметах, в

которых недоброжелатели православия стараются произвести между сими церквами несогласия: надобно предусмотрительно размыслить, можно ли ожидать на сие согласного решения в округе людей, у которых самих не достает согласия и господствующего направления к единству? Найдет ли там наше слово мужа крепкого духом и словом, который бы произнес определение согласия, и соединил в нем умы, которые примут участие в суждении? Не встретило ли бы, напротив, наше мирное предложение человека упорного в частном мнении, который бы направил и мнения других к большему разделению?

Если предложим о составлении восточного церковного акта, который бы подкрепил решение российской иерархии по внутреннему вопросу Российской церкви: надобно предварительно иметь в соображении, что если предложение получит успех, то может быть польза; а если не получит, то наши домашние враги, конечно, узнают о сем, и дело может оказаться в худшем положении, нежели до начала сего неудачного предприятия.

По всем вышеизложенным соображениям путь к формальным церковным сношениям с Востоком, по моему мнению, проложить надобно следующим образом:

1) Назначить архимандриту Петру на первый раз один предмет, который с большею безопасностью можно подвергнуть опыту.

2) Он пусть говорит о сем предмете с пребывающими в Константинополе патриархами и членами синода, с каждым особо.

3) Он скажет, что этот предмет занимает Святейший Российский Синод, и спросит, чего можно было бы ожидать, если бы Святейший Синод предложил сей предмет на рассуждение святейшего патриарха и прочих старейших членов иерархии.

4) Какие от кого услышит суждения, он доставит о них сведения, о каждом порознь.

5) К сему присовокупит своя замечания, в ком найдет более благоприятные расположения, и в ком силу влияния на других.

6) Полученные таким образом сведения помогут определить дальнейшее действие с благонадежностью.

Сии мысли более общие предполагаю вслед за сим частнее и ближе приложить к делу.¹⁸⁶

II

О письме архимандрита Петра, от 20 июня, 1859 г.

С мыслью поверить обвинение архимандрита Петра в пристрастии к грекам, читаю письмо его.

I. Архимандрит Петр говорит, что *«вся почти Болгария читает и слушает слово Божие на родственном славенском языке»*. Но потом говорит, что *«в несравненно большем количестве епархий болгарских стали бы читать слово Божие на славенском языке, если бы были в них наши церковно-славенские книги»*.

Если верно последнее показание, то не совсем верно первое. К такому же заключению ведет и требование вдруг 1000 экземпляров церковных книг. Показания о. Петра приметно клонятся к защите греческого духовенства. Но хорошо ли, что из греческого духовенства никто не позаботился доставить болгарам церковные книги на их языке, а заботится о сем только русский архимандрит?

II. Книги нужные послать надобно; только, думаю, на первый раз менее 1000 экземпляров. Надобно посмотреть, как будут употреблены.

III. Сказав, что протестанты имеют фирман на продажу болгарам церковных книг, о. Петр мог бы прибавить: как странно, что не заботятся о сем греки, даже при виде опасности от протестантов!

IV. О. Петр говорит, что у болгар все священники, за малым исключением, болгары.

Как заключение из сего, приводит он слова посланника¹⁸⁷: болгары много клеветают на греческую иерархию. Неверное заключение. Кажется, сам о. Петр писал, что болгарских священников греческие епископы посвящают, не вникая в их достоинство. Как же это могло быть? Мне объяснил сие примером один очевидец. Болгары – прихожане, лишившиеся священника, и избравшие для посвящения на него место,

согласились дать за сие епископу-греку 800 пиастров; но, когда к нему привели избранного, епископ потребовал 1,200. Произошел ропот; и, не знаю, на которой из сих, или на средней цене помирились. В сем случае можно понять, почему вопрос о достоинстве оставлен в стороне. Был ли бы тот клеветник, кто в сем случае пожаловался бы на греческую иерархию?

V. *"К чести его сиятельства* могу сказать, что при моих посещениях он неоднократно говорил со мною о текущих делах церкви». Не слишком ли высоко, ваше высокопреподобие, ставите вашу честь?

VI. «Страшною, уродливою ненавистью к иерархам греческим заражено наше молодое посольство». Чем доказываете вы сие тяжкое и обвинение? Не уродливы ли ваши выражения? Если Государь Император нашел князя достойным быть посланником: прилично ли ваше осуждающее и насмешливое слово: «молодое посольство»? Младший из членов молодого посольства написал такую примечательную книгу (о Гуссе и Лютере)¹⁸⁸, какой вы не написали: очень ли он молод перед вами? Вы пишете письмо в такое время, когда посольство охранило святейшего патриарха от низложения: точно ли вы видите в нем страшную, уродливую ненависть к иерархам греческим?

VII. «Были и патриархи из болгар». – Кто именно? И кто бы ни был, без сомнения, огречившийся. Это не доказывает хорошего расположения к болгарам вообще.

VIII. «Недавно один из болгар посвящен во епископа». – Это правда. Но вы же писали, что он прежде сослан был патриархом в Афон. Вероятно, действие русского посольства вывело его из заточения в епископы. Есть ли это доказательство благорасположения греков к болгарам? Это, кажется, тот, которому дана в Константинополе церковь, *не имеющая права приходской церкви*. Хорошо благоволение к болгарам – дать им епископа, не имеющего права приходского священника¹⁸⁹.

IX. О. Петр приводит мнение «благоразумнейших из греков», что для епископа в Турции нужно не одно духовное образование, но и «знание если не тайн, то приемов

администрации». Что ж? Разве эта премудрость дана одним грекам, а болгарам не дана? Греки и болгары, духовные и миряне, все имеют нужду осторожно и искусно обращаться с турецкими властями; и это не слишком глубоко сокровенная тайна.

О. Петр легко поверил «благоразумнейшим грекам», и малозначащую мысль принял за сильное доказательство против жалующихся на непроизводство болгар в епископы.

Х. Архиерейские сборы с болгар «ежегодные и обязательные»:

1) воифия, по 2 или по 4 пиастра с венца,
2) фамилиатика, во время приезда архиерея, по 1 пиастру с венца,

3) сбор пшеницы, масла, сыра, барашков,
по мнению о. Петра, таковы, что он «не умел бы, как назвать» того, кто почел бы эти сборы отяготительными. То есть он не находит довольно сильного порицательного названия для этого человека? Не слишком ли это? Есть ли это голос беспристрастия?

XI. Никакого отзыва не делает о. Петр о следующих сборах:

4) Филотимон, сбор от священников за право пользоваться приходом.

5) Вула (печать) за свадьбу от 10 до 12 пиастров, за второй брак дороже, за третий еще дороже (это похоже на папские *taxae cancelariae apostolisiae*).

6) Парясани, книга разводная, от 260 до 1000 пиастров и более. (Замечательно, что здесь не говорится о разводе по законной причине прелюбодеяния, а якобы во избежание отурчания. Следственно, это продажа незаконного развода).

7) Психомеридион (душечастица) за поминавание усопшего от 50 до 100 пиастров и более. О. Петр прибавляет, что в некоторых епархиях этого не знают; но усопших, без сомнения, везде поминают. Следственно, это не дар за поминавание, а просто налог на каждого умершего от 2 р. 50 к. серебром до 5 рублей. Что же не сказал о. Петр, одобряет ли он сии налоги?

XII. Далее о. Петр говорит о умиротворении. Болгары говорили, что они «готовы забыть вражду и совершенно

успокоиться, если греки

1) будут позволять им отправлять богослужение на славенском языке, где они захотят;

2) если не будут препятствовать им заводить училища;

3) если не будут унижать их национальности, и

4) дадут для болгарских епархий нескольких епископов (3 или 4) болгар, или, по крайней мере, знающих болгарский язык». Здесь нельзя не заметить, что не было бы нужды предлагать сие, если бы сие было исполняемо; что требования справедливы и особенно последнее умеренно. Что же делает святейший патриарх и «разумнейшие» члены синода? «Обещали по первым трем пунктам удовлетворить их, и потребовали указаний, где это сделать нужно, или когда в чем были обижены болгары». Дело началось о мире, а они начинают суд. Если хотели мира, тотчас можно было предписать епископам болгарских церквей, чтобы они, в предосторожность от несогласия национальностей, беспрепятственно предоставляли болгарам совершать богослужение на славенском языке и заводить училища, и чтобы обращались с греками и болгарам одинаково уважительно и благорасположенно, остерегаясь унижения одних перед другими. Это было бы для болгар успокоительно, и для греков не обидно. Для мира надобно покрывать и утушать искры раздора, а не раздувать их.

О. Петр, потребовав от болгар доказательств, говорит: «тогда только узнал, что я ими» ...? Что это значит? Обманут? Для чего же не сказать бы прямо? На что таинственные точки! Не ставьте точек; а скажите прямо, и докажите, что вас обманули.

«Никто не указал, где было подобное тому». Чему? О чем вы говорите? И не доказать – еще не значит обмануть. Поступки стесняющие и унижающие не всегда документально можно вывести наружу. Мне рассказан был следующий случай: в одном городе богатый болгар просил у епископа – грека дозволение построить дом для училища, и не получил. Он обратился к турецкому начальнику города, испросил позволение, построить новый дом, пригласил епископа на обновление, и когда епископ в одной комнате совершил

молитвословие обновления, хозяин отворил другие комнаты с принадлежностями для училища. Пусть болгары укажут на сей случай в доказательство, что духовенство препятствует им заводить училища; епископ скажет: «неправда, я на обновлении училищного дома был». А что болгар унижают, тому доказательство теперь перед глазами: поставили в Константинополе болгарскую церковь с епископом, и не дали ей прав приходской церкви; и за совершение в ней какой-то требы, даже не патриарх, а синкелл его запретил в сей церкви священнослужение. О. Петр щедро сыплет на болгар неопределенные порицания: «голословно, мелко, односторонне, пристрастно», а не примечает вблизи явного дела, опровергающего сии порицания.

Пересказывая слова патриарха, он замечает: «слова сии сопровождались самою выразительною мимикою». Для чего замечает? Или он мимику почитает сильным доказательством истины?

XIII. «Я прихожу к такому заключению, что если не так рельефно рисуются в жизни народной личности болгарского племени, то причиной тому ход исторических событий». Признаюсь, я этого не понимаю; и только с прискорбием вижу здесь то, что духовная особа перенимает нечистый язык и неестественные выражения петербургских светских журналов и фельетонов, и, думая успеть, только затмевает мысль принужденно изысканными выражениями.

Не довольно ясны и неубедительны и следующие пункты так называемого заключения, что греки не подметили недавнего движения в духе народном; что есть неизбежное уничтожение толпы (к чему не верно приведены уничтожения будто бы малороссов и финляндцев от великороссиян): что болгарская народность, «форсированно возбужденная, злым образом направленная», есть основание всех смут. Есть между болгарам *партия*, расположенная к смутам, а жалобы на греков произносит *народность*. И к западу тяготеет не народность болгарская, а только *партия*, думаю, еще не сильная. Дать болгарам епископов из болгар, осмотрительно

выбранных или знающих язык их, есть предосторожность против сей партии.

XIV. Доходит дело до патриарха.

Члены синода считают теперешнее состояние церкви опасным, а патриарх уверяет, что намерения народного совета – самые лучшие. Может быть, в сем случае обе стороны правы. Совет с добрым намерением нападает на беспорядки духовенства, чтобы исправить их; но, для сего исправления вмешиваясь в дела иерархии, он может произвести и производит опасное колебание. Но что же делать? Геронты, вероятно, хотели бы разрушить совет; но ни они, ни патриарх сего сделать не могут, и потому, может быть, патриарх благоразумно думает, что надобно, по возможности, сохранять согласие с советом, чтобы он не увеличил потрясения иерархии.

«Он не по времени, не по месту». Для чего же геронты говорят сие теперь, а не тогда, когда его выбирали в патриархи? Видно, что он неудовлетворителен; но его не должно ли терпеть и поддерживать по предосторожности против безглавия, против смут, против выбора искателя-члена, против преемника, может, быть худшего?

Если митрополит солунский и Типальдос¹⁹⁰ без стыда дают патриарху такие названия, которых о. Петр не осмеливается произнести, то они нехорошо поддерживают свой сан, обнаруживают суждение по страсти и ослабляют сами доверие к их свидетельству.

Честолюбие патриарха полагают в желании удержаться на престоле. Но он просил уже отставки.

Дабы верно знать, точно ли он раболепствует туркам и членам совета, надобно было бы указать определенные случаи.

Иеродиакон Ласкарис не есть ли представитель воззрения и мнения геронтов, и следственно воззрения и мнения одностороннего в деле прекословном?

XV. Доходит очередь до народного совета.

Неправость его намерений о. Петр доказывает тем, что в него не вошли патриархи антиохийский и иерусалимский. Заключение весьма сомнительное. Если совет имеет недобрые для церкви намерения, то ревностные пастыри должны войти в

него, усилить собою церковную сторону, и бороться против недобрых для церкви намерений. Не просто ли причиною их уклонения опасение, чтобы совет не ограничил их свободы в управлении церковными имениями и доходами?

Что патриарх не во всем согласен с народным советом, это доказывает, что он не раболепствует (в чем его обвиняют), а не доказывает худых намерений совета. Может быть, совет с добрыми намерениями смотрит на церковь отчасти по-светски, и потому изъясляет такие мнения, с которыми патриарх не может согласиться.

XVI. Члены синода «теперь смотрят на ход дел гораздо спокойнее, хотя и ныне неудовольствие свое выражают протестом». «Патриарх первый произнес слово за геронтов. Теперь они видятся любезно, и беседуют не без соглашений». Сколько здесь противоречий? Смотрят спокойнее; – патриарх за геронтов; видятся любезно; а между тем геронты против патриарха пишут протест, выражающий крайне беспокойное и чуждое любви расположение. Как понимать дела по таким сведениям?

XVII. Примечательно, что митрополит Типальдос «против народного собрания и нововведений, и о геронтах и собрании отзывается очень нехорошо». Это сильное свидетельство против геронтов, когда так говорит человек, знающий дела и решительно принадлежащий к стороне церковной. Со всех сторон являются убеждения, что не полезно было бы поднимать геронтов на прежнюю их высоту и в прежнюю силу.

XVIII. Халкинское училище неудовлетворительно для болгар не потому, что тесно, и имеет направление к монашеству. Пусть бы оно образовало немногих из них, с направлением к монашеству: из сих могли образоваться епископы, в которых и состоит нужда, и которые потом могли бы завести свои национальные духовные училища. Неудовлетворительно же халкинское училище потому, что и в нем есть греческое одностороннее направление: или огречить болгар, или пренебречь. В халкинском училище, как слышно, обратили было внимание на славенский язык, но потом это бросили.

Завести в Константинополе училище на русский счет неудобно. Потребуется большие издержки. Кто будет начальник и наставники? Греки? – Будут сбиваться на свое греческое направление. Русские? – Трудно найти желающих и трудно будет приспособиться к болгарам.

XIX. Опасность для болгар от иноверной пропаганды о. Петр описывает ясно и несправедливо. И мысль послать два или три тайных миссионера из болгар к болгарам, для охранительных внушений, достойна внимания. Жаль, что он не назвал, кого имеет в виду.

XX. Экзарх¹⁹¹ и Цанков с своими типографиями не на пользу, а ко вреду. Если бы можно было одну из них перевести в добрые руки, то это значило бы враждебную силу обратить в вспомогательную. Основывать болгарскую типографию при посольстве удобно ли? И не воспрепятствуют ли сему отчасти политические соображения?

XXI. Турецкие подати ужасны. Но странно, что ими хотят объяснить жалобы болгар на архиереев.

XXII. О письмах афонских сказано в другом месте.¹⁹² Здесь замечу только, что неизвестно, кто и по чьим мыслям писал их. Мнения же «великого подвижника Илариона-грузина» в них нет.

XXIII. По рассмотрении всего, писанного в письме о. Петра с приложениями, можно видеть, что он доброжелательно печется о благе и греков и болгар: нет причины предполагать в нем пристрастное расположение к первым. Но заметно, что он особенно сближен с геронтами, которые, по сведениям о них, конечно, искуснее других могут представить свои виды и поставить на свою точку зрения рассуждающего с ними. Напротив того, против посольства заметно в нем предубеждение, соединенное с недостойною уважения склонностью к оппозиции. Кажется, возможно, и, конечно, было бы полезно, если бы и здесь с большим вниманием и осторожностью действовал в том миротворном духе, которым он старается привести во взаимное согласие патриарха и членов синода.

10 Сентября, 1859 г.¹⁹³

В августе. Отзыв митрополита Филарета о неприятном случае между вселенским патриархом и болгарскою церковию в Константинополе

Князь С. Н. Урусов, при письме от 14 августа, 1859 г., препроводил к митрополиту Филарету, для прочтения, копию с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского следующего содержания.

«На днях случилось между управлением вселенской патриархии и причтом здешней болгарской церкви, в Фанаре, неприятное столкновение, которое могло бы иметь вредные последствия для церковного мира, если бы сам патриарх не озаботился предупредить оные благоразумными мерами.

Несколько лет тому назад устроена была в Фанаре, с разрешения вселенской патриархии, временная болгарская церковь, с правом совершения в ней славянского богослужения для болгар, проживающих в Константинополе. Имея, на сей конец, свой собственный, исключительно болгарский, причт и во главе оного епископа, из числа природных болгар, она состоит в непосредственной зависимости от вселенского патриарха, но не пользуется правами приходской церкви, так что, вне обычного богослужения, священники ее не могут, без особенного разрешения патриарха, и в ущерб выгодам греческих приходских причтов, совершать какие бы то ни было церковные требы, хотя бы и для природных болгар.

Ограничение это уже не редко подавало повод к столкновению с греческим духовенством, когда случалось, что священники болгарской церкви, в Фанаре, призывались проживающими в Константинополе болгарскими для крещения, похорон или венчания; но все подобные столкновения проходили до сих пор без дальнейших последствий.

Несколько дней тому назад, один из проживающих здесь солунских болгар, испросивший наперед разрешение своего кириарха, солоникского митрополита, на брак с одною болгарскою девицею из города Сливна, пригласил священников болгарской церкви, в Фанаре, обвенчать их в Константинополе.

Он обратился в то же время во вселенскую патриархию с просьбою, во избежание лишних издержек, позволить ему обойтись без присутствия, при обряде венчания, греческого священника того прихода, в котором должна была совершиться свадьба. Патриарший протосингел отказал просителю и, призвав к себе настоятеля болгарской церкви, макариупольского епископа Илариона, начал укорять его, в неприличном тоне, в стремлении болгар нарушать законные права приходских церквей и освобождать себя от канонической зависимости от греческой иерархии. Горячась более и более, по мере возражений епископа, протосингел кончил тем, что позволил себе, собственною властью, наложить запрещение на священников болгарской церкви, и отпустил от себя преосвященного Илариона, с приказанием наблюдать за исполнением этого приговора.

На другой день, в воскресенье, народ, собравшийся, по обычаю, в болгарскую церковь, был неприятно поражен известием, что литургия не может быть совершена по причине наложенного запрещения. С своей стороны, болгарин Цанков, объявивший в своей газете открытую войну греческому духовенству, поспешил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы выставить последовавшее от имени патриархии распоряжение, в виде задуманного оскорбления чести и правам болгарского народа.

Известясь о случившемся чрез Александра (экзарха), который во всем этом деле, как равно и в предшествовавшей журнальной полемике с Цанковым, показал себя с похвальной стороны, стараясь успокоить взволнованные умы своих здешних соотечественников, вселенский патриарх оценил тотчас всю важность этого события и вред, который мог бы произойти от возбужденного тем в народе соблазна. Он немедленно снял запрещение, наложенное на болгарских священников, без его ведома, отставил виновного в этом деле протосингела и сделал настоятелю болгарской церкви епископу Илариону замечание за то, что, состоя в непосредственной зависимости от одного патриарха, он допустил исполнение самовольного

распоряжения протосингела, не донеся о том вовремя самому патриарху и не испросив на этот случай его личных приказаний.

Можно надеяться, что этою заботливостью его святейшества предупредить дальнейшее развитие зла будет успокоено волнение умов, которое начинало уже проявляться в шумных сходках здешнего болгарского народонаселения, и без того неприязненно расположенного к греческому духовенству.

I. Печален вид православной церкви в Константинополе: миряне препираются с православною иерархией о устройстве церковных дел; члены иерархии разделяются между собою, так что патриарх и геронты, члены одного организма, являются взаимно противоборствующими до несовместности стихиями. Национальности греческая и болгарская стараются увеличивать каждая свою силу, не обращая внимания на то, что несогласиями оскорбляют и общую силу и свои частные.

II. В отношении 25 июля сказано, что болгарская в Константинополе церковь «не пользуется правами приходской церкви». Странное положение. Для чего же и основана болгарская церковь? Неужели для того, чтобы дразнить болгар: «вот у вас в глазах ваша церковь и в ней вы служите на вашем языке; но вы не можете совершать в ней ни крещения, ни браков, ни молитв по усопшим на вашем природном языке, а идите для сего к греческим священникам, чтобы они совершили для вас таинства и молитвословия на непонятном для вас греческом языке»? Для чего и епископ и священники при церкви, при которой нет ни епархии, ни прихода? Не для того ли также, чтобы дразнить болгарских епископа и священников: «вот у вас в глазах ваши единоплеменники, которым естественно составлять вашу епархию и ваш приход; но вам не дают ни епархии, ни прихода»? И для чего все это? Не видно иной причины, кроме той, чтобы деньги мирянина – болгарина не уклонились от пути в карман греческого священника и не упали в карманы священника болгарского.

Августа, 1859 года¹⁹⁴

1860 г.

11 мая. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с мнением о необходимости дарования болгарской церкви автокефальности

Обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой, при отношении, 8 мая, 1860 года, за № 2619, препровождая митрополиту Филарету две статьи «Цареградского Вестника» и копию с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского, от 12 апреля, просил его «возвратить сии бумаги, по миновании в них надобности, и присовокупил, что патриарх константинопольский¹⁹⁵ отрекся от изъявленного им согласия на учреждение самостоятельной болгарской иерархии».

Копия с депеши 12 апреля и две выписки из «константинопольского Вестника» при сем возвращаются.

Как омрачили несчастные болгары пресветлый день Христов мятежом в церкви, оскорбляющим не только патриарха, но и Христа и христианство.¹⁹⁶

Неужели и то все справедливо, что говорить «Вестник» о епископе Иларионе¹⁹⁷?

Теперь можно видеть, справедливо ли было говорено, что надобно исполнить правильные требования болгар, и снизить к их желаниям, не выходящим из пределов церковного благоустройства, чтобы возбужденное уже сильное движение не сокрушило сих пределов, которые при том ищет поколебать внешняя западная сила.

Замечательно то, что, при виде опасности, иерархия собралась единодушно, и, по предосторожности против умножения неустойств, определила против тревожных движений сохранить великодушное спокойствие, для мирного, если можно, вразумления неведущих, что творят.

Но если вселенский патриарх, то вдруг щедро уступает болгарам независимость, то вдруг отрекается от сего: такая колеблемость может только более раздражить и поощрить беспокойных.

Издали трудно видеть с точностию, что́ есть, какая стихия в нашей силе, что́ возможно, и что́ необходимо. Если бы Болгарии дан был митрополит, с правом управлять своею областью и поставлять в ней епископов, но с тем, чтобы сей митрополит, по избрании своими епископами, рукополагаем был вселенским патриархом; чтобы он присутствовал на соборах православной церкви, на которых присутствуют все патриархи, и чтобы он для своей области получал и священное миро от вселенского патриарха, и если бы на сих условиях восстановлен был мир церковный: то такое разделение без разрыва было бы исходом из дела, согласным с правилами древними, и нуждами и пользами нынешними.

11 Мая, 1860 года¹⁹⁸

20–21 мая. Мнение митрополита Филарета о несогласиях между греками и болгарами по церковным делам

Секретно.

Новое сведение о болгарском деле в Константинополе также печально, как предшествовавшее.

Странное замешательство! Если бы Порта домогалась утверждать церковные наказания: патриарх, но справедливости, мог бы сказать, что это дело церкви, и государству не нужно входить в сие. Но теперь, напротив, патриарх домогается, чтобы Порта утвердила предполагаемые им церковные наказания, а Порта говорит, что это не ее дело. Таким образом Порта защищает неприкосновенность церковного действия, которое патриарх хочет подчинить Порте.

Кажется, его святейшество имеет неверный взгляд на дело. Он думает, что Порта примет мятеж церковный за государственный, и примет участие в укрощении его. Но Порта, конечно, видит, что в деле болгар нет ничего против государства; восстают же они только против греческого духовенства. А это, и последствие сего – отделение болгарской церкви, Порта найдет не только не вредным для нее, но еще благоприятным. Православные христиане под владычеством турок сильны единством в православии. Рассечение сего единства на части, взаимно противоборные, должно ослабить и ту и другую часть: и тем легче владычествовать туркам.

Посему вероятен слух, что Порта благоприятствует тайно болгарам.

Обстоятельство, что число греков, живущих в Константинополе, не превышает 1500 семейств, а число болгар простирается от 50,000 до 60,000 душ, также может турецкому правительству подать мысль преклониться на сторону большинства.

Все сие греческая иерархия могла сообразить благовременно, и при первом движении болгар в Пасху немедленно внушить благонамереннейшим из них, чтобы

остановить движение незаконное и в законном порядке просить себе церковной самостоятельности, с доброю надеждою. Так дело могло вступить на путь мирного разрешения. Но время упущено, движение усилилось и епископ Илларион, не сохранивший твердости в Пасху, после колебания, увлекся далее на незаконном пути. Теперь труднее извинить его, нежели прежде; а если решатся осудить его, в силах ли будут привести осуждающее определение в действие? И обезоружит ли сие народ, или вооружит сильнее?

Теперь и уступка не так благовидна будет, как была бы прежде; но уступка в том виде, как сказано в предыдущем письме моем, едва ли не была бы лучшим исходом дела, и предосторожностью от больших зол.

Господь да умудрит святейшего патриарха и его синод, и да сохранит бедствующую церковь от больших бед.

Список с депеши, присланный при отношении 17 дня, № 2839, полученный 19 дня вечером, при сем возвращается.

20–21 Мая, 1860 г. ¹⁹⁹

30 июля. Мнение митрополита Филарета о жалобе филиппопольских греков на болгар

Странное дело! Православные греки на православных болгар по церковному делу жалуются консулу западной державы, и сами себя отдают в руки латинства. Как же ограждать безопасность людей, которые сами себя предают ищущим души их?

И на что жалуются? На то, что болгары требуют богослужения на вразумительном для них наречии. Разве греки уже приняли латинское правило, чтобы богослужение было на непонятном народу языке?

При таких странных обстоятельствах трудно придумать благонадежный образ действия, и в другой раз трудно приступить к действию по сведениям тайным и чуждающимся гласности.

Нельзя ли православным отцам и братьям нашим прочитать слова апостола Павла (Гал. V, 15): *аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете*. И это тем скорее, если угрызаемых вами, а с ними не приметно и себя кладете в отверзтыя челюсти пропаганды, ищущей поглотить православие.

30 Июля, 1860 г.²⁰⁰

8–10 декабря. Мнение митрополита Филарета о деле болгар по депеше 20 ноября, 1860 г.

Секретно.

I. Мнение Аали-паши²⁰¹, что патриарший престол должен сделать значительные уступки, чтобы вернуть болгар на путь, с которого они совратились, достойно внимания святейшего патриарха.

Хорошо обещание паши, что Порты не потерпит отделения болгар от православной церкви. Но может ли Порты удержать их, если они большою массою ринутся на сторону Западной церкви и западной политики? Сия политика, конечно, не будет отталкивать их назад.

II. Сильное со стороны Порты выражение того, что она не будет благоприятствовать отделению болгар от православной церкви, или от патриаршего престола, может побудить их искать примирения с патриархом. Но свидание епископа Илариона с патриархом, хотя сей и обещает принять его, не вдруг может быть предпринято с надеждою. Пропасть между ними так широка, что надобно прежде всего построить мост приличным посредничеством.

Посредничество должно быть не официальное, а частное, свободное, конфиденциальное. В последнем успех более надежен, и неудача меньше неприятна и меньше приметна.

Посредник мог бы изъяснить епископу Илариону:

что требование болгарями особого патриарха, с одной стороны, чрезмерно и неудобноисполнимо, с другой – не необходимо;

что для благоустройства болгарской церкви достаточен был бы болгарский самостоятельный митрополит, избираемый болгарским духовенством, рукополагаемый вселенским патриархом, полномочно управляющий болгарскими епархиями, с своим собором избирающий и поставляющий епископов, с некоторыми по особенным предметам отношениями к вселенскому патриарху, ради чести вселенского престола и ради единства церковного;

что произвольное прекращение болгарами возношения имени вселенского патриарха в богослужении есть важное нарушение соборных правил и вообще порядка и законности;

что епископ Иларион, в начале невольно допустивший сию незаконность, в последствии времени принял в ней полное участие;

что посему и справедливость требует, и для успеха в деле нужно, чтобы он обратился к патриарху с особенным смирением, прося его снисхождения и прощения неправильности, им допущенной (по известному уже объяснению его) из опасения отпадения народа от Восточной церкви к Западной;

что на преосвященного Илариона может пасть тяжкая ответственность, если не употребить всевозможного старания умерить требования болгар, и своим смирением охранить мир церковный.

С другой стороны, святейшему патриарху посредник мог бы предоставить:

что отпадение болгар, прежде частное, отвращенное вниманием к их желаниям, ныне уже в обширном виде открывается и провозглашается;

что, следственно, предлежит выбрать одно из двух: или оказать болгарам снисхождение, и тем удержать их в православии; или отказать им в снисхождении, и видеть их отпадение;

что обстоятельства требуют всевозможного попечения и о том, чтобы дело устроить, и о том, чтобы не опоздать совсем, когда уже опоздано много.

После таких предварительных посреднических сношений, благонадежнее может быть непосредственное отношение епископа Илариона к патриарху.

III. Патриарх с темной стороны смотрит на епископа Илариона, ставя его во главе болгарского движения, и почитая его учеником лжеучителя Каириса.

Первое обвинение, по полученным прежде сведениям, неверно. После известной демонстрации болгар в церкви, в день Пасхи, Иларион несколько времени уклонялся от

служения, чтобы уклониться от участия в сей демонстрации и сохранить свое законное отношение к вселенскому престолу; обращался к тогдашнему патриарху с просьбой принять меры умиротворительные; и только по неприятию патриархом никаких, даже обещанных мер, уклонился на сторону народного движения.

Что касается до Каириса, сей лжеучитель своим лицемерием обманул вначале не только учеников, но и духовное начальство; но из сего еще не следует, что Иларион остался его последователем, когда его лжеучение обличилось. Греки учатся нередко в латинских и протестантских училищах, но сохраняют православие.

IV. Патриарх признает Илариона неспособным к епископству, как подверженного эпилепсии. Против сего справедливо представлено патриарху, что если бы это было справедливо, то он не был бы рукоположен. Возражение патриарха, что в сем виновен «всемогущий Вогоридис», есть тяжкое порицание на иерархию, якобы она презрела церковные правила, подчиняясь «всемогущему Вогоридису». Вероятнее, что мнение о припадке Илариона неосновательно.

V. Непосредственно, после собеседования о деле болгар, предлагается патриарху об актах церковно-народного собрания. Жаль, что за одним раздражающим предметом беседы следовал другой такой же. Последний, сколько разумею, не требовал такой поспешности, как первый; и по тому не было ли бы соответственнее с целью стараться доводить до мирного окончания одно трудное дело, не касаясь, до времени, другого, чтобы усиленным настоянием не возбудить более усиленного противодействия, тем паче, что в постановлениях церковно-народного собрания не все, по справедливости одобрять и защищать можно.

Трудно поверить, чтобы святейший патриарх мирно выслушал весьма расширенное и беспощадное обличение, каково сие: «провинциальные церкви чувствуют отвращение оставаться в зависимости от клира, глубоко порочного». Но истина и убеждение, конечно, удобнее входят в сердце путем мира, нежели путем раздражения.

Прошу извинения, если сие размышление найдено будет неуместным, по обстоятельствам и соображениям, для меня неизвестным.

VI. Патриарх признает неудовлетворительными новые постановления о составе синода. К сожалению, здесь есть правда.

VII. Но что он «находит уничтожение геронтов противным интересам церкви», в том да будет позволено усумниться. Соборные правила не знают геронтов. На соборах вселенских и поместных не бывало геронтов. Как же без них соблюдались «интересы» церкви? *Геронт* – значит *старец*. Старцы есть в монастырях, потому что там есть молодые монахи и послушники, которых старцы руководствуют. К чему сие звание перенесено в синод? Над кем старчествоуют синодальные геронты? Над другими членами синода? Восемь над четырьмя? Это было бы нелепо, и они само сего не скажут. Над епископами и прочим клиром? Над епископами старчествоует патриарх, а над прочим клиром в епархиях – епархиальные епископы. Итак, синодальная геронтия есть случайный, неестественный, нарост на теле церкви.

Не приемля сего в рассуждение святейший патриарх Иоаким расположен поддерживать без перемены все прежнее, в том числе и геронтов, которых признало вредными церковно-народное собрание, и уничтожение которых одобряют даже, в своих смиренных рассуждениях, афонские старцы. Приметно, что и вообще постановления церковно-народного собрания он отвергает. Посему нельзя не опасаться, что пред ним станет дух неудовольствия и более или менее деятельного противоборства многих, значительных, образованных людей, не только из мирян, но и из духовенства, имеющих влияние на массы народа. Да дарует Бог, чтобы он мог обессилить сие противоборство управлением бдительным, деятельным, справедливым, пронизательным, охраненным от предубеждений и произвола, при употреблении в содействие людей, отличающихся мудростью и добродетелью, а не названием геронтов.

VIII. Указания на неблагоприятные сведения о греческом духовенстве, доставленные Порте Кипризли-пашою, и на ожидаемые, вследствие сего, политические настояния о исправлении церковного управления, должны были сильно возбудить внимание патриарха. Но когда и сие не произвело ничего, кроме уклончивого ответа: трудно ожидать от него желаемых отношений и действий. Печальный вид, когда иерархия, при обстоятельствах, настоятельно требующих деятельности, своею неподвижностью как бы принуждает чужие руки взяться за ее дела!

IX. Удивителен отзыв патриарха на вопрос о содержании берата, что он, получив берат, три дня не имел времени прочитать его. Как он не подумал, что вводит собеседника в грех – не поверить слову патриарха? Конечно, при таких обстоятельствах трудно приводить беседу к доброму концу; и трудно сказать, как лучше было бы действовать.

X. Если бы мысль о посреднике, изложенная выше под числом 11, признана была не неуместною, то не мог ли бы для сего употреблен быть архимандрит Антонин²⁰²? Это не трудно в отношении к епископу Илариону; но не так в отношении к патриарху.

Если не окажется удобным архимандриту лично предстать пред патриарха: он может обратиться к синкеллу или другому доверенному у патриарха лицу, начав сношение тем, что российское духовенство, чтя Восточную церковь, сильно озабочено оглашением отпадения болгар.

8–10 Декабря, 1860 г.²⁰³

Филарет, митрополит московский.

12 декабря. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, по поводу греко-болгарской церковной распри

В доставленной мне, при отношении вашего сиятельства от 7 дня сего декабря (№ 8036), депеше посланника²⁰⁴, от 12 июня сего 1860 года, нашел я сведения о греках и болгарях, с обеих сторон, прискорбные.

Греки, под руководством греческого консула (совсем не по принадлежности к его должности), придумывают средства уничтожить славенское богослужение в церквах Адрианополя, и определяют обратиться для сего к беям, и призвать демотикского епископа Мелетия, отличающегося ненавистью к болгарам.

В Карклисии, по слухам, епископ Хрисанф принуждает священников служить в церквах по-гречески, под угрозой ссылки в Афон.

В Эски-Загре болгары провозглашают многолетие, вместо патриарха вселенского, новому отценачалику Илариону, епископу макариупольскому, и запрещают священникам поминать патриарха.

С одной стороны притеснение, с другой – мятеж. Но притеснение предшествовало. Виновны обе стороны; но притеснители виновны сами и подали причину другим сделаться виновными.

К довершению зла в Филиппополе предложено болгарам обратиться к западной церкви. Это было в мае. До чего в сих местах простерли сие дело доныне?

Одно могу сказать, что показанные здесь сведения не изменяют моих мыслей, изложенных в записке моей 8 дня сего декабря.

Депеши с приложениями при сем возвращаются.

12 Декабря, 1860 г.²⁰⁵

19 декабря. Мнение митрополита Филарета о деле болгар по депеше 22 ноября, 1860 г.

I. В последнем собрании болгар в Константинополе открылось явление, подающее надежду, что не только не последует отпадения их от православной церкви, но что и распря, беспорядочно поднятая, поставлена будет на путь к мирному окончанию. Ревность Денгова достойна похвалы; и свидетельство его, что Македония единодушно тверда в единении с вселенским престолом, должно иметь силу в деле.

II. Сильны слова Денгова: «мы хотим лучше страдать еще 50 или 100 лет, если патриарх не преклонит слуха к нашим желаниям, но никогда не согласимся признать власть папы». Но можно опасаться того, какое впечатление сделают они на патриарха, когда их узнает, и заключит, что важнейшая опасность не угрожает, и что власть его тверда? Не возвратится ли его непреклонность, которая, казалось, уменьшается? По моему мнению, надобно советовать болгарам вести дело осторожно и кротко, и не слишком расширять свои требования.

III. Мысль, чтобы предполагаемый митрополит болгарской церкви заседал в константинопольском синоде, достойна одобрения, если окажется удобоисполнимою. Она соответствует церковному единству, и может дать ему более веса в иерархии.

IV. Но мысль, чтобы вселенский патриарх рукополагал всех болгарских епископов, может вести к затруднениям. Нельзя требовать, чтобы патриарх рукополагал машинально, не советуясь с рассудком и совестью. Если патриарху представят для рукоположения в митрополита болгарского мужа предварительно известного, избранного большим числом значительных избирателей: в сем случае можно не опасаться сомнения со стороны патриарха. Но если будут ему представлять избираемых на всякую епархию, может случиться, что он иногда скажет: по совести не могу рукоположить. Тогда нужно будет прибегнуть к новому выбору, и дело продлится и запутается. И если патриарх поставит на своем, и такие случаи повторятся, то болгарский выбор ослабевает пред силою

патриаршего произвола, и может открыться, хотя не так широкий, путь злоупотреблениям, которые стараются прекратить. Надежнее, чтобы болгарский митрополит сам рукополагал своих епископов, за исключением разве немногих старейших по нем, рукоположение которых было бы предоставлено патриарху.

V. Жаль, что в лице епископа Илариона открываются новые несветлые черты. Когда его спросили, что сделал он в течение шести месяцев по уполномочению от народа? почему он не дал никакого ответа, просил пятидневной отсрочки, сказался больным?

Неужели он ничего не делал, и думал одним бездейственным отступлением от патриарха достигнуть цели? Или позволил себе такие действия, о которых ничего нельзя сказать открыто? В сем немного было бы мудрости и надежды для будущего. Дай Бог, чтобы его замешательство объяснилось чем-либо лучшим, чего теперь не видно. Желательно, чтобы, как и прежде мною писано было, поданы были епископу Илариону добрые советы.

19 Декабря, 1860 г. ²⁰⁶

Филарет, митрополит московский.

22 декабря. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с мнением об устройстве в г. Варне православной церкви и при ней школы для болгар

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, письмом, от 18 декабря, 1860 года, сообщил митрополиту Филарету, что «Государю Императору благоугодно было повелеть ему: войти в сношение с находящимся» в Петербурге «вице-консулом нашим в Варне об устройстве там нашей русской православной церкви и при ней школы для болгар, и соображения свои, по сношению с князем Горчаковым, представить на высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение».

Развивая за тем подробности, касающиеся до учреждения православной церкви по отношению к духовному ведомству, граф А. П. Толстой выразил, что суждению Святейшего Синода «подлежат, кажется, вопросы: удобно ли, без разрешения патриарха константинопольского, в его пределах устраивать русскую церковь, хотя бы и при консульстве, и какие предосторожности, по смыслу канонов, следует нам иметь в соображении при сношениях с болгарским духовенством и народом, которые в 38 местностях отреклись от повиновения вселенскому патриарху».

По важности этих вопросов, граф А. П. Толстой препроводил на усмотрение митрополита записку, полученную им от г. Рачинского²⁰⁷ с тремя приложениями, а так же копию с отношения князя Лобанова-Ростовского, за № 336, и просил митрополита, по миновании надобности, возвратить ему бумаги, с заключением касательно предположений, в них изложенных.

Вверху письма обер-прокурора, митрополит Филарет пометил:

«Декабря 22. Ответствуется с запискою и с возвращением бумаг».

О церкви при вице-консульстве в г. Варне.

I. В какой степени может быть удобно и полезно в настоящее время устройство церкви при вице-консульстве в Варне, в отношении политическом, сей вопрос предложит рассмотрению министерства иностранных дел. Но нельзя не коснуться сего вопроса и при рассмотрении дела о церкви со стороны церковной.

II. В записке управляющего вице-консульством сказано, что «славенского языка в церквах Болгарии требуют высшие духовные и политические нужды», и что «церковный путь есть единственный путь для сближения нашего с ними (болгарами) для действия на них». Сие ведет к заключению, что церковь полагается устроить для болгар и для действия на них. В сем случае нельзя не опасаться затруднений со стороны тамошнего духовенства, неблагоприятствующего славенскому языку, а может быть и со стороны турецких властей.

Если не посовестились, в 30 день августа, на литургии, совершаемой по желанию вице-консульства, возбранить возношение имени Государя Императора Всероссийского, то можно ли ожидать чего хорошего?

III. Управляющей вице-консульством писал: «об отношениях взаимной приязни» между им и варнским митрополитом Порфирием. Но то ли видно на деле? Митрополит дозволил для вице-консула совершать литургии на славенском языке в церкви святого Георгия по субботам, в будничные дни, когда не удобно при ней присутствовать занятому своими делами народу. Это такая малая уступка, в которой трудно было бы отказать единоверным, даже при отношениях неприязни. Это также не открывает светлого вида для предполагаемой церкви.

IV. Латинское духовенство и протестанты действуют в турецких владениях, не обращая внимания на греческое духовенство, как не единоверное с ними. Со стороны единоверной грекам и болгарам России действие должно

быть таково, чтобы она не нарушала прав местной иерархии и не вредила согласию церквей.

V. По 8-му правилу III вселенского собора: «епископ не имеет власти в епархии, или области другого епископа». Посему русскую церковь при варнском вице-консульстве учредить должно с согласия местного митрополита, если он признает себя в праве дать на сие согласие от себя; а в противном случае – с согласия вселенского патриарха. Для убеждения их надлежит представить, что, по духу братолюбия, в Москве допущены церкви по желаниям патриархов.

VI. Нельзя не опасаться особенного по сему делу затруднения в том, как поставит себя устрояемая церковь и ее священник в отношении к болгарам во время настоящего их волнения церковного. Управлявший вице-консульством думает, что надеяться остановить болгарское движение невозможно. Но теперь можно примечать, что надежда сия не совсем потеряна. Как бы то не было, болгары, в большем числе, объявляют себя отлагающимися от власти патриарха, самовольно провозглашают священноначальником всей болгарской церкви²⁰⁸ На карфагенском соборе епископ Епигоний сказал, и весь собор 64 правилом утвердил: *яко не подобает особаго начальника приимати* (разумеется, произвольно, без разрешения законной власти) *людям, которые в так именуемом пределе подлежат древнему епископу*. Итак, болгары находятся теперь в осуждаемом правилом положении, по крайней мере до тех пор, пока дело их достигнет законного, может быть, облегчительного решения.

В сих обстоятельствах российскому духовенству преклониться решительно на сторону непокорных патриарху болгар было бы не согласно и с правилом, и с миром церквей. Но, с другой стороны, несправедливо было бы стать против них, потому что греческая иерархия подала им причины к неудовольствиям, лишая их народного священства и природного языка в богослужении, и не удовлетворяя правосудием. Посему священнослужитель Российской церкви должен смотреть на дело болгар, как на внутреннее несогласие в Восточной церкви, возникшее и непрекращенное; но, в

ожидании законного решения одного, держать себя, сколько можно, в мирном отношении к покорным и непокорным болгарам, делая, что можно для общей их пользы, споспешествуя, где можно, утишению раздражения, прекращению распрей, движению к миру и законности; внушая самочинным, что поскольку власть церковная есть благодатное дарование от Христа Спасителя и Святого духа, то никто не может сам себе составить новой духовной власти, а должна она быть законно предана, с благословением, имеющим оную по преемству от апостолов.

VII. Мысль нанять у болгарского духовенства церковь, или устроить ее в наемном доме, не благовидна; и желательно иное, лучшее распоряжение.²⁰⁹

29–27 декабря. Мнение митрополита Филарета о настоящем положении Восточной церкви и об отношениях к оной церкви Российской

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, в письме, от 21 декабря, 1860 г., излагая кратко историю церковной распри между греками и болгарам и участие в этом деле России и опасаясь, чтобы болгары не отпали от Восточной церкви, и чтобы не усилилось охлаждение между Русскою и Греческою церквами, задается вопросами: какие в сих обстоятельствах принять руководствующие мысли и правила? Какие столкновения можно предвидеть? Как применить к ним признанные руководствующие мысли? Как поступать в этих важных делах, согласно с волею Божиею? «Опасаясь тяжкой ответственности пред Богом», граф Толстой обращается к митрополиту, «как к духовному отцу и старейшему из российских иерархов, с усерднейшею просьбою разрешить его недоумения». В начале письма имеется пометка, сделанная рукою митрополита:

«Декабря 27. Ответствуется, с запискою,
А в конце надпись:

Судьбы Божии идут по земле над умножившимися грехами властей и подвластных. Какое исцеление может облегчить их, разве покаяние или молитва?

Американский президент, видя угрожающий государству великий раскол, провозгласил день поста или молитвы (не помню точного слова в известии). Подумали ль Европа и Азия, не имеют ли в сем нужды и они?²¹⁰

Конфиденциально.

I. В настоящее время Восточная греческая церковь находится в затруднительном положении, которого причины в ней самой.

Народ сильно сознал неудовлетворительность ее управления, и вследствие сего, по его желанию, с согласия иерархии, составилось церковно-народное собрание.

Сие собрание сделало постановления, которые частью имеют вид законности, потому что утверждены патриархом, частью сомнительны, потому что не все из них точно соответствует церковным правилам и пользам церкви, и есть протестующие против них, хотя не в большем числе.

Сие собрание уничтожило звание геронтов и эфоров, и большая часть их удалены были турецким правительством из Константинополя за то, что своим противодействием останавливали действие патриарха; но после сего один из геронтов избран на кафедру вселенского патриарха.

Болгарский народ сперва жаловался на греческую иерархию; потом стал говорить о учреждении своей национальной, независимой от патриарха, иерархии; наконец, в Константинополе мятежно прекратил возношение имени патриарха в церкви, и одного из своих епископов²¹¹ объявил независимым.

Патриархия оказала великодушную и мудрую терпимость, не произнося на сие осуждения, которым было бы усилено разделение, ожидая, что порываемые страстями утишатся, образумятся и обратятся на путь законности и мира.

Но в продолжение шести месяцев не видно было, чтобы блуждающие овцы обратились к законному пастырю, и чтобы законный пастырь призывал их, и указывал им мягкую пажить.

Долго невращаемая болезнь может ослабеть сама собою; но может усилиться до крайности. Тревожное движение болгар, неудовлетворяемое в мечтательном (?) желании патриарха, доходит до крайности отпадения от православной церкви.

По недавним известиям из Македонии и из Константинополя крайность сия не угрожает; но, по бывшему уже примеру, должно еще опасаться частных отпадений от православия в других местах.

После примирительных стараний российского посланника и министра Порты, бывшее в 27 день прошедшего ноября совещание старейшин и двух духовных особ болгарских не открыло пути к миру. Они не хотят входить в переговоры с патриархом, и ссылаются на многие прошения, поданные

патриархау и Порте, по всей вероятности, с преувеличенными требованиями.

II. Таким образом настоящее состояние Восточной греческой церкви представляет сумрачный вид. По союзу единоверия, по духу братолюбия, могла ли бы что сделать Российская церковь к уменьшению сих затруднений, и не опустила ли чего должного и возможного? Полагаю справедливым ответствовать: нет.

III. Вселенский патриарх и великая церковь и не обращались к Российской церкви на с каким требованием. Посему она не обязана была ничего предпринимать, и не могла вмешаться в чужие дела, без опасения оскорбить достоинство старейшей церкви; да и не могла определять себе образ действия, не имея от великой церкви официальных сведений, на которые также официально могла бы опереться.

IV. Мы имели, не прямым путем, некоторые частные сведения о делах церковно-народного собрания; и мы, даже непризванные, не умолчали о том, что находили не согласным с церковными правилами и с пользами церкви. Сколько сделались известными наши соображения тем, кому сие могло быть нужно, и сколько на них обращено внимания, это от нас не зависело. Мы исполнили свой долг.

V. Российский посланник предварительно знал о намерении удалить геронтов, и не противодействовал сему. Нельзя на сие жаловаться. Дело было в таком положении, что надлежало выбрать одно из двух: или низложить патриарха (на что геронты трижды покушались), или удалить геронтов. Последнее было более справедливо и менее вредно. Но посланник не поддержал и того мнения визиря, чтобы удалить не всех геронтов. И на сие нельзя жаловаться. Важность сего ограничения сделалась понятна по последствиям, именно по протесту. Неудивительно, если о сем не сделано догадки прежде события. Наконец, как бы не действовало в сем случае посольство, Российская церковь сему не причастна. Она узнала сие после события.

VI. Удаленные из Константинополя геронты обращалась с протестом к Святейшему Синоду;²¹² и Святейший Синод ни чего

по сему делу не сделал, и сим никакой обязанности не нарушено. Они явились пред Святейший Синод, как непокорные патриарху, с преувеличенными, но бездоказанными, выражениями своей важности и опасности церковной. В таком случае молчание не есть нарушение обязанности. Теперь можно признать даже полезным то, что Святейший Синод не отвечал на письмо геронтов. Отвечать им по их желанию он не мог; потому, что сие значило бы стать в противоборство с патриархом. А если бы он им, и в числе их нынешнему патриарху, сказал нечто неприятное, то теперь Российская церковь оказалась бы в неприятном отношении со вселенским патриархом. Итак, слава Богу, что промолчано.

VII. Не погрешили ль мы безусловным одобрением актов церковно-народного собрания? Святейший Синод, сколько известно, не произносил о них никакого осуждения, частные лица духовенства российского никогда не одобряли их безусловно; некоторые духовные лица частно против некоторых статей не возражали, как не противных церковным правилам, и принятых представителями греческого духовенства и народа, а на некоторые делали замечания, как несогласные с правилами и пользами церкви. Российский посланник употреблял ходатайство о утверждении всех актов; но греческие иерархи, если будут беспристрастны, не припишут сего Российской церкви, и самого посланника не будут обвинять; потому что он предлагал утвердить сделанное поверенными их народа и утвержденное современным патриархом, в видах утверждения порядка и спокойствия.

VIII. Не больше ли надлежащего мы оказали себя расположенными в пользу болгар, и не возбудили ли тем неудовольствия в высшем греческом духовенстве? Так или нет, но это не мы, не церковь Российская, не Синод Российский, а политические действователи российского правительства. Если некоторые из российского духовенства, у себя дома, по общему долгу искреннего участия в судьбах православной церкви, и по особенным обстоятельствам, входили в рассуждение о возникшем и возрастающем церковном несогласии между греками и болгарам, то они к обеим сторонам обращались с

одним желанием мира и блага православной церкви. Они говорили, или желали сказать, грекам: охраняйте единство церкви и, по предосторожности, чтобы не было нанесено ему вреда встревоженным духом болгар, окажите им возможное снисхождение. Болгарам: охраняйте единство церкви, и потому ограничьте свои требования, и если имеете справедливые требования, как-то: требование понятного народу языка в богослужении, понимаемого народом духовенства, просите о сем патриарший престол смиренно и законно. Не в ином духе действовали и политические действователи России, хотя, может быть, не все и не всегда верно пробивали линию соглашения между несогласными, что, по свойству дела, не удивительно.

Сколько известно, предшествовавший нынешнему патриарх располагался было оказать болгарам снисхождение, следственно признавал благонамеренность советов российского посланника. Если нынешний патриарх не так расположен, то его личное воззрение не делает худым того, чего не осуждал его предшественник.

IX. Таким образом из рассмотрения действительных отношений между Греческою и Россійскою церковию открывается, что Россійская в отношении к Греческой не сделала ничего, противного правилам единомыслия, единодушия и доброжелательства. Если же, не смотря на сие, некоторые из высшего греческого духовенства, обращая все внимание на сохранение пространства патриаршей власти и выгод, недовольно обращают внимание на угрожающие опасности; если, напротив, политические действователи России, видя открывавшийся внутренний раскол в Греческой церкви, выражаемый отложением болгар от вселенского патриарха и угрожающую опасность отпадения их от православия, советуют, с пожертвованием выгод, оказать снисхождение болгарам, и тем прекратить раскол и отвратить опасность; и если сии-то советы некоторые из высшего греческого духовенства принимают с неудовольствием: мы можем, конечно, со скорбью, однако же с мирною совестью, взирать на сие и молить Бога, чтобы неприемлемых советов не оправдал наконец, более настоящего, печальный опыт.

Впрочем, должно надеяться, что беспристрастные из греческой иерархии и народа не будут разделять его неудовольствия; и от сего не произойдет большего охлаждения во взаимных отношениях церкви Греческой в Российской.

Х. Но чего можно ожидать, если болгарской движение не будет прекращено мирным образом, с восстановлением правильного общения их с православною церковью? *Ты веши, Господи.*

Когда общество организовано правильно и твердо, тогда можно открыть и определить действующие в нем силы и влияния, и предусмотреть действия и последствия. Но когда организация общества расстроена и дух народа взволнован, тогда от неприметных влияний и невидных сил могут происходить неожиданные действия, иногда нерешительные, а иногда и решительные. В константинопольское собрание болгар явился Денгов; и мысль об отложении от Восточной церкви к Западной, провозглашенная, распространенная, никем до того неопроверженная, вследствие сильных слов его, попорана ногами. Могут явиться в разных местах люди с противоположным сему направлением, и получить успех. К сожалению, недостатка в них нет.

XI. Трудный может открыться случай, если болгары непреклонно останутся при самочинном епископе Иларионе, и к нему приложится большее или меньшее число других болгарских епископов, и объявят себя независимою церковью. Как законно находившиеся в подчинении вселенскому патриарху, они подлежат в сем случае суду за его нарушение повиновения. Может случиться, что, произнес на них осуждение, он предложит в Российской церкви признать осуждающее их определение. Господь да устроит лучшее.

Между тем наши правила должны быть те же, которым мы доселе следовали:

- 1) Всемерно сохранять мир с Греческою церковью.
- 2) Не осуждать решительно болгар, так как и собственный их судия, вселенский патриарх, не произнес на них осуждения.
- 3) Изыскивать (если еще можно) и предлагать (также поколику можно) несогласным сторонам средства примирения,

с сохранением единства и законности.

26 Декабря, 1860 г. ²¹³

Конфиденциально.

Еще некоторые соображения по болгарскому делу.

I. В случае устройства самостоятельной, хотя не совсем независимой от патриаршего престола, иерархии для болгарской церкви, не может ли начаться для сей церкви, не имеющей готового и опытного духовенства, опасная борьба со врагами православия? Борьба сия не только может начаться, но уже есть и происшествие кукушское²¹⁴ показало, что греки для отражения врагов православия, и болгарского епископа послать, и сами действовать, медлили, доколе не побуждены были настоянием российского посланника, и не греческий, а болгарский епископ возвратил в ограду православия увлеченных из нее овец. Итак, можно думать, что не хуже будет защита, когда греческая власть не будет останавливать болгар, а сих ревность возбудится, и способные между ими найдутся. Теперь в Петербурге есть архимандрит, который некоторое время благоразумно действовал в качестве наместника митрополита фессалоникского. Есть известие, что некоторые греки, епископы болгарские, желают разделить судьбу своей паствы, при ее новом предполагаемом устройстве.

II. Стремление болгар к церковной независимости не имеет ли целию независимость политическую? Вероятно, есть между болгарам мечтавшие о сем; но не видно сей черты в общем их движении.

Если же и предположить, что в их церковном движении кроется политическая мысль: неужели православная церковь обязана пещись о том, чтобы православный народ оставался в рабстве турецком вечно, или, лучше сказать, до истребления его, над которым, очевидно, трудятся теперь магометане?

III. Можно ли надеяться, что болгарская церковь в предполагаемом новом положении устроится благонадежно? Правда, что это сомнительно. Но ведь мы и не советуем ей помогать сего нового положения. Нам предлежит вопрос, что делать, когда она уже решилась на сие домогательство, и нет надежного средства остановить ее движение? И мы приходим к

ответу, что надобно умерить и направить к добру сие движение снисхождением, дабы она не ринулась на Запад, что было бы хуже ее предполагаемого, хотя несовершенного, устройства в пределах православия.

IV. Если же так, то не надобно ли Святейшему Синоду обратиться к вселенскому патриарху посланием, с изъявлением заботы о настоящем затруднительном положении и с изъявлением желания, чтобы для сохранения ненарушимым единства церкви, сделаны были некоторые уступки? Эта мысль добрая, свойственная духу братолюбия церковного. Но и добрая мысль, если она не происходит от неперменной обязанности, не должна быть приведена в исполнение, когда от нее не предвидится добрых последствий, а предвидятся недобрые. Если бы Ионафан предвидел, что за ходатайственными его словами в пользу Давида последует не милость, а усугубленный гнев Саула, то он, конечно, предпочел бы молчание. Не сравниваю никого с Ионафаном и Саулом, а только примером доказываю, что иногда и доброго слова не должно говорить, чтобы остеречься от недобрых последствий. Если уважение к единственному ныне православному царю, защитнику и покровителю православия, не побудило вселенского патриарха преклониться к добрым советам посланника, то посланию Святейшего Синода Всероссийского к патриарху нельзя обещать лучшего приема. В таком случае действием послания были бы: неприятность вселенскому патриарху (ибо, конечно неприятно ему будет слышать то, что он почитает оскорблением его власти и нарушением выгод), неприятность Святейшему Синоду, когда его братолюбное движение не встретит соответствия, ощутительное охлаждение между двумя иерархиями. Полагаю, что нужно предостеречься от таких последствий.

Если что может быть предпринято со стороны российского духовенства в сих обстоятельствах, то, разве, доведение некоторых мыслей его до сведения вселенского патриарха путем посреднического, частного, доверенного сношения.

Это неписанное послание Святейшего Синода, в устах посредника, могло бы получить следующий образ:

«По сношениям моим с некоторыми из российского духовенства достоверно известно мне, что оно с участием искренней скорби взирает на внутренние затруднения Восточной церкви, возникшие близ престола святейшего патриарха вселенского. Движение христиан болгарского племени, незаконное, но тем не менее продолжающееся и распространяющееся, уже нарушившее мир церкви, угрожает еще большими неурядицами, и что особенно горестно, отпадением от православной церкви, чему внешние противники православия, без сомнения, будут сильно способствовать. Святейший Синод Российский, вероятно, решился бы изъяснить по сему свою скорбь непосредственным посланием к его святейшеству, и представить его вниманию, не усмотрит ли уже он нужным допустить несколько неприятное, чтобы отвратить бедственное, – допустить снисходительное удовлетворение некоторых, более или менее, благословных желаний болгар, и неправильные их действия покрыть милосердным прощением, чтобы восстановить мир и обезопасить нераздельность православной церкви; но удерживается от такой решимости из благоговения к вселенскому престолу, моля при том Бога, да Своею вседействующею благодатию поможет святейшему патриарху устроить дела церковные с миром и благою и несомненною надеждою».

Впрочем, сие предположение, без сомнения, требует рассмотрения Святейшего Синода.

V. Есть сведение, что нынешний вселенский патриарх²¹⁵, по вступлении своем на патриарший престол, обратился к Всероссийскому Синоду с посланием известительным и общительным. Если это правда, то сим открыт путь взаимному посланию от Святейшего Синода.²¹⁶ И если патриарху Святейший Синод еще не отвечал, то сам собою рождается вопрос: не внести ли в ответное послание вышеизложенные мысли, относящиеся до настоящего затруднения Восточной церкви? В сем случае менее можно опасаться неудовольствия от патриарха, потому что Святейший Синод приступит к патриарху с своим словом не произвольно, и как бы наступательно, а будучи вызван к сему посланием

патриарха. И как Святейший Синод будет писать послание ответное, то в сем не будет заключаться требования ответа от патриарха, и его последующее молчание не будет иметь значения холодности и невнимания.

Впрочем, все сие подлежит рассмотрению Святейшего Синода.

30 Декабря, 1860 года²¹⁷

**В декабре. Выписки из писем: Полаузова²¹⁸,
Бурмова и Арнаудова о греко-болгарской
церковной распре**

Епископ Иларион рукоположил священника в варнинский уезд. По действию варнского архиерея он прислан в Константинополь, заключен в патриархии, бежал, на болгарском подворье скрыт, переодет, ушел к римско-католикам и принял унию.

От 14 и 16 декабря. Порта отвечала английскому посольству, что болгар подстрекают Русские.

«Нашли время (Россия) послать своих агентов и консулов по Болгарии, чтобы этим давать Порте повод и греческому патриарху говорить, что болгары, побуждаемые панславизмом, и в особенности Россиею, домогаются природной иерархии».

Патриарх не принял смешанной комиссии, грозит своею отставкою.

Варнским митрополитом священник (вышеупомянутый) схвачен, под предлогом, что он русский агент, и из панславянской пропаганды.

Из ловчинской епархии просьба к Порте грозит пристать к униии и к местным епископам.

В письме Палаузова, от 19 декабря:

«Благоразумные желают, чтобы у них был представитель, глава духовенства, утверждаемый патриархом, по выбору народа, хотя бы и не епископ, но чрез которого исходило бы все, что относится до болгар, чтобы он заседал в патриархате, имел значение представителя болгарского духовенства, который бы ставил болгарам епископов и священников».

Болгары партии Цанкова говорят, что они потеряли к России веру; что если бы она и захотела что-нибудь сделать, то вмешательство ее вызовет оппозицию со стороны Запада; что они страдают из-за преданности России.

В письме Ф. Бурмова к Палаузову, от 20 декабря.

18 декабря армяно-католики приняли, может быть, до 150 болгар, афонского²¹⁹ иеромонаха Макария, попа Тодора и

архимандрита Иосифа с диаконом. Дали им особенную церковь.

В письме Х. Ф. Арнаудова, от 20 и 21 декабря.

Часть совращенных ими вразумлена и возвращена.

Если посольство хладнокровно будет смотреть на все это, то отдалить, как от себя, так и от России, множество болгар.²²⁰

1861

9 января. Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с выражением сожаления, что мысли его о греко-болгарском деле дойдут, с его именем, до сведения вселенского патриарха

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

Из препровожденных ко мне от вашего сиятельства копий с некоторых письменных сношений, не без чувства затруднения усмотрел я, что мои мысли о греко-болгарском деле дойдут до вселенского патриарха с моим именем. Я излагал сии мысли с доверием, и представлял на рассмотрение отечественной власти, с надеждою, что будут рассмотрены благосклонно, и если и не будут одобрены, и сие суждение будет произнесено с миром. Подобного нельзя надеяться от патриарха. Сколько мне известно, наши мысли могли доходить до греческого духовенства так, что если оно и не принимало представленных мыслей, не имело прямого повода к неудовольствию на российское духовенство. В сем было и исполнение долга, и предосторожность, чтобы не уменьшить мира между двумя иерархиями. Имя же мое нимало не придаст силы моим мыслям. Впрочем, что рассуждено и сделано, да будет, по милости Божией, если не к уменьшению, по крайней мере, не к умножению затруднений.

Предваренный от вашего сиятельства, что получу печальные сведения от г. синодального обер-прокурора, я ожидал обстоятельных сведений, чтобы лучше можно было судить о происшедшем, но узнал только, что 150 болгар в Константинополе перешли в латинство. Не партия ли это Цанкова²²¹? Как смотрят на сие благонамереннейшие болгары? Как смотрят патриарх, синод, Порта? При недостатке подобных сведений можно только скорбеть о происшедшем, а рассуждать не удобно.

Между тем еще прежде от г. синодального обер-прокурора известен мне вопрос: не было ли бы полезно Святейшему Синоду обратиться к вселенскому патриарху с посланием по греко-болгарскому делу? Что писал я к нему о сем от 30 дня

прошедшего декабря, то, не зная, доведено ли до сведения вашего Сиятельства, прилагаю при сем в списке.²²²

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства.

9 Января, 1861 г.²²³

25 Января. Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по сведениям до 3-го января 1861 года»

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

Жалость дома Господня не позволяет равнодушно смотреть на происходящее на Востоке. А снисходительное внимание к моему смиренному слову дает мне свободу выражать мои заботы, или лучше сказать, об общих заботах выражать мои мысли.

Представляю записку о греко-болгарском деле, по сведениям до 3 января, сего 1861 года, которую в другом списке препровождаю теперь-же к г. синодальному обер-прокурору.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

25 Января, 1861 г.

На этом письме Государь Император Александр II, по прочтении нижеследующие записки, карандашом написал: «По моему мнению все это теперь поздно».²²⁴

О греко-болгарском деле, по сведениям до 3 января, сего 1861 года²²⁵

I. Из самых недавних сведений открывается, что отпадение болгар от православной церкви начало проявлять себя давно. 12 октября, 1860 года, архимандриту Антонину епископ Иларион говорил, что ему представлено прошение за подписью 100 болгар о присоединении к римской церкви, но им не принято. Было ли о сем тогда же доведено до сведения российского посольства, греческой иерархии и Российского Синода, не видно.

II. Открыто провозглашенное 18 декабря²²⁶, отступление к римской церкви 120 болгар, между прочим, увлекло с собою архимандрита Иосифа с диаконом, священника Тодора и афонского хилиндарского иеромонаха Макария. Армяно-католический патриарх дал им церковь, и в день Рождества Христова в ней отпадшими совершена была литургия, в которой, как сказывают, собрались до 1000 человек, а в следующий день до 1500. При сем употреблены были русские ризы, по словам епископа Илариона, похищенные, а по словам греков, данные от него из его церкви святого Стефана. Сие последнее сомнительно: потому, что епископ Иларион с другими болгарским архиереем Авксентием²²⁷ протестовали против поступка отпадших. Но и сей протест не свободен от сомнения, точно ли епископ Иларион твердо стоит против унии, или протестом дает себе благовидность пред восточною иерархией, доколе не теряет надежды получить от нее желаемое признание независимости болгарской церкви. Журнал Болгария, отвечая на протест, обличает протестовавших в участии с отпавшими.

Дело запутано: однако нельзя отрицать, что опасность не мала.

III. Вселенский патриарх помышляет «отлучить епископа Илариона, думая, что «сия мера воспрепятствует ему сохранит достоинство священника, при переходе в иную христианскую церковь».

Что значить «отлучить»? Лишить епископского сана? Сего патриарх не может сделать без церковного суда. Суд нельзя произвести скоро. Объявление начинающегося суда может усилить раздражение и побудить епископа Илариона ринуться на сторону отпадших. Как же скоро присоединится он к Западной церкви: она признает его неподлежащим суду Восточной, и суд патриарха делается недействительным.

Отлучит ли вселенский патриарх епископа Илариона просто от общения? Сие, вероятно, не произведет никакого действия. В древние времена случалось, что православный епископ отлучал от общения другого епископа, находя его в чем-либо неправым, но тот, на которого произнесено отлучение, продолжал действовать епископски, доколе собранный суд не признал его правым или неправым.

IV. Что же мог бы сделать вселенский патриарх в настоящих обстоятельствах? Говорят: скорее дать болгарам то, чего просит умеренная их партия, то-есть, некоторую церковную самостоятельность с некоторою зависимостью от вселенского престола. На сие патриарх не без основания говорит: пусть попросят. Это прилично подчиненным, а тем более виноватым в своевольном отречении от законной власти патриарха.

Положим, что патриарх без просьбы дарует то, чего желает умеренная партия болгар. Но кто поручится, что сия уступка умиротворит их, а не подаст им случай более возмечтать о своей силе и сделаться более дерзновенными и требовательными? В сем случае церковь бесполезно навлекла бы сама себе новое оскорбление.

V. Болгары не хотят обратиться к патриарху с просьбой, потому якобы, что сие значило бы признать свою от него зависимость. Но разве они независимы от патриарха? Разве сделались независимы потому, что вздумали назвать себя такими? Нет. По праву законному, они еще остаются зависимыми, только сделались непокорными. Итак, по справедливости, они должны просить, чтобы дарована была им желаемая независимость вполне, или отчасти. И представление патриарху просьбы не заключает в себе никакой для них опасности. Если просьба их будет уважена: они получают

желаемое. А если и не будет уважена: они останутся в том же положении, в каком теперь находятся.

VI. Поздно! Поздно! Однако нельзя ли бы найти выход из греко-болгарского лабиринта, с помощью нити следующей, или подобной.

1) Уговорить благонамереннейших болгар обратиться к вселенскому патриарху с просьбою, хотя без участия епископа Илариона, если думают, что для него безопаснее оставаться в стороне. Это будет еще иметь вид скромности, если он не подпишет прошения, которым будут просить ему высшей степени.

2) Устроить частное, секретное, посредство между ими и патриархом, чрез благоразумных и благонамеренных людей, которым бы доверяли обе стороны.

3) Чрез сие посредство согласиться, чего могут болгары просить, и что патриарх может даровать.

4) Его святейшество святительским словом обнадежит, что дарует условленное.

5) Чтобы покрыть вины епископа Илариона, поставить ему в заслугу его протест против отпавших от православной церкви.

6) Если бы сие удалось, то осталось бы написать акты.

VII. Трудность настоящего положения должна увеличиться, если святейший патриарх не преклонится оказать снисхождение епископу Илариону. Прежде, когда сей связан был только с константинопольскими болгарам, его невозможно было отторгнуть так, чтобы в то же время занял его место другой болгарский епископ и вел болгар более правильным путем. Подобная мера едва ли может быть с успехом употреблена теперь, когда Иларион пустил корни во все стороны, где живут болгары.

VIII. Жаль, что неизвестно послание, которое святейший патриарх издал для вразумления или обличения отпадших болгар, и, конечно, для утверждения православных. Изъяснено опасение, что догматическое послание не будет иметь успеха, по необразованности болгар. Это справедливо только отчасти. Может в послании патриаршем, или лучше не в сей официальной форме, а в виде простого вразумляющего и

увещательного слова, быть представлено болгарам то, и так, что и простым будет понятно, и может возбудить внимание и действие совести.

Например, как не понять и простому болгару, если ему скажут: ты от предков знаешь и уверен, что православная церковь сохранила в чистоте веру, как ее предали апостолы или утвердили семь вселенских соборов, и что, напротив, римская церковь во многом отступила от истинного учения и древнего предания. Как же ты хочешь отступить от православной церкви, и присоединиться к неправой, для того только, что там думаешь найти больше независимости? Не значит ли это предавать правую веру за желаемую независимость? Согласно ли сие с доброю совестью? Может ли сие быть угодно Богу? Послушай доброй совести; убойся Бога; пребудь непоколебим в православной вере. Если испытываешь какое затруднение: ищи разрешения и облегчения законным путем от православного священноначалия.

Распространение подобных увещаний, и теперь, думаю, не поздно для вразумления отпадших, или, по крайней мере, для удержания влекомых к отпадению.

25 Января, 1861 г. ²²⁸

27 января. Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 10 января 1861 года

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, отношением от 25 января, 1861 года, за № 364, сообщил митрополиту Филарету: «Вчерашний день, по отправлении к вашему высокопреосвященству копий с письма и депеши князя Лобанова, от 10–22 января, я присутствовал, по высочайшему повелению, при всеподданейшем докладе князя Горчакова. Дешепа и письмо были предметом доклада. Печальные события и опасения, излагаемая князем Лобановым, привели к следующим вопросам: во-первых, как отвратить приближающийся разрыв болгар с великою церковью; во-вторых, как действовать князю Лобанову, в случае если патриарх обратится к нему, официально, с просьбою действовать пред Портою для принятия мер к изгнанию Илариона?

В отношении к первому вопросу Его Императорское Величество вполне соизволил одобрить мысль князя Горчакова (которую и я разделяю вполне): предписать Лобанову употребить все, от него зависящие, средства к убеждению патриарха, чтобы он не прибегал к строгой мере отлучения епископа Илариона и болгар. Князь Горчаков объявил, что о такой воле Его Величества он дал уже знать князю Лобанову по телеграфу.

За сим Государь Император, принимая во внимание опасность обстоятельств и быстроту, с которою совершаются события, снова возвратился к той мысли, чтобы Святейший Синод в убедительных выражениях обратился к патриарху и представил ему, что для предупреждения великой потери, чувствительной для всей церкви, его святейшеству необходимо сделать болгарам все возможные уступки и тем отнять у врагов церкви возможность обвинить ее в том, что она своею неуступчивостью сама лишает себя своих чад.

Государю Императору благоугодно, чтобы Святейший Синод обсудил эту мысль со всею возможною поспешностью; однако, по моему докладу, Его Величество соизволил, чтобы предварительно о сем важном деле было спрошено мнение вашего высокопреосвященства.

В отношении ко второму вопросу г. министр иностранных дел предпишет князю Лобанову, по возможности, предотвратить подобное требование патриарха, а, если бы оно воспоследовало, всячески уклоняться от исполнения оно.

Исполняя, сообщением всего вышеписанного, данное мне от Его Императорского Величества повеление, долгом своим поставляю присовокупить, что вчерашний день я докладывал Государю Императору, во 1-х, что чем положение дел опаснее, тем необходимее для нас воздерживаться от укорительных суждений о греческом духовенстве, которые могут только усиливать враждебное чувство болгар; во 2-х, что можно действовать с пользою на болгар, показывая им, что мы не одобряем народной вражды, простирающейся до готовности пожертвовать православием; и в 3-х, что в этом печальном вопросе, который чем более в него вникаешь, тем более предоставляет трудности, не маловажным затруднением представляется и то, что в европейской Турции едва ли найдется епархия, город, или значительное местечко, где бы не было перемешано болгарское население с греческим.

Вместе с депешою и письмом князя Лобанова, присланы ко мне печатное воззвание патриарха к болгарам на греческом и болгарском языках и ответ на это воззвание; но я не могу их сообщить теперь вашему высокопреосвященству потому, что бумаги эти присланы ко мне в одном экземпляре, с просьбою возвратить их, а при том я признал необходимым распорядиться о переводе их на русский язык. Как только перевод сей будет готов, я почту долгом препроводить оный к вашему высокопреосвященству».

Вверху этого письма рукою митрополита Филарета отмечено:

«25 и 27 января. Ответствовано письмом и запискою.

Секретно.

О греко-болгарском деле по сведениям до 10 января, 1861 года.

I. Сведения сии получены после того, как отправлена была записка 25 января по сему делу. Как дело сделало новое движение, и отчасти получило новый вид, то частью остаются в силе прежние соображения, частью требуются новые.

II. Патриарх издал послание, а болгары против него возражение²²⁹. Их нет в виду, и это было бы нужно, потому что предлагаемое, или требуемое в частных сношениях, удобнее подлежит изменению, а изданное публично должно выражать мысли и намерения, более твердо принятые.

Рассмотрение изданных актов помогло бы судить, вероятно ли мнение патриарха, что послание принято благоприятно, тогда как, по другим сведениям, оно произвело тяжкое впечатление. Неизвестность о сем отчасти препятствует предусматривать дальнейшее движение дела.

III. Против требования, чтобы болгары сами избирали себе епископов, патриарх возражает, что первый вселенский собор предоставил собору епископов назначать новых епископов. Но и прежде правил церковно-народного собрания и по сим правилам в избрании патриарха много участвуют миряне. Почему же святейший патриарх свое собственное избрание не признал незаконным, как несогласное с определением вселенского собора? Он сам говорит, что «от начала христианской церкви народонаселения всегда сами себе избирали епископов», и что злоупотребления вызвали приводимое им определение первого вселенского собора. Посему невозможно возвратиться к древнему обычаю по требованию новых обстоятельств, что в самой греческой иерархии допущено.

IV. Более силы имеет возражение патриарха, что в провинциях болгары перемешаны жительством с греками, а потому трудно определить пределы епархий. Это правда; но если затруднительно для управления неудовлетворительное разграничение греческих и болгарских православных епархий, то не более ли затруднительно, и даже опасно, смешение греческих православных и болгарских римско-унитских епархий,

потому что римская пропаганда, овладев болгарскими, конечно, не оставит действовать и на православных греков? Чего более опасаться должно: того ли, чтобы несколько греков не подчинились болгарскому епископу, или того, чтобы целые епархии болгарские не отпали от православной церкви?²³⁰

V. При рассмотрении вопроса о внутренней администрации болгарской церкви, патриарх сказал, что он имеет право получать часть епархиальных доходов, и что это давно заменено некоторою данью каждого епископа, при получении епархии. Здесь он не указывает ни на какое правило. А известно только одно правило, которое строго осуждает взятие денег при рукоположении. Должно признать, что нужда заставила патриарха под нехристианским правительством искать пособия в хозяйственных мерах, не оправдываемых церковными правилами. Но если для спокойствия православной церкви прибегал он к усиленным хозяйственным средствам, то не так же ли благословно ныне, для охранения целости православной церкви, согласиться понести ущерб в хозяйственных средствах? Надобно решиться на потери пиастров, чтобы не потерять души²³¹. Не сберегутся пиастры, когда уния похитит души. Впрочем, епископ Иларион предлагает свое разрешение хозяйственного затруднения – ежегодный от болгар взнос в казну патриаршества.

VI. Патриарх отозвался, что никогда не допустит, чтобы болгарский архиерей постоянно заседал в патриаршем синоде, как представитель болгарской церкви. Печальное слово. Это удар, который почти совсем разрушает надежду благополучного исхода болгарского дела.

Причину своего отзыва патриарх представляет опасение, что болгарский архиепископ «поставит свой авторитет на место вселенского патриарха», и что «его превосмогающий голос будет парализовать действия синода». Не преувеличено ли сие опасение?

В патриаршем синоде бессменно заседает геронт, по сему званию приписывающий себе значение, и при том и звание эфора, имеющий и несколько епархий, которым он покровительствует и которые к нему привязаны. Что святейший

патриарх не опасается, чтобы геронт не поставил своего авторитета на место патриаршего, сие видно из того, что святейший Иоаким поддерживал геронтов и эфоров даже тогда, когда церковно-народное собрание определило уничтожить их. Почему же для патриарха опаснее геронта будет областной болгарской архиепископ, заведывающий несколькими болгарскими епископами?

Почему голос его будет превосмогающий в числе 12 голосов членов патриаршего синода? Болгарский архиепископ будет иметь равный голос с прочими членами синода.

Как может болгарский архиепископ парализовать действие патриаршего синода? Один голос синодального члена, равный с прочими, как может парализовать одиннадцать голосов, полномочно усиливаемых вселенским патриархом?

Можно даже думать, что болгарский областной архиепископ, не присутствуя в патриаршем синоде, более может сделать и погрешительных, и произвольных поступков, нежели присутствуя в оном. Надобно ли благоприятствовать только центральной власти? Не надобно ли, наипаче, благоприятствовать сближению епископов, общению, любви, взаимному благоговению? А это и может найти болгарский архиепископ в союзе патриаршего синода.²³²

Неизлишне было бы, если не поздно, представить святейшему патриарху сии соображения, не усмотрит ли он из них, что без опасения можно допустить бессменное присутствие болгарского архиепископа в патриаршем синоде.

VII. Святейший патриарх называет епископа Илариона «безбожником», намеревается «отлучить его и послать в заточение»; но, если он преклонится, обещает принять его и забыть его прежние поступки. Если его святейшество находит возможным последнее, то, конечно, не уверен в первом, то есть, в безбожии епископа.

Как, по применению к правилам церковным, надлежит рассуждать об отлучении, сие показано в записке 25 сего января,²³³ под числом III, почему здесь не повторяется.

Если патриарх, как можно примечать из слов его, без суда, одною своею волею отлучит епископа Илариона от общения, или совсем лишит сана, и пошлет в заточение, то он тем подаст новое оружие против себя. Они могут сказать: вот пред нашими глазами патриарх, вопреки церковных правил и человеческого правосудия, без суда отлучает и заточает епископа; поскольку мы обязаны повиноваться церковным правилам, то посему самому не обязаны повиноваться власти, действующей явно против церковных правил.²³⁴

При том, весьма вероятно, что патриарх предполагаемую меру не в силах будет привести в исполнение, ибо сие можно сделать только с помощью власти турецкой. Но уже есть частное известие, по самому содержанию своему вероятное, что на предположение турецкого правительства употребить стеснительные меры против болгар, английский посланник²³⁵ отвечал указанием на гатти-гумаюн, предоставляющий свободу религиозной совести всем подданным султана. Римско-католическая Франция, конечно, будет на том же настаивать в пользу своей унии.

Если патриарх решится исполнить свою крутую меру, не смотря на ее ненадежность: должно думать, что действительность со стороны России станет в стороне. Не поддерживать меру незаконную справедливо. Отчуждать сердца болгар не должно.²³⁶

VIII. Против упорного нехотения епископа Илариона войти в непосредственное сношение с патриархом сделано замечание в записке 25 дня, под числом V. Но новейшие сведения показывают, что упорство сие победить нет надежды.

По предусмотрении сего, предложен в записке 25 дня, под числом VI, способ сближения чрез посредника. Теперь в сие положение поставлен князь Вогоридис. Но надежда успеха, после прежнего, еще уменьшилась.

IX. Епископ Иларион опирается на просьбу к Порте. Станный образ мыслей! Это значит сказать Порте: «мы решились выйти из законного повиновения патриарху, сделайте наше незаконное положение законным. Христианский

вселенский патриарх не дает нам болгарского патриарха, пусть нам даст его магометанская власть».

Но нельзя ли, хотя с края пропасти, подвинуться к спасению? Если бы в просьбе к Порте изъяснены были условия церковного примирения, и в заключение прошено было исходатайствовать у патриарха желаемое, и если бы Порта передала сие прошение патриарху: не согласился ли бы он сию просьбу, чрез посредство принесенную, принять, вместо непосредственной, и оказать снисхождение?

Х. Предусмотрение могущих открыться случаев ускорило предложенный вопрос: что если болгары, не смотря ни на что, объявят себя независимую церковь под начальством Илариона; если турецкое правительство будет смотреть на сие равнодушно, и если вселенский патриарх произнесет на отделившихся осуждение? Что сделает Российский Синод? Сей вопрос и тогда, когда он явится на деле, потребует не поспешного решения, а времени, чтобы высмотреть положение дела.

Нет сомнения, что первым предметом попечения Святейшего Синода будет сохранение мира с законною восточною иерархией. Полезный предварительный залог сего составляет недавно приготовленное ответное вселенскому патриарху послание Святейшего Синода, которое, вероятно, уже отправлено.²³⁷

Затем делом справедливости и осторожности будет не входить в сношение с отделившимися епископами, или, по древнему выражению, удержаться от принятия их в общение. Это будет соответствовать справедливости, потому что они в незаконном положении, и осторожности, чтобы не нарушить мира Российской церкви с Греческою.

Но что если вселенский патриарх о своем осуждении болгар официально уведомит Российский Синод и таким образом вызовет к участию в действии осуждения? На сей вопрос отвечать можно только тогда, когда он явится на деле со всеми обстоятельствами и подробностями, которые должны определить разрешение основательное и осторожное.

27 Января, 1861 года²³⁸

Настоящая записка была также препровождена к министру иностранных дел, князю А. И. Горчакову, при письме митрополита следующего содержания:

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

После отправления записки 25 дня сего января по греко-болгарскому делу, составленной по сведениям, простиравшимся до 3 дня сего января, получены иною по сему делу сведения от 10 дня января.

Сии новые сведения потребовали составления новой записки, которая при сем представляется.

Призывая вам благословение Божие с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга,

Филарет, митрополит московский.

27 Января, 1861 года²³⁹

**28 января. Письмо митрополита Филарета к князю
А. М. Горчакову, с приложением записки: «о
сношениях Святейшего Синода с вселенским
патриархом по делу болгар»**

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

По отправлении к вашему сиятельству записки по греко-болгарскому делу 27 дня, предлежит еще обязанность представить мое мнение по вопросу: не должен ли Святейший Синод употребить настояние, чтобы преклонить вселенского патриарха в пользу болгар.

Мнение сие представляю при сем в особой записке.

Впрочем, обстоятельное по сему решение принадлежит Святейшему Синоду, которому и да дарует Господь дух совета.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга.

Филарет, митрополит московский.

28 Января, 1861 года²⁴⁰

О сношении Святейшего Синода с вселенским патриархом по делу болгар

I. Опасное положение, в которое приведено греко-болгарское дело, вопреки усилиям дать ему лучшее направление, при изыскании средств остановить разрушительные действия, возбуждает вопрос: не должен ли Российский Святейший Синод представить вселенскому патриарху, что «для предупреждения великой потерн, чувствительной для церкви, его святейшеству необходимо сделать болгарам все возможные уступки, и тем отнять у врагов церкви возможность обвинять ее в том, что она своею неуступчивостью сама лишает себя своих чад».

Святейший Синод дал уже на сей вопрос положительный, умеренный, ответ, и приступил к делу, составляя ответ на общительное послание нового патриарха Иоакима. Проект ответного синодального послания составлен так, что он объемлет два предмета и направляется к двум целям. Во-первых, собственно в ответе патриарху Иоакиму выражается единомысленное, почтительное и братолюбное отношение Российской церкви к вселенскому престолу; и это может быть некоторым залогом мира ее с сим престолом и для будущих непредвидимых обстоятельств. Во второй части синодального послания изъясняется соболезнование о возникшем близ патриаршего престола болгарском неустройстве, и в скромных выражениях представляется вниманию патриарха, не должно ли желаниям болгар, более или менее благословным, оказать удовлетворение, а неправильные их действия покрыть снисхождением. Так²⁴¹ скромно надлежало изъясниться, во-первых, потому, что великая церковь не позволяет никому стать на равной с нею высоте, и потому оскорбилась бы советом, смело выраженным; во-вторых, потому, что ходатайство представляется не за правых, а за виноватых; в третьих, потому, что ходатайство сие, вероятно, не понравится патриарху, и в таком случае скромные выражения не допустят неудовольствию дойти до степени раздражения. Если сие

мирное послание еще не отправлено, по моему мнению, полезно отправить оное немедленно, даже и в том случае, если бы оставался еще неразрешенным вопрос, не должно ли писать сильнее сего. Пусть идет впереди слово мирное и произведет впечатление приятное; пусть к сему присоединится напоминание о неприятном скромное, чтобы не разрушить первого доброго впечатления.

II. Не должно ли в след за тем послать и более сильное слово? – По моему мнению, это весьма сомнительно.

Одно из существенных требований болгар, подтвержденное епископом Иларионом, есть бессменное присутствие болгарского архиепископа в патриаршем синоде. О сем патриарх уже выразился, что «никогда не согласится допустить подобное притязание»; что, «будучи должен в целости сохранить власть, ему преданную, он обязан решительно отвергнуть сие требование, не входя о нем в дальнейшее разбирательство». Итак, если возобновить сие требование, то оно будет отвергнуто. А если не возобновить оно, то болгары не будут удовлетворены; ходатайство будет бесполезно, и принесет не пользу, а вред, – нарушение мирного отношения церкви Греческой к Российской.

III.²⁴² Важное в сем деле затруднение состоит в том, что болгары не хотят просить патриарха, с определенным изложением своих желаний. Если бы патриарх и согласился сделать уступки: он не может угадать, какие уступки будут удовлетворительны. Кроме того, что не сообразно с достоинством патриарха гнаться за бегущими от него и навязывать им уступки, чтобы возратить их, он может чрез сие сделать их более заносчивыми. С патриархом случиться может подобное тому, что происходит с австрийским императором. Он сделал венгерцам уступки, думая, что они будут удовлетворены и успокоены; а они, видя уступки, почувствовали себя более сильными, сделали более дерзновенными, и не хотят положить предела своим требованиям. Подобно сему может случиться, что болгары, видя уступки патриарха, о которых они не просили, и которые предварительно не обязались принять, припишут сие слабости его, не примут предлагаемого, преувеличат свои

требования; положение дела сделается еще хуже, и церковная власть более прежнего будет оскорблена и унижена пренебрежением от непокорных.

Не было ли бы прискорбно Российской церкви, если бы она своим усиленным настоящим подвигла патриарха на сей бедственный путь?

IV. Есть несомнительное сведение, что Порта признала болгарскую униатскую церковь и выдала ей печать, с надписью: *соединенная болгарская церковь*, и что 7 дня января в сей униатской церкви провозглашено многолетие: *святейшему патриарху болгарскому Илариону*.

После сего чего можно надеяться от усиленного ходатайства Святейшего Синода в пользу болгар, разве только усиления существующего уже в греческой иерархии предубеждения, что русские поддерживают болгар в их непокорности.

V. Итак, по моему мнению, все имеющиеся в виду обстоятельства, и все соображения, располагают к тому, чтобы ограничиться отправлением приготовленного мирного послания к святейшему патриарху, в котором сказано слово по доброй совести, и которое, если мало подает надежды, по крайней мере, не соединено с опасением нарушения мира между церквами Греческою и Российскою.

28 Января, 1861 г.²⁴³

31 января. Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по прочтении патриаршей грамоты и болгарского ответа»

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

29 дня вечером получил я от г. синодального обер-прокурора патриаршую грамоту к болгарам и болгарский ответ, и с тем вместе вопрос о предположении послать духовное лицо к патриарху. На сие отвечал я запискою в следовавший 30 день.²⁴⁴ Но написать тогда другой список не доставало времени.

Ныне, получив от графа Александра Петровича известие, что моя записка 25 дня не дошла до него, неизлишнею предосторожностью считаю препроводить при сем к вашему сиятельству список с записки 30 дня.

Призывая вам благословение Божие, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть нашего Сиятельства покорнейший слуга: Филарет митрополит московский.

31 Января, 1861 г.

На письме этом Император Александр II, карандашом, написал: «С нетерпением буду ждать, что решит Синод».²⁴⁵

**О греко-болгарском деле, по прочтении
патриаршего послания и ответной болгарской
статьи, под заглавием: *краткий ответ*²⁴⁶**

I. В записке 28 дня изложено мнение, что предполагаемое письменное сношение Святейшего Синода с патриархом по болгарскому делу обстоятельства требуют ограничить тем посланием Святейшего Синода, которое уже приготовлено, а в письме того же дня из сей записки выведено заключение, что послать к патриарху духовное лицо неудобно. Теперь предлежит вопрос: не надобно ли изменить сии мнения, по принятии в соображение патриаршего послания и болгарского ответа?

II. Патриарх в своем послании обличает происшедшее у болгар «самодельное провозглашение автокефального и независимого над ними начальника произвольным объявлением, без всякой канонической и другой законности, олицетворенное в известных – макариупольском епископе Иларионе и бывшем диррахийском *Авксентие*, которые попрали страшные обещания, данные пред Богом при их рукоположении, посмеиваются и ругаются священным постановлениям церкви, служат только своей гордости, к соблазну и прельщению простых, неведущих христиан, от которых только и получили гнилое, ветротленное и, можно сказать, смешное достоинство независимого, остаются неисправимо держащимися гнилого своего мудрования».

Под конец грамоты патриарх запрещает ходить в униатскую в Пере церковь, и говорит, что молящийся с раскольниками хуже еретика, ибо таковой раздирает единство христиан, а этот грех тяжелее идолопоклонства.

Можно ли думать, что патриарх примет в общение и отличит преимуществами человека, которого публично изобразил так позорно? Решится ли он публично стать в такое противоречие с самим собою? И в епископе Иларионе, если оставалась до сих пор какая искра миролюбия, не погаснет ли она от сильного дыхания патриаршего послания?

Чего же могут надеяться настоятельное мирное послание Святейшего Синода и его мирный настоятельный посланник?

III. В болгарском ответе также трудно искать семян мира.

Здесь нужно заметить, во-первых, что болгарский ответ не одобряет униатов, и отвергает унию; во-вторых, что, хотя он и не есть официальный акт, как послание патриарха, однако нельзя смотреть на него только как на действие частного неизвестного лица, которое не имело бы важного значения в деле общественном.

Сочинитель ответа обвиняет патриарха в том, что сей назвал себя церковью: посему невероятно, чтобы сам сделал тоже, подписав под ответом *от народной православной болгарской церкви*. Итак, должно полагать, что ответ опубликован не без ведения и согласия епископа Илариона и значительнейших единомышленников его, хотя говорит и не их словами. Сущность ответа согласна с тем, что слышано из уст Илариона.

Но что говорит ответ? Он не оказывает ни малейшего уважения к патриарху; составлен, большею частию, из жестоких порицаний на патриарха и греческое духовенство, ни одною чертою не намекает на желание сближения с патриархом; изъявляет надежду болгар получить независимую иерархию, во что бы то ни стало, по оснащении со стороны турецкого правительства. Вот собственные слова ответа.

Краткий ответ на окружное послание патриарха

«От всего сердца радуемся тому, что его святейшество счел своею обязанностью сказать несколько слов против папского движения, которое произвели некоторые лица между нашими простодушными болгарами; но глубоко сожалеем, что он худо и неблагоприятно исполнил свою должность».

Ответ приписывает патриарху «святотатственную дерзость, по которой его святейшество называет свою особу, с окружающими его пятью синодальными старцами, церковь Христовую. Это такое богохульство, которое можно объяснить разве следствием крайнего невежества, соединенного с развратом».

«Благочестивый болгарский народ, сообразно духу Божественного Евангелия и согласно церковным правилам, отвергнул незаконную и притеснительную власть, выгоняет из епархий посланных ими епископов, как истинных нечестивцев, и тихо и безмятежно наименовал духовными начальниками своими благочестивых архиереев».

«С пятью закоренелыми во зле старцами».

«Его святейшество не имеет ни малейшего права говорить не только против нас, но и против тех окаянных наших братьев, которые имели слабость отделиться от нас, и принять католичество».

«Святейший патриарх, повторяем, не имел никакого права хулить их: ему следовало только краснеть и окаевать себя, если бы у него было сколько-нибудь совести».

«Почему нареченная великая церковь теперь только отозвалась против болгар, когда уже девять месяцев прошло, как болгары благоприятно от нее отметились».

«Дело дошло до того, что мы, во что бы то ни стало, получим себе независимую от папы и патриарха иерархию. Правительство его императорского величества (то есть султанского) обещало удовлетворить болгарскому народу».

Здесь нельзя не обратить внимание, между прочим, на то, как дух противления преступил пределы здравого рассуждения,

и произносит странные несообразности, как будто непреложные истины. Что сочинитель ответа называет власть патриарха «притеснительною», на это может он представить верные или неверные доказательства; но на каком основании называет он власть патриарха «незаконною»? Как не совестится он сказать, что болгарский народ отвергнул власть патриарха, выгоняет из епархий епископов, самовольно избрал себе духовных начальников, просто сказать, взбунтовался против патриарха, «сообразно духу Божественного Евангелия и согласно церковным правилам»? На каком основании говорит он, что патриарх «не имеет ни малейшего права говорить против вышедших из законного повиновения патриаршей власти»? Что патриарх «не имеет никакого права хулить» отпадших от православия?

С какою надеждою послание Святейшего Синода войдет в сношение с такими людьми? Можно ли ожидать, что они вникнут в здравые советы и преклонятся к миру? Какие уступки со стороны патриарха могут удовлетворить таких людей?

IV. Все здесь изложенное заставляet возвратиться к прежнему заключению, что в настоящих обстоятельствах болгарского дела неудобно от Святейшего Синода ни усиленное письменное настояние, ни посольство, и что надобно ограничиться отправлением приготовленного мирного послания.

V. Иное дело было бы, если бы патриарх в послании обличил только отпадших, а о партии Илариона упомянул безымянно, в снисходительных выражениях. Это сильнее подействовало бы для охранения православных болгар, и непокорных, но еще православных, могло бы умягчить, или, по крайней мере, не ожесточило бы. Теперь и патриарх посланием, и болгары ответом расширили пропасть, которая их разделяет.

VI. Мысль о том, чтобы архимандрита Антонина употребить скромным посредником, была представляема прежде с большею надеждою, нежели ныне. И теперь можно поручить архимандриту Антонину изъяснить разделенным сторонам крайнее сожаление российской иерархии о происшедшем разделении, которое подало даже случай отпадшим от православия, и искреннее желание, чтобы единение и мир

церковный восстановлены были посредством взаимных уступок. Но он должен быть только конфиденциальным, а не официальным действователем, по той предосторожности, чтобы невнимание к официальному доверенному лицу Российской церкви не уменьшило мира, который она старается умножить.

30 Января. 1861 г. ²⁴⁷

31 января–14 мая. Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле по сведениям: 31 января, 7, 22 и 28 февраля, 7, 14, 15, 21 и 28 марта, 11, 18 и 25 апреля, и 14 мая, 1861 года

О греко-болгарском деле по сведениям от 31-го января 1861 года²⁴⁸

I. В новопришедших о греко-болгарском деле сведениях вновь прилагается бывший уже в виду вопрос: не было ли бы полезно Святейшему Синоду послать в Константинополь епископа, с целью миротворства между вселенским патриархом и болгарами. Но самые сии сведения не подают доброй надежды сему посольству, если бы оно состоялось.

II. Не смотря на отпадение болгар от православия, части действительное, частью угрожающее, вселенский патриарх не располагает удержать их снисхождением к ним, и не оставляет намерения отлучить епископа Илариона от церковного общения и послать в заточение. Какою же силою может обратить дело на путь примирительного снисхождения синодальный посланник, тогда как и со стороны болгар нет ничего, что способствовало бы такому движению?

III. Три примирительные условия, предлагаемые патриархом болгарам: свободное употребление славенского языка в церкви и в училище, обязанность их епископа знать их язык, и право представлять кандидатов для епископа известных церкви, болгары, без сомнения, найдут неудовлетворительными и не обеспеченными, а патриарх говорит, что это его последнее слово. Где же место примирительному слову посредника?

IV. Патриарх дарует болгарам вышепоказанные примирительные условия, под особым условием удаления епископа Илариона. Согласит ли миротворец болгар, чтобы они отказались от Илариона. Кого, вместо Илариона, предложит им миротворец?

V. Патриарх говорит, что он скорее откажется от престола, нежели уступит унижительным для него притязаниям, то есть, притязаниям свыше трех условий, от него предложенных. Но болгары непременно потребуют преимуществ свыше трех условий. Что здесь может сделать миротворец?

VI. Патриарх уже скорбит, что «православное правительство России допускает, чтобы духовный глава православия сделался

предметом унижения».

Здесь точность требует замечания, что если его святейшество действительно так выразился, то его выражение неточно. Прочие патриархи и Всероссийский Синод не суть члены константинопольского патриарха, как «главы» (ибо, иначе, он был бы восточный папа), но «братия» его, как именно выразились прежде его восточные патриархи в актах, утверждающих Всероссийский Синод.

Возвратимся к делу. Святейший патриарх жалуется, что российское правительство допускает его унижение и обесславление от подчиненных ему епископов. Но что же оно могло бы сделать, чтобы не допустить сего? Православное правительство российское всегда защищало и защищает православного патриарха от таких приражений, которым можно противопоставить политическую силу. Но имело ли какие средства российское правительство не допустить того унижения патриарха, что в подведомой ему церкви, при служении подчиненного ему епископа, болгары закричали: не надобно имени патриарха? Имело ли какие средства российское правительство не допустить того обесславления патриарха, что на печатную грамоту, в которой он приписал епископу Илариону гнилое мудрование, болгары отвечали также печатною грамотою, в которой приписали патриарху невежество и еще худшее, что трудно произнести при мысли о таком лице?

Может быть святейший патриарх полагает, что российскому правительству надлежало бы решительно осудить болгарское движение в самом начале его, и не предлагать патриарху уступок для примирения. Но правительство российское не могло так поступить по справедливости. Ему свойственно и желательно пребывать в мире, как с единоверными греками, так и с единоверными болгарам; и несправедливо было бы решительно осудить болгар, когда их жалобы не были опровержены и, по крайней мере, частью остаются не опроверженными доныне. Патриарх ныне, в виде уступок, предлагает болгарам свободное употребление их языка в церкви и в училищах и обязанность болгарских Епископов знать их язык. А из сего, очевидно, следует, что болгары доныне не

пользовались свободным употреблением своего языка в церкви и в училищах, и епископами, знающими язык их, следственно имели причины жаловаться. Следственно российское правительство по справедливости не осуждало их решительно, и предлагало изыскать примирительные средства.

Но если таким образом, при очевидной правоте и благонамеренности российского правительства, святейший патриарх не только не преклоняется к примирительным предложениям оного, но еще изъясняет против оных неудовольствие, то какую надежду успеха может иметь посланник Святейшего Синода?

VII. Если, при получении весьма скромного напоминания о болгарском деле в ответном послании Святейшего Синода, сквозь слова патриарха, как сказано в известии 31 января, проглядывало неудовольствие, то не более ли ясное и сильное неудовольствие патриарха встретил бы русский епископ, который предстал бы пред него с настоятельным ходатайством о примирительном снисхождении болгарам? Таким образом усилие споспешествовать внутреннему миру церкви Греческой может только повредить миру между церквами Греческою и Российскою.

VIII. Думают, что посольство от Святейшего Синода утвердило бы болгар в православии, и оживило бы надежды их.

Трудно представить, каким бы образом сие посольство могло произвести такие действия.

К кому обратится русский епископ для действия на болгар? Конечно, ему неудобно будет собрать народ, и говорить, как на митинге. Обратится ли к епископу Илариону, которого патриарх, в печатной грамоте объявив держащимся гнилого мудрования и нарушителем страшных обещаний пред Богом, намерен отлучить от церкви, который, с своей стороны, решительно не хочет быть ни в каком сношении с патриархом, который в печатной грамоте приписывает высокому греческому духовенству явное недостойство и закоренелость в злоупотреблениях, которого газета «Восток» обличает в той двуличности, что он участвовал в составлении акта о вступлении болгар в западную унию, и потом издал грамоту

против вступивших в унию, который, по частному сведению, вошел в сношение с протестантами, ища унии с так называемую евангелическую церковь? Чего может от сношения с ним ожидать русский епископ, как разве того, что отчуждить от себя греческую иерархию? Даже позволит ли достоинство посланника Святейшего Синода войти в сношение с человеком, который ознаменован и ознаменовал себя столь мрачными чертами.

IX. Если уже предварительно примечается, что посольство русского епископа в Константинополь Портою и западными державами будет перетолковано не просто в церковном, а в политическом значении: то оно может более или менее причинить политические затруднения российскому правительству. Конечно, не должно вступать на путь затруднительный, когда он не обещает привести к чему-либо доброму.

X. Но может ли Российская церковь равнодушно смотреть на затруднения Греческой церкви и на отпадение от православия, начавшиеся, и еще угрожающие? Не может и не должна. Посему-то благочестивейший Государь Император постоянно обращал на сие дело попечительное внимание; министерство его многократно, к кому должно и можно, обращалось с предложениями и настояниями о полезном для охранения единения, благоустройства и мира греческой и болгарской церкви; наконец Святейший Синод в официальном послании к святейшему патриарху с любовью и смирением представил напоминание, относящееся к той же цели. Долг совести исполнен: принятие и успех не во власти дающих совет. Мы остаемся при всегдашней обязанности молиться о мире и благосостоянии святых Божиих церквей и о соединении всех. Господь силен открыть путь мира и спасения, невидимый теперь: и уготован суд Его, дающий человеку и обществу по сердцу, и воздающий по делам.

28 Февраля, 1861 г. ²⁴⁹

О греко-болгарском деле, после известия об отлучении от церкви епископа Илариона²⁵⁰

I. По отлучении епископа Илариона от церкви, греко-болгарское дело получает новый вид, и требует нового направления. Путь примирительного снисхождения закрыт; открылся путь правосудия. Если вышедших из церковного послушания не удалось привлечь снисхождением: должно стараться возвратить их благоразумно употребляемым действием правосудия.

II. Теперь оправдывается то решение Святейшего Синода, что не написано к вселенскому патриарху настоятельное послание о снисхождении к болгарам, и не послан епископ. Чрез сии действия Святейший Синод стал бы теперь в неприятное противоречие с определением восточной иерархии об отлучении епископа Илариона. Если бы российский епископ был в Константинополе, то, по всей вероятности, он был бы приглашен, как приглашены все находившиеся в близости, на собор для суда над Иларионом; и это было бы не без затруднения для нашего епископа. Лучше, что никто со стороны России не участвовал в решении, неприятном для болгарской народности.²⁵¹

III. Впрочем, хотя обстоятельства осуждения неизвестны, однако по имеющимся предварительным сведениям можно уже видеть признаки, что осуждение произнесено справедливо. Иларион, без законного основания, отложился от своего патриарха и исключил имя его из церковных молитв. Хотя сие движение начато было не им, а народом, и он некоторое время устранился от него, а потом, присоединясь к сему движению, объяснял сие опасением отпадения болгар от православия, и потому казался заслуживающим снисхождения, но потом оказал себя начальником сего незаконного движения. На благонамеренные советы, чтобы он просил у патриарха снисхождения, он отвечал решительным отказом от всякого сношения с патриархом. Наконец, в печатной грамоте бездоказательно приписывал высшему греческому духовенству

явное недостоинство и закоснелость в злоупотреблениях. Отпадшие от православия болгары публично обличают его, и вызываются юридически доказать, что он был с ними в соумышлении.

IV. Какой далее может быть путь болгарского дела? Теперь более прежнего не время писать что-либо от Святейшего Синода к вселенскому патриарху, или посылать российского епископа. Осуждение Илариона произнесено высшими иерархами и довольно многочисленным собором; оно должно быть неприкосновенно для иерархов других областей.

Дальнейшего действия вселенского патриарха нельзя предвидеть, и потому нельзя определить, что может быть нужно и возможно со стороны российского духовенства.

V. Не может ли случиться, что к Илариону и Авксентиию присоединятся филиппопольский митрополит (о котором уже есть сведение, что он пристал к болгарскому движению, хотя и грек²⁵²) и еще несколько епископов болгарских епархий, и составят соборище, и издадут протест против соборного определения и к ним приложат никуда до сих пор неприложенную терпимость гатти-гумаюна? В таком случае разделение и нестроение может продолжиться.

VI. Против сего есть надежда в том, что осуждение Илариона произнесено довольно сильным собором, и потому может сделать сильное впечатление на болгарский народ и уничтожит его сочувствие к Илариону, отлученному от православной церкви. Сия надежда могла бы быть подкреплена, если бы Илариона не умедлили, по обычаю патриаршему, удалить из Константинополя в Афон и на его место поставили благонамеренного, держащегося церковного единства, епископа из болгар, и в то же время с твердым обнадежением провозгласили свободу болгарского языка в церкви и в училищах и обязательность болгарского языка в болгарских архиереях.

VII. Или ринется Иларион в западную унию? Можно надеяться, что западные постыдятся так торжественно отлученного Восточную церковь принять в достоинстве

епископа, и что Иларион не найдет выгодным присоединиться к Западной церкви, в качестве мирянина.

VIII. Таковы вероятные воззрения с точки осуждения Илариона. Чтобы судить вернее, надобно видеть, кто в Константинополе и в Болгарии, услышав удар грома, обнаружит страх, и кто останется, без внимания к нему, занятым своими мыслями и намерениями.

5 Марта, 1861 г. ²⁵³

О болгарском деле по сведениям, от 7 февраля, полученным уже после отлучения епископа Илариона²⁵⁴

I. В письме папы сказано, что «многие духовные и светские болгары» обратились к нему с письмом о присоединении к римской церкви. Чистая ли это истина? Унию приняли 1 архимандрит, 1 иеромонах, 1 священник и 1 диакон, и ни одного епископа. Это *не многие духовные*. Но если (дабы слово непогрешительного было без погрешимости) предположить, что письмо к папе подписали и епископы Иларион и Авксентий, то как согласить сие с сведением, что Иларион подписал и адрес к евангелическому союзу; и то и другое как согласить с известием, что он решился держаться в пределах православия? Надобно ожидать, не выяснится ли направление Илариона, после того, как он узнал о произнесенном на него отлучении от церкви.

II. Примечательно, что папа в письме своем высказывает от имени болгар все свои преимущества, и называет римскую церковь не только «матерью», но и «госпожою» или «хозяйкою» (*maitresse*) всех прочих церквей, представляя таким образом все прочие церкви домочадцами или рабами римской церкви. Вот куда пришли болгары путем искания независимой иерархии.

III. Болгары просят Порту дать им отдельную иерархию под начальством «архиепископа всех болгар», имеющего пребывание в Константинополе.

Кто же даст благословение архиепископу всех болгар быть в сем звании? Турецкое правительство? Итак, болгары хотят, чтобы высшим источником их иерархии была магометанская власть?

Скажут: патриарха константинопольского утверждает же турецкое правительство. Это совсем иное. Патриарх существует на древнем церковном основании. Лицо патриарха избирается церковью. Утверждение со стороны турецкого правительства здесь означает только то, что оно избранного, по существующим церковным правилам патриарха, и с своей стороны признает и

допускает действовать. Но «архиепископ всех болгар» до сих пор не существует. Его надо будет создать, что, по церковным правилам, может сделать только патриарх с синодом.

Далее, болгары хотят, чтобы в Константинополе было две отдельные кафедры: кафедра патриарха и кафедра архиепископа всех болгар. Но первый вселенский собор, в 8 правиле своем, говорит: *да не будет двух епископов во граде*. То есть, в одном городе не должно быть двум отдельным епископским кафедрам.

Неизлишне было бы сии соображения сообщить болгарам, например, чрез частные сношения архимандрита Антонина, и услышать от них, как думают они выйти из их затруднений.

IV. Патриарх вызывает в Константинополь родосского митрополита, болгарина родом, для того, как догадываются, чтобы поставить его во главе болгарской реакции.

Нельзя здесь не заметить, что болгарин родом поставлен архиереем не в болгарскую епархию, тогда как в болгарских епархиях архиереями служат греки. Почему это, если не по опасению, что архиерей болгар у болгар стал бы поддерживать болгарский язык и народность, – но сего не хочет панеллинизм.

Но если, хотя теперь, расположены митрополита, болгарина родом, поставить во главе болгар, то это распоряжение достойно внимания.

Вспомним, что азиатский департамент в секретном циркуляре, предписывал подавать надежду славянам, что «они получат соответственное участие в высшем духовном управлении». Обещать и не исполнить, – это может быть вреднее, нежели совсем не обещать.

Итак, нельзя ли представить святейшему патриарху, что для умиротворения болгар, полезно было бы архиерея, которого он поставит во главе их, взять в патриарший синод и в тоже время даровать болгарам, как уже говорено, свободу их языка в церкви и в училищах, и принять за правило, чтобы их епископ знал их язык?

V. Не недостойно внимания и то сведение, что болгары бегут к униатам брать паспорта, потому что за паспорт с униатскою печатью платят в пять или шесть раз менее, нежели

за паспорт в патриархии. Почему святейший патриарх не обратит внимания на то, что паспорт может быть распространителем унии?

10 Марта, 1861 г.²⁵⁵

Об уступках или обещаниях вселенского патриарха болгарам, по сведению от 22 февраля, 1861 года

I. Четырнадцать²⁵⁶ пунктов обещаний святейшего патриарха болгарам показывают темное положение их доныне, но не проливают большого света на будущее.

II. В первом пункте епархиям «чисто болгарским» обещается архиерей из болгар, или знающий болгарский язык; следственно доныне даже «чисто болгарские» епархии не были сим обеспечены. Но как едва ли найдется болгарская епархия, в которой не было бы сколько-нибудь греков, то едва ли не всякой епархии можно будет отказать в исполнении нового обещания, по той причине, что она не чисто болгарская. Если бы обещание дано было епархиям, в которых население болгарское составляет значительное большинство: это было бы удовлетворительнее для болгар.

III. Не обеспечивает болгар и второй пункт, который дает им право представлять кандидата на кафедру только «чисто болгарской» епархии, и дает только неопределенное обещание, что «просьба принята будет с благоволением».

IV. В седьмом пункте обещается, что один или два болгарских митрополита будут заседать в патриаршем синоде. Но сие обещание лишается значения тем, что тут же прибавлено: «как было прежде», потому что прежде сего присутствие болгарского митрополита в синоде было бездейственно в отношении к пользе болгарских церквей. Более было бы надежды для болгар, если бы сказано было: два болгарских архиерея постоянно заседать будут в синоде, с общим правом суждения о делах церковных, и с особенным назначением представлять святейшему патриарху и синоду, что особенно нужным и полезным оказываться будет для болгарских церквей, по местным соображениям.

V. В девятом пункте обещается официальное определение доходов болгарских епископов. Из сего видно, что доныне преобладал произвол, но не видно, будет ли облегчительно для болгар обещаемое официальное постановление.

VI. В десятом пункте обещается болгарам богослужение на болгарском языке, но все также в епархиях «чисто болгарских». Следственно, где живут тысяча болгар и сто греков, там богослужение будет на греческом языке.

VII. В тринадцатом пункте обещается, что патриаршие послания и церковные документы будут писаны на болгарском языке, но все также в епархиях «чисто болгарских». Следственно, доныне и в чисто болгарских епархиях народ слушал патриаршие послания и имел церковные документы на непонятном языке, да и впредь тому же подвержены будут тысячи болгар, если между ими живут десятки или сотни греков.

VIII. Вообще, желательно было бы, чтобы патриаршие обещания для болгар имели более определенный и более обеспечивающий характер, дабы имели силу удерживать болгар в послушании православной церкви, тогда как турецкое правительство широко отворяет им дверь в унию.

13 Марта, 1861 г. ²⁵⁷

О болгарском деле по сведениям от 28 февраля, 1861 года²⁵⁸

I. В грамоте вселенского патриарха осуждение епископов Илариона и Авксентия выражено так: «да будут извержены от всего архиерейского действованиа и чина; да будут исключены из всего архиерейского сословия, обнажены от божественной благодати, чужды сонма посвященных, отвержены от священной ограды; да будут признаваемы за мирян и простолюдинов».

Это не есть только отлучение от общения иерархического, временное, способное превратиться покаянием и прощением отлученных и возвращением их паки в общение иерархическое; но это есть решительное лишение сана архиерейского и священнического, безвозвратное. После сего патриарх, по силе церковных правил, уже не может возвратить епископства Илариону и Авксентию.²⁵⁹

II. Суд произведен согласно с церковными правилами. Иларион, кроме виновностей, уже явных прежде суда, вновь сделал себя, по силе правил церковных, достойным осуждения, потому что не явился пред лицо собора, по тоекратному приглашению, сделанному канонически.

III. Для восстановления Илариона остается один законный способ, если бы собрался новый собор, больший того, который осудил его²⁶⁰, и если бы пред большим собором он доказал несправедливость определения прежнего меньшего собора, которое, в таком случае, следовало бы признать недействительным. Но это дело невозможное.

Итак, возможность устроить болгарское дело с Иларионом прекратилась. И если в болгарях есть сколько-нибудь церковного рассуждения, то они должны отказаться от Илариона, и искать способа устроить себя, сколько-нибудь облегчительно, в зависимости от патриарха. Сей способ мог бы состоят в том, чтобы уступки, уже предлагаемый болгарам от патриарха, были несколько усилены и обеспечены, как о сем говорено в записке 13 марта.

IV. Какое прискорбное зрелище представил Константинополь 26 февраля, в воскресенье, когда во всех православных церквах объявлено было извержение Илариона из епископского сана, и когда сей изверженный в то же самое время совершал литургию, как епископ! За безобразием последует вред, если турецкое правительство не поспешит подкрепить действие патриарха и синода, удалением Илариона от сношения с народом, который уже не составляет паствы его.

V. Не менее прискорбна и угроза патриарха, что, в случае отказа со стороны правительства послать Илариона в заточение, все действительно служащие патриархи откажутся от службы. Господь да сохранить от сего Восточную православную церковь. Но если думают, что до сего дойдет, то на какие последствия рассчитывают?

Отречение от управления вдруг всех патриархов не то, что выход в отставку министров в каком-нибудь государстве, где их места легко занимают другие, и государственная деятельность идет своим чередом. Вдруг остаться православной церкви неимеющею ни одного действительного патриарха – необычайность более поразительная для церкви, нежели для кого-нибудь другого. Турецкое правительство едва ли много будет сим озабочено, потому что у него не видно большого попечения об охранении силы православной церкви. Что же далее? Если изберут новых патриархов в том же духе, как прежних, то не надобно ли будет и сим отказаться от должностей? А если, паче чаяния, под влиянием неблагоприятных обстоятельств, избраны будут патриархи инакового образа мыслей, и вздумают уступками поколебать соборное дело о Иларионе: будет ли сие сообразно с пользою и достоинством православной церкви?

Были времена, когда православные архиереи не только не могли изгонять еретических архиереев, но и сами были изгоняемы ими, и сие побуждало их не оставлять служение, а напротив того, сколько можно, тверже стоять на страже церковной, и духовною силою веры, молитвы, здравого учения, доброго примера охранять паству, чтобы православие не было

подавлено мирскою силою. Господь да дарует православным патриархам предусмотрительную мудрость!

21 Марта, 1861 г.²⁶¹

Об особенностях письма архимандрита Антонина, от 6 Марта 1861 года²⁶², по болгарскому делу

1. Достойно одобрения и полезно то, что архимандрит Антонин в письме своем представил вниманию духовного начальства довольно полный вид болгарского дела в важный момент его. Но он очень свободно расширяет свои воззрения в соображении, когда, например, предлагает совет Святейшему Синоду.

II. Сказав, что писатель византийской газеты²⁶³ не отрицает действительности подарков или приношений, делаемых рукополагаемым архиереем патриарху, архимандрит приходит отсюда к заключению: «было бы уместно по поводу ее (газетной статьи) поручить «кому-нибудь от имени Святейшего Синода спросить его святейшество, признает ли великая церковь справедливыми положения означенной статьи; и если существует действительно в ней соблазнительный обычай давать и принимать приношения за рукоположение, то...»

Что же вы о. архимандрит, не договорили? А если бы захотели договорить: то, вероятно, признались бы, что не знаете, что тут делать.

По поводу газетной статьи, на основании слов газетного писателя, Святейшему Синоду начать обвинение вселенского патриарха основательно ли? Прилично ли? Возможно ли?

Прилично ли Святейшему Синоду послать к вселенскому патриарху, например, архимандрита Антонина допрашивать его святейшество, берет ли он подарки при рукоположении архиереев?

Положим, что архимандрит сделал допрос патриарху, и что сей дал ответ, конечно не письменный, за своим подписанием, а словесный; и архимандрит донес о сем Святейшему Синоду: что может сделать в сем случае Святейший Синод? Ничего.

Архимандрит, кажется, думает., что, по допросе можно будет обвинить патриарха в симонии. Кто же будет судить его? Не иной кто может, как только вселенский, или, по возможности, великий собор из православных церквей! Есть ли возможность

устроить такой суд? Для чего же допрашивать того, кого нельзя судить?

Действием предлагаемого архимандритом допроса было бы только оскорбление патриарху, и нарушение мира церквей.

III. Но архимандрит уже судит патриарха.

Писатель газеты, в оправдание патриарха, приводит акт 1324 года о ежегодных приношениях патриарху от каждой епархии. Архимандрит на сие возражает: «к сожалению акт говорит о «другом роде приношений, а не о плате новопоставляемых архиереев патриарху».

В слове *плата* есть порицание, но не улика. Коронующий английского короля или королеву архиепископ, по короновании, получает кошелек с золотом: англичане не говорят, что это *плата* за коронование.

Но на возражение архимандрита вот как отвечает патриарх: по акту 1324 года епископ каждый год должен делать определенное приношение патриарху на содержание патриархии, которая не имеет содержания от правительства, как бывает в христианских государствах. Но, по времени, ежегодное приношение, по нуждам ли патриархии, для удобства ли епархиальных архиереев, превращено в единовременное приношение патриарху, при вступлении епископа в епархию.

Итак, дело не так ясно, чтобы архимандрит мог осудить патриарха без опасения апелляции.

Архимандрит возражает еще, что патриарх имеет другие источники содержания. Но, может быть, они недостаточны для потребностей патриархии. Архимандрит не видит приходорасходных книг патриархии. Дело и здесь не ясно.

Если бы отношения между Святейшим Синодом и вселенским патриархом были самые близкие, вполне доверенные и откровенные с обеих сторон: тогда только можно было бы тихо сказать его святейшеству, не найдет ли он способы устроить хозяйство патриархии так, чтобы отнять всякий повод к нареканию в симонии.

IV. Примечательны слова письма, что теперь только великая церковь «открывает в церквах константинопольских славенское богослужение». В Константинополе считают 15,000 греков и

50,000 болгар: итак, для 15,000 греков 50,000 болгар лишены были доныне богослужения на понятном для них языке. Только недавно для 50,000 болгар открыта была одна церковь святого Стефана, которая теперь в расколе. Судите после сего раскольничающих болгар!

V. Сказав о том, что болгары, римско-униты, ссылаются в свою пользу на 3, 4 и 5 правила сардикийского собора, которыми якобы верховный суд во вселенской церкви предоставлен римскому епископу, архимандрит Антонин позволил себе следующие рассуждения:

«Упоминаемые правила сардкийского собора, как и самый собор весь, не лишены значения в вопросе болгарском. Из них вытекает одно из двух: или римский епископ действительно имел право окончательного суда во всей церкви, или – Иллирик в то время действительно подлежал его ведению. И тот и другой вывод не может нравиться; но едва ли возможен какой-нибудь третий вывод, например, тот, что в Сардике (ныне София) обсуживались дела, чуждые и месту собора, и интересам Востока».

Это значит, что архимандрит не находит никакого способа истолковать означенные правила в православном смысле, и находит их сильными в пользу Западной церкви.

В греческом Пидалионе (Кормчей), изданном по благословию вселенского патриарха, под 3 правилом сардикийского собора (тоже и в отношении к двум следующим) сказано:

«Заметь, что сие правило не должно разуметь о епархиях, не подведомых папе, а только о подведомых ему, по толкованию Зонара».

В книге правил апостольских и соборных, изданной по благословию Святейшего Синода, сделано подобное замечание, и при том с указанием на 6 правило первого вселенского собора, которого не мог отменить сардикийский собор, как не вселенский, а только поместный.

Итак, архимандрит Антонин не оказывает доверия ни знаменитому церковному законоведцу, ни толкование греческой Кормчей, одобренной вселенским патриархом, ни толкованию

книги правил, изданной Святейшим Синодом, а держится своего мнения, что «едва ли возможен какой-нибудь вывод» из вышеозначенных правил, неблагоприятных Риму, и благоприятных православию.

Нимало не думаю, чтобы архимандрит Антонин был склонен к неправославию. Но так могло случиться с человеком, который получил образование не под твердым руководством, а более собственными усилиями, и не очень осторожно доверяет мудрованию собственному.

2 Апреля, 1861 г.²⁶⁴

О болгарском деле по сведению от 7 марта 1861 г.²⁶⁵

I. Новое сведение о состоянии болгарского дела представляет размышлению две мысли: перемену лица на вселенском престоле²⁶⁶ и законно осужденных двигателей болгарского дела другими, не осужденными и более умеренными.

II. Вселенский патриарх поставил себе на пути снисходительного примирения преграду низложением Илариона. Теперь Порта поставляет патриарху на пути правосудия преграду отказом послать Илариона²⁶⁷ в заточение. Видно, Порте не хочется стать на стороне 15,000 константинопольских греков против 50.000 болгар, находящихся в Константинополе, что патриарху надлежало бы принять в соображение ранее. Итак, он в затруднении. На сей случай прежде выказана была угроза, что все патриархи пойдут в отставку, но, по всей вероятности, сей угрозы не приведут в исполнение ни все патриархи, ни один константинопольский. И справедливо; ибо это был бы удар, который иерархия нанесла бы себе, без пользы для болгарского дела. Кто бы ни был на вселенском престоле: соборное определение о низложении Илариона отменено быть не может. И потому при всяком патриархе невозможно примирение с болгарями, если они не откажутся от Илариона.

III. Итак, если Иларион не будет отторгнут от болгар заточением: надобно стараться вразумить их, что им теперь с Иларионом нельзя достигнуть чего-либо доброго, и потому надобно им самим оставить его, и искать себе другого, более надежного представителя, и с тем вместе умерить свои требования. В то же время надобно стараться, чтобы с ними сближен был достойный епископ, соответствующий сему новому направлению, и чтобы святейший патриарх свои в пользу болгар уступки сделал более точными и твердыми, безопасными от ослабления перетолкованием, и потому привлекающими доверие и послушание.

30 Марта, 1861 г.²⁶⁸

О сведениях от 14 и 15 марта 1861 г. по греко-болгарскому делу

I. Сведения сии получены после сведений от 21 марта, и потому не новы; впрочем, в них есть обстоятельства, которые могут быть замечены, как подтверждающие то, что говорено было в записке 7 апреля.

II. Ионийские греки, находящиеся в Константинополе в большом числе, вступаясь за патриарха и его с собором определение, покушались сделать демонстрацию против изверженного Илариона, если бы он стал служить литургию. Это значит, что они сильно сознают важность и силу патриаршего и синодального решения о Иларионе. Итак, если бы другие греки, которым пришло на мысль поколебать сие определение, принялись за это действительно, то прежде, нежели сделалось бы что-нибудь для умиротворения болгар, произошел бы раздор между греками. Вот новое соображение к тому, что не должно колебать состоявшегося определения.

III. Проявляется расположение некоторых болгар, западно-униатов, возвратиться к православию, под условием уступок, объявленных патриархатом. Посему желательно, чтобы патриарх сделал уступки свои более определенными и твердыми, чтобы удобнее привлечь болгар. А сим надобно отказаться от Илариона, с которым патриарх уже не может примириться, и искать другого болгарского епископа, способного к делу умиротворения.

IV. Вновь подтверждается, что Иларион обратился к протестантам, и говорит, что не трудно изменить некоторые православные догматы, для сближения с протестантским исповеданием. Вот новое доказательство, что Илариона должно оставить его судьбе. С какою надеждою благословения Божия можно было бы основать болгарскую иерархию на сем человеке, если бы он и сохранил личину православного епископа?

V. В настоящее время нужно убедительно предлагать болгарам, чтобы они внимательно обозрели свое в течение года

продолжаемое движение, к чему оно привело, и к чему ведет, дабы по сему усмотрению дать оному благонадежное направление. Независимая болгарская церковь до сих пор есть только слово и предмет желаний, а не дело. Иларион, которого поставляли главною опорою ее, уронен, и нельзя поднять его законно; да и не было бы полезно поднимать человека, который добровольно падает на Запад. Вздумали начать дело независимой болгарской церкви отпадением от православия. 120 или 140 болгар мирян и 3 или 4 священнослужителя хотят составить болгаро-латинскую церковь, и дать патриарха такому числу людей, которого мало для составления прихода. Папа не соглашается дать патриарха, но радуется, что приобретает горсть людей; и, когда располагается рукоположить болгаро-латинского епископа, в церкви, среди богослужения, по прочтении Евангелия, падает в обморок, кажется умершим, и, едва очувствовавшись, выносятся из церкви. Между тем, Иларион и некоторые другие болгары обращаются к протестантам, и к реформатам, и соглашаются изменить восточные догматы, чтобы получить мечту независимой болгарской церкви, с поврежденными догматами, без правильной иерархии. Таким образом болгары необдуманном движением частью сами себя лишают православия, рассекают свое единство религиозное, а чрез сие рассекают и единство своей национальности, и ведут себя к расслаблению, и к порабощению разным чуждым силам. Если они желают сохранить в целости и православие, и национальные единство и силу, то в настоящее время не представляется для сего надежнейшего средства, как принять предложенные патриархом уступки и получить иерархию, хотя несовершенно независимую, впрочем, национальную и достаточно уполномоченную отстранить прежние неудобства и удовлетворить справедливым требованиям.

11 Апреля, 1861 г.²⁶⁹

О греко-болгарском деле, по сведению от 21 марта 1861 года

I. В сем сведении открывается и доказывается мнение греков, епископов и мирян, что соборное определение о извержении епископов Илариона, Авксентия и Паисия²⁷⁰ может быть изменено. Но доказательства сего мнения неудовлетворительны, а средства исполнить оное не указаны, и едва ли могут быть указаны.

II. Говорят: «многие члены клира, даже принимавшие участие в соборе, не колеблются произносить строгое суждение о решениях его».

Но такое суждение они должны были предлагать на соборе, и тогда, может быть, инаковые последовали бы решения. Но когда строгие решения собора вошли в определение и опубликованы в патриаршей грамоте, с подписями всех составлявших собор, и никто из них не протестовал: то какое достоинство и силу имеют домашние противоположные суждения некоторых бывших на соборе? Если они теперь говорят правду, то изменили ей на соборе. Если на соборе поступили по правде, то теперь правда не на их стороне.

III. Говорят: «соборное определение напрасно возлагает на Илариона вину происшествия в болгарской церкви в пасху».

Это Иларион должен был доказать пред собором; но он не явился, и таким образом, по выражению 28 правила карфагенского собора, *произнес приговор сам против себя*.

При том в сведении 21 марта сказано, что после происшествия в пасху, Иларион призван был патриархом в присутствии синода, был порицаем, просил снисхождения патриарха, но после того целый год продолжал беспорядок, начатый в пасху.

IV. Иларион в оправдание свое говорил, что не может отделиться от движения болгар, по предосторожности, чтобы они не отпали от православия.

Это могло служить к его извинению в некоторой степени, до некоторого времени. Но он в печатной грамоте,

бездоказательно, приписывал высокому греческому духовенству явное недостойнство и закоснелость в злоупотреблениях. Это не нужно было для охранения болгар в православии. Напротив, это восставляло их против православной иерархии. Это поступок мятежный.

Если Иларион думал иметь причину жаловаться на патриарха, то по силе 6 правила второго вселенского собора, должен был писать о сем ко всем епископам, и просить соборного рассмотрения жалобы, а не отделяться от православной иерархии, а не порицать ее публично бездоказательно.

V. Говорят: «патриарх в течение года не беспокоил Илариона и Авксентия ни замечанием, ни выговором».

Но выше показано, что бывший патриарх ²⁷¹ порицал в синоде Илариона; и Иларион просил снисхождения. Потом бывший патриарх затруднен был делами церковно-народного собрания, и не раз изъявлял расположение удалиться от дел. Новому патриарху²⁷² также нужно было время осмотреться в своем новом трудном положении. Кроме сего медление двух патриархов изъясняется их желанием и некоторыми посредническими усилиями достигнуть прекращения затруднений мирным путем.

Чрез то, что судья, по обстоятельствам, умедлил осудить виновного, не превращается виновный в правого, а судья в виноватого.

VI. Говорят: «не соблюдено правило троекратного вызова епископа к суду, имеющее целью дать ему время приготовиться».

Но троекратный вызов был. Срока призывам 74 апостольское правило не назначает. Карфагенское 28 правило назначает месячный срок, а при особенных обстоятельствах дает подсудимому и другой месяц. Но это, очевидно, сделано для епископов, пребывающих в епархиях, которым нужно время и приготовиться к ответу, и прибыть на место собора. Епископ Иларион находится в одном городе с собором. А для приготовления к ответу имел год.

VII. К оправданию Илариона указывают на отделение церкви афинской.

Пример несходный с тем делом, к которому приводится. Афинская церковь не восставала против патриарха и синода, как Иларион и болгары; государственная власть поставляла ей преграду против сообщения с патриархом; афинская церковь не публиковала, как Иларион, бездоказательных порицаний на патриарха и синод; она в порядке просила у патриарха самостоятельности: Иларион присвоит себе самостоятельность самоуправно.

VIII. Говорят: «текст извержения Илариона написан за четыре дня до вызова его к суду».

Можно ли доказать это? И если бы доказано было: не было бы достаточно для опровержения соборного определения. В чем обвиняется Иларион, это даже нужно было заранее написать для доклада собору. Если же и проект решения написан: сие не связывало присутствовавших на соборе; они могли дать иное мнение, если бы то находили справедливым.

IX. Говорят: Иларион, после первого призыва к суду, посылал к Аали-паше просить обеспечения своей личной свободы».

Что из того? Никто не говорит, что он сказал посланным от собора: «приду, как скоро получу обеспечение моей личной свободы». Собор знал только, что он, по троекратному призыву, не явился; и осудил его.

И можно ли было ему опасаться насилия пред лицом целого собора?

И не достойнее ли православного епископа, чтобы, хотя и с опасностью лишения свободы, вверил себя своему христианскому начальству, нежели чтобы явился пред оное, опираясь на магометанского стража его свободы?

X. Говорят: «патриарх говорил языком страсти, когда секретарю турецкого министра объявил на соборе, что уже поздно, и что решение собора о извержении Илариона не возвратно».

Действовала ли в сие время страсть в патриархе, сие ведает дух, живущий в нем; но слова его были законны после

того, как собор единогласно произнес осуждение Илариона.

XI. Говорят, что «патриарх в сие время не одушевил себя правилами справедливости».

Осмелимся судить об определении собора. Оно строго. Можно было только удалить Илариона от иерархического общения и от священнослужения, в ожидании, что он вразумится, и, дело будет рассмотрено обстоятельнее, чем было бы ему сохранено епископство, и он мог бы надеяться прощения. Но если осуждение произнесено строгое, а не умеренное: чрез сие виновный не сделался невинным.

XII. Говорят, что «осуждение Илариона могло быть отменено, когда пред собор явился секретарь турецкого министра, потому что оно не было еще подписано».

Было ли бы сообразно и с правильностью соборного действования, и с достоинством собора, если бы собор, выслушав от своих посланников троекратный отказ Илариона явиться на собор, и вследствие сего соборно произнес осуждение Илариона, отменил свое определение потому, что явился турецкий чиновник, опять без Илариона, и сказал, неизвестно что? Иное дело, если бы с чиновником явился Иларион: может быть, собор и выслушал бы его; но он, и будучи обеспечен в своей личной свободе, о которой заботился, турецким чиновником, не явился пред собор и под его защиту. Это можно счесть четвертым отказом собору.

XIII. Строгость патриарха представляют причину увеличившихся затруднений в болгарском деле.

Это правда. Но такая же того же причина есть непреклонное упорство Илариона и болгар. Сколько известно, российским посольством неоднократно обеим сторонам делаемы были примирительные внушения, и предлагаемы были средства примирения. К сожалению, не внимали благонамеренным предостережениям.

XIV. Находят несправедливым, что митрополит филиппопольский²⁷³ осужден, не быв судим, и не был призван к суду.

Это справедливо. Посему он имеет право протестовать, и просить нового суда.

Но он потерял свое право тем, что, вместо требования нового суда, произнес анафему на патриарха и на греческую иерархию. Он поставил одного себя выше патриарха и собора, и осудил их также, не призвав их к суду. Итак, он сам постарался, чтобы свое неправильное осуждение сделать правильным.

XV. Положим, что, не смотря на все вышесказанное, находят возможным вести спор против соборного определения, осудившего Илариона.

Как поведут оный?

Собор, который лишил Илариона епископства, решительно не может возратить ему оного. Сие запрещают правила. Для сего надобно, чтобы составился новый большой собор, чтобы сей нашел несправедливым решение первого собора, признал оное недействительным, и таким образом оказалось бы, что Иларион не был лишен епископства.

Можно доказывать, что определение собора 24 февраля строго, что в его действовании есть неправильность; но можно ли доказать, что оно совершенно несправедливо?

Собор 24 февраля составлен был из всего, что есть важнейшего в восточной иерархии, из шести патриархов, из членов синода, из геронтов, всего из 27 членов.

Найдется ли возможность составить собор, который был бы выше и многочисленнее сего? Какая власть может созвать его? Согласятся ли патриархи созвать новый собор, и войти в него, чтобы вместе с ним осуждать свое собственное определение?

XVI. Греки говорят, что соглашение с болгарами возможно, но что для сего духовенство должно быть устранено, и тогда «обе нации легко достигнут до соглашения взаимных интересов». Удивительные мысли! Разве дело идет об интересах двух наций, а не об интересах веры, церкви и душ христианских? Разве могут миряне без духовенства сделать новые распоряжения в высшей иерархии? Разве могут миряне лишённого сана Илариона вновь сделать епископом?

XVII. «Патриарх Иоаким, говорят, всегда будет препятствием умиротворению болгар».

Положим, что это вероятно. Что же из сего? Надобно ли удалить патриарха? Найдут ли в нем вину, для сего достаточную? И чтобы удалить его, нужен будет такой собор, о котором сказано выше.

Или думают, что без дальних затруднений сила Порты низвергнет патриарха Иоакима с вселенской кафедры? Это значило бы врачевать беду бедою. Удар в патриарха отразился бы на церкви. Какую силу в церковном управлении будет иметь православная вселенская кафедра, если магометанское дыхание сдувать будет с нее патриарха по произволу?

XVIII. Но, может быть, святейший Иоаким сам оставит свое место, как угрожал.

Это было бы, может быть, к пользе, а может быть к продолжению затруднений. Будет ли преемник его более снисходителен к болгарам, нельзя знать. Если по причине болгар патриарх сойдет с своей кафедры: не будут ли видеть в сем свою победу и не сделается ли это подкреплением их упорству?

XIX. В сих печальных обстоятельствах не предлежит ли какая особенная обязанность церкви Российской? Молитва о умирении матери – церкви Греческой.

Официальное вмешательство в дело чужой церковной области было бы неправильно, когда оттуда нет никакого отзыва, дающего причину сему.

Тихо, например, чрез архимандрита Антонина, может быть, не бесполезно подать мысль обеим сторонам, чтобы Иларион оставлен был своей судьбе, и чтобы найден был другой болгарский епископ, в котором были бы примирены требования и уступки; так как до сих пор и уступки не примиряют.

XX. Не возможна ли какая помощь и от православного русского правительства? Может быть, бесполезно было бы старание русского посольства дать движение мысли, которая предложена в предыдущей статье.

Мысль послать в Константинополь новое доверенное от Государя Императора лицо не обещает рассеять тамошний мрак. Может быть, в доверенных сношениях посланника с патриархом есть неудобство: между ними стоит воспоминание

патриарха – геронта о том, что посланник не поддерживал геронтов, и расположен был в пользу уничтожения их. Но новопришедший может ли вдруг обнять вниманием и дознанием разнообразное множество личностей, деятельностей, источников и силы открытых и сокровенных влияний на лица и на мысли людей, чтобы определить на чем и как, и чрез какие содействия можно было бы примирить непримиримых доныне? Для миротворного действия нужны самые доверенные отношения: можно ли установить их вдруг? Между тем явление и действие нового лица может неблагоприятным дать случай к жалобам на вмешательство. Трудно надеяться, чтобы сие новое усилие имело желаемый успех. А предпринять и не успеть хуже, нежели не предпринимать.

Бог мира да наставит на лучшее и лишенных мира, и призванных для восстановления мира.

7 Апреля, 1861 г. ²⁷⁴

О греко-болгарском деле по депеше²⁷⁵ от 28 марта 1861 года

I. В сей депеше замечается, что уступки патриарха болгарам неудовлетворительны, потому что выражены неопределенно и обоюдно, как, например, говорится в них о *чисто болгарских* епархиях, тогда как нельзя найти епархии, в которой не было бы греков. Тоже самое говорено было в записке 13 марта. Итак, видно, это справедливо, а потому справедливо и заключение упомянутой записки, что нужно было бы дать сим уступкам более определительный и более обеспечивающий характер.

II. Тяжко замечание депеши, что у болгар не достает религиозного убеждения; но их поступки согласны с сим замечанием. У них есть некоторая набожность к преданию. Но крайнее незнание, в чем состоит истинное христианство и православие, и с другой стороны – ненависть к греческому духовенству, воспитанная притеснениями его, произвели то, что в них господствует одна мысль, как бы освободиться от греков; но, чтобы сие сделать не с нарушением православия и церковных правил, об этом они вовсе не размышляют. Это больше препятствует благоприятному разрешению болгарского вопроса.

III. Для ослабления сего препятствия не представляется иного средства, как то, о котором уже говорено: изыскать болгарского архиерея, который бы стал на место Илариона между болгарами и патриархом, но не с враждебным, как Иларион, а с миролюбивым расположением.

11 Апреля, 1861 г. ²⁷⁶

«О греко-болгарском деле по сведениям от 11, 18 и 25 апреля 1861 г.»

Получив копии ²⁷⁷с депеш по болгарскому делу, от 11, 18 и 25 прошедшего апреля (последняя при отношении от 10 сего мая, № 2772), мысли мои по оным изложил я в записке, при сем прилагаемой.

Мне случилось на сих днях говорить с одним, недавно прибывшим в Москву, образованным, благонамеренным и знающим дела болгарские. Он так же, как и я, думает, что болгары крепко привязаны к Илариону, но что примирительные средства еще не без надежды употребить можно.

Между прочим, спросил я о архимандрите Софронии, находящемся теперь в России. Он подтвердил то, что я узнал прежде, именно, что сей архимандрит, хотя не большой образованности, но муж рассудительный и честный, что он некоторое время исправлял должность викария митрополита фессалоникского, с благоразумием и твердостью. Защищал его и епископа кукушского от несправедливостей епископа их, и вообще, где служил, приобретал к себе расположение. Вот лицо, которое, вероятно, с пользою могло бы быть епископом для Болгарии.

№ 54. 14 Мая, 1861 г.

I. Болгарский филиппопольский депутат подал мысль устроить сие дело чрез совещание болгар-мирян с греками-мирянами, взяв за основание данные патриархом уступки. Станный путь для церковного дела. Но положим, что произойдет соглашение. Это только половина пути. Как думают пройти другую, не видно. Иерархическое дело нельзя привести к концу без иерархии.

II. Но между тем, как православные греки и болгары медленно думают, что делать, отпадшие от православия проворно действуют. Архимандрит Иосиф успел уже сходить в Рим, и получить епископское рукоположение, и возвратился в Константинополь в звании апостолического викария. Он служит литургию в облачении, какое употребляет восточный патриарх, и

носит на руке перстень западного епископа. После литургии в церкви он поет гимн в честь папы и султана, сочиненный болгарскими стихами. Константинопольский журнал объявляет о сем, и с похвалою папе публикует латинское двоедушие, именно: болгары-униаты обязаны исповедовать исхождение Святого Духа от Отца и Сына, но папа разрешает читать в церкви символ веры без прибавления *и от Сына*, дабы православным чтением символа обмануть народ и привлечь в унию.

III. Так православные миряне думают; неправославные действуют. Но что православное духовенство? Действует ли оно? Не слышно. Какой же успех могут имеет недеятельные против деятельных?

IV. Неизвестно, дошла ли до Константинополя здешняя мысль, чтобы, по низложении Илариона, как можно, немедленно поставить на его место другого болгарского епископа, который был бы не противником патриарха, а посредником между им и болгарским народом. Сего не сделано; и вот низложенный Иларион, скрывавшийся, смело является, и священнодействует на страстной неделе и в пасху. Какое замешательство! Каков соблазн! Какое унижение для патриарха и прочего духовенства, произнесшего осуждение Илариона!

V. И турецкое правительство в замешательстве и в унижении. Оно определило сослать Илариона, но медлило исполнить сие; позволило ему скрываться, и, когда он, вопреки определению, явился в столице, не смело тронуть его, уступая открывшемуся возмущению болгар, и принуждено было просит совета у российского посланника, которому прежде не внимало.

VI. Примечательно, что и в сие время ни патриарх не обратился к посланнику, ни посланник к патриарху, а только к дипломатам других держав. Едва ли можно изъяснить сие иначе, как разве крайним нерасположением патриарха к посланнику, и отчуждением от него. Но если значительная часть обязанностей российского посланника в Константинополе есть поддержание православия, а для сего и патриарха, то может ли сия обязанность быть исполняема с успехом, при таком их отчуждении друг от друга? Опыт пред глазами.

VII. Вот открылся важный момент дела, в котором вселенский патриарх и российский посланник должны иметь одну общую цель, и потому взаимный совет, чтобы разрешить болгарский вопрос благоприятным образом для православия; но посланник обращается не к стороне естественно благоприятной делу, то есть, к патриарху, а к стороне естественно неблагоприятствующей, то есть, к другим посланникам, которым свойственно благоприятствовать не чуждой для них православной церкви, а унии своего вероисповедания, что в них, а также и в турецких министрах, еще прежде усматривал российский посланник. Итак, дело православия некоторым образом впало в руки людей, естественно неблагоприятствующих православию.

Теперь предполагается составить смешанную комиссию из греков и болгар. Это значит, что указывается, как и выше сказано, к желаемой цели половина пути, и не обращается внимание на то, что далее следует пропасть, то есть, совершившееся низложение Илариона, которого патриарх окончательно отвергнул и которого болгары не хотят оставить. Мост над сею пропастью нельзя построить без помощи патриарха; но к нему не обращаются, и не знают, чего можно надеяться от него.

VIII. Разные стороны, прикасающиеся сему делу, как будто нарочно старались довести оное до безысходного положения. Церковно-народное собрание, имевшее в свое время значительную силу, когда болгары обратились к нему с своими требованиями, вместо того, чтобы воспользоваться сим случаем для их умиротворения, оттолкнуло их. Бывший патриарх, медленностию и нерешительностию, болгарскому восстанию против церковной власти дал время усилиться и распространиться. Иларион упорством против патриарха, простертым до наглости, заградил для себя путь его снисхождения. Нынешний патриарх, крайнею мерою строгости против Илариона, вырыл пропасть на пути примирения. Турецкое министерство вызвало сию крайнюю меру обещанием заточить Илариона (без чего патриарх не решился бы низложить его), и потом парализовало сию меру неисполнением своего

обещания. Испросив от султана повеление о заточении Илариона, турецкое министерство долго оставляло сие повеление без исполнения, в угодность болгарам, и тем подало им повод к более дерзновенному противлению власти, дошедшему до мятежа.

Как трудно надеяться лучшего после того, когда столько раз делано было не то, чего можно было надеяться!

IX. Что сделает смешанная комиссия из греков и болгар? Судя потому, как крепко держатся болгары за Илариона и после церковного низложения его, почитая как бы за ничто сие низложение, и присутствуя при церковном служении лишнего сана, как бы при служении действительного епископа, – нельзя не ожидать, что они настоятельно требуют восстановления его в сане епископа. Но это, по церковным правилам, или невозможно, или возможно чрез такие средства, которые нет надежды найти в действительности, как показано в записке 7 апреля, сего 1861 года.

X. Сие побуждает возвратиться к мысли, которая уже представлена была в записках 30 марта и 7 апреля сего 1861 года, и которую, может, быть, еще не поздно употребить в дело, именно, стараться поставить на место Илариона другого епископа, который бы не препятствовал, как Иларион, но споспешествовал разрешению болгарского вопроса.

Изъяснимся несколько обстоятельнее.

1) Илариона удалить из столицы, дабы пресечь его сношения с болгарам, и расположить их принять другого епископа.

2) С тою же целию удалить и Авксентия.

3) Найти достойного епископа из болгар, и поставить его на место Илариона.

4) С тем вместе он должен обещать болгарам, что он будет, вместе с ними, стараться достигнуть удовлетворения справедливым их требованиям, законным путем.

5) А патриарху должен обещать, что не позволит себе незаконного противления церковной власти, как прежде Иларион.

6) Как благонамеренные из болгар и греков уже обнаруживают расположение искать примирения на основании сделанных патриархом уступок, только бы они были тверды и несомнительны: то назначить именно три или четыре епархии, наиболее болгарские, применить к ним патриаршие уступки вполне, и на деле открыть сие применение теперь же.

7) При сем в уступках патриарха уничтожить ограничения, которые разрушают все дело, как например, чтобы болгарский кандидат епископства непременно был известен великой церкви. Под предлогом недостатка сей известности можно отвергнуть всякое избрание. В достоинстве кандидата епископства можно удостовериться свидетельствами избирающих и начальств, в ведении которых он служил до избрания, и испытанием пред лицом святейшего патриарха.

8) Предполагаемая смешанная комиссия может таким образом составить определительное положение, на каком быть иерархии болгарских церквей.

9) О сем болгарский епископ и старейшины болгар представят вселенскому патриарху почтительную просьбу.

10) Должно надеяться, что святейший патриарх, который оставался непреклонным, когда отпадение от православия только угрожало, ныне, когда оно уже открылось, и нашло опору, благоволит оказать болгарам снисхождение, охранительное для их православия.

11) Но кто может сделать патриарху миролюбивые представления, когда он и посланник видимо разделены стеною? Сей вопрос требует внимания, при желании успеха делу.

12) Если нет в виду готового болгарского епископа, способного к сему делу: могут найти достойного кандидата и теперь рукоположить.

Кто видит лучшее, да откроет, и да управлено будет дело к миру православной церкви.

14 Мая 1861 г.²⁷⁸

Дополнение к записке о болгарском деле от 14 мая, 1861 г.

Получаемые разными путями сведения о болгарях, на сих днях по особому случаю дополненные из достоверного источника, представляют вниманию следующее:

Известно, что жители селения Кукуша отпадали от православия, потому что не могли выносить поступков своего епископа, грека. Посему дан им епископ Парфений, из болгар, получивший образование в России в киевской академии²⁷⁹. Вступив в управление полянинскую епархию, к которой принадлежит Кукуш, он впадших в унию возвратил в православие, которое продолжает утверждать и защищать словесно и письменно. Он пользуется уважением и приверженностью своей паствы, и доброе о нем мнение значительно распространено.

Вот человек, который способен быть поставлен на место Илариона, с миротворным назначением, о котором говорено в записке 14 мая, в статье X. Он болгар, управляет своею болгарскою паствою благотельно, на опыте показал себя охранителем ее от неправославия; все сие подает надежду, что болгары, при добром внушении и вразумлении, могут принять его на место Илариона. Надлежало бы ожидать ему благорасположения и от вселенского патриарха, как дознанному защитнику православия, и следственно нужному, когда православие угрожаемо. Но, между прочим, есть опасение, которое надлежало бы признавать вовсе невероятным, но в котором по несчастю, есть доля вероятности, – согласится ли патриарх поставить во главе болгар человека, русского образования, и особенно тогда, как патриарх стал приметно чуждаться российского посланника? Да изыщется и да найдется человек, который бы убедил его святейшество не останавливаться на ничтожных сомнениях, и подозрениях, когда дело идет об охранении церкви от явного бедствия.

Некоторые болгары думают, что был бы полезен совет Святейшего Синода Российского вселенскому патриарху.

Сомнительно. И особенно неудобно сношение официальное, как о сем говорено уже прежде.

Может быть, бесполезно было бы, чтобы первенствующий член Святейшего Синода, в виде частного, доверенного, письма, изложил архимандриту Антонину, с каким соболезнованием взирает Российская церковь на затруднения церкви Восточной, и какие имеет мысли о средствах к умиротворению; а архимандрит, также в виде частной откровенности, довел бы сие до сведения патриарха. Если совет приобретет внимание – цель достигнута. А если и не примется частно дошедшая до патриарха мысль, сие не будет оскорблением Святейшему Синоду, и не поведет к охлаждению между двумя иерархиями.

17 Мая, 1861 г.²⁸⁰

1 июля. Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с мнением о болгаро-униатском архиепископе Иосифе, изъявившем желание вступить в общение с православною церковью

Князь А. М. Горчаков, в бытность в Москве, от 8 июня, 1861 года, писал митрополиту, что «Государь Император лично сообщил вашему высокопреосвященству о желании найти убежище в России, изъявленном мнимым архиепископом Иосифом²⁸¹, болгаринном, принявшим латинскую веру, торжественно посвященным папою в Риме и отправленным им викарием в Болгарию. Ныне князь Лобанов уведомил меня, по телеграфу, что Иосиф уже отправился в Одессу и предъявил намерение возвратиться в лоно православной церкви. Считая событие весьма важным, так как оно лишает униатскую партию в Константинополе главы своей, я долгом счел сообщить немедленно вашему высокопреосвященству столь утешительную весть. Подробности мне еще неизвестны; по получении обстоятельного донесения князя Лобанова, непременно сообщить вам с одного копию».

В конце записки князя А. М. Горчаков собственноручно приписал: «Сейчас Государь возвратил мне текст телеграммы князя Лобанова. Прилагаю копию для нашего высокопреосвященства; но так как он писан в цифрах, то покорнейше прошу истребить, по прочтении». При записке сохранилась, на французском языке, копия с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского, из Константинополя от 7/19 июня 1861 г. В ней князь А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что архиепископ Иосиф отправился накануне того дня в Одессу, с намерением отречься от католицизма, а потому просил князя Горчакова «рекомендациею его оказать содействие к радушному приему Иосифа духовными властями в Одессе, и к доставлению ему средств существования».

На депеше собственноручно митрополит Филарет написал:

Что бискуп Иосиф направляется в Россию для возвращения в православие, – это доброе знамение. Оно показывает, что для

страждущего на Востоке православия и первое и последнее прибежище – Россия. Жаль, что иные понимают сие не довольно или поздно.

Для суждения о принятия Иосифа в общение православной церкви нужно знать, не присоединяет ли он к своему намерению каких условий, а также и то, как поступал вселенский патриарх с священниками, возвращающимися к нему от латинства?

Единство церкви требует, чтобы Святейший Синод действовал единообразно с святейшим патриархом; но это не всегда удобно, чему примеры видимы.

О болгарском архиепископе Иосифе

I. Иосиф, отпавший от православия в западную унию, рукоположенный в Риме самим папою в архиепископа новоустрояемой болгаро-унитской церкви, явившийся потом в Константинополь, торжественно совершивший литургию, чтобы показать свое звание в действии, и новую церковь в полной организации, вслед за тем видит новое здание около его рассыпающееся, оставляет и сам унию, отдает апостолический брев²⁸² и султанский берат, свидетельствующие о его звании, в руки российского посланника и приходит в Россию. Событие знаменательное. Прозелитизм Борэ²⁸³ и других и непогрешительность папы сим событием поставлены в положение постыжающее.

Папа рукоположил не просто епископа епархии, но архиепископа церковей ожидаемых болгаро-унитских епархий, по желанию и мнению болгар-униатов, даже патриарха (что они и провозгласили в переводе берата). Оказалось, что он благословил призрак.

Кто-то в константинопольском журнале, смотря на событие с латинской точки зрения, говорит, что Иосиф, «патриарх болгар-униатов», «был худой пресвитер и нечестный человек». Если это правда, то добросовестно ли поступили те, которые взяли худого пресвитера и нечестного человека, и сделали из него патриарха болгаро-унитской церкви, чтобы представить народу бездушную личину иерархии, чтоб прельстить и привлечь его? И не они ли, думая очаровать других, приготовили разочарование самим себе? Но если Иосифа избрали, как благочестивого человека, каким его знали болгары до его отпадения, то добросовестно ли чернять его теперь?

Восточный вестник, видно добросовестнее. Он говорит: «Иосиф человек добрый, простой, которого легко обмануть». Это ведет к заключению, что Иосифа обманули, и сделали униатским архиепископом; потом ему растолковали, что он обманут, и он ушел от унии.

Можно надеяться, что предприятие, которое явилось было великолепным, но кончилось смешным образом, осадит несколько рьяность западных пропагандистов, увеличит осторожность тех, которым предстояли опасность, прельщение и увлечение; и таким образом обратится в пользу православия.

II. Прибытие архиепископа Иосифа в Россию приносит с собою вопрос; что с ним делать? Великодушные благочестивейшего Государя Императора положило уже начало разрешению сего вопроса, приняв Иосифа на русский берег, после его нравственного кораблекрушения. Высочайшее покровительство, без сомнения, продолжится.

III. Но предложенный вопрос становится труднее, когда переносится в Российскую церковь.

Депеша посланника, № 114²⁸⁴, показывает, что расстройство болгарской унии началось обескуражением мирян и перешло в клир, что первый открыто пред вселенским патриархом отрекся от унии священник Феодор, что его примеру последовал священник Димитрий, что архимандрит Макарий и другие тайно трудились над разрушением униатской партии; и что, наконец, Иосиф, мучась угрызениями совести, и утомясь зависимостью от латинян, желал бы почетно уединяться в своем прежнем монастыре, но его за отступничество не приняли бы ни монахи, ни народ; к вселенскому патриарху явиться он боялся, в тоже время опасался со стороны латинских миссионеров взыскания денег, на него употребленных; из всех затруднений нашел он себе один исход – удаление в Одессу. О возвращении в православие он не сказал ни слова, ни вселенскому патриарху, ни Святейшему Синоду. Ни правила церковные, ни простое благоразумие не позволяют никакой иерархии принять в церковное общение человека, отпавшего от церкви, потом оставившего неправославную сторону по запутанности обстоятельств и не изъявляющего пред православною церковью, ни раскаяния, ни желания присоединиться к ней.

Желательно думать о лице лучше, нежели говорить дела; но дела архиепископа Иосифа говорят, что если он легко отступил от православия, опять легко оставил латинство, к

православной церкви прибегнуть не спешит, то в чем же можно иметь ручательство, что он не пустится опять в латинство, если, по несчастию, болгаро-унитская партия возникнет и усилится? По теперешнему своему положению, он может сказать униатам, что, по затруднительным обстоятельствам, уклонился из Константинополя только в Россию, а не в Российскую церковь.

Итак, Святейший Синод сколько бы ни расположен был принять архиепископа Иосифа снисходительно и мирно, не может, однако, ничего сделать, доколе архиепископ не обратится к нему с обстоятельным и искренним письменным изложением своих обстоятельств и своего расположения, чтобы несомненно видно было, осуждает ли он свое отпадение от православной церкви, приносит ли в нем свое раскаяние, от всего ли сердца желает воссоединения с православною церковью.

IV. Засим следует вопрос: с какими условиями может быть принят в общение православной церкви архиепископ Иосиф?

Депеша замечает, что вселенский патриарх затруднился бы дать Иосифу какое-либо назначение в церкви, хотя бы и простил его. Это не очень ясно. Какая трудность оставить архиепископа без епархии, чему примеров много? Итак, не то ли затрудняло патриарха, признать ли Иосифа архиепископом, или архимандритом, как он был в православной церкви? В самом деле, есть странность в том, чтобы Иосифа, который, пребывая верным православию, по всей вероятности, умер бы архимандритом, но который чрез измену православию сделался архиепископом, принять обратно в православие и оставить при нем архиепископство, как будто в награду за измену.

По силе 8 правила 1 вселенского собора, по приведенным и принятым в деяниях VII вселенского собора примерам рукоположений: Мелетия, архиепископа антиохийского²⁸⁵, Кирилла иерусалимского²⁸⁶, Анатолия, патриарха александрийского, и проч., Иосиф может быть принят в качестве архиепископа.

Но с сим снисходительным суждением будет ли согласен вселенский патриарх и его великая церковь? Не скажет ли он, что он один имеет право судить и разрешить Иосифа,

принадлежавшего к его ведомству и отпадшего, или, по крайней мере, что сие не должно быть сделано без его согласия? Сие требует предусмотрительного соображения Святейшего Синода, для охранения мира и согласия церквей.

V. Архиепископ Иосиф объявил, между прочим, в Одессе генерал-губернатору²⁸⁷, что священника Феодора, возвратившегося из унии в православие, патриарх помазал миром. Должно ли по сему примеру поступить с архиепископом Иосифом? К сему располагают правило Василия Великого, I и II вселенского соборов. Но приведенные в предыдущей статье правила позволяют обойтись без сего. Святейшему Синоду предлежит рассудить о сем.²⁸⁸

VI. Вот еще соображение, не церковное, но которое, может быть, требует некоторого внимания. Депеша, № 114, говорит, что Иосиф опасался со стороны миссионеров преследования за деньги, которые он от них получил, и не в состоянии был возвратить. Константинопольский журнал говорит, что он получил много великолепных подарков, крестов, митр, пастырских жезлов, мощей, денег; и скрылся как вор. Не может ли случиться, что здесь поспешно будут ему оказаны почести, а потом, по судебному преследованию, потребуют выдачи его?

VII. Кажется, не излишне была бы предосторожность, остановить его в Киеве, доколе обстоятельства его лучше уяснятся. Как примет его в Петербурге Святейший Синод, когда не довольно можно предвидеть, какое должно быть о нем окончательное решение?²⁸⁹

1 июля, 1861 г.

19 августа. Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 25 июля 1861 года

О греко-болгарском деле по сведениям до 25 июля 1861 г.²⁹⁰

I. Другой год ведется греко-болгарское дело, и ведется так, как будто обе стороны стараются запутать оное, а не разрешить. Обзорение встреченных препятствий не покажет ли, куда можно бы от них уклониться, чтобы найти исход?

II. Болгары, чтобы выпросить для себя у патриарха независимую иерархию, начали дело криком против него в церкви во время богослужения. Мятеж и ругательства, конечно, не суть средства для приобретения благорасположения к просьбе, а препятствия тому.

III. Не вселенский патриарх²⁹¹ (предшественник нынешнего) должен был в сем взрыве, не приметного и прежде, народного негодования усмотреть опасность для мира церкви, и немедленно позаботиться о средствах умиротворения, что было тогда более, нежели в последствии, удобно, когда епископ Иларион еще колебался, и восстание не имело церковной опоры. Напротив того, патриарх медлил, и тем дал время восстанию распространиться, усилиться и сформироваться.

IV. Нынешний патриарх²⁹², при вступлении на вселенскую кафедру, нашел дело в неопределенном положении; но мог примечать, что восстание не ослабевает, а усиливается. Самая новость его положения давала ему случай оказать болгарам снисхождение, и примирение не так еще затруднено было, как в последствии; но он предпочел непреклонность.

V. С другой стороны епископ Иларион, хотя приставший уже к непослушным болгарам, но долго оставляемый патриархом без осуждения, по сему самому мог не без надежды обратиться к снисхождению патриарха с смирением и умеренными требованиями; но он также предпочел упорство, и решительно отказался явиться к патриарху, боясь, как он говорил, ссылки: но это едва ли не предлог, так как после оказалось, что патриарх даже лишенного сана Илариона не мог сослать своею властью, а должен был для сего обратиться к Порте, и то не с хорошим успехом.

VI. Не видя пути, болгары бросались на разные распутия. Они хотели, чтобы иностранная дипломатия сделала им независимого патриарха, чтобы магометанское правительство сделало им православного патриарха. Некоторые уклонились в западную унию. Следствие сего было только то, что обличилось упорство воли, без участия благоразумия, и незнание начал православного христианства, которому, впрочем, изменниками сделаться они не хотели.

VII. Между тем епископ Иларион сам себе поставил преграду на пути примирения, опубликовав укорительную грамоту на греческую иерархию.

VIII. Патриарх к медленности и непреклонности присоединил строгость: соборно и невозвратно лишил сана болгарского епископа Илариона, и тем с своей стороны вырыл пропасть и на пути примирения.

IX. Мера сия не принесла пользы, между прочим, потому, что низложенный Иларион некоторое время оставался в Константинополе, и действовал как архиерей, в чем, к общему соблазну, оказывалось бессилие церковной власти.

X. Наконец патриарх решился объявить уступки болгарам, но безуспешно, во-первых, потому, что уступки, которые в первом периоде дела были бы выражением благорасположения патриарха, и потому были бы способны возбудить взаимное расположение болгар, теперь являются выражением слабости непреклонного прежде патриарха; во-вторых, потому, что выражены были обоюдно, так что обещания легко могли быть превращены в отказы; и потому неудивительно, что болгары не оказали доверия сим уступкам.

XI. После низложения Илариона надлежало бы стараться поставить на его место болгарского епископа с примирительным направлением, чему могло споспешествовать то, что и греки, и болгары, миряне, почувствовали вред раздора, их ослабляющего. Не видно, имел ли о сем патриарх сколько-нибудь заботы.

XII. Западно-болгарская уния расстроилась. Но западная пропаганда не унывает, и продолжает действовать. И горсть мирян болгаро-униатов не отчаивается: она думает из

журналиста сделать архиепископа. Но пользуется ли обстоятельствами патриарх? – Не видно.

XIII. Патриарх действует, кажется, во исполнение своих уступок болгарам. Недавно, как пишут из Константинополя, в митрополита преславского (в Шумле) произвел он архимандрита Анфима²⁹³ (бывшего воспитанника московской духовной академии) и в митрополита зворницкого (в Боснии) Дионисия, грека, хорошо знающего по сербски. Кроме сих есть уже из болгар архиереи: филиппопольский, софийский, кестендильский, врачанский, полянинский. Но софийский Дорофей и врачанский Паисий²⁹⁴ худо приняты народом в своих епархиях; преславскому написали из епархии, чтобы он не приезжал, потому что не будет принят: потому и кестендильский и филиппопольский не решаются ехать в свои епархии. Если бы сии архиереи поставлены были на основании предварительного примирительного положения о болгарской иерархии, то, вероятно, по крайней мере, некоторые из них были бы приняты болгарам с удовольствием; но когда они идут от ненавистного болгарам самовластия патриарха, то они сделались болгарам неприятны в самом начале своего служения, и трудно сделать их приятными в последствии.

XIV. 12 июля депутаты болгар представили Аали-паше новые пункты соглашения. В начале своей записки они говорят о «тирании патриарха и притеснениях, которых нельзя описать». Хорошо прокладывают дорогу к примирению.

XV. Патриарх не соглашается принять предлагаемые болгарам пункты. И трудно решиться жаловаться на него за сие. Первый пункт говорит, что болгары имеют право участвовать в избрании патриарха. Пятый пункт говорит, что наименование первого митрополита болгарского не зависит от власти патриаршей. Итак, болгары хотят, чтобы они имели право участвовать в избрании первого лица вселенской церкви, и чтобы первое лицо вселенской церкви и великая церковь не имели права участия в избрании первого лица частной болгарской церкви. Есть ли здесь уважение к патриарху и великой церкви? Есть ли, по крайней мере, взаимная равномерность?

XVI. Третьим пунктом постановляется смешанный совет из шести болгарских митрополитов и шести старейшин, по делам нации, кроме церковных. Четвертым пунктом первому болгарскому митрополиту и его светскому помощнику присвоится право непосредственно обращаться к турецкому правительству. Из сего видно, что болгары хотят отделиться от греков не только в церковном, но и в гражданском отношении. Теперь греки и болгары, под начальством вселенского патриарха, составляют одну силу, так значительную, что она сама собою служит им некоторою защитою против произвола турецкого правительства. Но когда, по предположению болгар, одна сила разделится на две, очевидно, каждая из них будет слабее, и, по всей вероятности, они будут еще более ослаблять одна другую продолжением несогласий. Итак, не для того ли трудятся болгары, чтобы сделаться слабее, и удобнее быть подавленными силою Порты и другими враждебными силами?

XVII. По пятому пункту низложение первого болгарского митрополита, в случае виновности его, должно происходить не иначе, как турецким правительством, по представлению смешанного болгарского совета. Поэтому, если первый митрополит болгарский окажется виновным в ереси, его будет судить и осудит не собор православной церкви, а смешанный болгарский совет и магометанское правительство!

XVIII. По седьмому пункту, когда нужно назначить митрополита в епархию, обитаемую греками и болгарам, то кандидат должен быть назначен из той нации, которая составляет большинство жителей. В Константинополе живут около 15,000 греков и около 50,000 болгар. Итак, по седьмому пункту константинопольский архиерей всегда должен быть из болгар, а не из греков!

XIX. Из сих замечаний нельзя не заключить, что болгарские пункты 12 июля составлены без довольного соображения с существом дела, с обстоятельствами и с церковными правилами.

XX. Есть известие (Москов. Ведом. № 180), что турецкое правительство Илариону и Авксентию назначило содержание. Сим оно выражает неуважение к вселенскому патриарху и

собору, и к их судебному приговору над Иларионом и Авксентием, и ослабляет власть патриарха, а болгарам угождает; но и болгарам от сего не много пользы, потому что Иларион и Авксентий теперь пред законом церковным уже не епископы.

XXI. Что же наконец? Открывается ли путь к разрешению вопроса? Напротив того, до сих пор видно то, что, думая открыть путь, более закрывают его и заграждают.

XXII. Неужели и совсем не можно найти исхода? – Нет, можно, если не слишком непреклонная воля даст более места духу миролюбия и беспристрастному рассуждению.

О сем было уже говорено прежде; но пусть скажется и еще.

В иерархии вселенского патриарха есть митрополит терновский и экзарх всей Болгарии и под ним епископы. Прежде было дело, озаглавленное титулом, а по времени от дела остается только титул. Почему бы вновь не превратить титул в дело? Пусть бы терновский митрополит был действительным, полномочным, экзархом и начальником болгарских епархий. Избрать бы его с согласия болгар; определить бы именно, которые епархии будут ему подписаны; назначить бы в сей епархии епископов, по согласию болгар. То, что сказано в патриарших уступках неопределенно и обоюдно, определить точно, и немедленно исполнить в сих епархиях. Дать свободу болгарскому экзарху и болгарам выбирать архиереев, согласно с шестым пунктом болгарского проекта 12 июля. По совещанию с болгарями сделать нужные дополнительные к сему правила, не противоречащие достоинству патриарха и единству церкви, а также и свободе церквей болгарских, и предохранительные против симонии и других злоупотреблений, и утвердить их непоколебимо при посредстве и содействии турецкого правительства. Для чего умолкли некоторые благорассудительные и благонамеренные голоса, которые иногда слышны были в церковно-народном собрании? Они могли бы обеим несогласным сторонам указать опасность и дать охранительные советы.

Филарет, митрополит московский.

19 Августа, 1861 г. ²⁹⁵

22 августа. О замечаниях вселенского патриарха на пункты болгар, 12 июля, 1861 г.

Представители болгар 12 июля подали Аали-паше прошение следующего содержания: «Вашей светлости не безызвестно, что болгарская нация, составляющая самую верную часть населения, живущего в безопасности и спокойствии под скипетром императорским, и которая считает за честь служить государству, в качестве пастухов и рабов, терпит с давних лет от греческого народа и преимущественно от его патриарха жестокости и угнетения, которых нельзя выразить ни словесно, ни письменно, но которые очевидны, как свет солнца.

Не имея сил переносить далее их бесчисленные злоупотребления и покориться их неприязненным действиям, противным даже религии, как в отношении вопросов светских, так и духовных, наша нация желала совершенно отделиться от духовного управления греческого патриарха; но, не смотря на крики отчаяния, на просьбы и мольбы ее, не смотря на кровавые слезы, пролитые и еще проливаемые ею для освобождения из могучих когтей и дьявольских козней греков, наша нация тем не менее хотела сообразоваться с выраженным вами желанием оставить в настоящее время вопрос об отделении и письменно изложить вам наши права и наши привилегии, а равно и средства спасти нацию от этой чрезмерной духовной и светской тирании и улучшить ее участь. Вследствие этого блюстители народа, пребывающие в Константинополе, осмеливаются с просьбою о благосклонном приеме представить вашей светлости следующие пункты, которые кажутся им сообразными с чувством справедливости императорского правительства и способными удовлетворить потребностям народа.

1) Болгарские подданные высокой Порты, зависящие в религиозном отношении от греческого патриарха, имеют право принимать в избрании патриарха участие, соответственное их численному большинству.

2) Синод, состоявший до настоящего времени из митрополитов греческих, без участия болгарских, будет образован впредь из равного числа членов греческих и болгарских. Этот синод, под председательством патриарха, займется вопросами нашей религии и наших религиозных обрядов.

3) Кроме болгарских митрополитов, которые будут присутствовать в синоде, избрано будет из приматов нашей нации равное число лиц, которые, вместе с ними, образуют смешанный совет, для рассмотрения и решения вопросов и дел болгарской нации, не зависящих от вопросов религиозных.

4) Самый способный из болгарских митрополитов, заседающих в означенном смешанном совете, при содействии одного из приматов нашей нации, нарочно для того избранного, получит право обращаться прямо к правительству по всем важным делам нашей нации. Эти два лица будут иметь постоянное пребывание в Константинополе, в болгарской церкви, и правительство дарует им, по существующим примерам, особую печать болгарской нации.

5) Удаление от должности или наложение этого первого митрополита и его помощника не зависит от власти патриаршей, и может последовать, в случае их виновности, только от правительства и по донесению означенного выше нашего совета.

6) Когда нужно будет назначить в диоцез митрополита, то жители этого диоцеза выберут двух лиц и отправят их в Константинополь; заседающий там совет наш выберет одного из этих кандидатов и предведомит об этом греческого митрополита для утверждения избранного, по правилам религии.

7) Если нужно будет назначить в диоцез митрополита, населенный греками и болгарями, то кандидат должен быть избран из той нации, число жителей которой будет составлять большинство в той местности. Этот кандидат необходимо должен обладать в совершенстве знанием языков греческого и болгарского и, смотря по языку жителей деревень или кварталов, будет употребляем в церквях и школах язык

греческий или болгарский, и никто не будет иметь права противиться такому распоряжению.

8) Если просьбы, содержащиеся в предшествующих пунктах, удостоятся благосклонного приема, то равным образом необходимо, чтобы митрополиты и священники, которым поручаются наши духовные дела, не могли более, как прежде, произвольно облагать налогами бедных людей. Для этого каждому из них назначено будет постоянное содержание, соответственное их значению и утвержденное правительством.

9) Мы просим наконец, чтобы содержащиеся в этих пунктах желания наши были выражены в форме обязательных требований и утверждены государством. Мы возлагаем наше доверие на милосердие императорского правительства.²⁹⁶

На изложенные пункты требований болгар вселенский патриарх дал следующие замечания: «Для того, кто отвергает авторитет, доказательство невозможно.

Узнав об изложенных в семи пунктах требованиях, недавно представленных высокой Порте несколькими болгарскими, мы замечаем в первом пункте, что они признают за основание свою покорность престолу патриарха константинопольского и свою зависимость от этого престола. Между тем прочие шесть пунктов диаметрально противоположны и отвергают власть, признанную в начале. Одно это замечание могло бы избавить нас от всякого ответа; тем не менее, чтобы изложить наше мнение вполне, мы отвечаем следующее:

На первый пункт.

По обычаю, установившемуся с самых отдаленных времен, при каждом избрании патриарха присутствуют значительнейшие приматы безразлично всех православных племен, живущих в пределах империи, а равно и важнейшие члены различных корпораций. В этом числе всегда были многие болгары, которые никогда не опускали случая являться в общем собрании для избрания патриарха.

На второй пункт.

Синод, пребывая с патриархом в Константинополе, принимает в свои члены, никогда не делая различия национальностей, архиепископов вселенского престола,

живущих в различных частях империи. Поэтому во все времена архиепископы всех диоцезов империи присутствовали в синоде, без различия их происхождения, и многие архиепископы происхождения болгарского были не только членами синода, но избирались даже в патриархии вселенские. Тем не менее, принимая в соображение жалобы и требования, выраженные в последнее время некоторыми болгарами, патриархат, по соглашению с императорским правительством, желая устранить всякий повод к недовольству, определил, что в синоде всегда, наследственно, будут заседать два архиепископа болгарские. Это определение изложено в 7-м пункте патриарших концессий.

На пункты 4-й и 5-й.

По праву, существовавшему во все времена и вследствие древних привилегий, дарованных столькими знаменитыми султанами престолу вселенскому, патриарх вселенский признается, вместе с тем, национальным главою всех православных жителей империи; по этому самому, в качестве представителя всех православных общин различных диоцезов, он один имеет право созывать смешанные комиссии из лиц духовных и светских для обсуждения с ними общих и временных вопросов нации, а в случае нужды просить содействия правительства. Что касается до смешанного совета болгар в Константинополе, предлагаемого ими в пунктах III, IV и V, то это была бы новая независимая власть, присвояющая себе права, ей никаким образом не принадлежащие, и разрушающая и привилегии, признаваемые во все времена за патриархатом вселенским – блюсти всех православных подданных империи. С учреждением смешанного болгарского совета в Константинополе болгары будут считать себя совершенно чуждыми патриархату, и все соглашения и сношения с ними будут прерваны. Их независимость от патриархата утвердилась бы самым делом, и административное единство осталось бы только номинальным.

На 6-й пункт.

Этот пункт в противоречии с пунктом третьим, которым определяется, что смешанный совет, составленный из болгарских архиепископов, присутствующих в патриаршем

синоде, и из равного числа присоединенных к ним лиц светских, будет заниматься только вопросами светскими, не вмешиваясь в дела религии. Действительно, в этом пункте, минуя свое светское призвание, они захватывают религиозный вопрос самый существенный, именно – избрание и назначение епископов, вопрос, принадлежащий, по церковным правилам, исключительно патриарху и заседающему с ним синоду. Этот пункт, кроме того, содержит в себе нововведение беспримерное, потому что он дает смешанному совету права патриаршие, поставляя патриарха в зависимость от этого совета и низводя его до роли страдательного орудия, обязанного исполнять веления совета.

На пункт 7-й.

Одним из следствий этого пункта было бы возбуждение большей вражды и взаимной антипатии между православными греками и болгарами, живущими в одном и том же диоцезе; невозможно и несправедливо бы было лишить геронтов или болгар права участия в избрании епископа, назначаемого во епископа общего для обеих наций; отсюда неизбежно возникли бы между ними споры и распри. Если, с другой стороны, предоставить избрание обеим нациям вместе, то получим результат не менее скорбный: мы увидим, что каждая из этих наций будет стараться упрочить избрание кандидата, избранного от ее среды. В том и другом случае если допустить, чтобы епископ избираем был в самой местности, то в смешанных диоцезах неминуемо образуются две враждебные партии, и каждая из них, стараясь одолеть другую, будет прибегать ко всем возможным средствам и в заключение прибегнет к силе физической; история свидетельствует нам, сколько убийств может повлечь за собою подобное соперничество. Страсти и взаимная вражда будут господствовать между христианами, которых глава нашей религии Иисус Христос соединил во единое верование, не смотря на разнообразие и различие племен. Самое правительство подверглось бы постоянным смутам и беспокойствам. Таков был бы результат сего последнего пункта. Предвидя это и желая их спокойствия, церковь, по своему бесконечному снисхождению, определила I-

м и II-м пунктами своих концессий, что право избрания епископов будет принадлежать только христианам диоцезов чисто болгарских». ²⁹⁷

I. На первый пункт Святейший патриарх говорит, что болгары, как и прочие нации православные, всегда участвовали в избрании вселенского патриарха. Следственно болгары просят того, что уже имеют.

Но на что же бы болгарам просить права, которое они уже имеют? Вероятно, сие должно быть объяснено тем, что болгары, при большой численности их нации, к участию в выборе допускаются в самом малом числе лиц; почему их участие оказывается ничтожным.

В таком случае неудовлетворительно то, что патриарх старается только дать требованию болгар вид глупости. Неизлишне было бы войти в соглашение и обеспечить им значительную долю участия в избрании патриарха.

II. На второй пункт, в котором болгары требовали, чтобы шесть болгарских митрополитов заседали в синоде, патриарх также неудовлетворительно отвечает, что в синоде заседают члены из всех епархий.

Известно, что в синоде бессменно заседают 8 митрополитов – геронтов. Следственно для прочих 74 митрополитов и 2 архиепископов остается четыре места в синоде. Много ли из сего достанется болгарским епископам.

Патриарх в своих уступках назначил два места в синоде для болгарских архиереев. Видно, что не бывало в синоде ни одного из них.

И в сем случае неизлишне было бы войти в снисходительное соглашение; и, может быть, помирились бы на четырех членах синода из болгар.

III. Против третьего, четвертого и пятого пунктов, о смешанном болгарском совете, и об отношении его к правительству мимо патриарха, возражение патриарха, по моему мнению, достойно внимания. О сем сказано мною в записке 18 дня сего августа, под числом XVI. ²⁹⁸

IV. Против шестого пункта справедливо замечает патриарх, что он противоречит третьему. Третьим пунктом постановляется

смешанный совет для дел мирских, не касающихся веры, а шестым пунктом поручается смешанному совету дело, касающееся веры, – избрание и окончательное утверждение митрополита, мимо патриарха.

Но строго ли справедливо то, что патриарх признает, неслыханным делом избрание митрополита смешанным советом?

Не сказал ли он выше в сей самой записке, что в избрании патриарха участвуют знатнейшие старейшины разных племен православных? Не есть ли это также временный смешанный совет?

Не без патриарха ли совершается избрание кипрского митрополита?

Итак, можно было бы не утверждать требования болгар, но и не совсем отвергать оное, а войти в совещание и соглашение, как устроить избрание первого митрополита болгарского, дабы благонадежность избрания оказалась для болгар обеспеченною.

V. Против седьмого пункта, о присвоении в смешанных епархиях избрания архиерея нации многочисленнейшей, или грекам и болгарам вместе, патриарх возражает, что это поведет к распрям, и даже к дракам и убийствам.

Но не сказал ли патриарх выше, что в избрании патриарха участвуют разные нации православные, без опасения драк и убийств? Почему же неопасное в Константинополе, опасно в других епархиях?

VI. И мною предложены возражения на пункты 12 июля, в записке 19 дня, под числами XV, XVI, XVII, XVIII, XIX.²⁹⁹ И, по моему мнению, настоять на принятии патриархом всех сих пунктов без изменения было бы несправедливо и вредно. Но я не думал, и теперь не думаю, что было бы хорошо отвергнуть все пункты наотрез, как то делает патриарх, а надлежало бы воспользоваться открывающимся сношением, и, с волею не слишком непреклонною и беспристрастным рассуждением и снисхождением, войти в совещание для достижения мирного решения дела. О сем сказано мною в записке 19 дня, под числом XXII.

VII. Святейшему патриарху приписывают следующие слова: «если бы и все болгары захотели перейти в католицизм, то я лучше бы согласился допустить сие последнее, нежели изменить что-либо в вековых преданиях церкви».

Но его святейшество, думаю, не будет отрицать, что есть предания церкви неизменяемые, и есть подверженные изменению. Укажем на близкий нам пример. Прежде был Всероссийский митрополит, потом патриарх, потом Синод. Восточная церковь одобряла все сие, не находя в сем предосудительного изменения вековых преданий.

В числе вековых преданий было то, что Российский митрополит, частью был в зависимости от константинопольского патриарха, но в Российских епархиях действовал полномочно. Почему же не сделать нечто подобное сему вековому преданию и для болгар?

На что решается святейший патриарх? На то, чтобы он не мог, представ Господу, сказать: «се аз и дети – болгары»; но, чтобы мог сказать только: «се аз и вековые предания на словах, или на бумаге, а дети – болгары удалились на Запад, и я решился потерять их для церкви, чтобы сохранить вековые предания в словах»?

Господи, сохрани православному патриарху возможность речи пред Тобою: «се аз и дети – болгары православные».

22 Августа, 1861, года³⁰⁰

Филарет, митрополит московский.

4 сентября. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу А. П. Толстому, с отзывом о письмах архимандрита Антонина

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Вашему сиятельству известны мои занятия, и, между прочим, та часть их, которая переходит от вас ко мне, и от меня к вам; и потому вы не усомнитесь, что моих сил и времени едва достаёт для необходимого и неотсрочного; и потому менее нужное подвергается замедлению. Посему вы не осудите меня строго за то, что сообщенное мне письмо архимандрита Антонина, и при нем письмо его на имя Святейшего Синода, от 12 мая, прочитаны мною только на сих днях.

О. архимандрит поручает мне решить: представить ли его письмо Святейшему Синоду? Не почитаю себя призванным разрешить сей вопрос.

Но как он в своем письме на имя Святейшего Синода оправдывает свое донесение против сделанных на оное замечаний в записке апреля 2 дня сего 1861 года³⁰¹, то признаю долгом правдолюбия не препятствовать, а споспешествовать тому, чтобы письмо его доведено было до сведения Святейшего Синода; посему при сем оное и препровождаю.

Обстоятельно рассматривать сие письмо, частию не нужно для меня, потому что мысли мои известны Святейшему Синоду из вышеупомянутой записки, частию немалотрудно, а малополезно по неясности и своеобразности воззрений архимандрита на предметы.

Только для того, чтобы сказанное теперь не осталось недоказанным, скажу нечто.

I. О. архимандрит употребляет иногда выражения неясные, неопределенные, частию открывающие, частию закрывающие мысль. Например:

«Сколько держимся, столько и держим в общем составе церковей Господних».

«Но как не желая признать такого положения дел фатальным». Что такое *фатальным*? Что за слепой рок (*fatum*) в церкви?

«От чего мы отрицаемся принадлежащей нам, по нашему независимому положению, *унициативы*».

«Справедливо *канонически*, но вполне ли справедливо *исторически*». Что справедливо *канонически*, или законно: как может то история сделать *несправедливым* и незаконным?

«Горький и обязательный урок нам».

«Другого исхода из правил нет, как только чрез римскую церковь». Что значить *исхода из правил*? Почему дорога эта лежит чрез римскую церковь? Куда же она пойдет, прошедши чрез римскую церковь? Кажется, если выйдешь из правил, то попадешь в беззаконие. Туда ли ведет исход через римскую церковь?

Особенно и логика, и речь неясны в рассуждении о правиле сардикийского собора.

II. Оправдываясь против замечания, что выражение *плата* рукополагаемого патриарху есть порицательное, о. архимандрит не опровергает того, что это действительно есть порицание, но находит невинным порицание потому, что оно не слишком жестоко, и что греческое слово *φιλότιμον*, которое он перевел слово плата, порицательно гораздо более. Вот его слова:

"Слово *плата*, по-гречески *φιλότιμον* (то, что внушается чувством чести, исходит из любочестия), употребленное мною в означении патриаршего побора с новопоставляемых архиереев. Выражение *плата* признается порицательным. Еще порицательнее явилось бы оно, если бы в точности передало смысл греческого, выразивши собой» не нравственный расчет, рукополагающего на честолубие рукополагаемого. Если бы и желалось, трудно приискать одобрительное слово».

Помнит ли о. архимандрит изречение святого Златоуста в слове на пасху: *любочестив бо сый Владыко, φιλότιμος γὰρ ὁ Θεσπότης*?

Слыша сие в церкви, он, конечно, не думал, что Святитель произносит здесь порицание на Господа; конечно старался выразуметь изречение знаменитого учителя в знаменитый день;

конечно или по самому ходу речи, или по справке с греческим текстом, и, если угодно, с лексиконом, выразумел, что здесь слово: *φιλότιμος*, *любочестив*, не значит честолубец, а значит *щедролюбивый, любящий* приходящим к нему оказывать *почесть* щедрыми дарами. Из сего надлежало бы ему заключить, что слово *φιλότιμος* у греков совсем не есть ругательное, а почетное: оно значит, *дар щедрого, или усердствующего, почетный дар*. Вероятно, известно о. архимандриту и то, что греческие архиереи в епархиях, в известные времена, от мирян своей епархии получают *φιλότιμος*, что миряне дают, конечно, не из честолубия, а по обычаю, обратившемуся в закон. Итак, оправдание его не имеет силы, потому что основано на ложном толковании слова *φιλότιμος*.

III. О. архимандрит представляет себя судимым, говорит, что над некоторыми частями его донесений произнесен «наказательный приговор». Приметно, в сем есть жалоба. Посему да будет позволено заметить, что в сей жалобе есть преувеличение. Никто не приговаривал его ни к какому наказанию. Замечания на некоторые статьи донесения его не то, что суд и приговор, подобно как и он свои возражения против замечаний записки 2 апреля, конечно, не назовет судом и приговором. Если же ему непременно угодно найти в сей записке приговор, то он найдет не осудительный, а оправдательный, в следующих словах записки 2 апреля: «нимало не думаю, чтобы архимандрит Антонин склонен был к неправославию».

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, вашего сиятельства, милостивого государя,

Филарет, митрополит московский.

№ 91, 4 Сентября. 1861 г.

Дополнение. Архимандрит Антонин в том, на что сам указал, мог бы найти легкое разрешение вопроса о сардикийском правиле.

Римские послы обличены карфагенскою церковию в том, что подложно называли сардикийское правило правилом никейского вселенского собора.

Если бы они были уверены, что сардикийское правило имеет вселенское достоинство, и обязательно для всех церквей: им не было бы нужды выдавать сардикийское правило за никейское, теснить тем свою совесть, и подвергать себя опасности обличения во лжи. Итак, очевидно, сознавали они, что сардикийское правило не имеет вселенского достоинства и необязательно для всех церквей, и потому прикрыли сей недостаток названием никейского.³⁰²

5 сентября-27 декабря. Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведению от 15 августа, 1861 г.³⁰³, и мнения по делу болгаро-унитского архиепископа Иосифа

I. Дело греко-болгарское продолжает представлять странные виды. Вот является мнение визиря, более полезное для греков и болгар, нежели мнение патриарха и болгар.

Тогда как преувеличенные требования болгар, и так же преувеличенный отказ патриарха ставят дело в неподвижное положение, визирь хочет дать ему, хотя не очень надежное, однако и небезнадежное положение, предлагая смешанную комиссию из греков и болгар³⁰⁴. С надеждою пользы мог бы со стороны греков войти в сию комиссию Карафеодори, благонамеренно и с силою действовавший в церковно-народном собрании.

II. Напротив того, неблагоприятно делу сведение, что влияние Илариона и Авксентия не уменьшается, а возрастает, и что они имеют надежду на покровительство турецкого правительства. Слышно, что оно назначило им содержание. Это менее затрудняло бы, если бы патриарх только отлучил их от общения церковного. При перемене обстоятельств, он мог бы простить их, и примириться с ними. Но теперь, если за них сильно станут болгары, и турецкое правительство: что́ будет делать патриарх, когда он лишил их сана не возвратно? Потому то и было говорено, что, по низложении Илариона, надобно было стараться немедленно поставить на его место иного болгарского епископа, посредничающего и примирительного. Теперь это труднее. Однако не попадет ли на сей путь смешанная комиссия?

5 Сентября, 1861 г.³⁰⁵

О болгарском епископе Иосифе Сокольском, по сведениям из Киева

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, при отношении, от 27 октября, 1861 года, препроводил к митрополиту Филарету копию с отзыва митрополита киевского³⁰⁶ об архиепископе Сокольском, в коей было изложено: «Получив известие о стараниях католической пропаганды убедить проживающего в киево-печерской лавре архиепископа Иосифа присоединиться снова к католической вере, он обращал на это дело особенное внимание, и, на основании верного дознания, чрез наместника лавры, архимандрита Иоанна³⁰⁷, убедился, что польские агенты римской пропаганды доселе еще не смели или не находили никакой возможности обращаться к преосвященному Иосифу Сокольскому с своими обольстительными убеждениями принять снова унию. Сам преосвященный, по образу мыслей своих, в настоящее время слишком далек от того, чтобы мог скольконибудь склоняться на подобные убеждения. Напротив, по донесению наместника лавры, он кажется глубоко теперь убежденным, что уния с Римом была бы губительна для соплеменного ему народа болгарского и свою преданность к православию готов, если бы потребовали того обстоятельства, засвидетельствовать своею кровию: «мне треба теперь», не раз говорил преосвященный Иосиф, «да пролию кровь мою за православие». Кроме того, он вновь подтвердил наместнику лавры, чтобы он сам непосредственно и при посредстве состоящих в его ведении и поставленных в ближайшее отношение к преосвященному Иосифу трех других благонадежных лиц имел строгое и внимательное наблюдение за всеми сношениями преосвященного с сторонними лицами, и, если бы в сих сношениях, паче чаяния, оказалось что-либо сомнительное и неблагонамеренное в отношении к православной церкви, доносил ему о том немедленно».

I. Известие, что епископ Иосиф не вошел и не расположен войти в сношение с агентами римской пропаганды,

успокоительно.

II. Требуем рассмотрения другое известие, что митрополит киевский уже принял его в общение церковное и дважды совершал вместе с ним божественную литургию.

Если бы латинский священник просил митрополита киевского о присоединении к православной церкви, с сохранением священства: митрополит, конечно, нашел, бы себя не в праве присоединить его без разрешения Святейшего Синода. Тем паче не имел он права присоединить к православной церкви епископа. Сие требовало соборного суждения, при чем и Святейшему Синоду подлежали бы довольно трудные соображения, как изъяснено в записке 1 июля сего 1861 года.³⁰⁸

III. Впрочем, ошибка митрополита киевского может почесться счастливою для дела. Святейший Синод, по обстоятельствам, изложенным в указанной записке, вероятно затруднился бы вскоре принять епископа Иосифа в церковное общение, а это могло привести в сомнение и колебание Иосифа, и сделать неблагоприятное впечатление на болгар.

Теперь Иосиф успокоен принятием его в общение православной церкви: и если случится, что на сие будет жаловаться вселенский патриарх, жалоба сия падет на одного архиерея и оставит неприкосновенным Святейший Синод.

IV. По новейшему частному известию дело улучшается еще тем, что Иосиф подписал в Киеве акт, которым отрицается от унии, признает свою погрешность, просит прощения у патриарха и исповедует православие в удовлетворительных выражениях.

V. В сих обстоятельствах представляется делом осторожности то, чтобы Иосиф оставался до времени в киевской лавре, в покое, с обеспечением в потребности, а Святейший Синод не спешил бы произнести о нем окончательное решение.

Неизлишне потребовать папскую грамоту, чтобы документально знать, во что рукоположен Иосиф.³⁰⁹

2 Ноября, 1861 г. Ноября 3.

«О сведениях из Константинополя, по письму архимандрита Антонина, от 7 октября 1861 г.»

Конфиденциально.

I. Письмо архимандрита Антонина представляет печальный вид внутреннего состояния константинопольской патриархии. Но это известно и другими путями. Особенного внимания российской иерархии требует разговор архимандрита Антонина с святейшим патриархом 22-го сентября. Он возбуждает заботу о сохранении мира Российской церкви с Греческою.

II. Патриарх думает, что болгарское движение есть дело не многих лиц, и что неизбежный исход его есть возвращение к прежнему порядку.

Трудно понять, как может он держаться сего мнения. Например: рукоположенный им архиерей приходит к епархиальному городу, и, зная, что его не примут, подарками испрашивает от турецкого начальства военный конвой; не смотря на то, находит архиерейский дом запертым, и входит в него турецкою же силою; никто из народа не хочет принять от него благословения, даже тогда, когда к сему побуждает турецкое начальство. Есть ли это действие не многих лиц? И дорога ли это к прежнему порядку?

III. От сего предмета патриарх в разговоре переходит к вопросу, строго ли в разговоре наблюдается крещение чрез погружение? И далее замечает, что нынешний митрополит Сербии³¹⁰, получивший образование в Киеве; попускающий обливательное крещение, может быть, видел примеры сего в России; что он, патриарх, слышал о двукратном, в один день, служении при литургии одного и того же диакона в России; также о неслужении литургии участвовавшими в рукоположении архиерея архиереями, кроме первенствующего. Его святейшество признает это отступлением от уставов церкви.

Что значит этот переход от болгарского дела к обличению Российской церкви? Не то ли, что святейший патриарх втайне винит Российскую церковь в сочувствии болгарам; и потому

недоволен ею; и потому ищет указать в ней какую-нибудь темную сторону?

Печально и удивительно! В то самое время, когда пред глазами святейшего патриарха расстройство единства собственной его церкви, он простирает испытующие взоры на церковь Российскую и изыскивает предметы, которые могли бы произвести расстройство единства Греческой и Российской церквей.

IV. Но что же архимандрит Антонин ничего не сказал в оправдание Российской церкви?

Например, ему легко было сказать, что уставам церкви было противно двукратное, в один день, причащение святых тайн; но сего диаконы России не делают, а приобщаются только при одной литургии, а при другой только читают, по нужде, ектении. Но святейший, конечно, не почтет грехом, если один причетник читает и поет в один день сперва при ранней, а потом при поздней литургии. Не более греха и в чтении ектении одним лицом при ранней и поздней литургиях.

V. Преимущественного внимания Святейшего Синода требует отзыв патриарха, что признание болгарского архиепископа Иосифа в России архиереем поведет к соблазну на Востоке, и что у них рукоположенный латинским архиереем иеродиакон рукоположен вновь, и при том только в уважение особенных обстоятельств.

Хорошо, что Святейший Синод не поспешил признать Иосифа, а вошел с ним в общение один киевский митрополит, что не должно пасть на ответственность Российской церкви вообще.

VI. Но при сем нужно принять в соображение, что пред сим были из Константинополя сведения о возвратившихся из болгарской унии священнослужителях, что они приняты снисходительнее, нежели как отозвался патриарх в разговоре с архимандритом Антонином. Нужно Святейшему Синоду приобрести о сем верные и точные сведения, для соображения с делом о Иосифе.

VII. Все, здесь изложенное, показывает, что Российской иерархии потребна великая осторожность и проницательная

предусмотрительность в отношении к иерархии Константинопольской, и именно, к нынешнему вселенскому патриарху, весьма своеобразно и исключительно мудроствующему.

25 Ноября, 1861 г.³¹¹

Конфиденциально.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Отношением, от 6 ноября (№ 6261³¹²), ваше сиятельство требовали моего мнения о прошении к Святейшему Синоду болгарского архиепископа Иосифа.

Мнение сие ваше сиятельство могли уже усмотреть в двух записках моих о архиепископе Иосифе и в записке моей 25 ноября, под числами V, VI и VII.

Впрочем, обращаюсь к прошению.

Архиепископ изъясняет свое искреннее раскаяние о своем тяжком падении и пламеннейшее желание быть паки в преискреннем общении с единою святою православною церковию.

Он глубоко и всецело осуждает свое несчастное отпадение от православной церкви и приносит в нем пред Святейшим Синодом чистосердечное и слезное раскаяние.

Он говорит, что никогда не признавал папы главою церкви и своим, а искал только самостоятельности болгарской церкви и ее независимости от патриарха константинопольского.

Трудно представить, как он мог получить от папы рукоположение, не признав его главою церкви. Он просит, чтобы Святейший Синод, от Бога данной благодатию и властью, изрек ему прощение и разрешение от всякого отлучения.

Он объясняет, что не мог явиться к вселенскому патриарху, чтобы не подвергнуть опасности своей жизни, или, по крайней мере, свободы, и теперь не может, чтобы не быть невольною виною новых волнений народных; и потому просит Святейший Синод исходатайствовать ему прощение от святейшего патриарха.

Между прочим, он изъясняет опасение, что, в случае возвращения его теперь в Турцию, западная пропаганда может

схватить его, держать в плену и действовать его именем ко вреду православия.

Первый в сем деле вопрос есть следующий: может ли Иосиф, при принятии его в православную церковь, признан быть архиепископом и по какому чиноположению должен быть принят?

Ответ мой на сие находится в записке об архиепископе Иосифе, от 1 июля, под числами IV и V³¹³ и в записке 25 ноября под числами V и VI.

Затруднение сего первого вопроса зависит от второго вопроса: можно ли, и как, приобрести Иосифу прощение от вселенского патриарха и его согласие, чтобы Иосиф снисходительно принят был в общение Российской церкви?

Разрешение сего вопроса, по сведениям указанным выше, трудно и небессомнительно. Надобно, чтобы святейший патриарх отступил от своего строгого суждения о Иосифе, которое выразил архимандриту Антонину, и чтобы согласился оставить Иосифа без преследования, как своего подчиненного, вышедшего из повиновения. Для сего надобно много снисхождения со стороны святейшего патриарха, тогда как, напротив, он оказывал в деле болгар много непреклонности. Если бы Святейший Синод написал о сем к вселенскому патриарху, и получил отказ: дело пришло бы в неразрешимое положение и обнаружило бы важное нарушение согласия церквей, не без опасности дальнейшего вреда.

Если бы российское в Константинополе посольство было в совершенно желаемых отношениях с вселенским патриархом: оно могло бы оказать сему делу помощь доверенным словесным представлением патриарху, позволит ли он Святейшему Синоду ходатайствовать пред ним о прощении Иосифу. Такая почтительная скромность Святейшего Синода не только не угрожала бы раздором, но и располагала бы патриарха к дружелюбному снисходительному ответу.

Если сие неудобно: нельзя ли поручить архимандриту Антонину смиренно довести до сведения вселенского патриарха, что российское духовенство находит полезным для православной церкви, чтобы Иосифу оказано было

снисхождение, и что Святейший Синод решился бы ходатайствовать пред патриархом о прощении Иосифу, если бы имел надежду благосклонного принятия сего ходатайства. По ответу на сие патриарха можно бы легко судить дальнейший ход дела.

Между тем нужно приобрести достоверное сведение, кто из отпавших в унию членов константинопольского духовенства возвратились в православную церковь, с сохранением церковных степеней, и по какому чиноположению были приняты.

Архиепископа Иосифа неизлишне уведомить, что Святейший Синод благосклонно приемлет его прошение, и если не тотчас разрешает оное, то для того, чтобы сие произошло с сохранением мирных отношений к вселенскому патриарху.

Письмо митрополита киевского и прошение архиепископа Иосифа при сем возвращаются.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя,

Филарет, митрополит московский.

27 Декабря, 1861 года³¹⁴

1862 г.

1861–9 декабря–1862 г.–16 мая. Записки митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям от 8 ноября и 13 декабря, 1861г., 3 и 31 января, 26 февраля, 3 и 6 марта и 17 апреля, 1862 г.

О возвращении адрианопольских болгаро-униатов в православие³¹⁵

I. Епитроп униатской, в Андрианополе, церкви, болгарин Константин Кару-Кафа обещает убедить своих единомышленников присоединиться к православию, если заплатят долги униатской церкви, и если дадут ему 40 тысяч пиастров, взамен издержек его в пользу унии.

II. Предлагаемая продажа 50 человек униатов адрианопольских и 40 семей сельских, за уплату униатских долгов и, сверх того, за 40 тысяч пиастров, по рассуждению церковному незаконна, а по хозяйственному – дорога и ненадежна.

III. Изменивший православию заслуживает ли доверие, когда обещает возвратиться в православие, только под условием корыстным?

IV. Кару-Кафа сначала обещал вернуть в православие униатов, кажется, только под условием уплаты долгов. Потом прервал переговоры, конечно, по действию Цанкова. Наконец, возобновил их, но возвысил цену, и потребовал еще себе 40 тысяч пиастров. Чем удостовериться можно, что нарушивший свое первое слово, не нарушит второго?

V. Латинская пропаганда не без труда и не без денег приобрела болгар в унию. Будет ли она равнодушно смотреть на причиняемый ей урон и допустит ли Кару-Кафу отвлечь болгар от унии?

VI. Кару-Кафа один обещает воссоединение. Неизвестно, есть ли другие, расположенные к сему? Допустят ли они убедить себя и все ли? Если не все, то останется корень зла, который может вновь дать и умножить отрасли.

VII. Униаты, возвращаясь в православие, конечно, должны вступать, по-прежнему, в ведомство митрополита Кирилла, на грабительство которого подана консулу жалоба, и который с освященным собором, в облачениях, с кадилами, встречали турецкого пашу. Можно ли надеяться, что возвращаемые из унии будут прочны в послушании такому начальству?

VIII. Такова темная сторона дела. Кто может, да откроет светлую, да получит православная церковь истинную радость и необманчивую надежду.

9 Декабря, 1861 г.³¹⁶

О греко-болгарском деле по сведениям, от 13 декабря, 1861 г., и 3 января 1862 г.³¹⁷

I. Как много прискорбных сведений в короткое время, и это только частица нестроений в константинопольском патриархате.

Софийский митрополит Дорофей³¹⁸ не приемлется болгарами. '

Он вяжет протоиерея, и опозоривает острижением бороды.

За сие народ восстает против митрополита, нападает на дом его, и происходит кровопролитие.

Народ изъявляет намерение выселиться, если митрополит останется.

Высшее начальство высылает его в Адрианополь.

Дело митрополита подвергается рассмотрению турецкого сановника.

На демотикского митрополита Мелетия поступили многочисленные жалобы поселян, особенно за денежные притеснения.³¹⁹

Ему предлагают подать с епархии во 100 т. пиастров; он говорит: мало, хотя имеет сверх сего около 20 т.

Литтический епископ Игнатий генерал-губернатором предан суду патриарха за насильственный поступок; и находится в Адрианополе, вероятно потому, что не мог быть оставлен в своей епархии.

Константинопольские газеты считают в адрианопольском крае около 8 тысяч признавших главенство папы. Может быть, это не точно; впрочем, известно, что в селении Геникиой почти все 140 домов пред турецкою комиссиею объявили себя римско-католиками.

Как расширилась бы, до какой степени более омрачилась бы сия темная картина, если бы подобным образом соединить все неблагоприятные для православной церкви события в патриархате, в продолжение прошедшего года!

Светлою точкою было возвращение к православию архиепископа Иосифа и некоторых других, отпадших в унию. Но

до сих пор не видно, чтобы свет сей распространился, и чтобы остановлено было распространение мрака.

II. Что же делать? Было время, когда можно было предлагать некоторые мысли к исправлению дела, не слишком испорченного; но когда время возможного исправления частью потеряно в бездействии, частью употреблено на то, чтобы (конечно, без намерения) более затруднить дело, тогда, естественно, средства изнемогают перед препятствиями, и надежды пред опасениями.

Сколько мне известно, Святейший Синод в грамоте к святейшему Иоакиму сказал скромное слово в пользу снисхождения к болгарам; и сие не произвело никакого действия, и патриарх не сделал на сие никакого отзыва. Возобновить это – значило бы ударять, вместо двери, в стену, и, может быть, причинить боль себе, то есть, встретить немирный прием со стороны патриарха, что более или менее повредило бы миру церквей.

Однако, поскольку при опасном страдании одного члена тела Христова, другой не должен оставаться совершенно равнодушным, а должен сострадать, и всемерно споспешествовать облегчению страданий оного, то нельзя оставить без всякого разрешения вопрос: что же делать?

Можно примечать, что патриарх вселенский страдает односторонностию воззрения на положение своих дел; не довольно видит опасность; преувеличивает надежду.

Посему, может быть, не бесполезно было бы, подобно тому, как сделано в предыдущей статье сей записки, собрать и соединить в одно обозрение важнейшие имеющиеся сведения о неблагоприятном и небезопасном положении церкви константинопольского патриарха, без обличительных рассуждений, но при том указать на угрожающие последствия. Например: возвращением Иосифа в православие уния казалась убитою; но она живет, и действует и угрожает распространением. Иларион, с двумя другими архиереями, лишен сана; но он продолжает признавать себя архиереем и рукополагает; и болгары признают его таким, а турецкое правительство не противодействует сему, а благоприятствует.

Из сего может произойти раскол, и не благословенная болгарская иерархия может продолжиться и распространиться, и болгары решительно и окончательно отступят от патриаршего ведомства. Может быть, вид опасностей возбудит в святейшем патриархе желание искать исхода не тем путем, который предпочитал он доныне. Для сего присоединить к записке нечто подобное тому, что сказано в записке 19 августа, под числом XXII.³²⁰ В заключение можно было бы сказать, что Российская церковь приемлет искреннее скорбное участие в затруднениях церкви вселенского патриарха, и если Святейший Синод не обращается к вселенскому патриарху с словом скорби и заботы, то, конечно, по благоговению к престолу его.

Такого содержания записку мог бы получить архимандрит Антонин по неофициальному сношению, и сделал бы опыт также неофициально довести оную до сведения вселенского патриарха, или непосредственно или чрез посредство, например, секретаря синода, диакона Ласкариса.

Господь же да возглаголет в сердце святейшего патриарха благое и полезное для церкви Своей.

4 Февраля, 1862 г.³²¹

Филарет, митрополит московский.

О проекте митрополита Кирилла³²² для умиротворения болгар³²³

I. Проект состоит в том, чтобы епархии патриархата разделены были на четыре разряда: греческие, смешанные, восточные и чисто болгарские, и чтобы каждый разряд имел при патриархе свое правление, из трех митрополитов, по очереди, которые бы вместе с тем были бы членами находящегося в Константинополе постоянного святейшего синода.

Это значит, что сей синод, по сему проекту должен получить новое устройство.

II. Но известно, что бывшее в Константинополе церковно-народное собрание начертало акт устройства синода, назначило каждому члену двухлетний срок, составило разчисление для очереди присутствования всех архиереев в синоде; и сие постановление подписано членами собрания, и в числе их вселенским патриархом, предшественником нынешнего.

Приметно, что нынешний патриарх не желал привести сие постановление в исполнение; но обстоятельства привели к тому, что оно, по сведениям из Константинополя, начинает исполняться, вероятно, по настоянию турецкого правительства.

Проект митрополита Кирилла не показывает, на чем он мог бы основать надежду, что постановление, столь значительным собранием утвержденное и вступающее ныне в законную силу, он может опровергнуть, и на его место постановить свой проект?

III. Предполагаемое рассечение синода на четыре правления, усложняя организацию управления, может, вместо облегчения, затруднить движение дел.

IV. Проект хочет, чтобы члены четырех правлений были «инспекторами и управляющими своего разряда».

Это, кажется, восстановление геронтов, эфоров, которых злоупотребления обличало, и которых потому совсем уничтожило церковно-народное собрание.

V. Проект требует, чтобы еще были 15 светских членов с логофетом, которые бы составляли то отдельные, то

совокупные, с членами синода, заседания.

Но церковно-народным собранием устроен уже смешанный совет, который, по сведениям, также приводится в действие.

Неужели и это испровергнет митрополит Кирилл своим проектом?

VI. Проект хочет, чтобы на упразднившуюся болгарскую кафедру избираем был, по жребию, один из двух кандидатов, – представленный болгарам и предложенный синодом.

Синод, верно, предложит грека; и, если на него падет жребий, болгары подвергнутся тому, от чего так сильно желают избавиться.

Согласятся ли на такой проект болгары и поведет ли это к миру?

VII. Еще менее может удовлетворить болгар предполагаемый митрополитом Кириллом выбор архиерея, для смешанных епархий, что они уже и высказали.

VIII. Вообще не видно, какую бы гарантию представлял проект митрополита Кирилла болгарам, в пользу их национального духовенства, против произвола патриарха.

II. Не в первый раз да будет сказано, что едва ли найдется более удобный для умиротворения болгар способ, как тот, чтобы дать епархиям смешанным и чисто болгарским епархиям митрополита, заседающего в синоде, рукополагаемого патриархом и рукополагающего архиереев болгарских по епархиальному или областному избранию.

19 Марта, 1862 года³²⁴

О болгарском деле по сведениям от 10 и 26 февраля, 3 и 6 марта

I. Святейший патриарх обещает уступки болгарам. Готовится смешанная комиссия для их дела. И, к сожалению и удивлению, оно не хочет допустить в сию комиссию Парфения, епископа полянинского³²⁵, тогда как, по имеющимся о сем епископе сведениям, надлежало бы принять его с удовольствием и с надеждою.

Российский посланник³²⁶ справедливо представлял патриарху, что епископ Парфений оказал важные услуги православию, возвратив православной церкви Кукушан, которые при его предшественнике отпали в западную унию. Есть достойные веры сведения, что он ревностно охранял православие в своей епархии, что от обыкновенных доходов, принадлежащих его кафедре, он предоставил себе только третью или четвертую часть, а прочее обратил в пользу епархии, в помощь церквам, училищам, бедным; что, по сему случаю, соседние епархии требовали подобного от своих епископов; что сии обратили это в обвинение против Парфения, как будто возмущающего их епархии, и что фессалоникский митрополит, по сему обвинению, держал Парфения в тюрьме несколько месяцев. Неизвестно, кончилось ли сие дело, и чем.

II. Фессалоникский митрополит донес патриарху, что епископ Парфений ушел из Фессалоники в Константинополь, и будто он готов присоединиться к Западной церкви. Из вышесказанного должно заключить, как показал в последствии и сам Парфений, что он ушел от гибели в руках неправосудия искать правосудия у патриарха. Поведением своим в Константинополе Парфений опроверг клевету. Не смотря на то, патриарх почитает его виновным в восстании против духовной власти, кажется, за то одно, что в крайности, без позволения приехал в Константинополь, и, как виноватого, изгоняет его из Константинополя, только по ходатайству посланника сокращая срок сего изгнания. При виде сего нельзя не пожалеть и о Парфении, и о патриархе, по положению болгарского дела.

III. Желательно, чтобы посланник продолжил свое старание удостоверить патриарха, что епископ Парфений не только не виноват и не заслуживает наказания, но что он достоин особенного внимания и покровительства, что он нужен, и может быть полезен, и что принятие его в комиссию о болгарском деле есть находка.

Не в первый уже раз представляется мысль, нельзя ли, на место Илариона, который был орудием раздора, поставить Парфения, и сделать из него орудие мира?

28–29 Марта, 1862 года³²⁷

О катихизисе, изготовляемом католическою пропагандою для распространения между болгарами

Обер-прокурор Святейшего Синода, А. П. Ахматов, при отношении, от 20 апреля, 1862 года, за № 2310, препроводил на заключение митрополита Филарета «доставленный из Константинополя отрывок недопечатанного катихизиса, который католическая пропаганда намеревается распространить между болгарами».

От 20 дня прошедшего апреля (№ 2310), препровожден ко мне доставленный из Константинополя отрывок недопечатанного еще катихизиса, который стараниями католической пропаганды изготовляется для распространения между болгарами, и присовокуплено, что пропаганда не перестает отправлять новых униатских священников в разные места Болгарии и намеревается строить многочисленные церкви и заводить школы в тех городах и селениях, где есть хотя малое число униатов.

Сведения сии болезненны; но не представляется способа употребить врачевство.

Незнакомое болгарское наречие не позволяет мне достаточно выразить все, что содержится в сообщенном отрывке; впрочем, видны лжетолкования, которые удобно было опровергнуть, но трудно найти для сего лицо, знакомое с болгарским наречием.

Действительное врачевство против зла надлежало бы найти в том, чтобы православные болгары умили свои требования от константинопольской иерархии, и чтобы сия умила свою непреклонность против их требований, чтобы они получили свою иерархию, довольно свободную, но не совсем независимую и неотторженную от вселенского патриарха.

Возвращаю отрывок.³²⁸

8 Мая, 1862 года.

О латино-болгарской унии, по сведению³²⁹ от 17 апреля 1862 года

I. Латинская пропаганда умеет ловить рыбу в мутной воде. Видит, что болгары в разногласии с греческою иерархией, и пользуется случаем похищать овец, не охраняемых пастырями. Знает, что в Европе опасаются единения словенских племен с Россиею; видит расположение к переселению в Россию, и сим пользуется, чтобы привлечь к своим видам турецкое и некоторые другие правительства, потому что, отвлекая болгар от православия, с тем вместе она отвлекает их от России.

А что делается на противоположной стороне? Малотерновские православные болгары вопиют к адрианопольскому митрополиту Кириллу, что агенты унии распространяют в народе вредные толки, что они насильственно овладели домом училища, и так же хотят овладеть церковью, и просят защиты и наставления на случай, если Православная церковь оскорблена будет латинским в ней служением. Митрополит не скрывает своего опасения лишиться всей своей паствы; но остается в бездействии, не обращая ни к турецким властям с просьбою о защите, ни к своей пастве с словом наставления и подкрепления.

II. С сими сведениями нельзя не признать сообразным высказанного вместе с тем мнения (которое и здесь не раз высказываемо было), что единственное в настоящее время средство остановить успехи унии было бы скорейшее разрешение церковно-болгарского вопроса в патриархии, в смысле более благоприятном для церковной народности.

Желательно, чтобы нашелся человек, от которого вселенский патриарх мог бы без предубеждения и с доверием выслушать изъявленное адрианопольским митрополитом опасение, дабы внимательно размыслить, не приближается ли необходимость выбрать одно из двух: или дать болгарам национальную иерархию с меньшею, нежели прежде, зависимою от патриаршего престола, но с сохранением единства церковного; или, напротив, оставить греческих в

Болгарии архиереев без паствы и утратить болгарскую паству для них, для себя и для православной церкви.

А тем болгарам, которые более заняты идеею национальности, нежели идеею православия, всячески нужно внушать, что, входя в унию, они не только утрачивают чисто православную веру, но и драгоценное для них единство национальное, и свою силу сами разрушают.

В Коломне.³³⁰

15–16 Мая, 1862 г.

24 мая. Мнение митрополита Филарета по поводу избрания смешанной комиссии по греко-болгарскому вопросу

Согласно желанию князя А. М. Гончарова, обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, при отношении, от 10 февраля 1862 года, за № 743, препроводил к митрополиту Филарету копии с донесений русского посланника в Турции: 1) от 20 января—1 февраля, за № 9, по болгарскому делу, и 2) от 23 января—4 февраля, за № 14, о церковных делах в Константинополе.

На отношении графа А. П. Толстого митрополит Филарет карандашом написал: *«Мая 24. Не ответствовано; потому что надобно только принять к сведению, и ожидать, что будет»*. Содержание депеш князя А. Б. Лобанова-Ростовского не приводится здесь, в виду того, что сущность их видна из нижеследующего мнения митрополита Филарета.

В депеше г. посланника, от 20 января (№ 9), заключается сведение, что по делу греко-болгарскому назначается смешанная комиссия из греков и болгар. Тоже говорится в письме г. Филаретова³³¹, от 4 апреля, и присовокуплено, что члены комиссии уже назначены. Итак, в 3 месяца совершенно только назначение членов. Итак, не спешат. Не спешат поправлять дело, которое испорчено особенно медленностью.

Желательно, чтобы российское министерство иностранных дел получило сведение о назначенных членах, и о начавшемся движении дела. Может быть министерство усмотрело бы надобность и возможность дать совет к успеху комиссии, что будет поздно, если комиссия кончится ничем, и с трудом наведенный над пропастью мост провалится.

Сведения консула³³² в Адрианополе, от 17 января, что поборы, которыми димотикский митрополит Мелетий обременяет народ и подчиненных, турецкий генерал-губернатор³³³ принужден был приказать частию уменьшить, частию уничтожить (какое унижение иерархии и веры в глазах магометан!); что митрополит Софии Дорофей подозревается в

тайных сношениях с латинскою пропагандою³³⁴; что Паисий врачанский³³⁵ насильственно вошел в епископский дом, и от того произошел мятеж и кровопролитие, и многие сведения подобного рода не было ли бы полезно соединить в одно изображение состояния болгарских епархий, и довести до сведения вселенского патриарха, не в виде обличения и осуждения, но в виде верного представления совершающихся событий, дабы расположить его к внимательному рассуждению о том, можно ли надеяться утишить болгарское движение посредством существующей греческой иерархии, и не нужно ли значительными и определительными уступками болгарам прекратить неурейства и предотвратить разрушение и отпадение от православия.

24 Мая, 1862 г.³³⁶

28–29 мая. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с мнением, о греко-болгарской комиссии, по сведению от 8 мая

Обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Ахматов, при отношении, от 22 мая, 1862 года, за № 3052, согласно желанию князя А. М. Горчакова, препроводил к митрополиту Филарету копию с депеши русского посланника в Турции, от 8 –20 мая, 1862 г., за № 67, с приложением «разборчивее переписанного» перевода депеши на русский язык.

В переводе с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского изложено: «Несколько недель уже прошло со времени последних сообщений моих нашему сиятельству о ходе болгарского дела, но и теперь еще я не могу сказать императорскому министерству, чтобы переговоры по сему вопросу получили правильное направление.

Пререкания между патриархом и смешанным советом замедлили назначение уполномоченных, долженствующих заседать от лица великой церкви в греко-болгарской комиссии. Таковыми уполномоченными будут: митрополиты Арты и Лариссы, Муссурус, чиновник Порты и брат турецкого посла в Лондоне³³⁷, Адоссидис и Карафеодорис³³⁸. С своей стороны болгары возобновили прежнее избрание: епископа Парфения, Чомакова³³⁹, Бурмова, Цветко и Славчевича.

Нет возможности предсказать, чем кончится эта попытка соглашения. Предшествовавшие обстоятельства, основанные на расчете, медлительность патриарха, его известное упорство и надежда на успокоение взволнованных народностию болгар, не обещают серьезных уступок от его святейшества. Впрочем, лица, избранные великою церковью, за исключением, может быть, Муссуруса, принадлежат к наименее закоснелым в предрассудках греческого племени. Митрополит артский³⁴⁰, в особенности, всегда выражал по болгарскому вопросу самые правильные суждения; но каковы бы ни были личные мнения, они необходимо будут подчинены намерениям патриарха и

синода; можно предсказать, что соглашение, могущее вполне удовлетворить болгар, встретить живое сопротивление со стороны греческого духовенства, в глазах которого канонические доводы будут уступать в этом случае соображением, происходящим из чисто материальных расчетов.

Однако же сколько болгары в настоящую минуту расположены отказаться от мысли о совершенно независимой иерархии и признать по догмату и подчинению главенство или верховную власть константинопольского патриарха, столько же стоят они за достижение известного ручательства или гарантии для их церковного управления. Я недавно имел об этом разговор с епископом Парфением. На вопрос мой, в чем будут состоять решительные требования его соотечественников в комиссии, он отвечал мне, что окончательное решение еще не принято, и что ожидают Чомакова, которому написано о скорейшем возвращении в Константинополь. По мнению же преосвященного Парфения, болгары признают верховную власть патриарха и согласятся на уплату половины долга патриархата на следующих условиях: 1) чтобы народу предоставлено было избрание епископов; 2) чтобы синод постоянно состоял из 6 митрополитов греческих епархий и такого же числа митрополитов от епархий болгарских, и 3) чтобы в Константинополе учрежден был, под председательством патриарха, а за него – одного из митрополитов болгарских, болгарский совет, на половину из духовных и светских лиц, с теми же правами относительно болгарских епархий, какие предоставлены смешанному совету греческому относительно греческих епархий, – совершенно отдельный от сего последнего.

Преосвященный Парфений принимает эти условия за *минимум* уступок, возможных для его соотечественников. Принятие этой программы повело бы к изменению некоторых частей церковного устава, недавно утвержденного Портою; он однако же думает, основываясь на нескольких благосклонных словах Аали-паши, сказанных болгарским старшинам, что турецкое правительство не нашло бы к тому препятствия, лишь

бы удалось одолеть затруднения, предстоящие от греческого духовенства всякому благоразумному соглашению.

О греко-болгарской комиссии, по сведению от 8 мая, 1862 года.

I. Из лиц, назначенных в составе греко-болгарской примирительной комиссии, митрополит артский и Карафеодорис несколько известны по бывшему церковно-народному совету и епископ Парфений (обучавшийся в московской духовной академии) по действованию его в епархии. От сих можно ожидать мнений рассудительных, умеренных и примирительных. Но это меньшинство против других неизвестных. Надобно согласиться с г. посланником, что нет возможности предсказать исход сей попытки соглашения. Необычайная непреклонность вселенского патриарха особенно не располагает к тому, чтобы предсказывать желаемое.

II. Горько слышать, что греческое духовенство пристальнее смотрит на материальные расчеты, нежели на канонические доводы. Великую услугу церкви оказал бы тот, кто помог бы сему духовенству понять, что нет пользы крепко держаться материальных выгод, где дело идет к тому, чтобы или уменьшить свои материальные выгоды и сохранить духовную паству, или иначе потерять и материальные выгоды, и духовную паству.

III. В болгарских примирительных предположениях хорошо то, что располагаются признать верховную власть патриарха, чем сохраняется единство.

IV. Но избрание епископов предоставить народу – это слишком неопределенно, и болгары едва ли хорошо сообразили, к чему это может повести.

V. Требование выровняться с греками в числах членов синода не совсем необходимо, а может помешать миру, оскорбляя старшинство (если угодно и самолюбие) греков.

VI. Не очень понятно, почему болгары находят необходимым иметь особый смешанный болгарский совет, отдельный от подобного греческого. А это может вести к разъединению и распрям, породить врагов церкви. Не лучше ли в одном общем смешанном совете дать болгарам достаточную

силу посредством достаточного числа членов из их нации? Впрочем, судить о сем можно только при ближайшем дознании, в какой степени велика взаимная нелюбовь болгар и греков.

VII. Если дойдет до того, что решатся сделать изменения в постановлениях бывшего церковно-народного совета, недавно утвержденных, то небезопасно, чтобы недавно постановленное и еще неутвердившееся было разрушено, и чтобы управление не впало в область произвола, особенно при патриархе, который так расположен следовать только своим личным воззрениям.

28 Мая, 1862 г.

VIII. Не может ли из сих соображений быть выведено какое-либо практическое заключение? Сомнительно. Мы видим дело, о котором можно отчасти знать, размышлять, скорбеть, и едва ли что далее. Как греки, так и болгары недовольно расположены внимать советам.

29 Мая, 1862 г. ³⁴¹

30–31 мая. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с мнением о сношении с вселенским патриархом по делу о болгаро-униатском архиепископе Иосифе

Для разрешения просьбы архиепископа Иосифа о принятии его в общение с православною церковью, по определению Святейшего Синода, сделано было сношение с министром иностранных дел о том, чтобы миссия наша в Константинополе поручила архимандриту Антонину, согласно с мнением митрополита Филарета, предварительно войти в доверительное сношение с вселенским патриархом о дозволении Российскому Синоду ходатайствовать пред его святейшеством о прощении архиепископа Иосифа, и вместе с тем предоставила бы сему архимандриту достоверно узнать, кто из отпавших в унию членов константинопольского духовенства возвратился в православную церковь, с сохранением церковной степени, и по какому чиноположению был принят.

22 мая обер-прокурор Святейшего Синода, сообщая митрополиту Филарету копию донесения архимандрита Антонина русскому посланнику в Константинополе от 1 апреля, об исполнении возложенного на него поручения, просил митрополита доставить заключение по содержанию донесения архимандрита Антонина.

В означенном донесении архимандрит Антонин писал:

«В исполнение переданного мне поручения Святейшего Синода войти в доверительное сношение с вселенским патриархом Иоакимом по поводу искомого у него прощения бывшему болгаро-унитскому архиепископу Иосифу, я был 30 числа истекшего месяца у его всесвятости, и сообщил ему о намерении Святейшего Синода обратиться к нему с ходатайством о прощении означенного архиепископа.

Всесвятейший патриарх изволил сказать мне на это, что он ни запрещения, ни наказания никогда не полагал на Иосифа, вследствие чего и прощать его не имеет повода. Но если под прощением надобно разуметь забвение его временного

отпадения в унию и принятие снова в лоно православия, то его всесвятость готов всегда это сделать, снисходя виновному до того, что признает его в том же священном сане, какой имел до объявления себя унитом, в уважение его раскаяния.

Полагая, что подобный ответ не покажется вполне удовлетворительным Святейшему Синоду, я сделал попытку вызвать его всесвятость на объяснение относительно полученной Иосифом от римской церкви степени архиерейства. Патриарх называл его просто Иосифом, не присоединяя к имени никакого титула, чем видимо отрицал его епископство. Я доложил всесвятейшему, что, судя по выражениям, заключающимся в сделанном мне Святейшим Синодом поручении войти с ним в доверительное сношение, Святейший Синод не отрицает прямо архиерейского сана Иосифа, и что, может быть, в желаемом прощении заключается мысль и о признании его в сем сане его всесвятостию.

На это патриарх сказал, что ему не известны основания, на которых Святейший Синод мог бы признавать Иосифа архиереем; но если в прощении именно имеется в виду признание его, как архиерея, то он не может сделать этого ни сам лично, ни со всем своим синодом вместе; ибо ни он сам, ни все архиереи греческие, во 1-х, не признают действительными таинств еретиков, а во 2-х, в латинской церкви, в частности, *не видят истинного и законного совершения первого таинства христианского, св. крещения, обуславливающего собою самое христианство ее.*³⁴²

Причем святитель повторил мне, и прежде уже высказанную им мысль, что, предполагая возможным обращение в православие какого-нибудь латинского епископа, православная церковь потребовала бы от него прежде всего *истинного крещения*, а потом преемственного прохождения всех священных степеней, включительно до епископской, если бы признано было нужным иметь его архиереем. Он уверял меня при том, что подобный случай действительно и был еще на его памяти.

Обходя молчанием все неисчислимы последствия высказанных патриархом положений, я обратил внимание его на

факт признания в минувшем году великою церковью двух мельхитских священников в их священных степенях, после их присоединения к православию.

Собеседник ответил на это общим доводом, что подобное обстоятельство допущено церковью *χάριτι οἰκονομίας*, хозяйственным образом, подобно тому, как в России в 1839 г. преступлено с униатами, не в правило и не в образец общей практике церковной.

Я позволил себе заметить при этом его всесвятости, что подобный довод не выдерживает себя на суде догматико-каноническом, и что им недоброжелатели православной церкви могут укорять ее в противоречии самой себе, как это отчасти и сделал известный англиканский богослов Палмер³⁴³.

Патриарх отвечал, что в самом слове *οἰκονομία* уже заключается намек на то, что путем ее достигается нечто, если не прямо отрицающее заведенный порядок, то во всяком случае выступающее из него. Оттого средство это и употребляется церковью весьма редко, а именно, когда имеется в виду только весьма важный интерес церковный. Но находится ли в подобном положении и Иосиф?

Я сказал, что обращение его в православие, как архиепископа римской церкви, может понести чувствительный удар ее несправедливым притязаниям, и повредить успехам пропаганды ее.

Напротив, ответил патриарх, оно послужит в пользу здешней унистической пропаганде, а на болгар подействует пагубно. Ибо первая, опираясь на пример Иосифа, будет уверять соображаемых, что существенной разницы между двумя церквами нет, так как таинства одной приемлются и признаются другою, а последние, в надежде незаконного производства в церковные чины и достоинства, будут с охотою склоняться в унию, зная, что, оставив ее потом, они удержат за собою ту или другую, полученную в ней, степень священства.

Полагая, что беседою моею патриарх побужден был высказаться гораздо более, нежели сколько имело в виду возложенное на меня Святейшим Синодом поручение, я счел позволительным для себя остановиться на этом.

Его всесвятость присовокупил, что, по возвращении из Иерусалима блаженнейшего патриарха Кирилла, он, если угодно, может предложить на соборное обсуждение дело бывшего болгаро-унитского архиепископа, но так как это поведет ко многим богословским исследованиям, то, по неблагоприятности для подобных начинаний современных обстоятельств, он предпочитал бы лучше не начинать дела.

Что касается до чиноположения, по какому производит великая церковь воссоединение с собою отпадших в унию, его составляет следующий порядок молитв и действий:

Благословен Бог. Царю небесный. Трисвятое. Отче наш. Тропарь и кондак пятидесятницы. Чтение присоединяемым отречения от своих заблуждений, им же – чтение символа веры. Миропомазание его, по уставу, с произношением слов: печать дара Духа Святого. Псалом: Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой. Ектения о присоединяемом. Отпуст.

Имена отпадших в унию и возвратившихся потом в православие духовных лиц мне обещались доставить из патриархии в непродолжительном времени».

О сношении с вселенским патриархом о болгарско-унитском архиепископе Иосифе

I. Предосторожность частного, а не официального сношения с вселенским патриархом о болгаро-унитском архиепископе Иосифе теперь оправдалась на деле. Открылось, что воззрение святейшего патриарха на дело Иосифа не согласно с воззрением Святейшего Синода. Но это разность мнений в разговоре, а не в актах, в келлии, а не в церкви. Мир церквей, Греческой и Российской, не нарушен. Архимандрит Антонин с благоразумною осторожностью выразился, когда сказал патриарху, что в желаемом Святейшим Синодом прощении Иосифа, *может быть*, заключается мысль и о признании его в сан архиепископа; и таким образом не выставил решительного разномыслия.

II. Святейший патриарх расширил свое рассуждение далее пределов предложенного вопроса. Он сказал, «что ни он сам, ни все архиереи греческие не признают действительными таинств еретиков». Непонятно, для чего сие сказано. Неужели он думает, что российские архиереи не держатся существующих о сем церковных правил? Напрасно.

III. Далее сказал он, что «он и все греческие архиереи в латинской церкви, в частности, не видят истинного и законного совершения первого таинства христианского, св. крещения, обуславливающего самое христианство ее». Справедливо ли сие суждение, или нет, оно не имеет прямого отношения к делу Иосифа, который крещен православным крещением. Разве, может быть, произнесенное святейшим патриархом суждение должно войти в связь с делом Иосифа посредством следующего умозаключения: поскольку таинство св. крещения обуславливает самое христианство церкви, а латинская церковь не имеет истинного и законного совершения св. крещения, следственно не имеет того, чем обуславливалось бы самое христианство ее, следственно латинская церковь есть нехристианская, и папа есть нехристианин, и следственно архимандрит Иосиф рукоположен в архиепископа от

нехристианина. Это был бы правильный вывод из патриаршего изречения, но лучше удержаться здесь от решительного заключения; потому что изречение ненаписанное легко переходит из уст в уста не в строгой точности.

IV. В рассуждениях патриарха видно предположение, что латинство есть ересь, а не раскол только. Это мнение, а не определение церковное. Впрочем, о сем неудобно здесь войти в обстоятельное рассуждение, равно как и о латинском крещении, которое константинопольская иерархия прежде признавала, а потом стала отвергать.

V. Архимандрит Антонин справедливо указал патриарху на двух мельхитских священников, которых константинопольская иерархия приняла в общение православной церкви, не возобновляя над ними крещения и рукоположения, и в лице которых, следственно, признала действительным и латинское крещение, и латинское рукоположение. Сим примером опровергается то, что говорил патриарх архимандриту о ничтожности таинств латинской церкви.

VI. Однако патриарх не признал себя опроверженным, и, не отступив от своего мнения вообще, представил поступок с мельхитами, как исключительный, допущенный церковью *ἡ ἁγία οἰκονομία*, в качестве церковного домостроительства, то есть, по распоряжению снисходительному, несколько уклоняющемуся от строгости общих церковных правил, для устранения вреда, или для охранения и приращения блага церкви, например, для удобнейшего примирения с нею немирных. Под сие исключительное правило подвел патриарх и действия российской иерархии при воссоединении бывших униатов.

В сем отзыве патриарха есть то доброе, что он не отрицает возможности, по особым уважениям, признать латинское и крещение, и рукоположение, и с тем вместе оправдывает действие Российской церкви, несогласное с прежде изъявленным от него строгим суждением.

Здесь архимандриту Антонину следовало бы сказать: если с мельхитами поступлено, *ἡ ἁγία οἰκονομία*, то нельзя ли с Иосифом поступить точно также *ἡ ἁγία οἰκονομία*? Это было бы

краткое, но с тем вместе ясное и самое близкое к цели разговора: *от уст твоих сужду тя*.

Вместо сего, позвав патриарха пред суд догматико-канонический, архимандрит мог вызвать строгий ответ.

VII. Впрочем патриарх показал причины, почему не находит возможным поступать с Иосифом по снисхождению.

Первая причина: признание Иосифа архиепископом дает случай латинской пропаганде прельщать болгар мыслию, что между двумя церквами нет существенной разности.

Кажется, пропаганде стыдно решиться указать на Иосифа, в котором она так жестоко обманулась; но если решится, то может означенною мыслию соблазнять болгар, не имеющих отчетливого знания догматов православной церкви.

Другая причина: признание Иосифа дает повод болгарам перебегать в унию, в надежде получения церковных степеней.

Сия причина менее сильна. Если пример Иосифа возбуждает сию надежду, то он же и подрывает ее; потому что после него римская иерархия, конечно, не будет так неосторожна, как прежде.

VIII. Что патриарх предпочитает не предлагать вопроса о Иосифе на соборное обсуждение, – это очень хорошо потому, что сие обсуждение кончилось бы утверждением строгого мнения патриарха и дело пришло бы в худшее положение, нежели теперь.

IX. Что же делать? Не признать ли Иосифа, не смотря на мнение вселенского патриарха?

Это было бы для болгар бесполезно; потому что и патриарх, и турецкое правительство не допустило бы его, как орудие, по мнению патриарха, незаконное и как орудие России, прийти и действовать в Болгарии. А для православной церкви это было бы бедственно; потому что произвело бы раздор между Греческою и Российскою церковию. Как Иосиф принадлежал к области патриарха, а не Российского Синода, то патриарх не без права, Иосифа, признанного в России архиепископом, может соборно признать не только не имеющим епископского сана, но и лишенным сана и архимандритского, и священнического.

Таким противоречием властей была бы нанесена тяжкая и неудобоизлечимая рана миру и единству церквей, чего так жаждут враги православия, дабы унижить православную церковь и во мнении, и в силе.

Итак, что же делать? Но моему мнению, сказать Иосифу; Российская церковь, по духу любви и по сочувствию соплеменности к тебе и твоим единоплеменникам, с искренним участием взирает на твое положение, но ты принадлежал к области вселенского патриарха и без его согласия вопрос о тебе решить неудобно, что выражено и в самом твоём прошении к Святейшему Синоду; по принятым же мерам известно сделалось, что в настоящее время от святейшего патриарха снисходительного решения о тебе получить не можно; при том же Российская церковь, ради общего блага православия, считает себя обязанною всевозможно предостеречься от несогласия со вселенским патриархом: то в настоящее время не можно предложить тебе ничего другого, как с великодушным терпением остаться в ожидании последствий продолжаемого старания достигнуть желаемого решения без нарушения согласия с святейшим патриархом.

Для поддержания его в терпении и надежде, может быть, не излишне допустить до его сведения и то, что до сих пор есть половина надежды, то есть надежда, что патриарх признает его в том же сане, в котором он находился в православной церкви.

30–31 Мая, 1862 г.³⁴⁴

Филарет, митрополит московский.

22 июля–24 октября. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову о греко-болгарском деле, по сведениям, от 6 апреля, 18 сентября и 22 октября 1862 года

Обер-прокурор Святейшего Синода, А. П. Ахматов, при отношении, от 17 июля, 1862 года, за № 4536, препровождая митрополиту Филарету копию с депеши русского посланника в Турции, от 3–15 апреля, за № 50, по болгарскому делу, с следующим в ней приложением, просил, по миновании надобности, возвратить приложение.

В бумагах митрополита сохранился «перевод с французского копии с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского, от 3–15 апреля, 1862 года, за № 50 из Перы», следующего содержания: «Дело епископа Парфения еще не решено; патриарх, которого я просил поспешить окончанием оногo, дал мне знать, что ему хотелось бы вовсе не подымать этого дела; ибо, восстановив преосвященного Парфения в его прежней епархии, он подверг бы его новым столкновениям с митрополитом солунским. Его святейшество в тоже время уведомил меня, что он имеет намерение назначить епископа Парфения настоятелем болгарской церкви в Константинополе.

Предуведомленный об этом намерении, я поручил г. Филаретову сообщить о том Парфению и спросить у него, может ли он поручиться, что, поминая патриарха во время богослужений, он не произведет в церкви никакой сцены, о которой пришлось бы впоследствии сожалеть.

Епископ отвечал, что он действительно не может принять сана, коим жалует его патриарх Иоаким. Болгары (*Les primats bulgares*) уже просили его служить в их церкви, с тем, однако, условием, чтобы имя патриарха не было возносимо, и чтобы, вместо его имени, было поставлено имя Илариона. Парфений решительно отказался.

Узнав об этом обстоятельстве, патриарх отказался от своего прежнего намерения, и хочет назначить Парфения в одну из внутренних болгарских епархий.

Замедления в решении болгарского дела производят горестное влияние на расположение умов: стремления к унии распространяются, и православная сторона охотно склоняет слух к внушениям католиков. Недавно установили такую программу: болгары признают именованное (поминальное) первенство папы, если их совершенно обеспечат в сохранении их догматов, обрядов и т. п. Монсиньор Брунони³⁴⁵, апостольский викарий Перы, обещает, что эти условия будут приняты папою и приглашает болгарских предстоятелей (les primats) послать в Рим депутацию. Вообще латинская пропаганда в сильном движении, и возможно опасаться, чтобы она не успела в своих целях.

К несчастью, патриарх закрывает глаза на такое положение дел и не оставляет своего упорства; несколько дней тому назад в заседании синода он хвалился тем, что восстановил между болгарам спокойствие, обезнадежив все стремления их к независимости. С давнего времени приглашенный Аали-пашею назначить своих доверенных в смешанную комиссию, он ожидал, для исполнения этого приказания, чтобы министр иностранных дел прислал ему формальное предписание по сему предмету.

Народный совет созван в последних числах марта; оба болгарские члена удалились, не желая покориться во всех вопросах определениям подавляющего большинства. Новый синод равным образом вступил в отправление своих обязанностей».

Конфиденциально.

О греко-болгарском деле, по сведению от 8 апреля, 1862 года

I. Вселенский патриарх не хочет восстановить епископа Парфения в прежней епархии, потому что чрез сие «подверг бы его новым столкновениям с митрополитом солунским».

В сем отзыве заключается мысль, что патриарх не почитает епископа Парфения виновным, и признает его достойным управлять епархиею. Парфений таков и есть. Но если невинен Парфений, то виновен митрополит солунский, и с ним другие притеснители Парфения. Почему же патриарх не защищает невинного решительно, и не укрощает притеснителей? Не хочет, или не может, это знает он. Не желаем думать, и неестественно думать, что не хочет. А если не может, то что же можно присоветовать или сделать со стороны к улучшению такого управления?

II. Парфений, отказавшийся служить в церкви болгар, с условием не возносить имени патриарха и возносить имя Илариона, доказал тем свою верность православной церкви и законной иерархии. А болгары, предложившие такие условия, обнаружили тем или крайнее незнание церковных правил, или крайнее пренебрежение оных и необузданный произвол. Думать, что Иларион, по одной воле их, мирян, прихожан, из простого епископа сделался архиепископом и главным начальником их иерархии, есть нелепость. А они не перестают это думать. Думать, что патриарх Илариона, соборно и торжественно лишённого сана, может признать архиепископом болгар, есть также крайняя несообразность; а они, видно, это думают. Здесь опять надобно спросить: что же можно присоветовать или сделать для приведения в законное положение людей, которые упорно стоят в незаконном?

III. Впрочем, то обстоятельство, что болгары желают принять к себе Парфения, может быть полезно, если будут уметь им воспользоваться. Для сего надлежало бы, пока не угас сей явившийся луч надежды мира, поскорее составить предположенный смешанный совет, постановить

примирительные правила существования болгарской иерархии, и поставить во главе ее Парфения, по счастью уже приятного болгарам, и нового другого не легко найти. Основания примирения уже не раз были предложены в предшествовавших записках, с некоторыми видоизменениями для того, чтобы можно было избрать, что удобнее может быть принято обеими сторонами.

IV. Но вот беда: уния не унывает, а старается усилиться, изобретая новые формы, чтобы обольстить болгар, «а патриарх закрывает глаза на такое положение дел; в заседании синода он хвалится, что восстановил между болгарам спокойствие, обезнадежив все стремления их к независимости». Известие невероятное по содержанию, но, конечно, несомнительное по источнику. Как до такой степени закрыты глаза у его святейшества? Для чего не стараются открыть их члены преобразованного синода? Неужели и они не видят? Опять надобно сказать: что же можно присоветывать или сделать к улучшению такого положения? Примут ли какой совет к улучшению люди, которые находят, что все хорошо, и нет никакой опасности.

Остается один совет, которого никто не может отвергнуть: крепкою молитвою молится должно о мире и благосостоянии святых Божиих церквей.

22–23 Июля, 1862 года³⁴⁶

О смешанной комиссии по греко-болгарскому вопросу

Обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Ахматов, при отношении от 4 октября, 1862 года, за № 6335, препроводил к митрополиту Филарету «копию с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского, от 18–30 сентября, 1862 года, за № 126, по болгарскому делу».

В депеше князя А. Б. Лобанов-Ростовский писал: «Учрежденная для болгарских дел смешанная комиссия продолжает свои совещания. В послании заседания, занимались исключительно вторым пунктом болгарского прошения, который относится до состава константинопольского синода. Право, требуемое болгарами, имеет в синоде своих народных представителей в равном числе с греческими, составляет предмет жарких споров, ничего до сего времени не решивших, потому что представители патриархии сопротивляются этому домогательству под тем предлогом, что в делах религии церковь не может допустить начало народностей.

Обе стороны усиливаются с одинаковою горячностью ничего не уступить в этом вопросе, который сделался, кажется, камнем преткновения для их взаимного соглашения. Это обстоятельство внушает тем более сожаление, что римско-католическая пропаганда употребляет всевозможные меры, чтобы воспользоваться медленным действием комиссии и упрочить состояние общества болгарской унии.

Заметив недоверие, которое внушает большей части болгар отсутствие в главе этого общества народного архиепископа, распорядители римского движения возымели намерение привлечь к своему делу болгарского митрополита Авксентия. С этою целью отправилась к нему в Исмид (в Никомидии), где он живет в изгнании, депутация лиц из двадцати, между которыми находился Цанков. Они явились к преосвященному Авксентию 11 числа сего месяца, и, по изъявлении ему бесчисленных знаков своего уважения, умоляли его объявить себя в пользу

унии, обещая, если он на то решится, немедленно исходатайствовать его освобождение, доставить ему сан патриарха и осыпать его богатствами. Но престарелый Авксентий ответил им с простотою: «все сокровища в мире не возмогут побудить меня к измене моей православной вере; обещания ваши бесполезны, напрасно вы тратите свое время и старания, возвратитесь к себе»³⁴⁷.

Отправленная таким образом с отказом, депутация должна возвратится в Константинополь, не достигнув цели своего путешествия; но эта неудача лишь приостановила, а не ослабила деятельности римской пропаганды».

В сообщенной мне депеше, из Константинополя, от 18–30 сентября (№ 126), виден спор смешанной греко-болгарской комиссии о числе греческих и болгарских членов в составе синода.

Патриарх говорит, что «в делах религии церковь не может допустить начала народностей». На сие можно сказать: где же правило церковное, в котором патриарх нашел сию мысль? Во-вторых, не он ли руководствуется началом народности, когда домогается, чтобы греческая стихия в синоде числом своим подавляла болгарскую? Но болгарское требование равночтения в синоде, кажется, не совсем справедливо, по соображению с числом епархий греческих и болгарских. Довольно было бы просить, чтобы болгарских членов было 5 и греческих 7.

Другая часть депеши содержит твердый отказ эксмитрополита Авксентия соблазнявшим его в унию. Слова прекрасны; но желательно было бы проникнуть в душу, от которой они происходят. Болгары, которые искушали его, не понимают дела, а он понимает. Он знает, что еще прежде своей связи с восставшими против патриарха болгарскими, он удален был от управления епархией (вероятно не за добродетели); что, пристав к восставшим, он вместе с Иларионом подписал и напечатал грамоту, ругательную на греческую иерархию; что за сие трижды, по правилам, зван был к суду, но не явился; что за сим он собором 27-ми архиереев, в числе коих были и патриархи, лишен епископства и священства, и что весьма

невероятно, чтобы такого папа признал епископом. При сем соображении блеск Авксентиева ответа уменьшается.

Сии соображения могут служить ответом и на вопрос: почему бы патриарху не примириться с Авксентием? Лишенного сана нельзя восстановить в прежнем сане. Это могло бы случиться только тогда, когда бы решение собора 27-ми архиереев другой сильнейший собор нашел несправедливым и незаконным. Где же взять такой собор?

В моих прежних записках было уже сказано, что патриарх вырыл пропасть на пути примирения, когда лишил сана Илариона и Авксентия. Если бы он только удалил их от общения, и запретил им священнослужение, а не лишил их сана, тогда было бы возможно прощение и примирение.

8–9 Октября, 1862 г.³⁴⁸

О назначении членов из греков и болгар в смешанную комиссию по греко-болгарскому делу, 1862 г., 24 октября

Князь С. Н. Урусов, при отношении, от 22 октября, 1862 года, за № 6762, препроводил к митрополиту Филарету «копию с депеши князя А. Б. Лобанова-Ростовского, за № 131, на имя князя А. М. Горчакова, в коей изложено:

«Достав копию с требований³⁴⁹, представленных болгарскими посланными в смешанную комиссию, я вменяю себе долгом сообщить оную при сем вашему сиятельству.

2-й пункт, бывший предметом жарких споров между греческими и болгарскими депутатами в продолжение всего сентября месяца, не решен до сего времени.

Отвергая формально начало народностей в религиозных вопросах, греки не переставали утверждать, что церковь никогда не делала никакого различия между греками, болгарами, албанцами и всеми другими народами, подчиненными ее духовной власти; что она никого не может обязаться возводить в епископской сан, кроме тех, которые будут этого достойны, и что следовательно всякий раз, когда между болгарами будут находиться епископы, соединяющие в себе все требуемые качества, то великая церковь не откажется принять их в члены синода, на основании правил, освященных уставом. Болгары не удовольствовались этими уверениями, будучи убеждены, что они никогда не будут исполнены добросовестно; и как спор оставался постоянно в этом безвыходном кругу укорений одной стороны и неопределенных обещаний другой, то, по взаимному соглашению, положили обратиться к Порте с испрошением ее решения, которое должно сделаться обязательным для обеих сторон. Те и другие представили изложение вопроса Аали паше, с просьбою уведомить их о решении оттоманского правительства.

Странно, что дело подобного рода было предоставлено на суд мусульманского правительства. Таковы, однако, чувства и недоверчивость, разделяющие между собою греков и болгар,

что они предпочли лучше положиться на мнение турок, чем сделать взаимные уступки, которые отвратили бы необычайное вмешательство Порты к делу церковного управления.

В ожидании ответа от Аали-паши, комиссия решила перейти к обсуждению 3-го пункта, относящегося до учреждения болгарского народного совета, совершенно отдельного от смешанного совета, установленного при патриархате».

Прочитав список с депеши 2 октября (№ 131), не могу скрыть моей скорби.

Православные греки, православные болгары не находят возможности согласно решить, из скольких епископов греков и из скольких болгар должен состоять православный синод вселенского патриарха, и вопрос о составе высшего сословия в православной церкви предоставляют решить турецкому министру, магометанину. Удивительное, плачевное событие! Христиане в деле общественно-христианском сами себя порабащают суду нехристиан.

Неужели это не тяжело святейшему патриарху? Неужели он не употребит самых крайних усилий, чтобы не пало на православную церковь сие тяжкое нареkanie? Возможность могла бы найтись.

Если бы допустить в состав синода 4-х или 5-ть епископов болгарских епархий: болгары, вероятно, удовлетворились бы. А это ничем не угрожало бы. Греческая, более образованная, стихия была бы еще довольно сильна, чтобы давать и заставить принимать мудрые советы.

Патриарх говорит, что церковь не различает национальностей. Но если против сего правила виноваты болгары, то и греки не менее. Болгары требуют равновесия национальностей, а греки поддерживают преобладание национальности греческой.

Национальности все равны в церкви. Но сим не отвергается приспособление иерархии к национальностям, а напротив оно требуется в некоторых случаях. Греки нашли бы неудобным, странным и неблагоразумным, если бы греческой епархии дан был епископ из болгар, незнающий ни языка, ни образа понятий и жизни греков. Но как греки долго так поступали с болгарам,

то сии не без причины требуют, чтобы против сего постановлены были правила, и это не было бы нарушением никаких правил церковных.

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию.³⁵⁰

1863 г.

27 марта. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову, с мнением о положении церковных дел в константинопольском патриархате

Обер-прокурор Святейшего Синода, А. П. Ахматов, при отношении от 22 марта, 1863 г., за № 1802, препроводил к митрополиту Филарету копию с донесения поверенного³⁵¹ нашего в делах при оттоманской Порте, от 4–16 марта, за № 36.

В означенном донесении Е. П. Новиков писал: «Смешанная комиссия, которой было поручено прекратить несогласия греков с болгарами, представила на заключение оттоманского министра иностранных дел решение 2-го пункта болгарской программы, относящегося до состава патриаршего синода.

После продолжительных колебаний, Аали-паша пригласил членов комиссии в Порту для объявления им, что, по мнению правительства, всего будет лучше разделить подчиненные великой церкви епархии на три категории: первая из них чисто греческая, заключающая в себе Фессалию, Эпир, острова и Малую Азию, будет иметь в синоде четырех представителей из митрополитов греческого происхождения; вторая, заключающая Болгарию, Боснию и Герцеговину, назначит для присутствования в синоде также четырех митрополитов славянского происхождения; наконец области, обитаемые смешанным народонаселением, каковы Македония, Оракия и Верхняя Албания, дополняет состав синода четырьмя епископами, которых происхождение будет определено большинством избирателей.

Болгары поспешили изъявить свое согласие на это предложение, обеспечивающее им, если не большинство, то, по крайней мере, совершенное равенство голосов с их противниками. Греки, напротив, отказали в своем согласии под тем предлогом, что церковь не может допустить начало народностей в синодальной представительности.

Греки заметили, что было бы несправедливо не принять во внимание значительное неравенство числа епархий, из которых

греческих 70, тогда как у славян их будет не более 15, и что мера, предложенная Аали-пашею, совершенно ниспровергает древнее предание церкви, на основании которого синод состоял первоначально из митрополитов, занимавших кафедры, которые пользовались наибольшим уважением в иерархическом порядке.

Болгары возразили, в свою очередь, что эта устарелая система была осуждена самими же греками в их народном совете, постановившем правило, что все, без различия, митрополиты будут попеременно заседать в синоде. Что же касается до превосходства численности греческих епархий, то это условие происходит от злоупотреблений высшего духовенства, которое, без всякой нужды, легко размножило число епископий, так что иногда учреждались отдельные епархии для греческих общин, состоявших из каких-нибудь тысячи семейств; следовательно, несправедливо, что славянские епархии, заключающие в себе от 10,000 до 50,000 домов, сравниваются в порядке управления церковными делами с малочисленными митрополиями.

Аали-паша присовокупил, с своей стороны, что преимущества старших иерархических кафедр останутся неприкосновенными через первенство, которое будет принадлежать во всех канонических собраниях; но что невозможно сделать из епископов, их занимающих, привилегированное сословие в ущерб других предстоятелей.

По невозможности достигнуть соглашения на основаниях, предложенных Аали-пашею, этот министр сообщил на обсуждение комиссии другое предложение, представлявшее ту выгоду, что оно совершенно отстранило начало народностей в составлении синода.

На основании этого второго предложения, все существующие в настоящее время епархии были бы представлены в синоде по численности их народонаселения. Например, принимая за единицу представительности епархию, состоящую из 50,000 душ, все епархии, не имеющие такого числа душ, будут распределены на отдельные группы, из которых каждая в своей совокупности достигнет означенной

цифры. Таким образом несколько соединенных между собою греческих епархий сравниваются с одною славянскою епархиєю, и будут иметь собирательное право представительности, одинаковое с нею.

При этом условии произошло бы, что в то время, как из славянской епархии епископ будет каждый раз приезжать для присутствования в синоде чрез известное число лет, соответственная ей греческая группа будет отправлять в те же промежутки времени для заседания в синоде только одного из своих епископов, поочередно. Никто из митрополитов не будет исключен из участия в синодальном управлении, но только очередь для каждого из них будет наступать тем реже, чем малочисленнее его епархия.

Болгары и артский митрополит Софроний согласились тотчас на это предложение; но некоторые греческие члены из мирян подняли против него сильнейшие возражения, и между ними отличался упорством своего отказа Стефан Карафеодори.

На вопрос Аали-паши, противно ли в чем-нибудь это предложение церковным канонам, Карафеодори отвечал отрицательно, но объявил, что оно противно личным его убеждениям и не может быть им допущено.

Дало в том, что греки уклоняются от всякого способа примирения, внушенного беспристрастием, и который не будет удовлетворять их желанию господствовать в управлении церковью.

Спустя несколько дней Карафеодори совсем вышел из членов комиссии. Остальные ее греческие члены обратились к патриарху за советом, на что им решиться; его святейшество ответил, что, не быв спрошен при назначении членов комиссии, он не примет участия в прениях до того времени, пока Порты не обратится к нему с официальным приглашением об этом. До меня, однако, дошло, что патриарх выказывает враждебное расположение к предложению Аали-паши, столько же по своим правилам, сколько по ненависти своей к митрополиту артскому, который согласился на оное.

Непреклонный и подозрительный нрав патриарха подавал мало надежды на успешное ходатайство у него с моей стороны

в пользу болгар; а потому я предпочел действовать на его святейшество чрез некоторых влиятельных членов греческой общины. Я убедительно уговаривал их не противиться условиям справедливого примирения, которое в моих глазах имело двоякую выгоду: предупреждение всякого разделения в управление обеих церквей, и нанесение окончательного удара козням латинского духовенства в пользу унии».

Возвращаю вашему превосходительству французские копии с депеш поверенного в делах (№ 36) и управляющего консульством в Адрианополе (39).

Необыкновенное положение дел и людей! Христиане не могут согласиться между собою в деле церковном, иерархическом, и мирить себя представляют министру, магометанину.

Этот чуждый человек выдумал состав синода, который христиане – болгары одобрили; но сами его не выдумали.

Греки твердят, что церковь не признаёт начала национальностей. Но где же об этом ее определение?

Если какая церковь не признаёт начала многих национальностей, то это латинская, которая присволяет господство латинской национальности, а за оскудением ее, по крайней мере, языку латинскому. Но папа не навязывает немцам в епископы испанца, или испанцам немца, как навязывают болгарам греков.

Греческая церковь некогда присылала в Россию митрополитов греков, а потом допустила для России митрополитов из россиян и даже патриарха. Неужели нынешняя греческая церковь за это признает виноватую древнюю?

Почему же не дать болгарам епископа из болгар, и с сим соответственное участие в синоде.

Против мысли что синод должен состоять из митрополитов старейших издревле кафедр, болгары справедливо отвечали, что сей порядок уже изменен постановлениями церковно-народного собрания, которые патриарх волею или неволею признал и отчасти приводил в исполнение.

Неожиданное явление представляет Карафеодори. В церковно-народном собрании он сильно стоял против

порабощающего и злоупотребительного влияния геронтов. Теперь он стоит против предположения, которое облегчило бы от стеснения болгар, и стоит, как сам признался, не на основании церковных правил, но по каким-то личным убеждениям. Его прежнее действие подавало надежду, что он будет одним из полезнейших членов смешанной комиссии; но он совсем оставляет ее.

Надежда болгар не должна ли состоять в ожидании нового патриарха, не столь непреклонного? Но достанет ли у них терпения? И будет ли ждать латинская пропаганда и враждебная православию политика?

По случаю известия, что греки желают господствовать, нужно было бы сказать им: «братия! усилие братолюбие, и сделайте облегчение другой единоверной национальности (с которою согласие вас усиливает, а несогласие ослабляет), чтобы Господь облегчил тяготение над вами другой национальности иноверной».

К сожалению, о греко-болгарском деле можно только размышлять, когда находящиеся в затруднении затрудняли сами себя и содействовали неприятности.

27 Марта, 1863 г.³⁵²

6 апреля. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с отзывом о брошюре 10 человек болгар униатов, воссоединившихся с православием

А. П. Ахматов, при отношении, от 28 марта, 1863 г., за № 1905, препровождая к митрополиту Филарету копию с донесения г. Филаретова к поверенному в делах в Константинополе, от 12 числа того же месяца, по болгарскому делу и следующую к этому донесению брошюру, просил митрополита брошюру сию возвратить, по миновании в ней надобности.

В донесении г. Филаретов, между прочим, писал, что католической унии нанесен новый удар: еще десять болгар-униатов, возвратившись в православную веру, в печатной брошюре объясняют причины, побудившие их как принять унию, так и отказаться от нее. Болгарские члены смешанной комиссии по церковному вопросу намерены в следующий день явиться в Порту с новою просьбою или пригласить греков принять предложение Порты по 2-му пункту болгарских требований «о личном составе святейшего синода», или дозволить болгарам самим учредить свою народную независимую иерархию.

Брошюра болгар, возвращающихся из унии, при сем возвращается. Язык ее мне непонятен.

Потеря десяти человек не тяжкий удар для унии. Может быть сей случай значительным, если это люди, имеющие влияние на своих соплеменников, и если объявление их написано с разумом.

Намерение болгар просить у Порты позволения «самим устроить свою народную независимую иерархию» показывает, что болгары хотя уже довольно имели времени обдумать свое дело, но все еще имеют только упрямое желание, и понятия не приобрели. Учредить новую независимую иерархию можно только с благословения законно существующей иерархии. Взять в иерархию лишнего сана Илариона и подобных благонадежно ли? Примут ли их с мирною совестью

разумеющие дело? Народ получит ли к ним доверие и уважение?

Но, с другой стороны, думает ли вселенский патриарх о последствиях сего? Порта едва ли не найдет для себя выгоднее иметь греков и болгар разделенных и враждующих между собою, нежели одну сплошную массу греков и болгар. Итак, если она скажет болгарам, делайте себе иерархию, и если они соблазнят некоторых архиереев отделиться от вселенского патриарха, и составлять особую болгарскую иерархию, что сделает патриарх? Осудит? Проклянет? Болгары уже решились презирать его суд. Итак, своею непреклонностию не сделается ли он причиною расщепления своей церкви?

Ангел хранитель константинопольской церкви да внушить его святейшеству мысли прозорливости и предосторожности.³⁵³

6 Апреля, 1863 г.

(1863 г., 18 августа–1864 г., 6 октября.) Отзывы митрополита Филарета о способе к примирению греков и болгар и о мерах к предотвращению совращений боснийских христиан в исланизм

Генерал-адъютант А. П. Ахматов, при письме, от 13 августа, 1863 г., препроводил к митрополиту Филарету копию депеши русского поверенного в делах при Порте оттоманской – от 30 июля, 11 августа, 1863 г., за № 131.

В депеше г. Новиков, между прочим, изъяснил, что «продолжительность борьбы между греками и болгарами в лоне церкви, усилие одних и сопротивление других привели к обоюдному истощению. При таком положении, мысль о полном административном разделении двух церквей более и более представляется единственным средством выхода из соперничающих притязаний, и начинает распространяться даже между членами греческого духовенства. Ясно, что подобный исход нанес бы серьезный ущерб авторитету и интересам церкви, и потому я старался доказать грекам, что справедливые уступки свойственнее их интересам, чем одиночество, которое произойдет от разрыва и доведет патриаршую область до ничтожных размеров.

Возвращая французский экземпляр константинопольской депеши 30 июля 1863 г., могу только сказать, что, по моему мнению, совет г. Новикова о единстве справедлив, так же, как и объяснение вреда от разделения. Если бы я мог говорить с ним, я бы предложил ему: не удовлетворилось ли бы самолюбие греков, и не остались ли бы довольны болгары, если предположить в синод 7 архиереев греческих и 5 болгарских!³⁵⁴

1864 г.

О мерах к предотвращению совращений боснийских христиан в исламизм

Князь С. Н. Урусов, при отношении, от 19 июля, 1864 г., за № 4678, препроводил к митрополиту Филарету копию с донесения управляющего нашим консульством в Сараеве поверенному в делах, в Константинополе, от 17 июня того же года, за № 99, следующего содержания: «Спешу донести вашему превосходительству о новом печальном факте общественной жизни в Боснии, факте тем более печальным, что он далеко не первый и, к сожалению, вероятно, не последний. Вчерашнего числа две женщины, одна именем Мария, 19 лет, с двумя детьми, другая девица Эльза, по виду лет 18, по словам же отца 13, обе из Вышеграда, приняли исламизм. Привезенные в Сараево, они, не смотря ни на какие увещания родителей, здешнего протоиерея и коджа-баши, официального защитника интересов боснийского народа, не могли быть отклонены от желания сделаться мусульманками, и можно положительно сказать, что дело это безвозвратно кончено. Уведомленный об этом событии, я всеми силами действовал на протоиерея и коджа-башу, которые, впрочем, считаю долгом, отдать им всю справедливость, и без того употребили все возможные усилия, в продолжение часа, данного им пашою, для предотвращения этих двух христианок от обращения в мусульманскую веру. К сожалению, я не могу сказать того же самого о протосингеле Вениамине, управляющем митрополиею, остававшемся, как и всегда в подобных случаях, хладнокровным зрителем происходившего. Что же касается до генерал-губернатора, то я не счел нужным даже объясняться с ним на счет этого дела, уверенный наперед в неуспехе своих представлений, как потому, что обе христианки, как я уже упомянул, настойчиво заявили желание свое принять исламизм, так и потому, что, несмотря на недавний проезд мой сюда, я вполне знаю образ действий Османа-паши в подобных вопросах, в особенности в продолжение пребывания здесь Джевдет-эфенди, комиссара Порты, который сам принадлежит к сословию улемов.

Так как примеры обращения в мусульманскую веру стали здесь чаще и чаще повторяться, то я считаю обязанностью обратить благосклонное внимание вашего превосходительства на этот важный предмет и на те меры, которые мне кажутся необходимыми для пресечения этого зла.

Рассматривая основные причины такого рода фактов, нельзя не открыть, что они имеют главными источниками следующие обстоятельства: 1) отсутствие христианских добродетелей и сочувствия к здешнему народу в высшем духовенстве; 2) неразвитие духовенства низшего и недостаток средств к духовному воспитанию народа; 3) необразованность и заглушение патриотических побуждений эгоистическими целями в зажиточных классах босняков.

Вашему превосходительству уже хорошо известно, что здешний митрополит Игнатий, вместе с помощником своим протосингелом Вениамином, представляют редкий пример безнравственности. Корыстолюбием своим и неприличным поведением люди эти, вместо того, чтобы быть опорой христиан пред турецким правительством, окончательно отшатнули от себя народ. Из этой первой причины проистекает и вторая: из эгоистических и корыстолюбивых расчетов в иереи рукополагались в Боснии люди, набранные не за их личные достоинства и к тому же нисколько не приготовленные к своему высокому призванию. Кроме того, иереи эти и до сих пор не имеют необходимых книг для священного богослужения, о чем меня уже не раз просил довести до сведения вашего превосходительства лично известный вам Гавро Вулкович, коджа-баши боснийского народа. Затем, чтобы характеризовать здешний зажиточный торговый класс, который поддержкою всякого доброго движения в народе и поощрением образования в среде его мог бы иметь такое на него влияние и предотвращать от заблуждений, довольно указать, что Стана Скендерева, эта женщина, так бескорыстно служащая пользам всего народа, не раз уже и даже в последнее время, была указана Осману-паше, как женщина опасная для турецкого правительства и как шпион княжества сербского; кроме этих преследований, здешний торговый класс ни за что не хотел

помочь ей в деле образования здешнего женского общества, говоря, это они не дадут ничего ее школе, которая есть заведение русское.

При таких обстоятельствах, способствующих развитию мусульманского, а равно и католического прозелитизма, я полагал бы необходимыми следующие меры: 1) назначение синода, влиянием ли патриархата, или собственным влиянием вашего превосходительства, митрополита, исполненного добродетелей и понимающего важность призвания церкви в деле христиан на Востоке; 2) исходатайствование, если возможно, визириального письма, с приказанием Осману-паше отдавать, как было прежде, всякого, изъявившего желание принять исламизм, на несколько дней в митрополию или в общину; 3) присылка церковных книг, которые здешняя община желает приобрести даже покупкою; 4) содействовать отправлению отсюда юношей в белградскую семинарию, где они, кроме приобретения познаний, могли бы привыкнуть смотреть на Сербию, как на центр славянства, на Востоке, откуда они могут ждать всего лучшего для их политической жизни».

В сведениях из Сараева, от 17 июня, 1864 года, содержится следующее:

1) Женщина Мария с двумя детьми из Вышеграда и девица Элька отпали в магометанство.

2) Паша дал час на увещание их остаться в христианстве.

3) Протоиерей и коджа употребили для сего возможные усилия, но без успеха.

4) Протосингел Вениамин остался при сем случае, как и обыкновенно в подобных, равнодушен.

5) Одною из причин таких печальных случаев полагается то, что митрополит Игнатий и протосингел Вениамин, своею жизнью, подают народу не назидание, а соблазн.

6) Боснийские церкви терпят недостаток в богослужебных книгах.

Не можно ли посему:

1) Довести вышеизложенное до сведения святейшего вселенского патриарха, для принятия мер к охранению

православной веры.

2) Принять меры к снабжению боснийских церквей богослужебными книгами.³⁵⁵

№ 427, 6 Октября 1864 г.

12–13 октября. Письмо митрополита Филарета к князю С. Н. Урусову, с мнением о записке варнского вице-консула³⁵⁶ о греко-болгарском вопросе

Записка варнского вице-консула, от 9 мая, сего 1864 года, о греко-болгарском вопросе достойна внимания, кроме одной мысли, которая заставляет отсторониться, – это обвинение греческого духовенства «в предательстве», когда оно открывает турецкому правительству «о заговоре и восстании» болгар.

Трудно произнести решительный суд над совестью терновского митрополита, присягнувшего турецкому правительству в верности и видящего заговор, угрожающий бедствиями и угрожаемый мщением.

Тягость греческой иерархии, какова она есть, и как действует, неудобноносима для болгар. Упорство ее решительно отказывать болгарам в их желаниях уже произвело много зла, и угрожает большим. Как это можно было предвидеть, то скоро, по начатии распри, здесь подаваема была мысль (не знаю, была ли доведена до греков), чтобы помириться с болгарам допущением в синод, если не половины, то немного менее половины членов из болгар, и обещанием им архиереев из их нации. Было время, когда примирение на сих условиях было вероятно. Время сие прошло.

Что касается до 8 болгарских пунктов³⁵⁷, они, сколько их помню, слишком рассекают единство, не только церковное, но и политическое, которое, сколько можно, нужно было бы сберечь, потому что греки и болгары в единстве сильнее пред Портою, нежели рассеченные надвое. И это здесь было говорено. Полезно было бы 8 пунктов несколько ограничить, если принять их в основание примирения.

12–13 Октября, 1864 г.³⁵⁸

27–28 декабря. Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову по греко-болгарскому делу

Генерал-адъютант А. П. Ахматов при отношении, от 12 ноября, 1864 г., за № 7097, препроводил к митрополиту Филарету, в копиях: а) донесение управлявшего русским вице-консульством в Варне г. посланнику в Константинополе, от 26 сентября. 1864 г., за № 72, и б) отношение Н. П. Игнатьева от 21 октября, того-же года, за № 329.

Н. П. Игнатьев, препровождая при означенном отношении к управлявшему министерством иностранных дел последний № болгарской газеты «Советник», в коем был помещен ответ болгарских представителей на возражения вселенского синода на предложенные ему Аали-пашею требования болгар, с своей стороны пояснил, что из этого ответа можно видеть, что представители сии, настаивая на прежних требованиях своих, стараются опровергнуть возражения греков. Прежде всего они оспаривают добросовестность, составленной при патриархии для разбирательства их требований, комиссии, которая, созидая свои красноречивые, но преисполненные софизмами возражения, решилась утверждать, что возражения эти были произнесены единогласно, тогда как известно, что четверо из членов оной (одно лицо светское и три митрополита) приняли открыто сторону болгар и протестовали против решения комиссии. Далее болгарские представители напоминают о прежде сделанных им патриархатом уступках (изложенных в 15 статьях окружного письма 1859 года³⁵⁹), и доказывают, что, возражая ныне на заявленные болгарами требования, греки часто противоречат фактам, ими самими признанным в означенных уступках патриархата в пользу прав болгарской народности. Представители болгар оправдываются против высказанного комиссией суждения, что будто бы прежде сделанные патриархатом уступки, подтвержденные хатти-шерифом, не были приведены в исполнение, вследствие упорства болгар. Изложив причины неприятия 15 статей уступок патриархата, народные представители переходят к подробному

сравнению 8 пунктов своих требований с возражениями синода и каждое из возражений этих подвергают критическому разбору. Народные представители доказывают, что не их требования, а установившийся порядок вещей создал в деле церковного управления исключительное преобладание греческого элемента, и что они протестуют только против подобного, несообразного с каноническими правилами, порядка и предлагают средства устранить эту неправильность на будущее время. Далее они утверждают, что возражение синода, что будто бы жалобы болгар неосновательны, очевидно, ложно; ибо основательность сих жалоб была прежде самим же патриархатом признана. Опровергая каждое из возражений синода, представители пространно доказывают, что требования их относительно численного представительства в синоде, способа избрания и назначения митрополитов в болгарские епархии и проч. не заключают в себе ничего, противного уставам церковным, и если составляют нововведение, то это не может еще быть почитаемо достаточною причиной для сохранения вредного порядка вещей, имеющего характер не только церковный, но и гражданский. Представители опровергают также предложенное синодом разделение епархий на разряды и упорствуют в требовании, чтобы представительство в синод происходило по численности жителей в епархиях, а по числу епархий или разрядов епархий, согласно новому предложению патриархата. На уверения синода, что будто бы никогда не было делаво со стороны духовенства никаких препятствий к употреблению в церквах и училищах славянского и болгарского языков, народные представители возражают живыми примерами, указывая на города и местности, где до сих пор славянская народность подвергается открытым гонениям. В заключение болгарские представители, выражая мнение, что патриархия никогда ничего не сделает в их пользу из пристрастия к преобладанию греческого элемента, возлагают все надежды свои на турецкое правительство и просят турецкого министра иностранных дел принять в соображение, что болгары не ищут каких-либо привилегий перед другими народностями, а требуют только

одинакового с другими участия в управлении церковью, которая «есть общее достояние всех управляемых ею чад», и удовлетворить их просьбам, сообразно «с вечным правосудием Создателя Бога». Аали-паша, принимая от болгарских представителей вышеприведенный их ответ, объявил им, что доводы их изложены с достаточною ясностью и что он надеется, что ответ этот послужит средством к скорому и справедливому разрешению греко-болгарской церковной распри.

В тоже время управлявший вице-консульством в Варне довел до сведения русского посланника в Константинополе, что уния опять поднимается, как в столице, так и в провинциях. В столице появился новый орган с-т Бенедетских пропагандистов «Вестник Турции», для которого статьи пишут по-французски сами монахи, а редактор его Генович только переводит на болгарский язык. Не довольствуясь, как прежде привлечением в унию нескольких отдельных личностей из молодежи, пропаганда задумала привлекать к себе болгар целыми массами, и поэтому готовить их постепенно. Для этого ей сперва нужно отторгнуть их от всех их кумиров, разбить их и, со одной стороны, доведя народ до совершенного неверия в получении поддержки от его прежних помощников, а с другой – внушая ему убеждение в его собственной слабости, предложить ему, как единственный исход из такого отчаянного положения, соединение с Римом, посредством унии. С этою целью все усилия «Вестника» направлены до сих пор на унижение в глазах болгарского народа прежде всего России, потом духовенства, учителей и чорбаджиев. Турецкое правительство, невыказывавшее до сих пор явного сочувствия унии, теперь положительно и открыто становится на ее сторону. Министр Етем-паша³⁶⁰, путешествуя по Болгарии, советовал болгарам соединиться с католиками. Газета «Советник», орган цареградской болгарской общины и представителей, лишена права бесплатно пересылать свои листы по турецкой почте, а «Турции» это право предоставлено. Быть может она получает и денежное вспомоществование от Порты. Здешняя униатская община опять входит в большую силу. Никакое заступничество за виддинских чорбаджиев, Цанко и его товарища, не могло

облегчить участи этих несчастных. Но достаточно было поручительства униатской общины, чтобы больного Цанко отправили лечиться в больницу с-т Бенедет. Наконец, история заключения и ссылки в Дияр-Бекир из Систова учителя Хрулева служит прямым доказательством влияния католической партии. Поведение Аали-паши, в течение всего времени существования церковного вопроса, показывает, как нежелательно турецкому правительству, чтобы болгары и греки дошли до какого-нибудь соглашения. Впрочем, турецкие министры действуют совершенно в интересах своего государства. Небольшому мусульманскому племени можно сохранить свое владычество в Европе среди больших сплошных масс христианского населения не иначе, как возбуждая в нем раздоры и разъединяя это население. Аали-паша, по принятой издавна турецким правительством тактике, отбирает мнения и показания и патриархии, и болгар, обещаясь решить вопрос в самом непродолжительном времени; но лишь только приходит минута произнести решение, он всякий раз находит предлог, а иногда и без предлога уничтожает все сделанное и возобновляет вопрос с начала. *Divide et impera*. Ослепленные борьбою, болгары и греки вряд ли понимают довольно ясно свое положение, а если и понимают, то вряд ли способны помириться без третьей стороны бескорыстного посредничества.

Препровожденные, от 12 ноября (№ 7097), копии депеш из Варны, от 26 сентября, и из Перы, 21 октября, прочитав с горем, не могу скрыть одного в молчании, хотя для слова не имею ни права, ни соответственного знания, ни надежды какого-нибудь успеха.

В депеше из Перы не вполне изложен ответ болгар на недавнее положение патриаршего совета (это не синод, потому что собрание состояло из духовных и светских); но по сведениям о сих последних можно полагать, что в ответе болгар больше правды, нежели в положениях совета.

Аали-паша объяснил, что доводы болгар ясны, и что ответ их послужит к скорому и справедливому разрешению греко-болгарской распри; по-видимому, это подает добрую надежду, и если после сего прочитать депешу из Варны, то надежда

скрывается. Управлявший вице-консульством доказывает, что греки и болгары неспособны помириться без посредства, и что от турецкого правительства нельзя сего надеяться, потому что ему выгодно разделять и тем ослаблять его христианские нации, которые в соединении сильнее турок. Это мне давно думалось, и я писал к вашему предшественнику, нельзя ли растолковать и грекам, и болгарам, что они взаимным противоборством сами себе наносят разрушительный удар, и в религиозном, и политическом отношении, тогда как, чрез примирение восстановив взаимное согласие, они были бы сильнее пред нехристианским правительством и безопаснее от заразы унии.

Кажется, министерству иностранных дел не было бы противно, если бы такие мысли архимандрит Антонин письмом и просто посеял там, где они могут пасть не на камни и не при дороге.

Вот что не утерпел я, чтобы не сказать вашему превосходительству. Простите, если занимаю вас без пользы.

28 Декабря, 1864 г.³⁶¹

1865 г.

31 января. Заметка митрополита Филарета, по прочтении донесения консула нашего в Адрианополе о положении церковных дел в Болгарии

А. П. Ахматов, при отношении, от 31 декабря, 1864 года, за № 8048, препроводил к митрополиту Филарету копию с донесения русского консула в Адрианополе, г. Золотарева, от 9/21 того же месяца, в котором были изложены некоторые сведения о тогдашнем положении церковных дел в Болгарии, собранные им во время путешествия его по Балканам.

В своем донесении г. Золотарев, между прочим, писал: «От самого Адрианополя до Дуная ни один, несколько независимый, болгарин не хочет более признавать власть патриархии, и многие из болгарских старшин спрашивали меня, благосклонно ли смотрит Россия на предпринятое ими движение. По ответе моем на этот вопрос в смысле предписания, данного управляемому мною консульству, я заметил, что у многих болгар составилось мнение, будто бы Россия больше расположена в пользу греков. Для разъяснения этих сомнений, которые могут сделаться в будущем для нас невыгодными, вследствие возбуждения неудовольствия 4,000,000 христиан, было бы необходимо, по моему смиренному мнению, объявить раз навсегда болгарам, до каких пределов и в какой мере расположены мы поддерживать их требование; с другой стороны, нужно бы действовать на патриархию таким образом, чтобы довести и до тех уступок, которых достижение мы указали бы возможным для болгар. В противном случае, если эти последние, сохраняя свои настоящие сомнения, успеют добиться требуемого ими от патриархии, то они будут продолжать думать, будто бы с нашей стороны не было сделано никакого нравственного понуждения грекам, и что мы употребляли свое влияние единственно в пользу константинопольского духовенства».

По прочтении этой бумаги, митрополит Филарет на отношении А. П. Ахматова, за № 8048, написал:

«Января 31. Последнее мнение примечательно. Но распря далеко прошла, и разломала за собою мосты. Если предложить, сколь возможно, лучшее для той и другой стороны, все будут соединены». ³⁶²

13 ноября. Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову о греко-болгарской церковной распре

Ваше превосходительство, милостивый государь.

Копии донесений г. вице-консула³⁶³ российского в Филиппополе, № 29, о действиях годичного собрания депутатов филиппопольской епархии для совещания по церковным делам, и г. управляющего консульством в Адрианополе, № 72, о болгарских семействах, перешедших в унию, при сем возвращаю.

Глубока болезнь патриархии. Вначале не уврачевала ее нерешительность одного патриарха, хотя это было тогда не трудно; потом непреклонность другого усилила упорство болгар, и поставила новую, сильнейшую, преграду примирению, низложением двух епископов, вместо временного отлучения от церкви. Теперь трудно нам дать той и другой стороне разрешительное слово, и трудно ожидать услышания.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства, милостивого государя, Филарет, митрополит московский.

№ 53. 13 Июня, 1865 г.³⁶⁴

15 августа. Заметка митрополита Филарета, по прочтении депеши посланника нашего в Константинополе о тяжелой болезни бывшего епископа болгарского Авксентия

Генерал-адъютант Н. П. Игнатьев депешей, от 2–14 февраля 1865 года, за № 26, уведомил министерство иностранных дел, что «болгарский епископ Авксентий безнадежно болен. Полагая, что примирение его с великою церковью послужит предсмертным утешением для него самого и благотворным примером для его сообщников, я предложил патриарху совершить долг христианской любви и с тем вместе поступок политической мудрости, дарованием разрешения этому епископу, отлученному от церкви.

«Его святейшество принял благосклонно мою мысль и сообщил ее Синоду; после жаркого прения, отправили епископа преславского объявить умирающему, что патриарх забывает все прошедшее и предлагает ему принять прощение великой церкви».

«По несчастью, подчинившись влиянию окружавших его самых ярых болгарских предводителей, Авксентий не внял увещеваниям епископа преславского и оттолкнул простираемую ему руку примирения».

«Это обстоятельство глубоко огорчило патриарха, который сообщил нашему драгоману³⁶⁵, что болгары готовят необыкновенно торжественные похороны Авксентию; тело его будет бальзамировано и отправлено для погребения в место рождения покойного – Самоково, где воздадут ему почести мученика и святого. Патриарх не желает, с своей стороны, препятствовать этим заявлениям; но так как при этом могут возникнуть беспорядки в простом народе, между греками и болгарам, то он предупредит о том правительство».

«Его святейшество приказал передать мне, что он готов поручить синоду присутствовать в полном составе при погребении епископа, если только я поручусь, что эти церковные сановники не подвергнутся никаким враждебным и

оскорбительным поступкам со стороны болгар. Я отвечал его святейшеству, что, не имея непосредственного влияния на болгар, я не могу принять на себя такую ответственность; но нахожу, что достоинство церкви требует, дабы она поддержала данное ею прощение, даже после отвержения оногo».

Много странностей соединено со смертью Авксентия.

Предлагают прощение непросящему, а он не принимает прощения.

Как предлагать прощение лишенному сана? Неужели вновь хотят принять его епископом? Неужели лишение сана есть временная, преходящая мера, как отлучение от общения?

Весь синод хочет присутствовать на погребении лишенного сана и непринявшего прощения. Поддержать прощение непринятое будто бы требует достоинство церкви. Напротив того, достоинство церкви оскорблено неприятием прощения. И как поддержать прощение непринятое?

15 Августа, 1865 г. ³⁶⁶

27 августа. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, графу Д. А. Толстому, по греко-болгарскому делу

Граф Д. А. Толстой, при отношении, от 24 июля, 1865 г., за № 3835, препроводил к митрополиту Филарету, на его усмотрение, депешу русского посланника в Константинополе, от 29 июня—11 июля 1865 г., за № 175, в которой генерал Игнатъев сообщил министерству иностранных дел, между прочим, о том: а) что комиссию по болгарскому делу предполагается, чтобы духовенство и старшины каждой болгарской епископии представляли синоду трех кандидатов на открывшуюся кафедру; б) что, по желанию болгар, изъявлено комиссией согласие увеличить у них число митрополий; в) что избрание патриарха совершается членами синода и мирянами: но болгарские митрополиты, вместо особого участия в этом, будут заседать в синоде поочередно, наравне с другими, и таким образом они составят достаточное число избирателей от духовенства; что же касается до избирателей от мирян, то для расширения участия болгар, число областных представителей будет увеличено с 28 на 58, а от столицы назначается 8 представителей; г) что комиссия, вместо учреждения особого смешанного совета для болгарского народа, предлагает допустить 4 болгарских члена из мирян в совет, существующий при патриархе; д) что эти правила, по рассмотрении их в патриархате, будут представлены министру иностранных дел; е) что греки настаивают пред патриархом, чтобы он предупредил Аали пашу, что если болгары не согласятся на эти уступки, он сам будет просить об иерархическом отделении болгарской церкви; но что Порта не решится содействовать этому разделению, находя выгоду в поддержании существующего порядка дел; ж) что патриарху, который спрашивал мнения русского посольства о заключении комиссии, сообщено, что предположение оной заключает в себя много хорошего, но еще не довольно полно для удовлетворения болгар и прекращения церковного раздора.

К сему генерал Игнатьев присовокупил, что советы посольства не осталась без благотельного влияния на намерения патриархии. Новый способ избрания епископов и допущение 4 болгарских членов в смешанный совет далеко превосходит уступки, предложенные в прошлом году.

Возвращаю депешу посланника российского в Константинополе, от 29 июня—11 июля сего года, № 175, по греко-болгарскому вопросу.

Дело греко-болгарское, кажется, с надеждою вступает на путь примирения. Благодарение г. посланнику.

Но непонятно мне, как мог сказать вселенский патриарх, что он сам будет просить об иерархическом отделении болгарской церкви. Если он угрожает сделать то, чего совсем не хочет сделать, то это не патриаршее слово.

Непонятно и то мнение г. посланника, что Порты не решится содействовать этому разделению, когда он сам говорит в другой депеше, что Порты поступает по правилу: разделяй и господствуй.

Но это мои недоумения, которые никакого не требуют разрешения.

Мой долг молиться о мире церкви.³⁶⁷

1866 г.

27 апреля. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому с мнением о предположении Османа-паши печатать богослужебные книги для православных церквей в Боснии, во вновь открываемой в г Сараево турецко-сербской типографии

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф Д. А. Толстой, при отношении, от 15 апреля 1866 года, за № 2178, препровождая митрополиту Филарету копии с двух донесений русского консула в г. Сараеве³⁶⁸ посланнику нашему в Турции, обратил внимание его «на предложение Османа-паши печатать богослужебные книги для православных церквей в Боснии, и при этом сообщил, что он, находя вполне основательными выраженные консулом опасения, отнесся в министерство иностранных дел с ходатайством поручить посланнику нашему, в Константинополе, употребить всевозможные меры к тому, чтобы предположение это не осуществилось».

При сообщении мне (от 15 апреля, № 2178) копии с донесения боснийского консула, ваше сиятельство изволили заметить, что всего более заслуживает внимания предположение Османа-паши печатать богослужебные книги для православных церквей в Сараеве, в турецко-сербской типографии.

Подлинно так.

Печатание богослужебных книг в руках магометанских и оскорбительно, и может быть вредно для православия.

Издравле православная церковь, по апостольской заповеди, молясь за царя, молится и о победе его, не именуя притом врагов его, и не произнося против них прещений, чтобы исполнить долг к царю и не произносить слово, которое казалось бы несообразным с заповедию о любви к врагам. Но в средние века национальная любовь к царю и отечеству выступила за сей предел, и мы читаем, например, в богослужебной книге:

«Агарянская чада ты, отроковице, покори императору нашему молитвами твоими» (Октоих, глас. 4 пят. канон. песн. 9).

Турки долго не знали, что есть такие места в наших богослужебных книгах; но наконец константинопольскому правительству указали оные неблагонамеренные люди.³⁶⁹

Это, по моему мнению, требует внимания в настоящих обстоятельствах.

Против турецкого предприятия печатать наши богослужебные книги и вести борьбу не нужно ли предоставить патриарху, а деятелям русского правительства не входить открыто в сию борьбу?

Нужно, или не нужно, но да будет ведома вашему сиятельству сия мысль.³⁷⁰

8 июня. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому по поводу возникшей в среде греческого духовенства мысли обратиться к Синодам Российскому и Афинскому с просьбой о содействии к разрешению греко-болгарской церковной распри

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

В среде греческого духовенства возникла мысль обратиться к Синодам Российскому и Афинскому с просьбой о содействии к разрешению греко-болгарского спорного вопроса.³⁷¹

Прежде нежели сия мысль перешла в дело, предосторожность требует рассмотреть вопрос: можно ли признавать удобоисполнимым и целесообразным вышеизъясненное предположение?

Незадолго пред сим было сношение вселенского патриарха с Всероссийским Синодом по делу о молдаво-влахийском законодательстве, и оказалось для святейшего патриарха удовлетворительными. Вероятно, от сего успеха родилась мысль сделать подобное сношение о греко-болгарском вопросе. Но это два дела, очень различные. В первом деле были в виду определенные положения и несправедливые защитительные доводы князя Кузы³⁷², которые можно было с ясностию опровергнуть церковными правилами, историею, и другими соображениями. Во втором является неопределенное требование болгар, и также неопределенное противоборство греков. Болгары просят национальных архиереев; но в епархиях, которые они почитают своими, население болгарское смешано в различных пропорциях с греческим. Греки отвергают начало национальности; но в самом деле действуют для сохранения господства своей национальности и не вспоминают, что Дух Святой признал начало национальностей, когда ниспослал церкви дар языков, чтобы каждая национальность на своем языке имела учителей веры и богослужение. Дело, вначале не очень трудное, более запутано

и затруднено медленным и изменчивым движением оного. Оно не может ясно и убедительно быть решено одними правилами: нужны взаимные соглашения и уступки. Это можно делать только на месте, только самим спорящим сторонам. Какое бы мнение ни дал по сему делу Всероссийский Синод: вероятнейшее последствие то, что обе стороны будут недовольны, и не примут оного; следственно пользы не будет, советующая сторона будет оскорблена, и мир между церквами и народами, более или менее, потерпит ущерб.

Мы можем только сказать: возлюбленные соправославные братия, еллины и болгары, не ослабляйте себя и друг друга ослаблением единства; укрепляйте себя охранением единства; не давайте вашим разделением случая чуждым расхищать ваше духовное стадо; равно да чтят общее священноначалие, эллин и болгар; равно да печется общее священноначалие о эллине и болгаре. Естественно справедливо, и с духом православной церкви согласно, чтобы болгары имели пастыря, богослужение и училище своего языка, а не чужого, а для сего нужна им значительная доля свободы и в избрании себе пастырей. Порядку церковного управления не было бы противно, с обстоятельствами сообразно и для болгар успокоительно, если бы твердым правилом постановлено было, чтобы некоторые из болгарских архиереев присутствовали при святейшем патриархе в синоде.

Сии и подобные мысли не могут ли быть доведены до сведения великой церкви, без официального сношения? И не лучше ли так? Потому что, в случае непринятия частных поданных мыслей, последствия не так значительны, как в случае непринятия официальных предложений.

Впрочем, Святейшему Всероссийскому Синоду принадлежит усмотрение избрания лучшего.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства, милостивого государя, и проч.

8 июня, 1866 г.³⁷³

11 июня. Заметка митрополита Филарета на письмо А. П. Ахматова о распределении церковной подати между греческими и болгарскими епархиями

А. П. Ахматов, при письме, от 26 января, 1865 г., препроводил к митрополиту Филарету, на его усмотрение, депешу русского посланника в Константинополе, от 5–17 января, за № 1, о последовавшем между Портою и константинопольскою патриархией соглашении относительно предоставления правительственным сборщикам взимания церковных податей и о порядке распределения их между болгарскими и греческими епархиями. При этом вниманию митрополита были представлены следующие соображения.

«Встречающееся важное затруднение к справедливому распределению церковной подати между греческими и болгарскими епархиями приводит на память, что, при обсуждении болгарских требований в смешанной комиссии, был поднят вопрос о значительном неравенстве тех и других епархий, из которых греческих 70, а болгарских только 15, между тем как огромное большинство народонаселения находится на стороне последних. Болгары доказывали, что многочисленность греческих епископов составляет злоупотребление высшего духовенства, размножившего их число без всякой действительной нужды. Существуют отдельные епархии для греческих общин, состоящих не более, как из 1000 семейств, тогда как славянские епархии заключают в себе от 10,000 до 50,000 домов.

Не было ли бы удобно воспользоваться возникшим затруднением для предложения патриархии сократить число греческих епархий? Несомненно, что малочисленное и бедное греческое население обременяется содержанием значительного числа своих епископов, и уменьшение их составит существенное и большое сближение для греков. С другой стороны, с отстранением, вследствие сего, надобности обращать на болгар содержание епископов греческих епархий,

предотвратится неминуемое по сему поводу усиление вражды между обоими народами и новые отпадения болгар в унию».

На этом письме митрополит Филарет написал:

«1866 г., 11 июня. Уменьшить число греческих епархий было бы совершенно справедливо. Но вмешательство в сие дело со стороны российской епархии не обещает успеха, и угрожает несогласием.³⁷⁴

1867 г.

16 января. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, по поводу намерения униатского епископа Рафаила возвратиться в православие

Граф Д. А. Толстой доверительным отношением, от 17 января, 1867 г., за № 222, уведомил митрополита Филарета, что русский посланник в Константинополе получил от доверенных лиц уведомление о высказанном, будто бы, униатским епископом Рафаилом³⁷⁵ намерении возвратиться в православие и бежать в Россию, впредь до разрешения болгарского вопроса, т. е. до того времени, когда ему возможно будет получить одну из болгарских епархий; что посланник, не будучи еще уверен в справедливости сего известия, но имея в виду необходимость действовать безотлагательно, в случае непосредственного обращения к нему епископа Рафаила, испрашивал разрешения министерства иностранных дел, может ли он обещать Рафаилу содержание, где и в каком размере, и вообще какие будут условия пребывания его в России, и что министерство сообщило об этом обстоятельстве на заключение Святейшего Синода. Посему граф Толстой просил митрополита сообщить ему отзыв по настоящему делу.

Доверительно.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Доверительным отношением вашего сиятельства, от 14 сего января, № 222, требуется мнение о униатском епископе Рафаиле, намеревающемся обратиться в православие и бежать в Россию, впредь до разрешения болгарского вопроса, т. е. до того времени, когда ему возможно будет получить одну из болгарских епархий.

Из депеши русского консула в Адрианополе³⁷⁶, от 1 декабря, 1865 года, № 250, видно, что Рафаил был некогда диаконом при болгарском (низложенном патриархом) архиерее Авксентии, и удален был за безнравственное поведение; что Рафаил старался внушить униатам «дух вражды и злобы»; что, по его наущению, униаты в 1862 году «выгнали димотийского

митрополита, разорвали ему в клочки рясу и вырвали из бороды волосы».

В приложенном при той же депеше письме Рафаила он побуждает жителей Ибрюума прогнать владыку ортакийского; греческих владык называет «проклятыми» и говорит, что «следует задавать им *деревянный Господь*» (побои палками).

В таком лице незавидное приобретение получит православная церковь.

Вероятно, Рафаил потому только хочет бежать в православие и в Россию, что ему худо в унии.

И какую надежду имеет он получить болгарскую кафедру? Рукоположение в диакона он получил, вероятно, от Авксентия, епископа незаконного, а в епископа рукоположение имеет латинское, которого патриарх как не признал в Иосифе, так не признает и в Рафаиле.

Неприятно дело Иосифа. Его надежды на Россию не сбылись; на болгар это сделало неприятное впечатление. Надобно ли открывать путь другому, подобному делу, и еще худшему по качествам Рафаила?

По моему мнению, можно только сказать Рафаилу, что если он обратится в православие и придет в Россию, то, по единоверию и по любви к болгарам, доставлено будет ему пребывание и потребное содержание, без обнадежения его признанием епископства и получением кафедры; потому что нельзя предвидеть, допустят ли сие обстоятельства.

Пребывание ему назначить надобно, конечно, не в Киеве, на глазах половины России, а в другом месте на Юге.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, и проч.

№ 3. 16 Января, 1867 г.³⁷⁷

27 марта. Записка митрополита Филарета, под заглавием: «о расположении филиппопольских Болгар к миру церковному»

I. Получена копия следующей телеграммы³⁷⁸ из Адрианополя:

«Филиппопольские болгары готовы мириться с патриархом на условиях, которые указаны будут им Россиею».

II. Министерство иностранных дел, признавая трудность этой задачи, требует однако же рассмотрения оной и мнения.

III. Как тяжко страдает константинопольская церковь от болгарской распри! Не поспешив употребить примирительные меры, нетрудные вначале, она подверглась жестоким оскорблениям со стороны болгар; употребила против них крайнюю меру, – низложение епископов, но с постыждающею безуспешностью; низложенному Авксентию, во время его предсмертной болезни, миролюбиво, но не по правилам и не довольно сообразно с своим достоинством, предлагала примирение, и вновь была оскорблена отказом его³⁷⁹; видела пред лицом своим похищение чад своих западною униєю, и возникновение западно-униатской иерархии; не остается и теперь безопасно с сей стороны; неоднократно составляла примирительные совещания и условия примирения, но бесплодные: и при всем этом не видно, чтобы она склонилась братолюбиво приближать болгар к равенству с греками; в ее условиях мира, сколько они известны, видно стремление поставить греческую стихию в большой высоте и господствующей силе над болгарскою; и болгары, кажется, не имеют ясного удостоверения в свободе своего церковного языка и национальных училищ, и в своей безопасности от еллизинизирования.

При таких обстоятельствах нельзя не опасаться, что если предложены будут условия примирения, умеренно благоприятные для болгар, они не будут угодны грекам, а если предложат условия, угодные грекам, они не будут удовлетворительны для болгар.

IV. После стольких между греками и болгарами споров, совещаний, попыток сближения, нет достаточной известности, чего та и другая сторона держится твердо, и чего менее твердо; и потому нет надежного основания даже для догадочного составления согласительных условий.

V. России вверяют свое примирение болгары только филиппопольские. Положим, что Россия предложила филиппопольским болгарам способ примирения с патриархом, и они согласились. Но возможно ли сие частное примирение, когда дело касается организации всей церкви, именно, состава патриаршего синода, в котором болгары требуют определенного числа мест для своих архиереев? А можно ли надеяться, что филиппопольским болгарам последуют и другие, и особенно константинопольские, более сильные и более имеющие влияния на прочих? В высшей степени вероятна неудача. Но, конечно, не должно идти на встречу неудаче.

VI. Кажется, у греков уже есть мысль, что Россия не беспристрастна, и более расположена к болгарам, нежели к ним. Мысль сия получит подкрепление, если предложится проект условия примирения, который грекам не понравится. Призываемые к миротворству должны остеречься, чтобы, чрез старание доставить мир другим, не приобрести неприязни себе.

VII. Задача не так сокращенна, чтобы ее можно было понять и решить по краткой телеграмме.

Кто предлагает средство мира? Духовенство, или народ, или оба вместе? Как значительно число согласных на сие, и их влияние на прочих? Можно ли надеяться, что требующие теперь условий мира, по предъявлении сих условий, твердо будут их держаться, и явятся не в бессильном числе? Доколе нет никакого ответа на сии вопросы, дотоле нельзя сделать никакого шага по телеграмме.

VIII. Какое же по сему делу, в настоящем его положении, может быть мнение? – Кажется, следующее:

1) требовать дополнительных сведений.

2) подать мысль филиппопольским болгарам, что не удобно действовать частно для них по делу, которое есть общее всем болгарам.

3) не спешить, и посмотреть, – не предпримет ли чего по сему делу нововступивший в управление вселенский патриарх³⁸⁰, и какое откроется воззрение его на сие дело.³⁸¹

27 Марта, 1867 г.

Октябрь. Мнение митрополита Филарета о двух редакциях записки о церквах греческой и болгарской и о предполагаемых сношениях Российской церкви с Греческою, по поводу греко-болгарской распри³⁸²

1. В одной из двух редакций записки о церкви греческой и болгарской, в 1 из 3 напоминательных положений сказано: *пребывание Вселенской церкви непогрешительною и непорочною без греческой невозможно.*

Это сказано без основания. Ни Христос Спаситель, ни соборы, ни святые отцы никогда не привязывали судьбы Вселенской церкви к одному какому-либо народу.

Соборы дали первенство епископу римской церкви; константинопольского патриарха поставили вторым. Отпал римский епископ с своею церковью: остался первенствующим константинопольский патриарх, и Вселенская православная церковь осталась непорочною, как была. Если бы (от чего да сохранит Бог) поколебался в вере константинопольский патриарх: Вселенская церковь осталась бы тем же, чем была, с патриархами антиохийским, иерусалимским, александрийским и Всероссийским Святейшим Синодом.

Нечто подобное можно видеть в Ветхозаветной церкви. В начале скиния в Палестине стояла в колене Ефремовом, и оно с Иисусом Навином, первенствовало. Потом первенствовал Иерусалим с храмом и царем. Далее десять колен, в числе их и древлепервенствовавшее колено Ефремово, отпали: это не помешало истинной Вселенской церкви оставаться в Иерусалиме и в двух коленах.

Другая редакция вышеприведенного места записки заслуживает предпочтение.

II. Но в сей второй редакции не ясно 3 из тех же положений, представленное в иносказательных выражениях: *как члены единого тела святой церкви, мы не можем не ощущать болезней, поражающих великое тело, а ощущая их – не можем не употреблять усилий к излечению пораженных частей.* Из

сего нельзя вывести определительного заключения, что́ должно делать. И не слишком ли резко будет, когда говорим, что *великое тело церкви поражено болезнию*? Проникает ли наше око сквозь все тело? Видим болящие члены: это дело иное.

Здесь лучше принять первую редакцию с некоторым изменением: *мы не должны равнодушно видеть у единовѣрных нам подавление их языка и лишение пастырей единоплеменных с паствою так, чтобы народ мог разуметь богослужение и учение церкви.*

III. В записке, которая здесь показывается второю, *греческий народ* называется *первозванным из языков*. На чем это основано? При сошествии Святого Духа являются парфяне, мидяне, еламиты, понтийцы, фригийцы, ливияне, римляне, критяне, арабляне, и, кто из них прежде уверовал, неизвестно. Потом Филипп обратил к христианству евнуха эфиоплянина. Потом Петр крестил Корнилия римлянина. Потом основалась первая из языков церковь в Антиохии, где коренное народонаселение сирское. Из пяти первых учителей сей церкви трое имеют еврейские имена, а двое римские: Нигер, Лукий. Все сие не ведет к тому заключению, что *греческий народ* есть *первозванный из языков*.

IV. В первой редакции, под заглавием *наши желанія и наши обязанности*, первый пункт изложен в выражениях жестких, и при том не обеспечивающих истины. Что значит; *бедствия сваливать с турков на греческое духовенство*? Если это значит; обвинять греков за мздоимство, которому причиною мздоимство турков, то хотя и ничего не сваливать на греков, на них есть своя тяжесть порока, отчасти достойная и снисходительного сужденія, но отнюдь не оправданія.

Статья говорит, что мы должны *восстановлять в общественном мнѣніи греческую иерархію*. Должно, но с справедливостию и беспристрастіем; ибо иначе защита наша не возвысит оную, а унижит нас. Надобно поддерживать каноническое достоинство иерархіи, но не оправдывать случайных и личных недостатков и погрешностей.

V. Во втором пункте сказано: *по церковным делам Востока не предпринимать ничего, мимо греческой иерархіи.*

Справедливо, но не по всем делам в одной степени. Если мы хотим строить богадельню или больницу: на сие не нужно требовать позволения греческой иерархии, а довольно сказать ей о том, чтобы наше дело не было перетолковано.

В том же пункте полагается *исповедывать наше с греческою иерархией братство и утверждать сей союз возобновлением частых дружеских с нею сношений*. Это желательно и нужно; только при сем не надобно забывать, что восточные патриархи признали Святейший Всероссийский Синод своим братом, а они это с своей стороны иногда забывают, как ясно видно из их соборного ответа Пию IX³⁸³, составленного ими так, как будто Всероссийская церковь не существует, тогда как нападение Пия IX, по своему содержанию, было не на одну греческую, но и на всю Вселенскую восточную православную церковь.

VI. В третьем пункте, полагается: *противодействовать мерам, которые ведут к ослаблению Греческой церкви*. Правило справедливое; но трудный вопрос в том, как исполнять оное. Господь да дарует проницательность усматривать опасное и мудрость отвращать оное.

VII. Еще правило: *не призывать вмешательства турецких властей в отношения между православными племенами и пастырями их*. И это справедливое правило осторожности, но не безысключительное. Вмешательство турецких властей происходит и без нас; но когда оно пристрастно и вредно, нам надобно стараться поставить оное в порядок и в пределы.

VIII. Еще правило: *ни в каком случае не допускать независимых и отдельных от патриаршего престола церквей в европейской Турции*. И это хорошее правило; но болгары могут сказать: почему же Российской церкви, прежде зависевшей от патриаршего престола, позволено быть независимою? Почему это позволено даже малой церкви греческого королевства (с весьма малым ограничением) и признано и вселенским патриархом, и Всероссийским Синодом? Да дарует Бог, чтобы не случилось, или чтобы могли быть не допущены такие обстоятельства, которые дали бы новую силу вышесказанным возражениям.

IX. Четвертый пункт призывает согласие, и невысказывает возражения.

X. Обратимся ко второй редакции.

В первом пункте правил действия полагается: *болгарам объяснять, что действия патриарха, несогласные с некоторыми желаниями болгар, не так важны, как могущие быть последствия от спора.* Нельзя приложить сие правило ко всем случаям, которые могут встретиться. Если, например, болгары жалуются, что епископ взял с епархии деньги свыше обычая, и еще собирает другие с насилием, и патриарх не принимает против сего мер: можно ли совершить дело примирения словом: это не так важно? В таком случае надобно объяснять болгарам, что власть патриарха священна, что восставать против нее незаконно и вредно, что правосудия должно искать с терпением и кротостию, что за несправедливость какого-нибудь лица производить волнение в церкви есть другая несправедливость, могущая вести к пагубе; но в тоже время смиренно представить надобно патриарху, что нужно ускорить исправлением беспорядка и по долгу справедливости, и для недопущения большого вреда церкви.

XI. В том же пункте полагается, чтобы от нас в Болгарии были путешествующие действователи. Мера полезная, если Бог даст верный выбор и благоразумное действование.

XII. Сказанное во втором пункте желательно, чтобы было исполняемо, но и это с осторожностью. Но для чего здесь говорится о *устранении подозрения в властолюбивых желаниях.* Для чего подтверждается *помнить все преимущества, принадлежащие вселенскому патриарху?* Для чего самим на себя возлагать подозрения в том, в чем патриарх не имеет причины нас подозревать?

XIII. Как желательно, чтобы *первенствующий член Святейшего Синода вел переписку с святейшим патриархом* истинно церковную, как, например, Василий Великий с Афанасием Великим! Была и после сих способная к сему греческая иерархия: Господу помолимся, да будет и впредь. Но что сказать о нынешнем времени? Не желалось бы, но нужно сказать: патриарх, который во время прошедшей войны

церковным актом клеветал на православную Россию, и предписывал молиться о победе магометан над православным царством, способен ли к таким сношениям? На сей случай, конечно, лучше совершенное молчание, потому что, при завязанных сношениях, потребовалось бы слово неприятное, не обещающее пользы. Кто поручится, что завтра или после завтра не встретятся завязанные сношениями обстоятельства, при которых завязанные сношения послужат к затруднениям, а не к пользе? Вероятно, патриарх и побоится войти с российской иерархией в близкие и постоянные сношения, и турецкое правительство в сем случае возьмет подозрения, и будет препятствовать. Уже иерусалимский патриарх говорит, что он получил выговоры от турецкого правительства за некоторые почести, оказанные преосвященному мелитопольскому³⁸⁴.

Вот еще соображение: патриарх иерусалимский прислал в Россию архиепископа, получил чрез него много русских денег, и не говорил, что это неправильно. Теперь в Иерусалим прислан русский епископ, который там будет делать добро русскими деньгами; и патриарх иерусалимский говорит, что это неправильно, и недоволен сим. Такие опыты обещают ли искренние церковные сношения?

Итак, желательно, чтобы были сношения российской иерархии с греческою; и это должно происходить с нашей стороны с уважением, с доброжелательством, с искренностью, но и с осторожностью, и, по всей вероятности, лучше скромно чрез находящегося в Константинополе архимандрита нашего, нежели непосредственно и открыто.

XIV. Чтò нужно было бы сказать на остальные пункты второй редакции, то сказано при рассмотрении первой.³⁸⁵

14 ноября. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому о последствиях собеседования его с двумя болгарскими негоциантами относительно способов к разрешению греко-болгарской распри

Граф Д. А. Толстой, отношением от 10 ноября, 1867 г. за № 5976, просил митрополита Филарета, согласно с ходатайством министерства, иностранных дел, оказать благоволительный прием и внимание болгарским негоциантам Георгиеву и Шопову, отправлявшимся в Москву, вместе с командированным министерством иностранных дел русским вице-консулом в Филиппополе Геровым, для совещания о способах к умиротворению распри болгар с вселенским патриархом.

Вчера беседовал я с двумя болгарами, едва не безмолвно, и с г. консулом немалословесно. К сожалению, они не понимают русского, а я болгарского наречия. Их слова мне, и мои слова им г. консул переводил, весьма сокращенно; более же сам излагал мне дело. От такого сношения нельзя ожидать значительного плода.

Болгары желают, чтобы посол российский, соединенно с греческим посланником, действовал на греков, дабы преклонить их к примирительным уступкам. На сие отвечал я, что если бы посол почитал сие средство благонадежным, то, без сомнения, употребил бы оное, и, по всей вероятности, употребил уже, по мере возможности.

Пред сим имел я сведение, что патриарх составил проект отдельной церковной болгарской области, что болгары не удовлетворяются сим проектом, а требуют присоединения к сей области еще некоторых епархий, и что патриарх обещает сделать сие в последствии.³⁸⁶

По сему сведению я советовал болгарам принять проект патриарха, в надежде, что он и обещаемое дополнение к проекту сделает, когда будет возможность, чего надобно надеяться от его личного возвышенного характера. Но на сие они сделали мне возражение, которого мне нельзя не признать. Они говорят, что составляемая патриархом область обнимает

только половину болгарского населения. Можно ли требовать согласия на то, чтобы болгарский народ рассечен был на две половины, и чтобы одной половине даны были некоторые облегчения, а другая осталась в тех, по истине, неудобовыносимых затруднениях, от которых весь сей народ силится освободиться? Если показание двух болгар и консула справедливо, то надобно удивляться, как решился вселенский патриарх предложить такой проект. Иное дело, если бы сильное большинство болгар входило в учреждаемую область, а меньшинство оставляемо было в надежде облегчений, получаемых большинством: на это можно было бы склонять. Болгары желают, чтобы Российский Синод дал примирительный ответ вселенскому патриарху, и чрез него константинопольским грекам. Но как сие сделать, если проект патриарха оказывается неудобоисполнимым? Неужели надобно Российскому Синоду составить свой проект, и предложить его константинопольской церкви? Это было бы оскорбительно для достоинства сей церкви; да и не можно Российскому Синоду сие сделать, по невозможности иметь для сего достаточные местные сведения.

Не должно ли решиться Святейшему Синоду, если не в надежде успеха, по крайней мере, чтобы исполнить долг церковного братолюбия и ревности о благе всей православной церкви, чрез своего первенствующего члена отнестись к вселенскому патриарху, во-первых, с изъявлением сострадания о нарушении внутреннего мира церковного; во-вторых, с выражением желания и молитвы, чтобы Верховный Божественный Пастыреначальник даровал ему силою мудрости, любви и снисхождения утишить несогласие, утвердить церковный мир, и отвратить опасности, могущие возникнуть от продолжения несогласий? Сей вопрос, по моему мнению, заслуживает рассмотрения Святейшего Синода.

И если будет о сем рассуждение, то да будет благоволено принять в соображение записку о постоянных сношениях между церквами константинопольскою и Российской, препровожденную мною к исправлявшему должность синодального обер-прокурора при отношении от 1 сего ноября, № 505.³⁸⁷

№ 516. 14 Ноября, 1867 г.³⁸⁸

III. По делам нашей духовной миссии в Иерусалиме

1859 г.

**15 мая. Отзыв митрополита Филарета об отчете
преосвященного Кирилла³⁸⁹, епископа
мелитопольского, от 10 февраля, 1859 г.³⁹⁰**

I. В сем отчете есть изречения преосвященного, затрудняющие суждение о правильности действия его и о достоверности описываемого им.

«Злоба патриарха³⁹¹ в отношении ко мне».

Жестоко, а неубедительно. Патриарх ли слишком тяжело поступал, или преосвященный Кирилл слишком тяжело осуждает. Слово злоба в устах епископа о патриархе кого более осуждает, укоряемого или укоряющего?

«Невозможно было прямо вмешиваться в дела внутреннего управления греческих монастырей».

Это значит, что он хотел бы вмешаться. Правильно ли? Полезно ли?

«Секретные сделки поклонников с греческим монастырем».

Какие могут быть? Почему поклонникам русским искренне относиться к греческим монастырям, нежели к русскому епископу?

«Я не верил своим глазам».

А что он видел, не видно.

«Проповедь о значении флага».

Употребляя в насмешку слово проповедь, вы оскорбляете ваше собственное служение.

«Меня нельзя ставить на одну доску с последним поклонником».

Но было ли это? Каким образом? И не лучше ли бы стоять за справедливость дела, а не за свою личность?

«Лучше будет, если мы не будем играть в жмурки, ловя друг друга».

Это не объясняет дела. И согласно ли с степенностью архиерея, что он сам себя изображает играющим в жмурки?

II. Но есть и такое, что ясно, и о чем стоит труда подумать.

Преосвященный Кирилл пишет: «агенция общества пароходства и торговли в Иерусалиме, городе ни приморском,

ни торговом, так аномальна, что сама не может не чувствовать себя в довольно неловком положении, без товарищей, без дела». Нет ли здесь правды? Что делает, или хочет делать пароходное общество? Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не больше ли принадлежит духовной миссии, нежели обществу пароходства и торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, общество пароходства и торговли имеет в своих руках, и заботится как бы и впредь в большом количестве получать их в свои руки. Иностранные правительства употребляют сотни рублей на агентство, чтобы обеспечить движение и приобретение тысяч; что если мы, истратив на агентство тысячи, не приобретем и сотен? Говорят: большее приобретение есть политическое влияние. Вникнем в сию мысль. Мы можем приобрести или увеличить доброе к нам расположение арабского племени, православного, доброго, но угнетенного, бедного, необразованного, посему мы можем иметь на сие племя нравственное влияние; но какое тут может быть политическое влияние, и какой может принести плод? Не увеличит ли только сие нашу обязанность защищать сие племя в религиозном и политическом отношении, а это зависит от политического влияния нашего не здесь, а в Константинополе. Слово касается здесь предметов чуждых и незнакомых; но это потому, что разные предметы смешаны, и нужно стараться представить их в порядке. Незнающий дает знающим вину к размышлению: как вернее соразмерить средства с целями, и виды религиозные, политические, коммерческие поставить в порядке так, чтобы одни другим споспешествовали, а не препятствовали, и не были поглощаемы одни другими.

III. Преосвященный Кирилл полагает поддержать постройку церкви в Суле, где православие уже исчезло.

Непонятно, как здание церкви можете произвести вновь православие там, где оно уже исчезло.

IV. Говоря об отношениях российской иерархии к восточной, преосвященный Кирилл невысокое уважение оказывает к матери своей церкви Всероссийской и к самой истине.

«Наконец», говорит он, «самое благонамеренное участие русской иерархии в общем деле православия всех вызывает на противодействие более или менее упорное».

Доказательства на сие нет. И в слове *всех*, конечно, есть преувеличение.

Он продолжает: «виновата, может быть, и греческая иерархия; может быть, виноваты мы сами».

Тяжкое слово против церкви или иерархии: ты виновата. Но если это только *может быть*, то для чего же вы произносите порицание, в котором сами не уверены?

Продолжает: «600 лет все хлопчем мы о том, чтобы отстоять свою независимость от константинопольского патриархата».

Слово *хлопчем* в деле важном отзывается насмешкою.

Несправедливо, что Российская церковь 600 лет усиливается остоять свою независимость. В сем периоде было много времен ее послушания константинопольским патриархам. Почитайте историю святителей Петра и Алексия: хлопотали ль они о независимости от патриарха константинопольского? Если иногда поставляли митрополита Всероссийского без отношения к патриарху, то это в случаях неудобства сношений, и по другим уважительным причинам. Падение Константинополя и обширность церкви Российской были основательными причинами, по которым восточные патриархи согласились признать ее самостоятельную.

Преосвященный Кирилл продолжает: «почти триста лет как считаем себя патриархатом между патриархатами».

Для чего вы говорите: *считаем себя*? Не только считаем себя, но действительно есмы, и Восточную церковь признаны. Читайте патриаршие грамоты.

Продолжает: «дело законное; но тут вкралась ошибка».

Как легко один епископ осуждает церковь, не допросив ее. А, может быть, она показала бы независимые от нее причины того, что вам не нравится.

Продолжает: «начав дело в чувстве недовольства греками».

Это не точно. Были другие важнейшие причины дела, на которые выше указано.

«Слишком много недоверия к грекам, веры к себе».

И это не точно. Может ли быть полнее доверие к греческой иерархии, как то, которое видно в деле о исправлении богослужебных книг, и в отношениях к константинопольскому патриарху царя Алексея Михайловича и патриарха Никона во время бывших между ими недоразумений?

«Мы отделились от сношений с Востоком, замкнулись в себе».

И это не точно. Мы никогда не замыкались в себе. В прошедшем и нынешнем столетии немного было сношений, потому что не представлялось сильных к тому поводов. Но были сношения доброжелательные. Например, мы дали патриархам иерусалимскому, антиохийскому и александрийскому подворья в Москве, и способствовали им вынести из России большие пособия для их церквей. Был случай, требовавший совещания восточной иерархии с российской, именно, когда надлежало отвечать Пию IX³⁹², но не мы виноваты, что иерархия восточная нас к сему не пригласила. Это ее недогадка или самонадеяние, а с нашей стороны кротость, что мы не укорили оную за то.

Далее: «жалкая самостоятельность, которая не дала нам силы не обойтись без других, ни вмешиваться в общее дело».

Восклицание не уважительное к церкви, и оскорбительное.

В каком смысле говорите вы, что Российская церковь не имеет силы обойтись без других? Во внутреннем ли управлении? Это не справедливо. В отношении ли ко вновь иногда возникающим догматическим вопросам? В сем отношении Российская церковь не бессильнее других; в сем отношении всякая церковь имеет нужду в совещании с другими соборном.

Чтобы Россия не имела силы вмешиваться в общее церквам дело, это также несправедливо. Не бессильна церковь; но неискусство или недостаток ревности действователей ее в отношении к другим церквам могут сделать силу ее мало действительною. Указывайте ясно, кто из них, когда, в чем погрешил, и давайте советы к исправлению; но справедливо ли,

полезно ли обременять неопределенными порицаниями церковь шести веков или церковь трех веков?

Что мы, как говорит преосвященный Кирилл, держим уставы церковные даже строже греков, это очень хорошо, и для чего введено сие в речь обличительную?

Что греки делали перемены без мысли поделиться с нами, в этом мы невиноваты. Да и было ли чем делиться? Например: они соединяют утреню с литургиею, опуская окончание первой и часы; это произошло, без сомнения, от того, что нужно было совершать богослужение ночью, поспешно, скрытно от магометан. По времени это сделалось обычным. Тут нечем делиться с нами, когда наш порядок лучше; но и нам остается смотреть на сие с терпимостию и снисхождением.

Преосвященный Кирилл говорит, что какие-то «люди со стороны дивились, что одна церковь не знает о святых, чтимых другою».

Напрасно он присоединяется к удивлению о том, в чем нет удивительного, по пространству Вселенской церкви. И нет церковного правила, чтобы каждая церковь извещала о своих святых все другие церкви, и чтобы каждая церковь обязана была знать всех святых других церквей. Посмотрите древние святцы разных церквей: увидите, что некоторые святые в одних святцах вписаны, а в других нет, и следственно некоторые церквам не были известны, и никто сему не удивлялся, и никто не упрекал за сие церковь.

Преосвященный Кирилл говорит, что церкви Восточная и Российская «расходятся в вопросах литургических и частию канонических, и обе спокойны и не думают поправить дело».

По силе слов, это обвинение в расколе, обвинение, которое не без страха надлежало бы произнести, если бы в виду были доказательства. А оно произнесено без доказательств.

Это еще обвинение великих церквей в том, что они не заботятся уврачевать раскол. Опять обвинение тяжкое; но без доказательств.

Выше указан пример литургического вопроса, именно, что Российская церковь совершает утреню отдельно, а потом часы и литургию, а константинопольская церковь сокращает и

соединяет утреню с литургиею. Но нет нужды обвинять церкви в том, что смотрят на сию разность спокойно. Существенная часть богослужения, великое таинство евхаристии, совершается согласно в обеих церквах. Разность в дополнительных обрядах не составляет ни ереси, ни раскола. Исправлению подлежит константинопольское служение. Чтобы спором о предмете несущественном не повредить согласию церквей, Российская церковь спокойно ожидает, когда константинопольская найдет удобным усовершенствовать свой чин, по древнему образцу.

Преосвященный Кирилл продолжает: «предполагать раскаяние в грехах 600 лет трудно».

Убойтесь Бога, владыко! С чего вы взяли, будто Российская церковь грешит 600 лет?

Преосвященный Кирилл говорит еще о нашем действовании на Востоке, как последнее слово, лежащее на душе, следующее: мы «то поднимаемся во весь рост, то валяемся в прахе пред греками».

Доказательства опять нет.

И кто это мы? Впереди всех нас на Востоке находитесь вы, преосвященнейший Кирилл. В защиту вашего достоинства позвольте сказать, что вы оклеветали себя, и что вы *не валяетесь в прахе пред греками*.

«Мы одни», говорит преосвященный Кирилл, «можем порешить вопрос о существовании Восточной церкви».

Остережемся, чтобы не согласиться с сим несмирненным мнением. Решение вопроса о существовании Восточной церкви принадлежит *Создавшему церковь Свою, вратами адовыми неодолимую*.

Прекращаю сии замечания, чтобы не утомить читающего. Но полагаю, что их должно было сделать; потому что человек, не имеющий удобства документально проверить то, что говорит преосвященный Кирилл, мог бы глубоко быть возмущен в совести, при виде того, какие тяжкие обвинения возлагает на православную церковь, и в особенности на Российскую, человек, которому, по званию, свойственно защищать оную. Надобно было также способствовать рассмотрению, верны ли

предлагаемые преосвященным Кириллом мысли, чтобы неверные мысли не увлекли в неверное направление дел.

V. Нельзя однако пройти без внимания следующего изречения преосвященного Кирилла: «не помогать угнетенным православным паствам, а ввести русскую иерархию в дело православия на Востоке, – вот дело, налагаемое на миссию силою обстоятельств».

Православные и человеколюбивые, надеюсь, не согласятся с преосвященным, что не наше дело помогать угнетенным паствам. И он сам не отказывается от сего дела, как видно из отчета его.

А что значит ввести русскую иерархию в дело православия на Востоке, на это нужно было бы от него объяснение. Это походит на то, чтобы составить собор из восточной и русской иерархии. Может ли, и должна ли миссия вести дело к сему?

VI. Заботясь о сближении русской иерархии с восточною, преосвященный Кирилл, кажется, удаляется от своей русской иерархии. Он изобрел проект, который должен быть исполнен во всех церквях России, но обратился с сим проектом не к Святейшему Синоду.

Проект состоит в следующем: преосвященный каждый год будет готовить 2,500.000 крестов, освящать их в Иордане, и рассылать по всей России для крещаемых младенцев, и получать 2 копейки; готовить 800.000 колец, освящать их у источника в Назарете, рассылать по всей России для женихов и невест, и получать на каждое по 2 копейки.

Но прежде нежели обрадоваться открытию средства получать ежегодно 10,000.000 копеек, надобно принять в рассуждение следующее:

1) Неприлично из священнодействия таинства извлекать налог или барыш, хотя и ничтожный.

2) Приобретение сего дохода нельзя считать вообще легким и верным. В епархиях, где духовенство пользуется доходами, а не жалованьем, бедные люди иногда не имеют, что дать священнику; следственно не дадут и за крест, или же плату за крест выделяют из малого дохода причту, и таким образом изобретение обратится в налог на бедный причт.

3) При данном ныне просторе расколу, всякое требование церковное, от которого свободны раскольники, обращается в побуждение переходить в раскол.

4) Будет ли выгода? Купить кресты и кольца, отвезти их на Иордан и в Назарет, переслать в Россию, разослать по консисториям, по благочинным, по церквам, – все это не обойдется ли больше 2 копеек за каждую вещь?

5) Преосвященный говорит, что контроля тут не нужно. Неправда. Если он разошлет 2,500.000 крестов, а получит деньги только за 2,000.000, а за 500.000 не получит, то надобно будет нарядить 500.000 следствий, чтобы дознать, почему который младенец не получил креста, или, получив, не заплатил 2 копеек?

6) Основательно ли предположение освящать кольца у источника назаретского? По Евангелию святого Луки, Благовещение произошло в храме: *вшед к ней ангел.*

15 Мая, 1859 г.³⁹³

1861 г.

28 июня. Записка митрополита Филарета о бетсакурской церкви и о куполе иерусалимского храма

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, при отношении, от 21 июня, 1861 года, за № 3638, препровождая к митрополиту Филарету «письмо преосвященного Кирилла мелитопольского и все депеши князя Лобанова-Ростовского», просил его, «с возвращением сих бумаг, сообщить» ему мнение о предположениях, заключающихся в упомянутых бумагах. При этом обер-прокурор не скрыл от владыки, что он недоумевает, «каким образом князь Лобанов одно и тоже предприятие называет совершенно частным и вместе с тем считает могущим иметь важные политические последствия», и что его «тревожит мысль, как будет принята в православном духовенстве и народе, на Востоке и у нас, весть о соучастии Государя Императора и Наполеона III в исправлении купола над Гробом Господним, с отстранением от сего православного духовенства»?

На этом письме митрополит написал: *«Июня 29. Письмо и депеша о бетсакурской церкви и о куполе иерусалимского храма возвращаются с запискою»*. Записка митрополита, была доложена Государю Императору, который написал на ней несколько резолюций, приводимых в примечаниях.

О бетсакурской церкви и о куполе иерусалимского храма³⁹⁴

I. Дело о бетсакурской церкви справедливо полагается оградить от притязаний французского консула тем, что здесь нет особой вещественной святыни, которая привлекала бы поклонение христиан всех исповеданий, что эта православная церковь, принадлежавшая православному селению и ныне долженствующая удовлетворять той же потребности, что следственно это дело приходской церкви не связано с общим делом о палестинских св. местах.

По-видимому, в сем должно помочь и то обстоятельство, что дело идет не об исходатайствовании разрешения строить церковь, а о том, чтобы данное уже разрешение оставить неприкосновенным.

II. По делу о возобновлении купола храма гроба Господня, *удивительны суждения преосвященного мелитопольского*, который признает *«на храме гроба Господня права султана, законного владельца св. земли»*, и почитает *«нравственно справедливым требованием, чтобы Порта вознаградила общее бесчестие и оскорбление христиан в ее владениях возобновлением первой святыни христианства»*.

Султан, законный владелец Иерусалима, не имеет права на дом последнего жителя Иерусалима, ибо это есть собственность сего, а не султана. По той же причине султан не имеет права на храм иерусалимский. Он имеет право охранять его, как всякую собственность в своих владениях, своею властью и покровительствовать от несправедливых притязаний, но распоряжаться им и в нем не имеет права.³⁹⁵

За какое общее бесчестие и оскорбление христиан «вознаграждения» требует от султана преосвященный мелитопольский, он не объясняет. Но какое бы то ни было бесчестие и оскорбление, почему оно должно быть вознаграждено не иначе, как возобновлением иерусалимского храма? Это также непонятно.

Напротив того, не было ли бы бесчестьем и оскорблением для христиан то, если бы султан, положим, благодетельный, но не христианский владетель, работал над куполом гроба Господня, а христианские государи оставались в стороне, в бездействии?³⁹⁶

III. Неоспоримо то, что право собственности на храм гроба Господня принадлежит иерусалимской православной иерархии. Насильственное временное завладение крестоносцами не уничтожило сего права. Турецкое правительство постоянно признавало сие. Православные греки, для ограждения сего права, после бывшего в начале сего столетия пожара, в долг произвели возобновление храма, не допуская участия других исповеданий.

Но когда усилия Западной церкви поколебать сие право поддержаны сильною державою, когда турецкое правительство, не желая нарушить права и не находя удобным отказать настоянию, решилось на среднюю меру – возобновить купол храма своими средствами, когда решение сие остается без исполнения и купол над гробом Господним доведен до такого состояния, что ежедневно угрожает печальным и бедственным падением: *тогда едва ли может быть указан лучший исход из затруднений сего дела, как предложенная мысль возобновить купол храма гроба Господня соединенными средствами Российского Государя Императора и императора французов*³⁹⁷. Чтобы предупредить вмешательство и споры, надобно в основание дела положить опасность бедственного случая, ежедневно угрожающего великой святыне христианства. Необходимость поспешности побуждает устранить от предприятия все соображения, кроме одного: *отвратить опасность и дать храму подобающий вид. Дело будет иметь чистый характер дела благочестия и благотворения, не касаясь каких-либо и чьих-либо прав, признанных или подлежащих разбирательству.*³⁹⁸

Господи, устрой благое о месте святом Твоем.

Филарет, митрополит московский.

28 Июня, 1861 г.³⁹⁹

14 Июля. Заметка митрополита Филарета о возобновлении купола над храмом гроба Господня

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, 9 июня, 1861 г., писал митрополиту Филарету: «по отправлении к вашему преосвященству письма князя Лобанова об исправлении купола св. храма, важное сие дело сделалось предметом многих тайных политических соображений; вследствие чего обращено было внимание на прежние печатные и писанные документы по сему предмету, из коих самый замечательный – брошюра Карафеодори⁴⁰⁰. Она так важна, что я прошу у вашего высокопреосвященства извинения в несвоевременном представлении оной. Между тем получено по сему же предмету мнение от митрополита новгородского, по частном совещании с членами Святейшего Синода. Поставляю долгом представить вам, конфиденциально, и копию с сего мнения, с покорнейшею просьбою почтить меня вашим отзывом и возвратить брошюру, так как в ней встретится надобность при формальном обсуждении, которое, вероятно, последует по сему вопросу в секретном заседании Святейшего Синода».⁴⁰¹

В списке с конфиденциального письма митрополита новгородского и с.-петербургского говорилось: «Из представленных мне действительным статским советником Саломоном⁴⁰² бумаг усмотрев, что российский посланник в Константинополе князь Лобанов, по предмету исправления купола над гробом Господним, пришел к тому заключению, что исправление сего купола, угрожающего падением, удобно было бы произвести совместным попечением и иждивением Его Императорского Величества Государя Императора Всероссийского и его величества императора французов, считаю долгом кратко изложить мое по сему предмету мнение.

Храм Воскресения Христова, совместно с гробом Господним, всегда принадлежал и принадлежит Восточной греческой церкви, за исключением незначительных частей оного, уступленных латинянам и другим иноверцам, и, не смотря на все усилия и происки латинян, право греков на владение сим

храмом, на основании несомненных документов, магометанским правительством признано законным и не отъемлемым.

Посему прежде всего вопрос: с согласия или без согласия иерусалимского патриарха и всей Восточной греческой православной церкви посланники российский и французский⁴⁰³ приступили к изысканию способов для исправления купола и составили предположение о возможности произвести таковое исправление совместным попечением и иждивением их величеств Императора Всероссийского и императора французов?

В депеше князя Лобанова о согласии греков ничего не сказано. Можно с достоверностью заключать, что согласия у них или совсем не спрашивали, или греки не изъявили оно. В последнем случае право распоряжаться исправлением купола равносильно праву распоряжаться в чужом доме, без ведома хозяина. В последнем случае несогласие греков нельзя было бы почесть неосновательным, потому что временем утвердившееся мнение дает исправившему купол право на владение церковным зданием, и следственно исправление его, средствами России и Франции в совокупности, равносильно отчуждению собственности греков из их владения. Никакие уверения в том, что ничья собственность не будет нарушена, не могут успокоить греческое духовенство и народонаселение, обо они вековыми опытами дознали, что уверения Запада нисколько не обеспечивают безопасности и неприкосновенности принадлежащей им святыни. А потому можно опасаться, что приведение в исполнение предположения посланников подаст повод к важным волнениям на Востоке.

Франция, как покровительница латинской пропаганды на Востоке, давно домогалась позволения исправить купол над гробом Господним, имея надежду, на основании господствующего на Востоке мнения, усвоить себе таким образом право на владение храмом и на устранение греков. И магометанское правительство, не находя других способов к устранению сего несправедливого и для греков обидного домогательства, решилось на свой счет возобновить купол. Это

не исполнено. Но для греков такое предположение было менее опасно.

Можно ли устранить мысль о владении храмом, если бы Император Всероссийский в совокупности с императором французов решились восстановить купол храма?

На великодушные и бескорыстные православного Императора Всероссийского греки могут положиться с полным доверием, зная, что и блаженной памяти родитель его, благодетельствуя иерусалимскому храму и именуясь ктиторм гроба Господня, не требовал за это никаких особых прав на владение оным. Но могут ли греки, наученные многолетним опытом, иметь такое доверие к иноверному императору французов, протектору латинства и западной пропаганды, с таким упорством изыскивающей предлог к отчуждению собственности греков и Восточной православной церкви? Кто может ручаться, что участвовавший в издержках на исправление купола императора французов или его преемник, если не по собственным видам, то уступая общественному мнению Франции, не потребует, в вознаграждение за издержки, раздела прав на владение храмом? Новые затруднения, могущие из того возникнуть, отозвались бы укором и на православного монарха, принявшего участие иноверного государя в деле православной церкви.

Греки сами исправили бы купол, если бы не встречали препятствий со стороны Запада. А потому дипломатия тогда оказала бы существенное благодеяние восточным христианам, если бы устранила поставляемые им препятствия; а преподание материальных средств для совершения сего святого дела, с назначением доверенного лица для наблюдения за правильным употреблением пожертвований, было бы со стороны благочестивейшего Государя Императора самым приличным участием к восстановлению иерусалимского храма, коего блаженной памяти родитель его, благочестивейший Государь Император Николай Павлович, был ктиторм.

О возобновлении купола над храмом гроба Господня

I. Доставлен мне ответ⁴⁰⁴ г. Каратеодори на брошюру Борэ: Question des lieux-saints.⁴⁰⁵ Конечно это для того, чтобы направить или исправить мое мнение. Но из III статьи моей записки 28 дня прошедшего июня уже видно, что я утверждаю и доказываю тоже самое, что г. Каратеодори, именно, что право собственности на храм гроба Господня неоспоримо принадлежит Иерусалимской православной иерархии.

II. Из сего само собою следует, что сей самой иерархии принадлежит право возобновить купол сего храма. Если она может сие сделать, если ей не препятствуют в сем ни агенты других вероисповеданий, ни Порты, ни Франция, ни другая держава, то прекрасно: не нужны никакие рассуждения; пусть принимаются за дело.

III. Но дело не в таком положении. Вопрос о святых местах и особенно о возобновлении купола поднят несколько лет назад: получил настоящую защиту от России, но встретил такое противоборство, что сделался поводом к коалиционной войне против России. Султан видел право греков, но не имел силы привести оное в действие; видел несправедливое притязание Франции, но не имел силы противустать ему; чтобы как-нибудь выпутаться из затруднения он принял на себя возобновить купол, но до сих пор не исполняет сего, может быть, опасаясь и против сего встретить спор со стороны Запада. Между тем говорят, что купол ежедневно может обрушиться и пролить около гроба Господня кровь поклонников его. Вот положение вопроса, о котором надлежит рассуждать теперь.

IV. Есть ли основания полагать, что Франция переменяла или переменит свое мнение, и прекратит свое притязание, или что она сделалась слабее, и не может так сильно, как прежде, настоять на своем притязании? Есть ли причина думать, что Порты будет тверже в правде, и решительно станет на стороне греков, что она сильнее прежнего, и не поколеблется вред притязаниями Франции? Можно ли надеяться, по крайней мере,

что она вскоре и беспрепятственно приступит к исполнению своего обещания возобновить купол? На все сии вопросы с вероятностию отвечать можно только отрицательно. А из сего должно заключить, что в таких обстоятельствах возобновить домогательство лучшего решения сего дела, то есть, допущения одних православных возобновить купол, значило бы предпринять дело безнадежное. При возобновлении сего требования, поскольку дело сие было уже предметом переговоров с Франциею, султан, без сомнения, посоветуется с нею: и возобновится прежнее притязание, спор, остановка. Итак, с добрым рассуждением, по ненадежности достигнуть лучшего, предложено искать посредственного, разрешения возобновить купол благотворительными пособиями России и Франции. Можно надеяться, что сия последняя примирится с сим делом, когда будет принимаема в соучастие, а не отталкиваема совсем.

V. Спрашивают: с согласия ли это иерусалимского патриарха? Ответствуется: если еще не предложено, прилично предложить сие предположение на рассуждение иерусалимского патриарха, с указанием на обстоятельства, изложенные в предыдущих статьях. При сем надлежит изъяснить блаженнейшему патриарху, что (как и в предшествовавшей записке сказано было) единственное побуждение сего дела есть поспешить предохранением храма от угрожающей опасности; что посему от сего дела устраняется всякое разбирательство чьих-либо и каких-либо прав, которое препятствовало бы ускорению дела, что это будет только дело благочестия и безвозмездного благотворения храму. Можно надеяться, что патриарх согласится на сию среднюю меру, вместо того, чтобы ожидать падения купола на него или на его наместника.

VI. Не нужно ли еще согласие всей Восточной церкви? Ни мало. Храм находится в области патриархата иерусалимского, и прочие православные патриархи никогда не простирали своей власти на сей храм.

VII. Но что если патриарх иерусалимский не согласится на предлагаемую меру. В таком случае жертва благочестивейшего

Императора Всероссийского принесена будет Богу в чистом намерении, а патриарх будет жать то, что сеет.

VIII. Говорят: исправление иерусалимского храма средствами России и Франции было бы равносильно отчуждению собственности греков из их владения». Это несправедливо. Выше предложено условие, что от сего дела устраняется разбирательство чьих-либо прав. Если обветшавшую приходскую церковь возобновит член иного прихода, неужели это будет равносильно отчуждению той церкви от ее прихожан?

IX. Изъявляется опасение, «что приведение в исполнение предположения посланников произведет волнение на Востоке». Напрасное опасение. Был пример, что султан близ Константинополя восстановил разрушенную церковь; волнения не было; христиане освятили ее, и молятся в ней. Возобновление купола гроба Господня православным Государем Всероссийским, с частию издержек французского императора, соединяет черту приятную для православных с другой не совсем приятною; но не было ли бы во сто раз неприятнее, если бы купол построил нехристианский государь?

X. Говорят: «Франция домогается исправлением купола, чтобы усвоить себе право на владение храмом». Так. Но для сего хотела она одна построить купол: теперь входит в сие Россия. При том выше показано условие против притязаний Франции.

XI. Для греков «несправедливо, обидно и опасно» было бы, если бы одна Франция построила купол. Сего нет, когда входит православная Россия, и при том с предохранительным условием. Если обветшавшую приходскую церковь возобновит по усердию чужой прихожанин, неужели это обидно и опасно?

XII. Говорят: могут ли греки иметь доверие к иноверному императору французов? Положим, что нет. Но они могут иметь доверие к православному Государю Всероссийскому, и к честному слову обоих императоров, что они возобновляют купол, не касаясь ни чьих прав.

XIII. Император французов «не потребует ли в вознаграждение за издержки прав на владение храмов»? Не

потребуется, потому что в настоящем проекте именно поставляется условие не касаться прежних прав.

XIV. Говорят: «греки сами исправили бы купол, если бы не встречали препятствий со стороны Запада». Это несомненная истина. Но беда в том, что Запад в течение нескольких лет поставляет сему непреодолимые доныне препятствия, потому и оказалось нужным изыскать особый путь для исхода из затруднений.

XV. Говорят: «дипломатия тогда оказала бы существенное благодеяние восточным христианам, если бы устранила поставляемые им (Западом) препятствия». Легко предъявлять требования: не всегда также легко исполнять их. Дипломатия не всемогуща. Против дипломатии российской по сему делу есть дипломатия других держав, имеющая также свою силу. Дипломатия Императора Николая I, видно, сильно действовала по сему делу, когда ее не преодолели противоположную дипломатиею, и призвали на помощь войну. Что ж? Должна ли теперь Россия возобновить прежнюю свою дипломатию во всей ее силе и непреклонности, и привлечь на себя новую войну? Православная церковь желает достигать своих благих целей путями мира. Ее мудрость и кротость не желает вводить православное государственное правительство в распри с другими державами, бесполезные, или, может быть, и опасные.

XVI. Когда нет надежды достичь лучшего, именно, возобновления иерусалимского храма одними православными: надобно стараться, по крайней мере, не допустить худшего, именно, падения купола на святыню гроба Господня и на головы православным, и для сего изыскивается и предлагается средняя мера.

14 Июля, 1861 г.⁴⁰⁶

1862 г.

25–28 августа. Отзыв митрополита Филарета «о письме⁴⁰⁷ преосвященного мелитопольского Кирилла, от 9 января 1861 г., по делу о мельхитах»

I. Говоря о присоединении к православной церкви грекоунитов (мельхитов)⁴⁰⁸ посредством миропомазания, преосвященный Кирилл приводит мнение патриарха александрийского, «что совершаемое на сей раз миропомазание не есть таинство». Где он нашел в Священном Писании, или в церковных правилах, или в писаниях святых отцов, что есть два миропомазания: одно таинство, а другое не таинство?

II. Далее, преосвященный Кирилл пишет: «о котором (о миропомазании) я сочту долгом войти в собеседование с блаженнейшими патриархами александрийским, антиохийским и иерусалимским, по возвращении их к своим кафедрам. Быть может, время сгладит и последнюю особенность, отличающую чин восточный от принятого в России. Начало сближения уже сделано».

Под названием «последней особенности» преосвященный, вероятно, понимает различное воззрение двух церквей на обливательное крещение. Греческая церковь признает оное недействительным, и крещенных им крестит вновь. Российская почитает оное несовершенным в обряде, но нелишенным силы таинства, и потому крещенных обливателью в других вероисповеданиях принимает в православную церковь посредством миропомазания. Напрасно преосвященный принимается за сие дело и напрасно питает надежду. Синод не назначил его догматическим посредником между Российской и Греческою церквами. Собеседование с патриархами александрийским, антиохийским и иерусалимским не много обещает. Они или не отступят от своего мнения, которое у них довольно сильно (хотя против них говорят собственные их правила и примеры), или подадут нерешительный и слабый голос, потому что сильный и решительный голос предоставляется у них вселенскому патриарху; а известно, что

нынешний вселенский патриарх⁴⁰⁹ отличается непреклонностью характера. Счастливо случилось недавно, что вселенский патриарх в разговоре с архимандритом Антонином, защищал свой образ действия, побужден был высказать, что Греческая церковь поступает по строгости правил, а Российская по снисходительному домостроительству,⁴¹⁰ и что, следственно, действие Российской церкви хотя он признает не строго соответствующим, однако не осуждает. Сего довольно до лучшего времени. Разногласие спит. Если преосвященный Кирилл не кстати и не ко времени разбудит его, то, вместо желаемого мира, может произойти большой раздор.

III. Но главный вопрос, который предложен по письму преосвященного мелитопольского, есть вопрос о доставлении ему средств делать пособия, в видах поддержания православия на Востоке. Преосвященный пишет, что он и нашел для сего средство, «чистосердечно предложив проект о крестниках из Вифлеема и кольцах из Назарета, при чем руководствовался отчасти примером латин (хотя для них Иерусалим меньше, чем Рим), а главное убеждением, что эта мера послужила бы лучше других к утверждению веры в народе и к духовному союзу между православным Севером и между православным Востоком».

О изобретенном преосвященным мелитопольским проекте крестов и колец дано мною мнение, в записке от 15 мая, 1859 года, в статье VI. Посему, не входя о сем в новое рассуждение, прилагаю при сем список с означенной статьи.⁴¹¹

Слишком огромное значение приписал преосвященный иорданским крестам и назаретским кольцам, когда сказал, что это лучшее средство для утверждения веры в народе и для духовного союза православного Севера с Востоком. Эта мысль есть искра, которая не обещает ни света, ни теплоты. И если бы случилось возбудить в простонародии мысль, что дальняя святыня иорданского креста важнее близкой святыни таинств, преподаваемых в каждой церкви: это было бы не утверждение, а повреждение веры.

IV. «Лучшие указания», ожидаемые преосвященным Кириллом, трудно дать ему. Желательно, чтобы делаемы были

на Востоке благотворения, близко полезные народу и очевидные, и чтобы о них доходили верные сведения в Россию, чрез сие были бы привлечены благодеяния добрых людей. Неизвестно, до какой степени следует сему правилу преосвященный Кирилл. Слышно в России, что чрез его руки проходили значительные суммы, но куда идут, неизвестно, или мало и немногим известно, и, может быть, употребляются так, что известность о сем не возбудила бы сочувствия. Например, в 1859 г. он полагал поддержать построение церкви в Суле, где православие уже исчезло. Едва ли кто поверит, что каменная церковь восстановит православие там, где оно исчезло, и потому едва ли кто расположится к такому благотворению. Преосвященный Кирилл путешествовал по Востоку и принимал очень торжественные встречи. Путешествие великолепное, конечно, дороже стоит, нежели скромное. Но такие демонстрации принесут ли пользу православным? Не возбудят ли зависти греческого духовенства? Не усилят ли жестокого расположения магометан против христиан? Сии мысли легко придут всякому, и, конечно, не расположат помогать таким предприятиям. Повторяю, желательно, чтобы благотворения на Востоке были, сколько можно, верны и очевидно полезны, и чтобы приобретали верную известность в России.

25–28 Августа, 1862 г.⁴¹²

1863 г.

29 апреля. Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с мнением «о соображениях и проекте управления богоугодными заведениями в Палестине»

Его императорское Высочество, Великий Князь Константин Николаевич, при рескрипте на имя преосвященного митрополита Исидора, препроводил к нему копию с проекта управления русскими богоугодными заведениями в Палестине. В проекте сказано, что палестинский комитет, признав неудобным поручить будущие там обширные учреждения для поклонников непосредственному надзору консула, предполагает более полезным учредить во главе иерусалимской свято-троицкой лавры особую духовную должность настоятеля наместника, или игумена⁴¹³, который состоял бы непосредственно под властью Святейшего Синода и *прямо чрез консула* представлял бы денежные отчеты *в палестинский комитет*; настоятель этот мог бы быть в сане архимандрита, и пока во главе иерусалимской миссии стоит епископ, находился бы к нему в отношениях духовного иерархического подчинения, с сохранением при том прямых отношений к Святейшему Синоду; если со временем во главе духовной миссии будет не епископ, а архимандрит, то присутствие в Иерусалиме *двух таких русских духовных сановников* не представит никаких затруднений, ибо каждый из них будет иметь свой определенный круг действий. В рескрипте же на имя обер-прокурора Святейшего Синода Его Высочество изволил выразить необходимость устранить те *затруднения*, которым происходит собственно от *слишком высокого иерархического сана* начальника иерусалимской миссии, и желание, чтобы преосвященный мелитопольский получил другое назначение, а духовная миссия поставлена была под начальство благочестивого и способного архимандрита. Вице-канцлер, с своей стороны, отозвался, что, по мнению, министерства иностранных дел, учреждение должности настоятеля или игумена для хозяйственная заведывания нашими богоугодными

заведениями в Иерусалиме и о назначении на эту должность архимандрита было бы крайне неудобно и могло бы иметь весьма неблагоприятные последствия; с большим же удобством можно поручить хозяйственную часть богоугодных заведений способному и надежному *светскому лицу, с званием эконома* или смотрителя, которому несравненно легче и приличнее исполнять эти обязанности. Что касается до назначения начальником миссии духовного лица в сане архимандрита, то министерство отозвалось, что оно вообще, с точки зрения политической, не считает необходимым, чтобы во главе иерусалимской миссии нашей был непременно епископ и не предвидит неудобства от поручения управления миссией лицу в сане архимандрита; но в виду того, что в настоящее время возбуждено много важных вопросов, в которых преосвященный Кирилл принимал деятельное участие, полагает, что удаление его в настоящее время было бы неудобно.

Святейший Синод, по близкой известности всего хода дела учреждения русских богоугодных заведений преосвященному митрополиту московскому, препроводил к нему записку, с соображениями по упомянутому предмету и поручил представить заключение.

Записка заключало сведения следующего содержания:

«Постройка русских богоугодных заведений, начавшаяся в 1860 году на Мейдаме, приближается уже в настоящее время к окончанию. Поклоннические учреждения, по мере прекращения по ним строительных работ, должны вступать в предназначенную для них деятельность и быть снабжаемы хозяйством. Устройство в них хозяйственного порядка и в особенности дальнейшее ведение одного составят, при мелочности своей, весьма сложную обязанность для лица, на которое она будет возложена; посему выбор распорядителя в этот не блестящий, но не менее того требующий большой заботливости и добросовестности, круг действий должен быть сделан с тщательною осмотрительностью, обеспечивающею в будущем благополучный ход предпринятого дела в св земле.

Временные приюты, основанные в Иерусалиме, состоять до сих пор под ведением местного русского консула. Хотя консулы

на Востоке, представляя собою дипломатических агентов правительства, должны, для соблюдения своего достоинства действовать лично только в делах действительной важности и избегать видимого вмешательства в интересы незначительные, однако же надзирание за временными приютами не могло быть возложено до сих пор иначе, как на консула, так как главное дело пока состояло *в основании* русских учреждений и обеспечении их существования посредством отклонения различных местных административных затруднений.

К тому же занятия по этим небольшим временным учреждениям были не сложны, и консул мог легко заведывать ими чрез своих помощников, не спускаясь сам до мелочей управления.

Поручить непосредственному надзору консула наши *будущие* там *обширные* поклоннические учреждения представляется весьма неудобным во-1-х, потому, что он, по силе вещей, был бы приведен к необходимости, во вред своему дипломатическому значению, входить во все мелочные обязанности администратора приютов, т. е. распорядителя их хозяйственной частью; во 2-х, потому, что *наши простолюдины*, приходя на богомолье, легко подчиняются власти духовного характера, которую они привыкли видеть в России во главе всех гостеприимных лавр и монастырей, и с недоверием смотрят на вмешательство в такое дело гражданской власти, и в 3-х, потому, что *Русский консул в Иерусалиме должен быть высшею последнею инстанцією*, решающею всякие споры и недоразумения во всех житейских делах поклонников.

Если консула оставить непосредственным распорядителем хозяйства в приютах и ближайшим блюстителем порядка в них, то в нем соединились бы характеры и распорядителя, и главного судьи.

По таким же уважениям, но еще в более обширном смысле, невозможно возлагать непосредственного заведывания новыми приютами на самого начальника духовной миссии в Иерусалиме, который облечен по своему сану в слишком высокое значение, считается на месте представителем Русской церкви на Востоке, и, так сказать, аккредитован в духовном

отношении пред соседними патриархами – антиохийским и александрийским. Преосвященный начальник миссии весьма часто должен предпринимать продолжительные путешествия, естественным образом занять своим духовным представительством и обязанностями духовного пастыря и не был бы решительно в состоянии, без нанесения вреда своей высокой обстановке, принять на себя ежедневные заботы о благосостоянии материальных нужд поклонников.

Члены миссии, иеромонахи, при ограниченном ее составе, столь заняты очередным и неочередным служением в церкви, исповедыванием поклонников и попечением о их нравственном преуспевании, что и ныне едва находят возможность исполнять лежащие на них многотрудные обязанности.

Поручить заведывание приютами одному из подчиненных консула или послать для сего в Иерусалим особое гражданское лицо также неудобно, частью по указанной склонности наших поклонников подчиниться гораздо легче духовному начальству, частью потому, что при консуле состоит один только секретарь, а найти для отправления в Иерусалим надежное лицо, которое согласилось бы служить там без всяких выгод и почести, будет или очень трудно, или очень дорого.

Совокупность всех этих уважений приводит к тому убеждению, что лучше и полезнее всего было бы постараться внести в управление будущей русскою странноприимною лаврою тот именно порядок, который приносит во многих монастырях в России столь блистательные и вместе вполне христианские последствия, а именно, *создать в главе иерусалимской свято-троицкой лавры особую духовную должность настоятеля, наместника или игумена*, который состоял бы на общем основании и *непосредственно под властью Святейшего Правительствующего Синода и прямо чрез консула* отсчитывался бы в деньгах пред палестинским комитетом, от коего он будет получать суммы на содержание приютов.

Настоятель, наместник или *игумен лавры* мог бы быть *архимандритом* на том же основании, на каком все греческие

монастыри в Иерусалиме и окрестностях управляются архимандритами.

Пока во главе русской духовной миссии стоит *епископ*, естественно, что архимандрит-настоятель будет находиться к нему в отношениях того духовного иерархического подчинения, которое определяется общими церковными законами, но и это подчинение не препятствует, сколько кажется, поставлению всей *лавры и ее настоятеля в более прямые отношения к Святейшему Синоду*, ибо преосвященный – начальник миссии не имеет и не может иметь в Иерусалиме епархиальной власти.

Если со временем во главе духовной миссии был бы не епископ, а *архимандрит*, по прежде существовавшему порядку, то присутствие в Иерусалиме двух таких русских духовных сановников не представляло бы никаких затруднений: настоятель имел бы свой определенный нравственный и хозяйственный круг действий, а начальник миссии продолжал бы заведывать высшими делами церковных сношений между Святейшим Синодом и восточными патриархами – иерусалимским, антиохийским и александрийским.

Все расходы, потребные на содержание настоятеля русской лавры в Иерусалиме и на отправление его в св. град, можно без всякого затруднения принять раз навсегда на полное иждивение палестинского комитета, который будет располагать постоянным ежегодным бюджетом из сумм кружечных сборов, нарочно на то установленных.

Точно также можно будет принять на счет комитета содержание необходимого при настоятеле письмоводителя и эконома из духовных лиц. По всей вероятности, настоятелю легко будет найти себе помощников из части посещающих Иерусалим поклонников, подобно тому, как и ныне найдено было нужное число надежных смотрителей во временных русских приютах.

Особого причта для отправления службы в соборе Св. Живоначальной Троицы и домой церкви духовной миссии учреждать не нужно; ибо служение будет производиться самою миссиею, которая нарочно и существует для этого в Иерусалиме.

Главные качества, которые будут требовать от настоятеля русской странноприимной лавры в Иерусалиме, должны быть: строгое благочестие, твердость характера, умение обращаться с русским простым народом и *опытность в деле монастырского хозяйства*. От такого духовного лица не нужно вовсе требовать ни выспренной учености, ни умения вынести условия общительности с иностранцами, ни даже познания греческого и арабского языков. Настоятель будет иметь дело исключительно с русскими поклонниками в пределах русской обители; следовательно, главное условие заключается в умении управлять поклонниками и хозяйством на таком же основании, как это делается в монастырях в России. Все местные сношения с греческим духовенством и иерусалимскими властями останутся уделом дипломатического представителя правительства, т. е. консула, и отчасти начальника духовной миссии.

Никакого нет сомнения, что Святейший Синод легко найдет вполне достойное лицо, которое могло бы быть благословлено на полезное служение русскому духовному богоугодному делу в Палестине, и с радостью согласилось бы подвизаться за христианское дело на месте страданий Божественного Искупителя.

Указом Святейшего Синода, от 12 марта, сего 1863 года (№ 686), предписано мне, по записке, содержащей в себе соображения и проект управления богоугодными заведениями в Палестине, представить заключение.

В сей записке встречаются изречения, основанные на неточных понятиях о предметах и о значении имен. Дабы неточность сия от слов не перешла в дело и не причинила затруднений, надобно рассмотреть как предметы, так и имена.

I. Русским богоугодным заведениям в Иерусалиме в записке назначается наименование «Иерусалимской Святотроицкой Лавры». Наименование лавры дается обыкновенно большому, в высшей степени благоустроенному монастырю, обилующему и числом братии. Так на Афоне есть лавра иверская; так есть лавры в России, составляющие

высший разряд монастырей. Но в русских богоугодных заведениях в Иерусалиме должны помещаться: духовная миссия, состоящая из 1 епископа (или архимандрита), 2 иеромонахов, 1 иеродиакона, 2 причетников и 6 певчих, и, по временам, до нескольких сот мирян, поклонников; это не лавра и не монастырь.

Как, по правилам церковным, власть всякого патриарха, равно и Святейшего Синода, простирается не далее пределов области его, то Святейший Синод не имеет права основать в Иерусалиме лавру.

По братолюбию Святейшего Синода, в Москве допущено быть метохам, или подворьям патриархов: александрийского, антиохийского и иерусалимского; но это не лавры, и не монастыри, а скромные пристанища временно проживающих монахов той или другой патриархии.

Если бы Святейший Синод устроил в Иерусалиме лавру, то патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский, по праву взаимности, могли бы потребовать, чтобы в Москве или в Петербурге учреждены были от них, три лавры, что повело бы к важными затруднениям и неустройствам в церковном управлении.

Высокое наименование не возвысит заведения, если устройство сего не соответствует достоинству одного, а при благоустройстве заведения самое простое наименование его может сделаться почетным.

Если почему-либо не признано будет удовлетворительным наименование русских богоугодных заведений в Иерусалиме, то можно присвоить им наименование русской странноприимной обители, так как сие наименование не ограничивается строго значением монастыря (Филим. 22), и в России дается и неимеющим монашества богоугодным общежитиям. На сие прилично испросить соизволение блаженнейшего патриарха иерусалимского.

II. В записке полагается для русских в Иерусалиме богоугодных заведений «создать особую духовную должность настоятеля, наместника или игумена», и далее говорится, что «игумен мог бы быть архимандритом». Еще далее говорится в

записке, что в главе миссии мог бы быть архимандрит, и вместе с ним другой настоятель. Здесь имена и предметы представляются в несообразимом смешении.

Настоятелем называется обыкновенно главный начальник обители. Следственно над архимандритом, который называется главою миссии, поставляется еще выше, настоятель. Постановление несообразное с наименованием главы миссии, ровно как и с существом дела.

Предлагается на выбор создать настоятеля или наместника. Наместником называется в монастырях второе лицо по настоятелю, которое, в случае нужды, заступает его место?

Следственно, если создать наместника, то надобно будет создать еще что-нибудь выше его; иначе у кого будет он наместником?

Какая мысль заключается в изречении: «игумен мог бы быть архимандритом» – не понятно.

III. В записке при настоятеле не полагается ни священнослужащих, ни братства монашествующих, а только письмоводитель и эконо́м из духовных лиц, и находимые им помощники из поклонников. Организация – несоответствующая наименованию настоятеля.

IV. В записке излагается следующее предположение: «присутствие в Иерусалиме двух русских духовных сановников не представляло бы никаких затруднений: настоятель имел бы свой определенный нравственный и хозяйственный круг действий, а начальник миссии продолжал бы заведывать высшими делами церковных сношений между Святейшим Синодом и восточными патриархами иерусалимским, антиохийским и александрийским».

Кажется, здесь полагается, что начальник миссии с ее членами, и настоятель с его письмоводителем и эконо́мом, будут два независимые один от другого начальники, и два отдельные общества в одном заведении. Такая организация заведения повела бы к непрерывным затруднениям, столкновениям и запутанностям. Так называемый настоятель, которому полагается вверить нравственное и хозяйственное управление, неужели подвергнет своему нравственному

надзору и членов, и начальника миссии, которому вверяет записка «высшие» сношения с патриархами? Церковное богослужение записка предоставляет миссии. Но что если настоятель, независимый начальник хозяйственной части, не удовлетворит достаточно и прилично церковь богослужебными потребностями? Что если начальник миссии скажет: приготовьте мне несколько просфор для некоторых известных мне поклонников, а настоятель будет отвечать: не могу увеличивать расход; купите у меня просфоры? Что если начальник миссии, по холоду, или по нездоровью, попросит отопления келии, а настоятель откажет, сберегая дрова? Искать правосудия в Синоде? Очень ли это удобно? Такое нестроение двуначалия не подвергнет ли заведение оскорбительным суждением и иерусалимлян и поклонников?

V. Правда, по другим словам записки, «пока во главе русской духовной миссии стоит епископ», настоятель «находится к нему в отношениях иерархического подчинения»; но, вслед затем, отрицается епархиальная власть сего епископа. А из сего следует, что подчинение епископу «настоятеля» полагается только в неимении права стать на место епископа и распоряжаться в церкви, и что подчинение совершенно уничтожится, когда начальником миссии будет не епископ, и за сим последуют вышеизложенные затруднения.

VI. В записке говорится, что «настоятель» отсчитывается в деньгах пред палестинским комитетом «прямо чрез консула». Как будет исполнять сие настоятель? Словом «прямо» дается ему право посылать отчет непосредственно в палестинский комитет, но сие право отъемлется у него словом «чрез консула».

VII. Записка говорит о поставлении настоятеля «в более прямые» отношения к Святейшему Синоду. Что значит «в более прямые» отношения к Святейшему Синоду? Что значит «более прямые»? Значить ли – непосредственные? По каким предметам относится? Не объяснено.

VIII. Рассмотрение проекта управления богоугодных заведений в Иерусалиме приводит к необходимости

представить о сем особое мнение, которое может заключаться в следующем:

I. Русские богоугодные заведения в Иерусалиме примут название *русской странноприимной обители*, или *Святотроицкой странноприимной обители*.

II. Начальник русской духовной миссии в Иерусалиме есть начальник или настоятель сей обители.

III. Он может быть епископ или архимандрит.

IV. При нем состоят монашествующие священнослужители и клирики в соответственном потребности числе, определяемом Святейшим Синодом.

V. Он управляет обителию с такими правами, какими пользуется настоятель монастыря.

VI. Старший по нем именуется наместником, и вспомоществует во всех делах управления, и, в случае нужды, заступает его место.

VII. Третье должностное лицо есть эконо́м, которому вверяется хозяйство обители.

VIII. В случаях особенной важности, сии три лица составляют совет, и постановляют определение, за общим подписанием, под общею ответственностью.

IX. Настоятель и по нем наместник имеют духовнонравственное попечение о поклонниках, а хозяйственное о них попечение возлагается на эконо́ма.

X. Суммы, поступающие в обитель, разделяются на два разряда: во-первых, суммы, поступающие от Святейшего Синода и из других источников, кроме палестинского комитета; во-вторых, суммы, поступающие из палестинского комитета.

XI. Оба разряда сумм, каждая отдельно, хранятся в безопасном месте, например, в ризнице, за печатью настоятеля и за ключом эконо́ма, и выдаются не иначе, как по определенной о их назначении записке эконо́ма, утвержденной настоятелем и наместником, которая потом хранится в самом хранилище сумм. На мелочные расходы выдается эконо́му круглая сумма, в которой он обязан дать отчет, прежде получения таковой же вновь.

XII. Суммы первого разряда записываются в особых приходе-расходных книгах, и об оных дается отчет Святейшему Синоду.

XIII. Суммы второго разряда записываются в отдельных приходе-расходных книгах, и об употреблении оных дается отчет палестинскому комитету.

XIV. По окончании каждого года, настоятель представляет Святейшему Синоду общий отчет о состоянии обители в церковном, духовнонравственном и хозяйственном отношении и в отношении к попечению о поклонниках.

XV. Отношения к Святейшему Синоду могут быть непосредственные или чрез посредство первенствующего члена, как заблагорассудит определить Святейший Синод.⁴¹⁴

9 декабря. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, А. П. Ахматову, с мнением по поводу жалобы епископа мелитопольского Кирилла на отзывание его от должности начальника русской духовной миссии в Иерусалиме

Святейший Синод, по выслушании конфиденциального отношения товарища министра иностранных дел, от 4 июня, 1863 г., за № 1769, «об образе жизни» начальника иерусалимской духовной миссии, преосвященного Кирилла, определением 19–21 того же июня постановил предоставить г. синодальному обер-прокурору испросить высчайшее Его Императорского Величества соизволение на следующие предположения, 1) епископа Кирилла от занимаемой им должности начальника духовной миссии нашей в Иерусалиме уволить; 2) за неимением в настоящее время вакантной епархиальной кафедры, назначить преосвященного Кирилла, до времени, в распоряжение архиепископа казанского Афанасия, предоставив ему, преосвященному Кириллу, иметь помещение в находящемся в заведывании викария казанской епархии казанском спасопреображенском второклассном монастыре, с управлением оным, и получать на содержание настоятельский по означенному монастырю оклад 164 р. 6 коп. сер., и, сверх сего, остающийся свободным оклад содержания викария казанской епархии, в количестве 857 р. 70 к. сер., всего же тысячу двадцать один рубль семьдесят шесть коп. сер.; 3) за тем избрать в звание начальника иерусалимской духовной миссии лицо в сане архимандрита». Определение это высочайшее утверждено 22 июня, о чем и дано знать преосвященному Кириллу указом, от 28 июня, за № 2055. По получении указа, преосвященный Кирилл обратился к обер-прокурору с письмом следующего содержания:

«С последней русской почтой получил я указ из Святейшего Правительствующего Синода от 28 июня.

Если бы и не было предварительных торжественных разглашений по стогнам Иерусалима со стороны находящихся здесь агентов враждебной мне партии, давно уже заявившей себя и в Петербурге и здесь, с первого раза не трудно было бы понять, что все означенные распоряжения имеют характер карательный и строго карательный: в один раз пять наказаний, из которых не знаешь, какое тяжелее. Но не о количестве и качестве присужденных мне кар решил я, по убеждению совести, сказать насколько слов вашему высокопревосходительству.

Человек – христианин может перенести много, но есть вещи, которых не перенесет и самый лучший христианин. Апостол Павел потерпел столько лишений и страданий, что и представить страшно, но и у него был случай, когда он указал на достоинство римского гражданина. Монах – христианин должен переносить еще больше, чем другие; но и послушание монаха, не имеющее границ в отношении к заповедуемому труду, имеет свои границы, когда дело доходит до защиты прав и чести: истолкователь Павлов св. Златоуст верно знал свой долг, пострадав даже до смерти за свои права и честь. Конец слову: Тот Сам, Кто дал заповедь биящему в ланиту отдавать и другую, Кто был *послушлив даже до смерти, смерти же крестныя* – Тот Сам, указал, что бывают времена, когда и не должно биящему в ланиту, молча, оставлять и другую: *еще зле глаголах, свидетельствуй о зле, еще ли добре: что мя биеши*.

Словом Христовым договорился я до своего слова, тяжелым камнем лежащего у меня на душе. Надо мною совершен какой-то странный суд, не подходящий ни под какие законы, ни божеские, ни человеческие, ни гражданские, ни церковные.

На всяком суде подсудимый знает, в чем его обвиняют и за что судят. Для меня в этом отношении сделано непостижимое исключение. Я прочел уже свой приговор, а доселе не знаю, ни кто мои обвинители, ни в чем обвинения. В продолжение всего времени службы на Востоке я не имел ни откуда ни малейшего замечания по службе, и вдруг подвержен осуждению. В самом указе, от 28 июня, ни малейшим намеком не объяснено, в чем

судили меня и за что присуждено разом пять наказаний. Чем больше вчитываюсь в приговор, тем больше недоумеваю.

Само собою разумеется, что при такой первоначальной постановке дела не может уже и речи быть о предоставлении мне права на оправдание себя, предоставляемого подсудимым с искони и по всем судам в мире. *Закон не судит никому же, еще не прежде слышит его*; для меня сделано изъятие из этого правила, поражающее изумлением не только меня, но и всех здесь, ближних и дальних, до кого только доходит слух о внезапном приговоре надо мной, заочном и безгласном.

Осмеливаюсь обратиться к вашему высокопревосходительству, как законному блюстителю за правильным ходом церковных дел в церкви Русской, и усерднейше ходатайствовать: а) чтобы мне предоставлено было право оградить себя от незаконного осуждения без суда, которого по совести, убеждению и праву не могу признать законным решением и не могу принять с покорностью, как принял бы наказание и в пять раз тяжелейшее (если это возможно), присужденное судом, основанным на законе и правде.

б) Чтобы мне сообщены были копии с переписки по делу обо мне, которые давали бы мне возможность знать, откуда и какие обвинения падают на меня, и оправдать себя в очах Святейшего Правительствующего Синода.

в) Чтобы это право самооправдания, не мало, может быть, затрудненное неправильным ходом дела, мог я провести через посредство восточных патриархов и иерархов, бывших свидетелями моей шестилетней службы на их глазах и имеющих возможность устроить правильный суд на строгом основании церковных правил, требующих исследования дела двенадцатью архиереями.

г) Чтобы ради сего предоставлено было мне право остаться здесь, на Востоке, под кровом священных патриарших престолов, доколе я буду оправдан законным судом и честь моя, как епископа русского, будет ограждена: желание, имеющее и то основание, что в настоящее время мне и трудно

было бы рисковать путешествовать на север, при шестилетней привычке к теплему климату.

д) Чтобы милостивое правительство благоволило обратить внимание на мою шестнадцатилетнюю службу и назначило мне заслуженную пенсию в звании доктора богословия и почетного члена императорской академии наук, в должности инспектора, а под конец и в должности ректора с. петербургской духовной академии, в должности ординарного профессора академии, должности цензора в продолжение шести лет, при должности постоянного сотрудника в журнале Христианское Чтение, а потом и помощника редактора, равно как и помощника председателя комитета, бывшего для издания назидательных книг, в достоинстве автора Пастырского Богословия, книг: Минуты уединенных размышлений христианина, Жизнь св. благоверного великого князя Александра Невского, Акафист сему угоднику, пожертвованных в пользу александроневской лавры, наконец – в звании начальника миссии, шесть лет почти безраздельно трудившегося по переписке от Алеппо до Каира по делу греко-унитскому и другим церковным вопросам».

Иерусалим. Августа 22 дня, 1863 года. № 33.

На это письмо А. П. Ахматов ответил преосвященному Кириллу:

«Изложенные в указе от 28 июня распоряжения Святейшего Синода вы делите, преосвященнейший владыко, на 5 пунктов и в каждом из них желаете видеть карательную меру. Позвольте вас уверить, что Святейший Синод, решась, по соглашению с министерством иностранных дел, изменить состав иерусалимской миссии и потому вызывая вас в Россию, не только не придавал своим распоряжениям карательного смысла, но выказал при этом полное к вам внимание. Если вы захотите нелицеприятно обсудить эти распоряжения, то, конечно, сами в том убедитесь. Да к каре или наказанию не было и нет основания, пока вы не создадите его явным непослушанием власти Святейшего Правительствующего Синода и Государя Императора.

О суде и осуждении нет речи, следовательно, излишне и оправдание. Для замещения вас, как начальника

иерусалимской миссии, не было надобности прибегать к суду; занятие этого места есть только временное поручение, даваемое по взаимному согласию церковной и гражданской власти, и ею же прекращаемое, по признанию в том надобности и пользы. Никакое другое воззрение не применимо, и при спокойном обсуждении вы, конечно, сами изволите в том сознаться.

Соглашаясь в этом с министерством иностранных дел, Святейший Синод, с высочайшего одобрения, нашел нужным изменять состав иерусалимской миссии, имея впредь во главе ее не епископа, а архимандрита; вызывая вас на служение отечественной церкви, он назначил вам, при достаточных средствах содержания, за неимением вакантной епархии, и почетное местопребывание в одном из первых городов России, где для ваших учетных занятий могут служить достаточным пособием академические и университетские средства; преосвященный архиепископ казанский, которого еще недавно посещал я, ожидает вас с любовью, надеясь, впредь до нового вам назначения, иметь искреннего и просвещенного сотрудника.

Где же тут кара и ряд наказаний?

Повторяю мою уверенность, что при спокойном обсуждении вы сами измените воззрение, выраженное под влиянием первого впечатления, и мысли о лицах, с коими вы имели несогласия и называете враждебною нам партией, что при уме и дарованиях, обще вам приписываемых, вы не можете избрать другого пути, кроме того единственного, на котором эти дары Господни могут послужить на пользу святой Его церкви и собственную вашу, пути благословенного послушания законной власти. Мне известно, что Святейший Синод ценит ваши способности и без крайнего огорчения не захочет лишиться их; следовательно, будущее зависит от вас.

Решение правительства и распоряжения Святейшего Синода ни в каком случае изменены быть не могут. Почему теперь я не имею никакой возможности содействовать вашим желаниям, но прошу вас верить, что впредь вы найдете во мне полную и постоянную готовность содействовать вашим успехам на той стезе, неуклонного следования коей церковь вправе от

вас ожидать. Не сомневаюсь, что вы хотите содействовать торжеству ее, а не тех лиц, коих признаете себе враждебными и которые, конечно, с радостью будут указывать на ваши уклонения от истинных внушений долга, а, следовательно, и совести, и чести.

№ 6557. 26 сентября, 1863 года.

В ответе на это отношение преосвященный Кирилл писал А. П. Ахматову: «Письмо вашего высокопревосходительства, от 26 минувшего сентября, за № 6557, я имел счастье получить с последней русской почтой, прибывшей сюда в начале этой недели.

Не умею довольно оценить вашего, милостивый государь, благоснисхождения и милостивого внимания; еще менее того в состоянии вполне выразить чувства моей глубочайшей признательности к вашему высокопревосходительству за истинно доброе желание успокоить меня вашим словом, которое вы и поспешили обратить ко мне тотчас же, по получении моей бумаги, от 22 августа, за № 33, милостиво уделив мне долю вашего драгоценного времени, среди неудобств и трудов путешествия.

Наилучшим, как мне кажется, выражением и свидетельством моей сердечной признательности к вашему высокопревосходительству в настоящих обстоятельствах может служить полнейшее с моей стороны доверие к вашему высокопревосходительству и совершеннейшая откровенность. И я считаю святым для себя долгом отвечать ими на ваши человеколюбивые чувства, столь обязательно для меня выраженные в письме вашего высокопревосходительства, за № 6557.

Говоря же с полнейшим доверием и совершеннейшею откровенностью, я не могу не выразить, что в письме вашего высокопревосходительства я нашел утешительное отображение вашего доброго участливого сердца и благочестивейшего духа, о которых так много слышал с глубокою радостью, понятною всякому верному сыну Русской церкви; но, простите великодушно, не нашел ни того, чего сам ожидал, т. е. ответа на мою бумагу, ни того, что ваше высокопревосходительство так

человеколюбно обещали мне в первых строках письма, т. е. успокоения, вместо которого, напротив, я встретил для себя ряд новых недоумений.

Обхожу первую, в сущности, конечно, глубоко добрую и обязательную заметку вашего высокопревосходительства о примеченном вами из содержания моей бумаги расстройство моего духа, под влиянием первого впечатления (вероятно от указа). Ограничусь только уверением, что бумага моя к вашему высокопревосходительству была писана не тотчас по получении указа 28 июня, а больше чем через две недели после этого, с совершенным спокойствием духа, укрепленного молитвою, особенно пламенной у гроба Царицы небесной, с полным, ясным и твердым убеждением, плодом долгих и серьезных дум и размышлений.

Доброте и участию вашего высокопревосходительства угодно, далее, утешить меня уверением, что это только я делю изложенные в указе от 28 июня распоряжения на 5 пунктов и в каждом из них желаю видеть карательную меру. Нет, не я избрал это деление и придал означенный смысл содержанию указа. Очень сожалею, что внимание вашего высокопревосходительства не остановилось на одной заметке в моей бумаге, от 22 августа, о предварительных торжественных разглашениях по стогнам Иерусалима со стороны находящихся здесь агентов враждебной мне партии, заметке, к которой мне оставалось бы только прибавить, что касающиеся меня распоряжения были здесь обнародуемы и в помянутом смысле изъясняемы еще прежде, чем достиг Иерусалима указ от 28 июня. Но оставляя пока в стороне воззрения и действия враждебной мне партии, как кажется, слишком мало известной вашему высокопревосходительству, оставляя в стороне мои личные убеждения, как ни тверды и основательны они и как ни важны для меня во всем строе моей жизни, позволяю себе смелость обратить милостивое вашего высокопревосходительства внимание на то, конечно, не неизвестное уже и вам, обстоятельство, что Восток не разделяет вашего успокоительного воззрения на распоряжения, меня касающиеся. По этому поводу я мог бы рассказать вашему

высокопревосходительству о некоторых не нелюбопытных событиях далеко не вчерашнего дня. Но не смею злоупотреблять великодушным терпением вашего высокопревосходительства и отлагаю это до другого, более удобного, времени, осмеливаюсь только, в оправдание недоумевающего Востока, заметить здесь, что в самом деле, на какой язык не переведи, ни на одном не выйдет, что ссылка епископа в монастырь есть в некотором смысле награда, что предоставление одного епископа в распоряжение другого, с тем, чтобы этот поручал своему распоряжаемому занятию по собственному усмотрению, что такое предоставление, особенно в настоящую пору освобождения и крестьянина от личных распоряжений и усмотрений, не имело в отношении к епископу значения меры карательной, или чего-то в этом именно роде, а не в другом каком, более утешительном.

Я глубоко был утешен, когда читал следующую за тем строку в письме вашего высокопревосходительства: «да к каре или наказанию не было и нет основания». Но минута глубокого утешения привела меня к не менее глубокому недоумению. Я уже решительно потерялся в догадках, что же значат сделанные в отношении ко мне распоряжения, произведшие скандал в России и на Востоке и без основания вводящие в соблазн неопытных и повергающие в недоумение даже достойно уважаемых старцев и целые населения? Опять прошу извинения. По этому поводу я имел бы сказать нечто, не недостойное внимания, но не решаюсь слишком обременять ваше высокопревосходительство и, отлагая это до другого, более удобного времени, спешу обратиться к продолжению вашего письма.

Я очень был тронут выражениями любезности, внушенными вашему высокопревосходительству вашим добрым сердцем, не менее того глубоко озабочился и должным уразумением некоторых, особенно серьезных, мыслей и выражений вашего высокопревосходительства.

Долгом считаю выразить вашему высокопревосходительству глубочайшую признательность за приятные известия о благорасположении ко мне его

высокопреосвященства, архиепископа казанского, вполне подтвердившие мои убеждения, которые откровенно и высказаны были мною в одной из моих официальных бумаг. Еще более священным долгом считаю принести вашему высокопревосходительству вседушевнейшую признательность за ваше уверение о милостивом внимании ко мне Святейшего Правительствующего Синода. Это уверение напоминает мне самое сладостное время моей жизни и службы и возбуждает во мне энергию и готовность послужить его святейшеству, если не с прежнею живостию, то с прежнею неутомимостью и ревностию в пользу святой церкви.

Но, простите мне мою совершеннейшую откровенность, которая составляет мою и природную слабость, и в особенности теперь называется вашим добрым и участливым словом, есть нечто в обязательнейшем письме вашего высокопревосходительства, чего я не мог уразуметь, не смотря на все напряжение своей мысли, хотя и не непривычной к работе.

Вслед за уверением, что к каре или наказанию не было и нет основания, ваше высокопревосходительство изволили прибавить: «пока вы не создадите его явным непослушанием власти Святейшего Правительствующего Синода и Государя Императора». Признаюсь, подобное выражение совершенно озадачило меня. Откуда такая мысль? Откуда такое слово? Именем милосердного и правдолюбивого нашего Монарха просил я ваше высокопревосходительство уделить долю внимания моим строкам от 22 августа, и вдруг – явное непослушание власти Государя Императора!!! Я просил ваше высокопревосходительство употребить ваше посредство к высылке мне копий с переписки по делу обо мне, которые дали бы мне возможность знать, откуда и какие обвинения падают на меня, и оправдать себя в очах Святейшего Правительствующего Синода, и вдруг – явное непослушание власти Святейшего Правительствующего Синода!!! Это для меня непостижимо.

Далее, после строки о небывавшем суде и осуждении и об излишности оправдания, ваше высокопревосходительство благоволили распространиться о значении места начальника

миссии в Иерусалиме, о правах в отношении к нему властей гражданской и церковной, и проч., с убеждением, что, при спокойном обсуждении (верьте, ваше высокопревосходительство, я никогда не обсуживаю беспокойно), я сам сознаюсь, что никакое другое воззрение неприменимо. Кто ж и не сознался бы в этом (за исключением, может быть, некоторых статей, личностей не касающихся) даже и при беспокойном обсуждении. Но непонятно то, чем вызваны эти обвинения. В моей бумаге не было ни полслова, ни намек об месте начальника миссии. Напротив, продолжая мою откровенность до последних пределов, я должен сказать, что я, среди непрерывных трудов, уже до того был измучен путаницею дел и интригами отечественными, что еще в начале нынешнего года решился проситься в отставку и едва был удержан от этого духовным влиянием на меня здешних старцев и воскрешенным ими моим стародавним правилом: «не мешаться в свою судьбу» без особенных, вызывающих на то, обстоятельств. Итак, я, с своей стороны, не подал и не мог даже подать никакого повода к речи о месте начальника миссии, и речь эта, естественно, осталась для меня неуразуменною.

Слишком нескромно и неприязнательно к великодушию вашего высокопревосходительства было бы с моей стороны, если бы я стал подробно отвечать на успокоительные уверения ваши. Слишком много места на бумаге заняло бы и у вашего высокопревосходительства отняло бы драгоценного времени, если бы 1) я стал отговариваться по поводу, например, выражений: «при достаточных средствах содержания», и утверждать, что тут мерка весьма относительна, что шесть лет назад я, бывши еще архимандритом, и проч., имел в академии, исключая своих доходов от продажи своих книг, 2500–3000 р., что, наконец, при моем совершенном пренебрежении к деньгам и всякому стяжанию, я никогда ни у кого подаяния не просил и не намерен просить, хоть бы мне пришлось идти в рубище «убогому за убогим крестом»; если бы 2) я стал поднимать вопрос о существовании или несуществовании в известный период вакантных епархий и с обычною откровенностию стал бы объяснять, что по доходившим и сюда сведениям владимирская

епархия была вакантна и замещена недели чрез две после указа от 28 июня обо мне; если бы 3) я стал изъяснять свои и других понятия о почетном местопребывании в одном из главных городов России и пр., и пр., или начал речь о том, что для моих ученых занятий и никогда не просил ни угла, ни достаточных, или недостаточных пособий и не искал их особенно в Казани, считая себя уже не слишком способным, в 40 лет, начать заниматься, например, татарским языком. Оставляя все это в стороны, по крайней мере, до тех пор, доколе обстоятельства не вызовут у меня более обширных объяснений, и не могу не остановиться на следующих пунктах:

1) Ваше высокопревосходительство указываете мне, как единственный мой путь, полезный и церкви и мне собственно, – путь «безусловного послушания». Сознаюсь, иезуитом никогда я не был и, Бог помилует, не буду; а ни в наших церковных правилах, ни в Своде Законов Российской Империи, нигде такого решительного положения не припомню. Как я, по совести и крайнему разумению, понимаю послушание, даже чисто отшельническое, я изъяснил нашему высокопревосходительству в отношении от 22 августа, за № 33. Не полагаю, чтобы можно было воззрение, противоположное моему, подтвердить указаниями на положительные законные постановления. И к чему б были законы и суды при существовании подобных постановлений, едва ли возможных, по крайней мере, в наше время и в самых деспотических странах, даже в самых необразованных обществах, за исключением одного иезуитского.

2) Ваше высокопревосходительство изволили писать: «мне известно, что Святейший Синод ценит ваши способности и без крайнего огорчения не захочет лишиться их; следовательно, будущее зависит от вас». Что же это? Угроза? Наставление? Разрешение хоть на все четыре стороны? Ей, ваше высокопревосходительство, не понимаю, простите меня, и, если можно, вразумите.

3) Последний пункт письма вашего высокопревосходительства решительно уже непостижим для меня. Ваше высокопревосходительство выражаете: «решение

правительства и распоряжения Святейшего Синода ни в каком случае изменены быть не могут». Какое же решение? На счет миссии? Да я не говорил об этом ни слова. Какие распоряжения? Чтобы я ехал в Казань, в распоряжение тамошнего высокопреосвященного архиепископа, и пр.? Но если я, как и весь свет, считаю это наказанием без суда, а в ином случае незаслуженным оскорблением? Но если, наконец, я, не осуждая ничего, прошу себе только законного суда и увольнения от службы с заслуженной пенсией, а не с подаянием? Неужели и этим я кого оскорбляю, перед кем делаюсь повинен?

4) Ваше высокопревосходительство в продолжение последнего пункта письма обещаете мне «впредь, что я найду в вас полную и постоянную готовность содействовать моим успехам на той стезе, и пр.». Вполне верю вашему благородному во всех смыслах и отношениях слову, отголоски которого долетали до меня иногда и прежде, и за добрые, истинно христианские, чувства вашего высокопревосходительства не могу не принести вам истинной признательности. Но, как христианин, не могу не припомнить при этом случае некоторых внушений писания, в роде того: человек, яко трава, и пр., и не могу не уверить вас от чистого сердца, что никогда не надеялся ни князя и на сыны человеческие и ни в каком случае не отдам, против убеждений моей совести, ни в чьи руки моей судьбы временной и вечной, что я с сыновнею откровенностью и с глубоким убеждением веры торжественно свидетельствовал пред самым Святейшим Правительствующим Синодом в своей речи 11 октября 1857 года.

5) Ваше высокопревосходительство, в заключение, указываете мне на некоторую опасность от тех лиц, коих я сознаю себе враждебными и которые, конечно, с радостию будут указывать на мои уклонения от истинных внушений долга (пред кем?), а, следовательно, и совести, и чести!!! Простите мне, ваше высокопревосходительство, если я вполне откровенно скажу, что все толки людские для меня решительно ничего не стоят: будет день и общего суда. В особенности же всепокорнейше прошу и вас не опасаться указанных вами

господ, которых я знаю, к сожалению и сокрушению сердца, слишком близко и хорошо. Неужто ваше высокопревосходительство думаете, что эти господа, которые не были бы спокойны и после моей смерти, если бы не сами отнесли меня на кладбище и не собственными руками зарыли в землю, что эти господа вдруг, по случаю моей покорности распоряжениям, непостижимым ни для меня, ни для других, прославят меня кроткою овечкою, а не станут вопить Бог весть что, как уже и делали здесь их клеветы, едва получили первые вести об успехах их общих козней!

Таким образом, будучи глубоко обязан вашему высокопревосходительству за милостивое ко мне участие и желание, по возможности, успокоить меня, я все-таки, и после сильных выражений моей признательности к вашему высокопревосходительству, принужден беспокоить вас своею всепокорнейшею просьбою – обратить внимание на мою бумагу от 22 августа и оказать мне милостивое содействие в моих просьбах, законности которых, как мне кажется, никакой юрист, никакая судебная инстанция, никакой посредствующий суд не могли бы не признать. Смею надеяться, что, после строжайшего обсуждения, следовавшего за первыми впечатлениями, ваше высокопревосходительство нашли в моей бумаге не отражение только болезненного настроения души, а серьезное слово, основанное на зрелом и неизменном убеждении, и не откажете ей в ответе, основанном не только на личном, милостивом соучастии, но и на более общем обсуждении дела на строго законных основаниях. Прежних решений, которые ваше высокопревосходительство так решительно отстаиваете, я не касался и не касаюсь. Ожидаю, с поданными вами добрыми надеждами, решений по моим собственно просьбам, которые, вероятно, уже известны Святейшему Правительствующему Синоду, как и ответ мне вашего высокопревосходительства, и как, конечно, будет известно и настоящее признательнейшее и почтительнейшее отношение к вашему высокопревосходительству». № 47, Ноября 17 дня, 1863 г. Иерусалим⁴¹⁵.

Изложенные письма были препровождены, при «весьма конфиденциальном» письме князя С. Н. Урусова, на заключение митрополита Филарета, который 9 декабря писал обер-прокурору А. П. Ахматову:

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Сообщенные мне два отношения преосвященного Кирилла, епископа мелитопольского, и удивили меня, и опечалили. Не встретил я примера подобного понимания дел епископом Российской церкви, и подобных отношений к Святейшему Синоду.

О том, что требует особенного внимания в сих письмах, буду говорить, по возможности, собственными словами преосвященного Кирилла.

Священный Синод преосвященного Кирилла, епископа уездного города Мелитополя, следственно равного викариям (ибо епархиальные епископы определяются, обыкновенно, в губернские города), переместил из Иерусалима в Казань, в положение, подобное викарию, и предоставил его «в распоряжение», или на церковном языке, в послушание преосвященного архиепископа Казанского⁴¹⁶, согласно с 9 правилом антиохийского собора.

Преосвященный Кирилл сие распорядительное действие Святейшего Синода принял за судебное, и в одном месте своего отношения от 22 августа, говорит, что над ним «совершен какой-то странный суд», а в другом, что он потерпел «незаконное осуждение без суда».

В означенном «распоряжении» Святейшего Синода он находит «пять наказаний, из которых, не знаешь, какое тяжелее».

Он говорит, что над ним «совершен какой-то странный суд, не подходящий ни под какие законы, ни божеские, ни человеческие, ни гражданские, ни церковные». То есть, он говорит, что Святейший Синод действовал в противность законам божеским, человеческим, гражданским, церковным.

Такое обвинение было бы тяжким оскорблением подчиненному присутственному месту; а чтобы оно взведено было на Святейший Синод, это трудно было представить

возможным, если бы преосвященный Кирилл, не решился доказать сие на деле.

Он говорит, что распоряжение Святейшего Синода, которое он называет осуждением, «не может принять с покорностию». Желательно истолковать сие так, чтобы это не было решительным отказом от послушания Святейшему Синоду, которое преосвященный Кирилл клятвенно обещал при своем рукоположении. К сожалению, оказывается, что он действительно не исполняет указа Святейшего Синода, даже и после доброжелательного напоминания со стороны вашего превосходительства.

Преосвященный Кирилл требует, чтобы «право самооправдания он мог провести чрез посредство восточных патриархов и иерархов, имеющих возможность устроить правильный суд».

Здесь скрывается неблагоприятное суждение преосвященного Кирилла, что в российской иерархии он не видит «возможности устроить правильный суд».

Российские гражданские законы запрещают отводить от суда целое присутственное место, хотя бы то было нижней инстанции. Преосвященный Кирилл не колеблется отвести от суда над собою целый Святейший Синод, когда хочет перевести свое дело к восточным патриархам и иерархам. Он не принял в рассуждение, что каждый патриарх, и равный патриарху Святейший Синод Всероссийский, имеет право суда в пределах своей области, и следственно иерусалимский или другой патриарх не имеет права судить епископа Кирилла, принадлежащего к области Всероссийского Святейшего Синода.

Если же требование его есть апелляционный вызов к суду большого собора, или вселенскому, то это неуместно в настоящих обстоятельствах. Преосвященный Кирилл сам говорит, что суда над ним правильного не было, и он еще не объявил, и не получил объявления о предмете, по которому желает принести оправдание. Он только упоминает о враждебной ему партии безыменно. Итак, по порядку и церковного и гражданского суда, он прежде всего должен объявить Святейшему Синоду предмет, по которому он желает

оправдываться, и представить доводы своего оправдания. Тогда Святейший Синод, по рассмотрении дела, произнесет суд и решение, и тогда только настанет время преосвященному Кириллу рассуждать, нужно ли взять апелляцию ко вселенскому суду.

Как необыкновенное соединение предметов можно заметить то, что преосвященный Кирилл в ответе на указ о перемещении, просит суда над собою и пенсии себе; и между правами на пенсию поставляет произвольные литературные занятия, и издание книг, от которых получал он от 2500 до 3000 рублей дохода.

По сему, здесь изложенному, должно признать для преосвященного Кирилла миротворным и охранительным от ответственности то, что ваше превосходительство не предложили отношения его, от 22 августа, Святейшему Синоду, и обратились к преосвященному Кириллу с советом и убеждением, чтобы он подчинился указу Святейшего Синода. К сожалению, из отношения его, от 17 ноября, открывается, что он не внял сему, остался при своих прежних суждениях и требованиях, и воззрения его на ваши рассуждения оказались не такими, каких можно было надеяться и ожидать.

Он говорит, будто распоряжение о нем Святейшего Синода «произвело скандал в России и на Востоке».

Когда вы указали ему на путь «безусловного послушания» (то есть, послушания указу о перемещении из Иерусалима в Казань), он отвечал: «сознаюсь, иезуитом никогда я не был, и, Бог поможет, не буду». И далее, «к чему бы были законы и суды, при существовании подобных постановлений, едва ли возможных, по крайней мере, в наше время, и в самых деспотических странах, даже в самых необразованных обществах, за исключением одного иезуитского».

В сем и других местах отношений преосвященного Кирилла соблюден ли дух и тон речи, свойственный монаху – епископу в официальном сношении пред лицом Святейшего Синода?

Говорю пред лицом Святейшего Синода, потому что преосвященный Кирилл пишет: «прошу себе законного суда». И далее: «ожидаю решения по моим просьбам, которые,

вероятно, уже известны Святейшему Правительствующему Синоду».

Таким образом преосвященный Кирилл сам создает необходимость, чтобы его отношения 22 августа и 17 ноября предложены были на рассмотрение Святейшего Синода.

Чего же можно ожидать от Святейшего Синода?

Вероятно, прежде всего, меры снисходительной и охранительной для преосвященного Кирилла.

Не заблагорассудит ли, например, Святейший Синод, не приступая к рассмотрению отношений преосвященного Кирилла, предоставить первенствующему члену войти с ним в конфиденциальное сношение; изъяснить ему, что его поступки и его отношения могут, но церковным правилам и законам, подвергнуть его немаловажной ответственности, но что Святейший Синод желает его предохранить от сего, и потому убеждает его, чтобы он неукоснительно оказал послушание Святейшему Синоду, и, если затрудняется переменить климат, то, по крайней мере, прибыл в Крым или в Одессу, и донес о сем Святейшему Синоду, и, вместе с тем, если имеет какие просьбы, принес их Святейшему Синоду в установленной законами форме. Сие дало бы Святейшему Синоду возможность таковым просьбам дать законное движение, и покрыть снисхождением то, что есть неправильного в отношениях 22 августа и 17 ноября.

Так, по моему мнению, можно было бы найти исход из неприятного положения, в которое преосвященный Кирилл поставляет себя и Святейший Синод.

Отношение 17 ноября при сем возвращаю.

С совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга, Филарет, митрополит московский.

9 Декабря, 1863 г.⁴¹⁷

Святейший Синод, в заседании 16 марта, 1864 года, выслушав письма преосвященного Кирилла и обер-прокурора, постановил: «внушить епископу Кириллу мелитопольскому, чтобы он немедленно следовал к месту назначения, с

соизволения Его Императорского Величества, Синодом
указанного». ⁴¹⁸

1864 г.

**4 февраля. Мнение митрополита Филарета о
«российской духовной миссии по письму 3 января
1864 года»⁴¹⁹**

I. Российская духовная миссия в Иерусалиме и построение там церковных и странноприимных зданий, которые по предмету и цели должны составлять одно, произведены двумя действующими: 1) духовным начальством, с согласия министерства иностранных дел, и 2) иерусалимским комитетом, составленным из светских особ. Сии действователи шли каждый своим отдельным путем; и неудивительно, если не пришли к единству. Письмо 3 января сего 1864 года обсуждает открывающиеся неудобства, и предлагает преобразование миссии. Трудно удовлетвориться и тем, что существует, и тем, что предполагается.

II. Письмо изъявляет опасение, что огромная церковь подавит своим великолепием скромное лицо архимандрита.

Сие замечание не покажется сильным, если принять в рассуждение следующее:

1) Нельзя же было бы признать основательным и согласить с церковными правилами, что поскольку церковь огромна и великолепна, то при ней должен быть архиерей.

2) Служение архиерея, с недостаточною свитою, едва ли не более представляет вид церковной скудости, нежели служение архимандрита с малою свитою.

3) Если архимандрит, настоятель монастыря (по предлагаемому проекту), не будет подавлен огромностию храма, то равномерно и архимандрит, начальник миссии.

Справедливо же то, что лучше было бы вначале поставить в главе миссии архимандрита, которого после не трудно было бы возвести в сан архиерея, при обстоятельствах, того требующих и тому благоприятствующих, нежели придти к необходимости заменять архиерея архимандритом. Первое было бы восхождением силы в силу, а последнее имеет вид падения.

III. Еще опасение: «если занеможет один иеромонах или иеродиакон, тогда трудно будет даже предложить ежедневное будничное служение.

Без иеродиакона служить можно. При болезни одного иеромонаха может служить другой, или третий, а если нужно, и архимандрит без собора, и это будет подвиг почтенный и назидательный.

IV. «Хотят употребить до 80 тысяч рублей на одну стенную живопись».

Сие мимоходное замечание письма достойно полного внимания.

Такое употребление собранных по копейкам в России денег справедливо можно признать ненужною роскошью и расточительностью.

Это может быть и бесполезно, потому что сомнительно, долго ли стенная живопись на камне может устоять пред восточною зимнею сыростью, которая хуже северного мороза.

Это даже может оказаться вредным, по обычному своеволию нынешних живописцев, которые и в иконах недовольно следуют преданию, а в картинах стенного писания позволяют себе фантастические изображения, несогласные не только с преданием и приличием, но даже и с обыкновенною скромностью. Что если на стенах русского в Иерусалиме храма представятся изображения сего рода взорам тамошних православных христиан и проходящих православных богомольцев?

V. «С саном епископа примирился теперь синод Иерусалимский, который прежде видел в этом нарушение своих церковных прав».

Вот оправдание нынешнего распоряжения Святейшего Синода, которым, вместо епископа, назначается архимандрит.

Примирился синод Иерусалимский, вероятно, скрепя сердце, потому что ему нужно благорасположение России, хотя, впрочем, он мог бы примириться искренно, если бы лучше сообразил церковные правила с настоящими обстоятельствами.

VI. В письме предполагается преобразовать миссию в монастырь; и мысль сия подкрепляется тем, что так должно

быть «сравнительно с другими народностями и исповеданиями».

В сем сравнении есть недоразумение. Римско-католики строят в Иерусалиме монастырь, а протестанты церковь и училище, взяв разрешение от турецкого правительства, и не глядя на православного патриарха и синод, потому что пред сими не имеют никакого обязательства. Не то с единоверным Российским Синодом, который, по церковным правилам, не имеет права в чужой области строить монастырь, без согласия местной иерархии. Таким образом устройство русского монастыря может подлежать большему затруднению, нежели посольство епископа, который имел кафедру в России, а в Иерусалим был послан командированным или временно посланным.

VII. Здесь представляется опасность важнее тех, которые изъявлены в письме. Если Святейший Синод усиленным домогательством достигнет того, что устроит в Иерусалиме свой монастырь, то может случиться, что патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский присвоят себе тоже право в чужой области и потребуют допущения построить свои монастыри в Москве и Петербурге; а вселенский патриарх потребовал бы, чтобы николаевский греческий монастырь, в Москве, зависел единственно от него, без всякого отношения к местной епархиальной власти. Так в обеих столицах, произошло бы три церковных управления, взаимно независимых, что повело бы к множеству запутанностей и неустройств в церковном управлении. Посему-то в Москве допущен греческий монастырь, с условием зависимости от местного епархиального начальства, а для патриархов александрийского, антиохийского и иерусалимского допущены не монастыри, а метохии, или подворья, также в зависимости от местного епархиального начальства.

И посему Святейшему Синоду московским митрополитом, от 29 апреля, 1863 года (№ 173) было донесено следующее:

«Если почему-либо не признано будет удовлетворительным наименование русских богоугодных заведений в Иерусалиме, то можно присвоить им наименование русской странноприимной

обители, так как сие наименование не ограничивается строго значением монастыря (Филим. 22), и в России дается и неимеющим монашества богоугодным общежитиям. На сие прилично испросить соизволения блаженнейшего патриарха Иерусалимского».

VIII. «Убогая миссия наша, состоящая из четырех членов».

Если это правда, то скудно и неудобно.

IX. Напротив того составить миссию из 12 монахов и 12 послушников было бы широко, и трудно собрать столько людей, соответствующих назначению. Там недовольно иметь людей, которые бы исполнили церковную службу и спали в келье. Там надобны способные и усердствующие назидать богомольцев, ходить за больными, изучать местные языки, учить детей, собирать церковные сведения и сообщать в Россию.

По крайней мере, на первый раз надобно дать начальнику миссии не очень малое, но и не очень большое число людей, чтобы он вполне мог обнять их своим руководством. Когда они хорошо войдут в дело и утвердятся в нем, тогда, смотря по надобности, удобнее привыкнуть к ним. Другие примечания к статье IV, что опасение неприличия со стороны своеволий художников не напрасно, сие можно подтвердить делом. При месяцеслове на текущий год находится рисунок царских врат новосозданной в Иерусалиме церкви. На сих вратах представлен, по обыкновению, образ благовещения: в середине большой крест, а над крестом двуглавый орел.

Как не понял художник (что понимали все православные), что на царских вратах можно изображать только то, что должно быть предметом благочестивого поклонения? Неужели он хотел неправославным, клеветущим на нас, будто мы идолопоклонствуем иконам, дать повод к новой клевете, будто мы идолопоклонствуем двуглавному орлу? В одной из церквей Сергиевой лавры есть двуглавый орел в алтаре за престолом; но в каком положении? Он держит на раменах своих запрестольный крест, будто это прилично церкви и знаменательно. Это подает мысль, что православное государство чтит и поддерживает православную церковь.⁴²⁰

1865 г.

22 Февраля-27 Апреля. Записки митрополита Филарета о неустройствах в духовной миссии в Иерусалиме⁴²¹

I. Записка о. архимандрита Леонида⁴²² производит тяжелое впечатление.

Дело идет о неповиновении двух иеромонахов и иеродиакона. Но изложение дела начинается указанием на убеждения г. Мансурова⁴²³, уравнивающего будто бы Иерусалим с Парижем, и на состояние женского приюта.

Настоятель миссии не говорит, обратил ли внимание на порядок мужского приюта, что ближе и удобнее, и чем был бы охранен и женский; но с усилием проникает в нечистые тайны последнего, и обнаруживает их.

Строя систему соумышлений против себя, он или слишком много знает, или слишком много догадывается, а также и слишком много рассказывает, не рассуждая, что без свидетельств рассказы не суть доказательства.

Странно, что всех восставших на него он сам себе приготовил своим избранием, не взяв с собою никого, достаточно известного.

«Тая в сердце злобу». Сердцевидец ли вы? Не тяжело ли это? Подобное обращение к близким могло ли располагать в искренней близости, к миру и послушанию?

«Было ли при этом (при словах против нечистой жизни) указание на вас, не помню». Неудивительно, если слышавший сие принял почти за признание. Так говоря о консуле⁴²⁴ заочно и так оправдываясь, архимандрит сам против себя возбуждал недоброжелательство.

Члены миссии требовали проверки сумм. Архимандрит молчал. Для чего же он не сказал им, что проверка была, и должна быть в узаконенное время? Если же месячного счета сумм при свидетелях не было, то он подал случай к неприятному требованию. Здесь он должен был следовать закону предосторожности, охранить действие начальника

от нарекания, а не оптинскому правилу безусловного доверия и подчинения начальнику.

В воскресенье, 3 января, когда архимандрит облачался в алтарь к совершению литургии, и поданы были поручи, не соответствующие облачению, и переменить их иеромонах Иоанн неприятным образом отказался, архимандрит почувствовал себя не здоровым, и не стал служить литургию. Иоанну принадлежит худая середина сего происшествия, а самому архимандриту худое начало и худой конец. Архимандрит должен был не обращать внимания на разность поручей с прочим облачением, особенно зная недостаток послушания в своих сослужителях, и тогда служение совершилось бы в мире. И услышав неприятный отказ Иоанна, архимандрит должен был не продолжать спора, и совершить богослужение в мире, хотя бы и ненавидящие мира были близ его. В искушении должно было искать таинств помощи Господа, а не бежать от Него.

Впрочем, в лице и действиях архимандрита видны тяжелое обхождение с окружающими, суровое настояние на права и преимущества начальника, слова и поступки неосмотрительные, но не дела незаконные.

II. Лучше ли действие противников его?

Донос их начинается тем, что лицо архимандрита по временам багровеет, то раздуваясь, то опускаясь и проч. Но об этом можно было бы поговорить с врачом, а не доносить консулу. Приметно, им хочется представить его умоповрежденным; но они не смеют сего выговорить, потому что этому противоречат и его поступки, и его переписка.

Доносят, что архимандрит в священнослужении показывает рассеянность и забывчивость, и часто бывает нужно подсказывать ему возгласы. Об этом, если и правда, прилично было бы поговорить с духовником архимандрита, а не доносить консулу.

Доносят, что архимандрит при архиерейском служении в храме Воскресения завел ссору с иеромонахом прежней миссии; но пред причащением Святых Тайн поклонился ему в ноги, прося прощения, и после жаловался на того же иеромонаха архиерею. Какое право и какую надобность имели

доносители вступаться в чужое для них дело иеромонаха прежней миссии, и рассказывать случай бездоказательно, даже не именуя сего иеромонаха? И если архимандрит впал в искушение оскорбить брата, но тут же испросил у него прощения, поклонясь ему в ноги: не следовало ли покрыть сей случая христианскою любовью? Благонамеренно ли делать из сего донос на начальника?

Доносят, что архимандрит пред самым причащением в алтаре (впрочем, не будучи служащим) мирил иеродиакона с регентом. Неуместно, если правда: но консулу-ли надлежало доносить о сем?

Доносят, что архимандрит в келии Арсения произнес богохульство, и того же самого Арсения, доносителя, называют свидетелем сего случая. Есть ли здесь здравый юридический смысл.?

Доносят, что однажды, в Гефсимании, архимандрит не хотел допустить иеродиакона Арсения до священнослужения без исповеди. О чем тут доносить? И прилично ли доносить о сем консулу?

Доносят, что архимандрит злословил высшую Иерусалимскую иерархию. Донос бездоказательный.

Доносят, что он вмешивался в управление греческих монастырей. Во-первых, это невероятно, во-вторых, какое до сего дело подчиненным членам миссии? Жаловаться надлежало монастырям; но сего не видно.

Доносят, что архимандрит не позволил читать в церкви поучений. Если это и правда, это не требует доноса, и нейдет к консулу. Архимандрит, воспитанник пустынного монастыря, вероятно, поддерживает полный и протяженный чин богослужения, и потому не находить удобным длить еще время службы поучением, которое и не совсем удобно для разноязычных и разнонаренных богомольцев.

Доносят, что архимандрит запрещал иеромонаху Гедeonу принимать на исповедь чиновников. Этому могли быть причины, о которых не консулу судить должно. Иеромонаху нет причины на сие жаловаться; ибо вообще принимать монашествующим на исповедь разрешение дается по усмотрению начальства. И

особенно нет причины троим доносить о том, что касается до одного; это дело скопища.

Доносят, что архимандрит притесняет Каминского⁴²⁵. Это донос бездоказательный, голословный, и вмешательство в чужое дело. Каминский не жалуется, а за него жалуются три монаха.

Доносят, что архимандрит иеродиакона Арсения ругал и причинял тем вред его здоровью, и не допускал его служить более двух дней в неделю. И здесь в дело одного лица скопищем входят трое; и на что тут жаловаться, что слабому здоровьем иеродиакону архимандрит не велит ежедневно служить, может быть, именно щадя его здоровье? Догадка о намерении архимандрита увеличить штат ничем не доказана.

Доносят, что архимандрит иеродиакона Арсения, против его воли, намеревался представить к иеромонашеству. Ничем не доказано, что намеревался. И какое в том преступление, если бы намеревался? И нужно ли жаловаться на это, что намеревался сделать, но чего не сделал? И для чего в сие незначительное обстоятельство одного вмешиваться троим? Здесь нет ни тени справедливости; и видно только соумышление, которое, быв ослеплено недоброжелательством, видит преступление там, где его вовсе нет.

Доносят, что архимандрит певчих не удовлетворяет жалованьем, и обращается с ними негуманно. Если это и правда, то право жаловаться принадлежит певчим, а три монаха, вмешиваясь в сие, обнаруживают только свое мятежное расположение против начальника миссии.

Доносят, что архимандрит удержал у себя столовые деньги членов миссии за декабрь. Вот один пункт, по которому имеют право жаловаться три монаха. Но надобно еще спросить архимандрита, точно ли удержаны деньги и по какой причине.

Доносят, что архимандрит церковными суммами распоряжается своекорыстно. Донос бездоказательный и голословный.

III. Из дела видно далее, что два иеромонаха и иеродиакон, доносители на архимандрита, и ответчики по его доносу, сами

себя сделали следователями по своему делу; допросили двух келейников архимандрита, и допрос их представили консулу.

О происшествии, что архимандрит облачился, и, по неудовольствию на поручи, не совершил литургии, они также допросили трех монахов, и с приложением сих допросов донесли на рассмотрение патриаршему наместнику, митрополиту Мелетию, то есть, чужому начальству, а не своему.

Тому же митрополиту иеромонах Иоанн, при рапорте, представил спорные поручи, и просил препроводить их к консулу для отсылки к русскому начальству.

Поручи к консулу! Поручи к русскому начальству, и чрез греческого митрополита, и чрез консула!

Как изъяснить такие странные поступки, если не преобладающим недоброжелательством, от которого затмилось здоровое рассуждение?

IV. Утомительно было бы преследовать все черты сего дела, в которых истина дела затмевается призрачными видами и несообразностями.

Но вышеизложенное, кажется, открывает довольно твердый путь к следующим заключениям.

1) Архимандрит Леонид, тяжело начальствовавший, подвергшийся неблагоприятному подчиненных, и, при открывшемся их неповиновении, не оказавший великодушной рассудительности, а позволивший себе поступки, которые представляют его самого в странном виде, не может с пользою оставаться начальником миссии.

2) Иеромонахи Гedeон и Иоанн и иеродиакон Арсений, оказавшие начальнику миссии неповиновение и нанесение оскорбления, и сделавшие на него доносы, частью несправедливые, частью неуместные, большею частью бездоказательные, обращенные не к подлежащему начальству, должны быть, как нетерпимые, удалены из миссии и подвергнуты законной ответственности.

Продолжение о неустройствах в духовной миссии в Иерусалиме

I. В предшествовавшей записке рассматриваемы были действия духовных лиц миссии. Желательно было не касаться других лиц, к которым разнообразно прикасалось сие дело. Но необходимым оказывается и сию соприкосновенность очистить, по возможности, от темноты и призрачных видов.

II. Г. консул Карцов, в письме от 6 марта текущего года, писал о иерусалимском патриархе: «некоторые из поступков о. Леонида казались ему до того предосудительными, что неизбежно требовали церковного наказания, т. е. временного отлучения от священнодействий». Какие это поступки, не объясняют ни патриарх, ни консул. Патриарх в письме к г. посланнику, от 11 марта, изъявляет уверенность, что Святейший Синод «поспешить сделать нужное исправление, восстановивши требуемый порядок и согласие». В сих словах не видно мысли о поступках, достойных удаления от священнослужения. Ни одного такого поступка не указано и в составляющих основание сего дела доносах трех монахов, что можно видеть из предшествовавшей записки.

III. Консул замечает, что во время посещения патриархом русской церкви «Леонид заперся в своей квартире». Архимандрит объяснил сие тем, что патриарший наместник, митрополит Мелетий, и сам патриарх присоветовали ему держать себя в стороне, чтобы не обнаружить публично антагонизма его подчиненных против него, к соблазну народа.

IV. В письме 30 марта консул говорит, что патриарх, выражаясь осторожно, «все-таки приписывает, по-видимому, архимандриту Леониду вину в несогласии».

Здесь, во-первых, мнение патриарха г. консул представляет совсем не так строгим и решительным, как представляет оное в предыдущем письме. Блаженнейший ли патриарх по каким-либо новым сведениям изменил свое строгое суждение, или г. консул в первом случае передал его суждение в усиленном виде?

Во-вторых, речь г. консула показывает, что он от патриарха хочет узнать истину дела. Но кто лучше консула мог знать ее? И не от него ли должен был патриарх получить верные сведения к исправлению, может быть, дошедших до патриарха неверных?

И неужели г. консул, опираясь в деле на то, что патриарх думает «по-видимому», сам не мог понять в доносе трех монахов, действительно ли архимандрит достоин тяжкого осуждения за то, что требовал от иеродиакона исповеди пред священнослужением, или за то, что иеродиакона, без его согласия, намеревался представить к произведению в иеромонаха, и пр.?

V. Далее, в письме г. консул говорит, что, «при настоящих условиях», пребывание архимандрита Леонида в Иерусалиме едва ли полезно. Но какие это настоящие условия, не объясняет.

VI. Архимандрит пишет, что во время отсутствия его из Иерусалима в обитель преподобного Саввы, члены миссии, посредством подобранных ключей, вошли в его кабинет, и перерыли все его бумаги. Происшествие сие таково, что трудно представить на сие свидетелей. Но архимандрит ничем не подал причины не доверять его честному слову. При том он подтверждает дело последующими обстоятельствами, похищением тайных донесений его начальству, доведением их до сведения блаженнейшего патриарха, и последовавшим его негодованием. Охранительный дух, беспристрастие и проницательность, кажется, могли дать г. консулу возможность, или не допустить сего недостойного дела, или обличить оное, и облегчить последствия.

VII. Если г. консул прочитал писанное к нему письмо иеродиакона Арсения, в котором сей говорит о своем несогласии с архимандритом Леонидом «в понятиях о произвольной нищете, смирении, молитве, терпении, посте и о многом другом»; образчик взглядов архимандрита, несогласных с православными, представляет в том, что архимандрит не ел говядины: выражается о своем начальнике насмешками, которые и в устах светского человека были бы неблагопристойны: «завернулся в шкуру невинного ягненка;

«пробует действовать обоюдоострым мечом гражданской и духовной власти, скованным в Риме»; «не знаю, как провез эту контрабанду»; «благословение о. Леонида дешевет и наскучивает, как демьянова уха»; «о. архимандрита сбила с пути заманчивая идея сделаться царьком-помещиком в общежительном иерусалимском русском монастыре», и пр., – бездоказательно делает на архимандрита такие доносы и приписывает ему такие речи, которые, по самой крайности своей, выходят из пределов вероятия; – если это письмо прочитал г. консул, и не ощутил недоверия ни к нравственному характеру доносителя, ни к содержанию доносов, но безотчетно принял их с доверием: то это поистине достойно удивления. Кажется, он мог бы поступить по Евангелию: *обличи его между тобою и тем едином*. Иное объяснилось бы просто, и обличило бы донос. Например, столовые деньги архимандрит удерживал, вероятно, для того, чтобы устроить общий стол, чтобы монахи миссии не ходили обедать в трактир.

VIII. Дело вели тайно, и, не дав случая архимандриту оправдаться, довели оное до того, что чрез секретаря консульства объявлена архимандриту воля его блаженства, что до окончания дела он запрещает архимандриту бывать у него, и участвовать в церковных торжествах и служении страстной седмицы.

К сожалению, в сем случае, архимандрит сам увеличил неприятность своего положения. Патриарх запретил ему приходить к себе: это было, бесспорно, в его воле, как и всякого домовладыки. Запретить ему участвовать в церковных торжествах и служения страстной седмицы, то есть, соборных служениях храма гроба Господня, на это имел патриарх право в своей церкви. Но он не произнес архимандриту запрещения в священнослужении, на что, в отношении к священнослужителю чужой области мог бы решиться только в чрезвычайных обстоятельствах, при уверенности, что и Святейший Синод найдет сие сделанным по необходимости. Архимандрит без нужды расширил вопрос; обратился к консулу за письменным ответом; не получил его, и связал себя недоумением. Он, без вопроса, мог служить в своей церкви; а если до сего не пустили

бы его другие члены миссии, то это, по крайней мере, представило бы новое доказательство его невинности и их виновности.

IX. Неясно в деле упоминание о указе Святейшего Синода. Не видно, какое решение последовало от Святейшего Синода о немирных членах миссии; не видно, объявил ли им сие решение архимандрит. Он объявил консулу; сей отвечал, что знает, и указ, по-видимому, остался необъявленным, что должен был сделать начальник миссии, дабы или был исполнен указ, или обличилось непослушание Святейшему Синоду. Теперь не остаются ли мятежные преслушники указа прикрыты тем, что он им не объявлен?

X. Из того, что здесь изложено, должен родиться вопрос: сообразно ли с последними обстоятельствами дела поступят так, как предположено в окончании предыдущей по сему делу записке? И не нужно ли, удалив из миссии мятежников, на некоторое время оставить архимандрита, чтобы поддержать его достоинство и в лице его достоинство российской иерархии: иначе мятежное соумышление может почитать его убитым, хотя и не может приписать себе победу.

XI. Полагаю, что Святейшему Синоду нельзя будет остаться в молчании и о действиях г. консула.

Незаконно г. консул принял донос о предметах, подлежащих рассмотрению исключительно духовного начальства, как то, что архимандрит Леонид не хотел допустить Арсения до священнослужения без исповеди, что Гедееву не позволяет принимать на исповедь, и пр.

Незаконно принял г. консул донос, в котором доносители вмешиваются в чужие дела, глас о себе имеющие, как например, что архимандрит притесняет Каминского.

Незаконно принял донос, сделанный скопом; потому что многие случаи, заключающиеся в доносе, касаются одного лица, которому и принадлежит право доносить или жаловаться, а доносят трое.

Святейший Синод мог бы с терпением прейти сие молчанием, если бы от сего не произошло великого вреда; но произошел великий вред. Если бы г. консул не принял в

действие доноса: непокорность членов миссии была бы остановлена на первом шагу, и порядок мог быть поддержан. Но когда он не только принял донос в действие, но еще, как видно из письма к нему Арсения, «любопытствовал узнать все события», и «неоднократным напоминанием» побуждал к продолжению доносов, и таким образом оказал расположение поддерживать доносителей: то это повело к тому, что непокорные исторгли у начальника миссии власть и своевольно приняли ее на себя. Сие происходило пред глазами г. консула, и ни из чего не видно, чтобы он поддерживал законного начальника против возмущившихся.

Если такой образ действия со стороны г. консула продолжится, то никакая духовная миссия в Иерусалиме в порядке существовать не может. Стоит только представить незаконный и несправедливый донос г. консулу, и законный начальник будет низринут, и незаконные доносители сделаются властителями.

Полагаю, что долг справедливости и охранения порядка не позволят Святейшему Синоду взирать на сие бездейственно.

26–27 Апреля, 1865 г.⁴²⁶

В апреле. Письмо митрополита Филарета к А. П. Ахматову, с отзывом о неуместном поставлении в русской церкви, в Иерусалиме, престола патриарха иерусалимского

Было ли совещание с церковными правилами, когда родилась мысль в русской церкви, в Иерусалиме, поставить престол иерусалимского патриарха? Вот он прислан из Петербурга; патриарх лично назначил для него место в церкви. Вслед за тем он законного начальника русской миссии не допускает в свою церковь, а мятежных монахов допускает. Блаженнейший патриарх прекрасно бы поступил, если бы сказал: в сей церкви, по правилам церковным, не следует быть моему престолу, а престолу Всероссийского Синода. Теперь дело поставлено иначе. Может придти время, когда патриарх скажет: в сей церкви мой престол, следственно и начальство; запретить архимандриту русской миссии священнослужение и выслать его из Иерусалима. И таким образом произойдет или явное унижение Всероссийской церкви, или столкновение и препирательство двух церквей, горестное и бедственное для всего православия.

Святейшему Синоду предлежит рассудить, как поступить в отношении к неприятному, которое уже произошло, чтобы заградить путь к худшему, которое может придти.⁴²⁷

26 мая. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода, с проектом послания к иерусалимскому патриарху по делу о неустройствах в нашей, в Иерусалиме, духовной миссии

Немилостиво отвечает блаженнейших патриарх на почесть, оказанную ему поставлением его престола в церкви, принадлежащей Российскому Синоду.

Не церковное то дело, что он направляет на Святейший Синод действие светской власти.⁴²⁸

Требуемое от меня мнение состоит в следующем:

1) Немедленно вызвать иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения, по делам службы.

2) Гедеон может оставаться до дальнейшего усмотрения.

3) Чтобы неповиновение двух монахов не было простерто и до Святейшего Синода, просить г. министра иностранных дел, чтобы консул содействовал немедленному их отправлению.

4) На неприятное послание патриарха⁴²⁹ отвечать не от Святейшего Синода, а, по его поручению, чрез первенствующего члена, объяснительно и умиротворительно. Чтобы яснее показать сию мысль, при сем прилагаю проект, что и как можно было бы написать к патриарху.

К сему отношению и к посланию должна быть приложена выписка из дела. Ее можно составить из предшествовавших моих двух записок, пропустив то, что касается до архимандрита Леонида, кроме существенных обстоятельств настоящего дела, и то, что говорено о незаконностях консула.

5) Г. министру иностранных дел послать такую же выписку из дела, с показанием о незаконности консула. Думаю справедливым и необходимым просить, чтобы консулу дан был другой пост, а на место его назначен другой, чтобы прекратить покровительство возмущившимся членам духовной миссии.

6) Двух монахов по доносу допросить в Петербурге, а архимандриту Леониду послать вопросы.

7) Просить содействия министерства иностранных дел, чтобы консульство способствовало возвращению законному начальнику миссии власти, исторгнутой у него возмущившимися.

8) Что по сему откроется, покажет, какое должно быть дальнейшее движение и окончание дела.⁴³⁰

Проект.

Блаженнейший владыко, высокопочтимый архипастырь.

Святейший Правительствующий Всероссийский Синод, обыкши принимать от вашего блаженства и простирать к вам слово мира и взаимного братолюбия, и желая сохранить сие утешительное с вами, блаженнейший владыко, общение непомянутым никакою постороннею тению, предоставил мне произнести пред нами слово глубокой скорби, с которою он выслушал в послании вашем изъяснение весьма неблаговолительного воззрения на начальника российской духовной миссии во святом граде Иерусалиме, архимандрита Леонида.

К скорби присоединилось удивление, что сей муж, некогда с достоинством находившийся в императорской службе, потом, по отречении от мира, долгое время, также с несомненным достоинством, проходивший монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством, в короткое время пребывания его в Иерусалиме подвергся обвинению в бесчинном и незаконном поведении, впрочем без определенного указания; кем он обвиняется, какие позволил себе незаконные действия, и подкреплены ли обвинения законными доказательствами.

Святейший Синод имеет на документах основанные сведения, что иеромонахи Иоанн и Гедеон и иеродиакон Арсений представили в консульство на архимандрита Леонида жалобы и доносы, частью такие, которые не могут быть рассматриваемы светским начальством, частью не заключающие в себе никакой действительной вины, частью обнаруживающие их противозаконное вмешательство в дела для них посторонние, и следственно обвинявшие их самих; архимандрит же ни в чем законным образом не обличен.

Важнейшая же вина означенных двух иеромонахов и иеродиакона есть та, что они самовольно устранили архимандрита Леонида от начальствования, и приняли на себя власть. Чтобы не обременить здесь ваше блаженство подробностями, но чтобы ясное доставить вам удостоверение в истине, при сем прилагается выписка из имеющегося в Святейшем Синоде дела.⁴³¹

Святейший Синод не сомневается, что ваше блаженство если бы имели в виду сии сведения, на несомненных документах основанные, то, с свойственным вам великодушием и предусмотрительностью, удержались бы от решительного осуждения архимандрита Леонида, до приведения дела в законную ясность.

По-видимому, к сему могло расположить вас и то обстоятельство, что архимандрит Леонид есть духовный сын преосвященного Мелетия петрского, наместника вашего престола. Сей досточтимый муж, без сомнения, не решился бы иметь духовным сыном человека «бесчинного и беззаконного поведения».

По всему здесь изложенному Святейший Синод нашел справедливым предоставить мне благопочтительнейше просить вас, блаженнейший владыко, не лишать архимандрита Леонида вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность.

Святейший Синод не допустит, чтобы пред лицом вашим был кто-нибудь из священнослужителей Российской церкви, действительно недостойный вашего милостивого воззрения.

Ваша благость и яже о Господе любовь не попустит, чтобы погрешности меньшей братии пали хотя пылинкою на чистую, вековую, взаимную любовь священноначалий и церквей.

20 мая, 1865 года⁴³²

**9 июня. Записка митрополита Филарета по поводу
«весьма доверительного письма» посланника
нашего в Константинополе Н. П.Игнатьева о
неустройствах в русской иерусалимской духовной
миссии**

Письмо, от 18-го дня мая⁴³³, дает несколько новый вид делу иерусалимской духовной миссии, но неясный, и, по моему мнению, недовольно убеждающий.

Грамота блаженнейшего патриарха не имелась в виду; но, мне кажется, в ней сказано более, нежели только то, что он не позволяет архимандриту Леониду служить на святых местах. И если только то, – для чего было и говорить сие? Русское духовенство и без сих слов иногда не хочет служить в иерусалимском храме без позволения патриарха или его наместника. Следственно слова патриарха означали прещение и наказание.

Впрочем, если архимандрит служит, то или он не был запрещен патриархом, или запрещение смягчено и ограничено.

Сведения об архимандрите Леониде неутешительны; но не происходят ли они из одного источника, из усиленных неблагонамеренных разглашений возмутившихся монахов, так же несправедливых, как их письменные доносы, сами себя обличающие?

Чтобы архимандрит неверен был в употреблении вверенных ему денег, это невероятно.

Раздражение патриарха происходит, без сомнения, частью от внушения, частью от скраденных у архимандрита секретных донесений, касающихся иерусалимской иерархии, и следственно немного доказывается против архимандрита.

Если не решиться верить невероятному, то надобно усомниться в верности показаний, что архимандрит, на совете не обнаруживши враждебности, отвечал, что он действует на основании инструкций, и что Саруф⁴³⁴ деятельно занимается возбуждением арабского населения против греческого

духовенства. Какую в сем цель и какую надежду может иметь Саруф, сам будучи прав?

Если послан будет в Иерусалим архимандрит Антонин⁴³⁵, то с каким поручением? Если в качестве посредника и примирителя, то можно ли ожидать успеха? Действуя скромно и мирно, решится ли он при том сказать некоторые твердые слова патриарху, чтобы разрешить его предубеждения против архимандрита Леонида, и консулу, чтобы изъяснить ему правильность принятия доносов, переданных от него, и следствия? Будет ли иметь довольно силы, чтобы сделать послушными возмущившихся монахов? Трудно решиться утверждать сие.

Надежно ли определить архимандрита Антонина на время начальником миссии, а Леонида на тоже время перевести на его место? В сем случае жребий Леонида не будет отягощен; неудовольствия патриарха и консула лишены пищи; Антонину надобно будет только принять миссию и управлять ею, извлекая из несчастного опыта предшественника правила осторожности.

Монахам, доносчикам, объявить, что, прежде увольнения их в путешествие⁴³⁶, они должны явиться или в Синод или к первенствующему члену его для объяснения по их делам, для чего и отправить⁴³⁷ их немедленно, при содействии консульства.⁴³⁸

26 июля. Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову о необходимости допросить, порознь, иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения по делу о неустройствах в нашей духовной миссии в Иерусалиме

Из приложений к отношению вашего сиятельства, от 16 июля (№ 3739), видно, что иеромонах российской в иерусалиме духовной миссии Иоанн и иеродиакон Арсений проехали чрез Константинополь в Одессу. Это несколько уменьшает затруднения в деле о неустройствах миссии. Теперь было бы полезно поручить искусному и доброжелательному лицу расположить Иоанна и Арсения к откровенному объяснению дела. Для сего нужно спрашивать их порознь, с предосторожностью против соглашения в ответах. К откровенному объяснению расположить можно каждого из них представлением, что незаконность их доносов очевидна, и что они в лучшем виде представят себя, когда откровенно объяснят, что ввело их на незаконный путь. Например, что побудило вменить в преступление архимандриту Леониду, никак не чуждое монашеской дисциплины, требование предварить священнослужение очищением совести чрез исповедь? И если находили в сем вину: можно ли было не понять, что дело сие не подлежит рассмотрению консула, а духовного начальства? По чему же с сим обратились к консулу? Подобных вопросов требуют многие обстоятельства дела, и, если удастся расположить вопрошаемых к откровенности, открытие источников дела может объяснить его явления. За сим на те части доноса, которые не обличают сами себя, нужно потребовать доказательств, также от каждого порознь. Такое направление дела соответствовало бы как обыкновенному порядку, так и особенностям настоящего дела.⁴³⁹

4–6 сентября. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с отзывом о предположении русского посланника в Константинополе, Н. П. Игнатьева, относительно примирения патриарха иерусалимского Кирилла с архимандритом Леонидом

При отношении вашего сиятельства, от 26 августа, № 4344, сообщено мне, в списке, отношение г. посланника в Константинополе, из которого видно, что он убедил консула в Иерусалиме примирить блаженнейшего патриарха с архимандритом Леонидом, и что он желает ускорительного извещения об окончательном назначении архимандрита Леонида.

Если примирение может состояться, то оно должно совершиться еще во время пребывания архимандрита в Иерусалиме; ибо иначе, оно не имело бы значения, и не произвело бы желаемого впечатления.

Посему надлежало бы не очень спешить отбытием архимандрита Леонида из Иерусалима.

Что касается до окончательного решения о архимандрите Леониде: для сего бесполезно было бы знать, взяты ли от Иоанна и Арсения показания, как предположено в отношении моем, от 26 июля, и что по ним открылось.

Далее, с вопросом отозвания архимандрита Леонида связан вопрос о назначении на его место. Думаю, может для сего быть употреблен архимандрит Ювеналий⁴⁴⁰, находящийся ныне в курской епархии.

Он был в Иерусалиме иеромонахом в составе миссии преосвященного Кирилла, и более Леонида способен употребить в обращении с людьми осмотрительность и осторожность, где они особенно нужны.

4–6 Сентября, 1865 г.⁴⁴¹

10 сентября. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о членах иерусалимской духовной миссии, бывших причиной неустroйств в ней

Конфиденциально.

Сиятельный граф, милостивый государь.

Отвeтствую на сведения, доставленные отношением, от 2 сего сентября, № 106.

Итак, дело архимандрита Леонида, казалось, постановленное на ясный путь, опять затмевается.

Непонятно, почему отношение первенствующего члена Святейшего Синода к иерусалимскому патриарху остановлено на пути⁴⁴². Неужели не должно Святейшему Синоду справедливым ответом, со всею скромностию, отнести к защищающему несправедливую сторону и небрежливость служащих в чужом пределе?

Жаль, что неизвестно, спрошены ли, и что показали возвратившиеся в Россию доносители на архимандрита Леонида.

Не верят письмам архимандрита, который представляют его благорасположенным; но на каком же основании верят противному? Безопасно верят словам людей, которые, очевидно, вошли в дело не с правой стороны, приняли и защищают донос, который незаконно был принят и который обличает самих доносчиков.

Архимандрит обвиняется в корыстолюбии. Но, во-первых, ничем сего не доказывают; во-вторых, это порок, достойный осуждения, но не такого преследования, какому подвергается архимандрит; в-третьих, трудно представить, как его корыстолюбие может действовать во вред другим. Не в том ли только состоит его корыстолюбие, что он бережливо давал деньги членам миссии, чтобы, по возможности, препятствовать неправильному и роскошному употреблению?

Открытое до сих пор состояние дел таково, что доносители несправедливы, что обличается самими их бумагами;

виновность архимандрита ничем не доказана, кроме одного нерассудительного, но никому невинного поступка, что он, возмущаясь непослушанием ризничего, не стал совершать литургии, для которой уже облачился было.

Благоволите употребить возможное споспешествование, чтобы правда открыта была в истинной ее мере и защищена, и чтобы не держала верх неправда.⁴⁴³

8–10 декабря. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о «донесении архимандрита Антонина, 18 октября, 1865 года, по делу о неурействах в иерусалимской духовной миссии»

При отношении, от 23 ноября, 1865 года, № 5981, препроводив ко мне копию донесения архимандрита Антонина Святейшему Синоду, от 18 минувшего октября, № 6⁴⁴⁴, по делу о неурействах, бывших в иерусалимской духовной миссии, ваше сиятельство изволили требовать моего мнения по содержанию этой бумаги.

Чтением сего донесения оставлено во мне чувство скорби, и о том, что неприятное дело не выходит из запутанности, и о бедном архимандрите Леониде, на которого одного обрушивают всю тяжесть сего дела, мимо виновных более его, и наконец о самом архимандрите Антонине, служащем с признаками достоинства и с надеждою более значительного и более полезного служения, но в настоящем деле представившем опыт, не соответствующий его достоинству.

Именем правосудия покорнейше прошу ваше сиятельство, чтобы обращено было внимание на прилагаемую при сем записку, в которой изложен разбор донесения и мое мнение, и при том не одно, потому что архимандрит Антонин ввел в свое донесение и такие предметы, о которых не было ему предписано в указе Святейшего Синода.

Если к сему принять в соображение две записки по сему делу, основанные на подлинных бумагах архимандрита Леонида и его противников, препровожденные мною прежде к предшественнику вашего сиятельства, и предполагаемое мною вопрошение Иоанна и Арсения: то сего, по моему мнению, достаточно будет, чтобы сим кратчайшим способом прийти к разрешению сего дела, и, вероятно, Святейший Синод не одного архимандрита Леонида виновным считает, Иоанна и Арсения виновными много, а Гедеона способным получить помилование, как не столько действовавшего, сколько

страдательно увлеченного другими. Архимандрит Антонин имел его пред глазами; одобряет его; следственно он способен дать показание искреннее, и, если бы архимандрит Антонин спросил его, по всей вероятности, мог бы получить сведения, служащие к справедливому объяснению дела.

10 Декабря 1865, года.

О донесении архимандрита Антонина 18 октября, 1865 года, по делу о неустройствах в иерусалимской духовной миссии

I. Дабы, при рассмотрении сего акта, в самом начале стать в беспристрастное положение и ввести настоящее рассмотрение в соотношение с предыдущими частями дела, надобно прежде всего сказать, что архимандрит Леонид в происшедших неустройствах не может быть признан безвинным. Один, несомненно известный, поступок его в церкви сильно обличает его. Вошед в алтарь для совершения литургии, начав облачаться, по ничтожной причине, за одну часть облачения непраздничную, он вошел в алтарь в повелительный спор с ризничим, и возмутился так, что лишил себя богослужения, и безвременно удалился из церкви. Если в церкви, по приготовлении к священнослужению, он не сохранил терпения и власти над собою, то становится вероятным, что тем более в других случаях поступки его с подчиненными могли быть не мирны, способны возбуждать неудовольствие, и подавать повод к неустройствам. Впрочем, какие еще были с его стороны незаконные поступки, это еще остается открыть и доказать. Но, с другой стороны, подчиненные его, доносители на него, в собственных своих донесениях и письмах, находящихся в руках начальства, обнаружили, что жаловались на действия, не подлежащие жалобе, что жалобы приносили не по принадлежности, что вмешивались в дела, глас о себе имеющие, что употребляли о архимандрите Леониде выражения оскорбительные и насмешливые, недостойные не только священнослужителя, но и мирянина, обнаруживающие низкий и беспокойный дух. И, что еще важнее, мятежным образом отняли у начальника миссии его начальство, церковь и общественную казну.

II. От Святейшего Синода поручено было архимандриту Антонину собрать сведения о происшедших неустройствах в иерусалимской духовной миссии. Из донесения его должно

открыться, собирал ли он сведения, и о том ли, о чем предписано.

III. Он «находит себя в необходимости признаться, что не в состоянии изложить их (неустройства) исторически». Как же он будет излагать их? Если идеально, по догадкам, по подозрениям, то не сделает того, чего требует административное и судное дело.

IV. «По отзыву одной стороны, о. архимандрит Леонид уже шел сюда с тем, чтобы отмстить, кому считал нужным, если не за лицо, то за официальное положение своего предшественника».

Выражения: *одна сторона, кому считал нужным*, не деловые. В деле нужны имена.

Это не есть сведение о неустройствах, а догадка и подозрение.

Подозрение сие вне пределов вероятия. Архимандрит Леонид не сторонник своего предшественника⁴⁴⁵; потому что он вышел из состава его миссии по неудовольствию, и в России не оказывался его приверженцем. И каким образом поступки его с избранными им самим подчиненными (так как все неустройства были между им и подчиненными) могли заключать в себе мщение за его предшественника?

Точно также неуместно упомянут извет другой стороны о какой-то «инструкции», клонившейся будто бы к притеснению архимандрита Леонида.

V. Как об одной из причин неустройств, говорит архимандрит о «свидетельствуемом, к удивлению, всеми здесь единогласно непомерном будто бы пристрастии архимандрита (Леонида) к деньгам».

Здесь обвинение архимандрита Леонида в корыстолюбии опровергается словом *будто*, и в тоже время доказывается всеобщим свидетельством. Чему верить?

Безыменное свидетельство пред законом не имеет силы, а имеют силу только свидетельства наименованных и признанных несомнительными свидетелей. Члены миссии, которые все вовлечены в противоборство архимандриту Леониду, не суть свидетели несомнительные: а посторонние как могут знать о

корыстолюбивых действиях его? Корыстолюбие архимандрита могло вести к неустройствам, если он удерживал у членов миссии жалованье или какие-нибудь доходы: надобно было спросить – у кого, когда, сколько, и справиться по записям, в которых должны быть расписки в получении. Без сего дознания, оговор в корыстолюбии не имеет значения.

VI. Архимандрит Антонин осуждает названия: *миссии, членов миссии*, большое жалованье, как поводы к неустройствам. Таким образом он критикует распоряжения начальства, и даже насмехается, называя наименование миссии *призрачным*, вместо того, чтобы, по указу, собирать сведения. Название миссии не ведет к неповиновению, а название миссионеров членами миссии дает архимандрит Антонин неуместно. Посольство называется миссиею. Но служащее в посольстве не называется миссионерами: так и члены духовной миссии в Иерусалиме.

VII. Архимандрит Антонин учит нас, представляя в образец пропагандистские монастыри. Это не было ему поручено, и не относится к настоящему делу.

VIII. Не близко к настоящему делу, однако не без отношения к нему, архимандрит указывает отдаленный источник неустройств в том, что миссия, прежде самостоятельная, в последнее время лишилась самостоятельности пред властью консульства. Он пишет: «с передачею в хозяйство консульства всех русских заведений в Иерусалиме, миссия, дотоле считавшаяся если не собственницею, то распорядительницею всего, что было наше здесь, вдруг увидела себя без собственности, без прав, без власти, без силы, даже без совещательного голоса в устройстве наших дел палестинских! Такой переворот во взаимных отношениях двух ведомств естественным образом должен был возбуждать в одной стороне жаление об утраченном значении, а в другой некоторую долю надмения им. Отсюда взаимная холодность двух властей». Отсюда объясняется, например, та нелепость, что иеродиакон, от которого архимандрит требовал исповеди пред священнослужением, находит это для себя оскорбительным и жалуется на сие не духовному начальству, а светскому лицу,

консулу. Это от того, что он почитает консула всевластным, а архимандрита ничтожным.

Святейший Синод, без сомнения, обратит на сие внимание, чтобы исправить отношение между начальником духовной миссии и консулом.

IX. Но архимандрит выходит из пределов правды, когда говорит: если причт «из консула делает себе начальника, то кто виноват в том? Никто, кроме самого положения вещей». Неправда. Члены миссии – священнослужители, паче других званий, обязаны не уклоняться от своего начальства, и лично виноваты, обращаясь к консулу, и особенно по предметам духовным.

X. Архимандрит Антонин очень далеко выходит из пределов данного ему поручения, прожектируя, чтобы начальник иерусалимской миссии был в Константинополе, и имел наместника в Иерусалиме.

Дело иерусалимской миссии такого рода, что им надобно управлять в Иерусалиме, а не в Константинополе, и если власть консула парализирует действия начальника миссии, то кольми паче наместника его.

XI. Архимандрит Антонин об архимандрите Леониде делает следующий отзыв: «о. архимандрит имеет похвальную ревность о нравственности, добром имени и интересах бывающих и проживающих здесь (в Иерусалиме) русских».

Если это справедливо, то нельзя оправдать тех тяжких жалоб, порицаний и унижающих поступков, которым подвергся архимандрит Леонид от подчиненных и неподчиненных.

XII. Как отдаленные причины нерасположения патриархии к миссии, архимандрит Антонин указывает упоминание в инструкциях о честолюбии греков, и о том, чтобы учить их порядку, блеск миссии и ее столкновение с интересами патриархии. Жаль, если так писано в инструкциях. В другой раз жаль, что тайные инструкции провозглашаются. Жаль, если воззрение патриарха на миссию сию не духовное.

XIII. Архимандрит Антонин приводит отзыв митрополита петрского, что архимандрит смеялся над его титулом, и отвращает поклонников от него, как духовника; и отзыв

блаженнейшего патриарха, что Леонид отсоветовал поклонникам жертвовать в пользу святых мест. Здесь собственно начинается исполнение поручения Святейшего Синода. Свидетельства сии важны, по важности лиц; но Леонид, конечно, не говорил в присутствии патриарха и митрополита речей, которые выше показаны, следственно патриарх и митрополит свидетельствуют по слуху, и, может быть, по слуху от тех самых людей, которых усиленный антагонизм против Леонида так явен в деле. Итак, здесь надобно приложить закон о свидетельствующих по слуху.

XIV. Опять архимандрит Антонин отходит к вводным речам, и говорит, что миссия была поставлена в отношении к патриарху, как равный к равному. Это несправедливо. Никто не думал поставить архимандрита Леонида равным патриарху. Когда патриарх запретил Леониду быть в священнослужении в храм Воскресения, Леонид, сомневаясь в пространстве сего запрещения, не осмелился служить даже в своей церкви.

XV. Архимандрит Антонин приводит слова блаженнейшего патриарха, «что он не признает здесь никакого стороннего начальника, что единственный тут православный начальник он сам».

Да будет позволено сказать, что если блаженнейший патриарх признает настоятеля монастыря его ведомства начальником в его монастыре, без предосуждения своему верховному начальству, то почему не признавать и архимандрита миссии начальником над братиею миссии?

Когда церкви Восточная и Западная были в общении, патриарх константинопольский начальником римского в Константинополе апокрисиярия не затруднялся признавать римского патриарха; почему же и блаженнейшему патриарху иерусалимскому начальником архимандрита миссии не признавать Святейший Всероссийский Синод? Блаженнейший патриарх, конечно, не согласится, чтобы московский епархиальный архиерей архимандриту иерусалимского, в Москве, подворья сказал: я здесь один начальник, и не признаю начальства блаженнейшего патриарха над подворьем.

XVI. Приводит еще слова патриарха: «не удалось с архиереем; не удалось с архимандритом; попробуем сойтись с простыми священниками». Последние слова не иное что значат, как то, что простого священника легче сделать безгласным, и обратить в послушника патриарху, а не Святейшему Синоду. Удивительно, что архимандрит выводит из сего, будто надобно удалить из Иерусалима начальство миссии в Константинополь. Это значит удалить из Иерусалима начальника миссии, имеющего некоторую силу, и оставить там простого священника, чтобы он, по слову апостола, был всем поправление.

XVII. Архимандрит Антонин восклицает: пусть константинопольская миссия не напрасно носит свое имя!

Это непонятно. В Константинополе есть императорская миссия и при ней архимандрит, настоятель посольской церкви, а духовной миссии нет.

XVIII. Архимандрит Антонин сильно критикует инструкцию начальника миссии за то, что ему поручен надзор за богомольцами, и выводит из сего разные неблагоприятные заключения.

Злоупотребление можно делать из всего. Но как известно, что некоторые богомольцы русские в Иерусалиме ведут себя так, что делают стыд русской нации, то благословно поручено начальнику миссии духовным и нравственным увещанием бесчинствующих исправлять, других охранять от их примера, а против неисправимых и нетерпимых предоставлять консулу принимать соответственные меры.

XIX. Если справедливо, что архимандрит Леонид домогался быть духовником, то это есть вина. Но не видно, чем это доказано.

XX. «Иеромонаху Иоанну запрещено было исповедывать под предлогом молодости».

Но чем доказано, что это был предлог, а не истинная причина?

XXI. Если подлинно архимандрит Леонид в основание сего запрещения полагал сведения, полученные духовным путем, то есть, чрез исповедь: это опять вина, и вина важная. Но опять не видно, чем это доказано.

XXII. Показание, что «идея пастырства не давала покоя архимандриту» Леониду, и описание последствий сего сделаны архимандритом Антонином идеально, без всякого указания на определенные действия и на доказательства.

XXIII. Не довольствуясь быть следователем, архимандрит Антонин хочет быть законодателем, и запретит поклонникам ходить в Иерусалим в другой раз ранее десяти лет после первого; запретить жить далее полугода. Это неудобноисполнимо, и может стеснить добрых, вместо худых.

XXIV. Еще раз очень темными чертами архимандрит Антонин изображает нравственный характер архимандрита Леонида: «озлобление его против своих врагов относилось и к прямым врагам его, и к друзьям врагов его, и даже к не врагам врагов его, и выражалось беспощадным образом». «Чувство мести, к сожалению, не только присуще, но и кажется приятным, едва ли даже не законным человеку (Леониду), в других отношениях великодушному». На чем основано это странное описание? Архимандрит Антонин во время неурядиц иерусалимской миссии в Иерусалиме не был: он пришел только выпроводить оттуда архимандрита Леонида, уже лишённого всякого действия на других. Из донесения его видно, что он очень доверчиво слушал тех, которых дело представляет не благорасположенными к архимандриту Леониду. А ни о чем ни одного свидетеля, юридически правильного, не привел. Все доказательство странного описания заключается в том, что архимандрит Леонид в храме Воскресения оскорбил иеромонаха Вениамина, и тут же земным поклоном испросил у него прощения, и опять бранил его, и написал в Святейший Синод; и это основывается на словах консула. Но сам ли консул сие видел и слышал, не из уст ли мятежных членов миссии получил сие сведение? Что написал Леонид в Святейший Синод? Из дела видно, что доверием консула не архимандрит Леонид пользовался, а его противники.

XXV. Архимандрит Антонин пишет: «ожесточенным преследованием (архимандрит Леонид) довел, как многие здесь убеждены в том, до гроба бедного писателя Каминского». Кто многие? В чем состояло жестокое преследование? Имел ли

архимандрит даже возможность такого преследования? Как поспешно духовный собрат на другого собрата бросает преступление убийства.

XXVI. Еще обвинение: «будто в Одессе сотни поклонников сидят и ожидают минуты, когда выедет отсюда о. Леонид». Прискорбно видеть, что и это баснословное обвинение введено в официальное донесение.

XXVII. «Сам архимандрит (Леонид) рассказывал, что в Яфе поклонников наших стращали (греки будто бы) тем, что у них на «постройках» архимандрит отберет все вещи».

То есть, архимандрит Леонид рассказывал, как на него клеветают, а архимандрит Антонин приводил сие в доказательство того, что архимандрит Леонид виноват.

XXVIII. За сим архимандрит Антонин делает заключение: «таковым, по крайнему моему усмотрению, я нашел положение здешней миссии». Но он, кроме посторонних рассуждений, говорил почти только о начальнике миссии. Миссию составляет не один начальник, и не в нем одном обнаружены неурядицы. Ничего не сказано о достоинствах или недостоинствах прочих членов миссии, о справедливости или несправедливости их жалоб и доносов; ни слова не сказано о том, от чего и как произошло, что они перестали слушаться начальника миссии, отняли у него заведывание церковью, казною и доходами, в какой степени это произвольно, или произошло от какого-либо стечения обстоятельств, почему они о предметах даже духовных обратились с доносами не к духовному, а к светскому начальству, почему входили в дела, до них не касающиеся и глас о себе имеющие. Таким образом оказывается, что по важнейшим частям дела надлежащих сведений не собрано, и предписание Святейшего Синода не исполнено. Это было бы слишком неожиданно от лица, уже долгое время пользующегося добрым мнением и доверием начальства, если бы не объяснялось отчасти действием его глубокого уважения к отзывам лиц высокопоставленных, которое закрыло перед исследователем ту мысль, что их отзывы могли быть следствием неблагонамеренных, искусно проведенных,

внушений со стороны недоброжелательствующих архимандриту Леониду членов миссии.

XXIX. Последнюю часть донесения архимандрита Антонина составляют десять статей, которые он называет *выводами*.

В первой из сих статей он приписывает патриарху «высокомерное обращение», и находит нужным «поддержать значение» миссии. Вот косвенное признание, что архимандрит Леонид был притесняем, и пострадал.

XXX. Во второй статье говорит: «нынешнему консулу в Иерусалиме могло бы быть предложено другое равночестное место». Вот опять сокровенное признание, что архимандрит Леонид потерпел от консула более, нежели позволяли бы порядок и справедливость.

XXXI. Удалить из Иерусалима консула архимандрит Антонин находит нужным соответственно политике благоразумия, «по которой не считается делом особенно хвальным своему соединяться с чужим для поборания своего». Вот еще сокровенное признание, что непокорные члены миссии соединились с консулом, для поборания архимандрита Леонида.

XXXII. В третьей статье вопрошается: при назначении начальника миссии «не было ли бы найдено терпимым жертвовать некоторым образом достоинствами строгого иноческого подвижничества в пользу практической мудрости жизни»? Кажется, о. архимандрит Антонин сказал здесь более, нежели думал, будто практическая мудрость жизни требует пожертвования достоинствами монашескими, и будто к вредным последствиям общежительного монашества можно отнести неуместный поклон в ноги.

XXXIII. Между тем в сей же статье встречается об архимандрите Леониде следующий отзыв: «возвращаясь к лицу о. архимандрита Леонида, можно желать от всего сердца, чтобы и его достоинства, как истинного инока, и его ревность, святая и досточтимая, нашли себе вполне открытое, невозбранное поприще. Везде, где иноческая жизнь потребует себе у нас в отечестве устроителя, исправителя, обследователя и даже просто ученого исследователя, о. архимандрит Леонид может

быть почитаем отлично пригодным деятелем». Если сей отзыв справедлив, то могут ли быт, вместе с сим, справедливы сделанные архимандритом Антонином отзывы о чрезмерном корыстолюбии, ожесточении, мстительности архимандрита Леонида? Противоречие сие объяснить можно только тем, что одобрение произнесено по собственному дознанию, а осуждения по доверчиво принятым внушениям.

XXXIV. В четвертой статье архимандрит Антонин почитает наилучшим делом дать миссии вид чисто монашеского учреждения, не общежительного, не подобного штатным монастырям, с общим аскетическим характером.

Не выражает точно, чего он хочет; но не того же ли⁴⁴⁶ хотел и архимандрит Леонид?

XXXV. В пятой статье в третий уже раз предлагается, чтобы начальник иерусалимской миссии был в Константинополе. И выше уже сказано о неудобствах сего предположения.

XXXVI. В шестой статье архимандрит Антонин соглашается быть настоятелем миссии; в седьмой назначает себя наместника, а в восьмой и девятой иеромонахов и других членов для миссии. В десятой статье говорит о певчих и о роде пения.

Здесь нечаянно проронено слово, что певчие миссии ходят только к литургии, а к прочим церковным службам не ходят, и что их надобно приневоливать идти в церковь. Таковы люди, которые восстали против своего начальника: между тем как на него одного возложены все вины.

XXXVII. Надобно полагать, что Святейший Синод дознание архимандрита Антонина найдет неудовлетворительным, и примет меры к дальнейшему открытию истины дела. Ближайшею по самому порядку дела и небезнадежною мерою было бы обстоятельное вопрошение двух, находящихся уже в России, непокорных членов миссии, порознь, по вопросным пунктам, внимательно составленным.

8–10 Декабря, 1865 года⁴⁴⁷

1866

25 июня. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с проектом послания к патриарху иерусалимскому Кириллу от имени первенствующего члена Святейшего Синода о неустройствах иерусалимской духовной миссии

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф Д. А. Толстой, при отношении, от 31 мая, 1866 г., за № 3351, препровождая митрополиту московскому копии: а) ответного письма патриарха иерусалимского на имя высокопреосвященного митрополита новгородского и с.-петербургского от 21 апреля; б) записки вице-канцлера по поводу письма патриарха, в) письма графа Н. П. Игнатьева, и г) частного письма архимандрита Антонина по делу о неустройствах в иерусалимской духовной миссии, просил архи- пастыря сообщить «указания о дальнейшем направлении дела».

Конфиденциально.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Из сообщенного мне (от 31 мая, № 3351), в списке, послания блаженнейшего патриарха иерусалимского, от 21 апреля, необходимо рождается вопрос: какое должно быть дальнейшее направление сношений с его блаженством по делу о неустройствах российской, в Иерусалиме, духовной миссии? Вопрос трудный не потому, чтобы трудно было видеть правду, но потому, что представленная уже и доказанная правда встречена не мирным противоборством; а после такого опыта новое откровенное представление правды может обещать не успех, и только увеличение несогласия. Российская же иерархия неизменно расположена с своей стороны *блюсти*, по апостолу, *единение духа в союзе мира*, как бы ни была расположена иерархия иерусалимская.

Но, с другой стороны, не должно предать правду. Не должно беззащитностию правды доставить преобладание неправде, вредное и теперь, и на будущее время.

К ограждению достоинства блаженнейшего патриарха, надобно полагать, что он подписал послание 21 апреля, по

избытку доверия к внушившему и составившему оное.

На представленную в послании первенствующего члена Святейшего Синода правду и доказательства ее в послании патриарха не обращено никакого внимания.

Архимандрит Леонид описан в послании безобразными чертами, как то: *бросающимся то на того, то на другого*, чего и в доносах непокорных монахов не было писано, и, вместо доказательств, указано на бесчисленные заявления, и на жалобы целого народа, тогда как весь Иерусалим не составляет целого народа.

Патриарх говорит в послании: «мы никак не думали, что оказали неуважение к Святому Российскому Синоду». Это значит, что Синод вступается не за правду дела, а за то, что почитает себя оскорбленным, и при том так, что патриарх сего не ожидал, то есть, Святейший Синод напрасно считает себя оскорбленным. Может ли Святейший Синод оставить на себе такое обвинение?

Патриарх пишет в послании: «действуя в духе справедливости, мы навлекли на себя гнев Святейшего Синода». Здесь два обвинения: первое, будто Святейший Синод действует против справедливости, которую защищает патриарх; второе, будто Святейший Синод действует по страсти гнева.

Сии образцы содержания и выражения патриаршего послания показаны здесь для усмотрения, что послание не может быть оставлено без ответа, и что ответ не должен быть раболепно уступчивым, но, при возможном миролюбии, оправдательным для Святейшего Синода.

Проект такового ответа при сем прилагается.

При сем возвращаются относящиеся к настоящему делу бумаги при описи, при которой были присланы.

26 Июня, 1866 г.

Блаженнейший владыко, высокочтимый архипастырь.

Послание вашего блаженства встречено мною с глубоким уважением, и с надеждою, что из него воссияет свет совершенного мира между двумя православными священноначалиями, столь благопотребного для совершенного

мира православных церквей. Но, с подобающею служению нашему искренности, должен исповедать пред вами, блаженнейший владыко, что свет сей открылся мне не свободным от некоторых печальных теней.

В послании вашего блаженства, с выражением глубокой скорби, сказано, что вы никак не думали, что оказали неуважение Святому Российскому Синоду. Позвольте мне изъяснить истину, и принести оправдание. Ни Всероссийский Синод не поручал мне писать, ни я не писал в моем послании того, что вы оказали неуважение Всероссийскому Синоду. В послании моем изложено было на дело архимандрита Леонида воззрение Всероссийского Синода, неодинаковое с вашим воззрением, что нередко случается в делах, без нарушения взаимного уважения двух сторон, имеющих различные воззрения. В заключение, по поручения Синода, благопочтительнейше, я просил вас, блаженнейший владыко, не лишить архимандрита вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность. Действованием Всероссийского Синода, очевидное, управлял дух мира, благоговение к святому иерусалимскому престолу и совершенное уважение к вашему блаженству.

Вот в послании вашем упоминается о архимандрите Леониде, что он бежал от вашего присутствия. Если удостоите внимания проложенное при моем послании, в особой записке, обстоятельное изложение дела, то изволите усмотреть, что он не бежал безрассудно, а уклонился по предосторожности, чтобы его подчиненные, вышедшие из повиновения, не обнаружили противоборства против него пред лицом вашим и не причинили соблазна в торжественном собрании; и на такое уклонение решился он по совету вашего наместника митрополита Мелетия. Если же к вашему наместнику архимандрит Леонид имел такое уважение, что подчинялся руководству его, то не может быть сомнения, что сохранял должное благоговение к вашему блаженству.

С трудом покоряюсь необходимости произнести еще слово, встреченное в послании вашего блаженства: вы приписываете Всероссийскому Синоду *гнев*. С твердостью свидетельствую,

что не было ничего подобного ни в распоряжениях Святейшего Синода, ни в моем смиренном послании. В прискорбных обстоятельствах естественно чувство скорби; но сколь далек Всероссийский Синод от того, чтобы допустить гнев в участие своих действий, столь же неожиданно то, что он подвергается такому обвинению. Синод знает слово апостола, что гнев мужа правды Божия не соделовает.

Чтобы не утруждать более нашего внимания моими объяснениями, ограничусь признанием, что я нахожусь в недоумении, полезно ли будет предложить послание вашего блаженства Всероссийскому Синоду, или не полезнее ли будет, чтобы я один понес на себе бремя скорби, и, в надежде совершенного слова мира, сохранил обоим священноначалиям мир молчания.

Впрочем, я уверен, что, во всяком случае, Всероссийский Синод не допустит возвращения в Иерусалим архимандрита Леонида, который, имея несчастье лишиться вашего благоволения, и оставит архимандрита Антонина в Иерусалиме, по крайней мере, до тех пор, когда усмотрен будет другой, соответствующий требованиям тамошнего служения.

Смирненно полагаю сие дело и сии сношения к подножию ног Высочайшего Архипастыря Господа нашего Иисуса Христа. Который есть источник мир, и молю Его, дабы Своею вседействующею благодатию, мать церквей, иерусалимскую церковь и церковь всероссийскую непрестанно сохранял в совершенном единении мира и любви до скончания века.

С сею мыслию и глубоким к вашему блаженству уважением (каковые чувствования разделяет со мною и весь Всероссийский Синод) имею сердечный долг и утешение быть и пребыть неизменно.

26 Июня, 1866 г.⁴⁴⁸

29 сентября. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о допросе иеромонаха Иоанна по делу о неурядицах в иерусалимской духовной миссии

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, Ю. В. Толстой, при двух отношениях от 21 и 27 августа, 1866 г., препроводил к митрополиту Филарету копию всеподданнейшей записки, с обстоятельным изложением всех неурядиц и столкновений, возникших в иерусалимской миссии за последнее время управления архимандрита Леонида, и копию с переписки, по этому поводу, с патриархом Кириллом, вместе с тем доставил митрополиту копию с донесения архиепископа херсонского⁴⁴⁹ Святейшему Синоду и приложенное к нему объяснение бывшего члена иерусалимской миссии иеромонаха Иоанна по делу о беспорядках в миссии, и просил сообщить мнение «по содержанию означенных бумаг».

Сиятельный граф, милостивый государь.

По долго производящемуся делу о беспорядках иерусалимской духовной миссии, наконец имеется в виду первый допрос иеромонаха Иоанна.

В самых обыкновенных случаях, допросы производятся чрез постепенные вопросы, чтобы отвечающий побужден был отвечать без хитрости, не предвидя иногда, к чему поведет предложенный частный вопрос. Но сей предосторожности не взято в таком деле, где требуется особенное старание, чтобы вывести истину на свет из мрака соумышления.

Иеромонах Иоанн, вместо ответа о себе и своих делах, начинает показание указанием на первый беспорядок, произведенный архимандритом Леонидом, не объясняя, в чем он состоял; изъявляет начальству свое неудовольствие за продолжительность дела; приписывает архимандриту Леониду соблазнительные и ужасающие беспорядки, и, вместо объяснения и доказательств, перечисляет заглавия 13 бумаг вышедших из повиновения членов миссии, как будто заботясь только о том, чтобы не утаилась от начальства бумага, в

которой написаны грубые насмешки над архимандритом Леонидом и кощунство над благословением священства.

Далее иеромонах Иоанн изъясняет неудовольствие на Святейший Синод за то распоряжение, что он и иеродиакон Арсений удалены из Москвы, а иеромонах Гедеон оставлен.

Далее Иоанн старается оправдать непослушных членов миссии в том, что они обращались с доносами мимо Святейшего Синода, представляя неверные и сами себе противоречащие доказательства, как то, что они сомневались, имеют ли право писать к Святейшему Синоду (каковое в необходимом случае имеет всякий сын церкви) и что боялись быть обвиненными за молчание (следственно признавали обязанность и имели побуждение обратиться к Святейшему Синоду).

Таким образом во всем показании иеромонаха Иоанна нет личного допроса, а является адвокат и судья, а не допрашиваемый.

Однако, если не правдолюбие, то желание оправдаться вызвало на свет значительную в сем деле истину, в следующих словах иеромонаха Иоанна: *мы спрашивали у консула, к кому нам обращаться с бумагами, в случаях важных, и он отвечал, что у вас, кроме, меня и о. Леонида, нет в Иерусалиме других русских начальников, и обещал бумаги наши препроводить, куда следует.*

Справедливость сего показания подтверждается ходом дела.

Полагаю, что г. консул не имел права так решительно и в таком обширном смысле объявить себя начальником духовной миссии, а должен был сказать, что по делам, требующим духовного распоряжения и суда, члены духовной миссии должны обращаться к Святейшему Синоду, а к нему, г. консулу, только по делам, требующим распоряжения и суда гражданского. Таким образом, г. консул своим отзывом и последующим в смысле сего отзыва действием вел непокорных членов миссии на незаконный путь, и утверждал их в неповиновении, которое они оказали не только начальнику миссии, но на некоторое время и Святейшему Синоду.

Обвинения на архимандрита Леонида большею частию голословны, кроме одного главного и доказанного, что он, возмущаясь духом от неповиновения ризничего переменить часть облачения, не стал совершать литургии, и вышел из церкви. Сей поступок заслуживал не более, как духовного вразумления и увещания. Но так немного виновного много виновные подвергли тяжким и широко распространенным нареканиям, прискорбным образом вытеснили из Иерусалима, и в тоже время, окружив предубеждениями блаженнейшего патриарха иерусалимского, возбудили его к таким действиям, которые недалеки от нарушения мира между двумя иерархиями.

Если и впредь, как пред сим, г. консул будет признавать себя начальником духовной миссии, если он будет принимать жалобы на то, что архимандрит посылает иеродиакона к исповеди, что архимандрит требует от ризничего праздничного облачения, и т. д.: то правильное начальствование архимандрита, порядок и достоинство духовной миссии и польза от ее действования не будут обеспечены.

Должно полагать, что Святейший Синод извлечет из обстоятельств сего дела твердые заключения к охранению достоинства и силы церковного управления, под щитом державного защитника православной церкви благочестивейшего Государя Императора.

Между тем для дела неизлишне, и даже нужно, чтобы и от иеродиакона Арсения взят был правильный и проницательный допрос по вопросам, извлеченным из дела, способным уяснить оное. Могут и незначительные, по-видимому, вопросы послужить к открытию внутренней стороны дела, как, например, следующий: почему члены миссии, в числе доносов на архимандрита Леонида, поместили и сей донос, что у него надуваются щеки, тогда как в сем не заключается никакого нарушения порядка, и никому сим не причиняется обиды?

29 Сентября, 1866 г.⁴⁵⁰

21 октября. Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением на предположение о закрытии русской духовной миссии в Иерусалиме

Обер-прокурор Святейшего Синода, граф Д. А. Толстой, в письме от 4 октября, 1866 года, писал митрополиту Филарету, что он пришел к убеждению, что дальнейшая переписка по иерусалимскому делу «привела бы к одним бесплодным препирательствам, что церковь бессильна пред авторитетом министерства иностранных дел, но что она не может и не должна пред ним преклоняться и низводить своего иерусалимского представителя в послушного подчиненного иерусалимского консула. По этим соображениям я не нахожу иного, сообразного с достоинством церкви, выхода, как совершенное уничтожение нашей иерусалимской миссии. Повергаю эту мысль на благоуважение вашего высокопреосвященства, и прошу удостоить меня вашими советами».

Ради силы истины излишне здесь объяснить, что все, сказанное в сем кратком изложении дела, основано на бумагах, вышедших от доносителей, консула, патриарха, а не на словах архимандрита Леонида.

Из безысходных до сих пор затруднений сего дела исход мог бы открыться, если бы явился новый консул, который бы внимательным и беспристрастным оком дознал истинное положение дела, сообразно сему расположил свое действие, который способствовал бы и блаженнейшему патриарху иметь более верное воззрение на дело, и тем споспешествовал миру иерархии, который бы, поставив власть свою в законные пределы, сам обеспечил твердое положение начальника духовной миссии, и соблюдение в ней подчиненности и порядка.

Но как сего нет, то положение дела остается безысходным.

Отсюда может родиться мысль, не удалить ли совершенно духовную миссию из Иерусалима? От сего удержат могут следующие соображения:

1) В сем случае мир иерархии, со стороны патриарха нарушенный, остался бы невозстановленным.

2) Патриарх, который свое действовање поставил несколько выше братских отношений к Всероссийскому Синоду, в уничтожении духовной миссии увидел бы свою силу и свою победу, а это, конечно, не вело бы к улучшению отношений между иерархиями, и к поддержанию достоинства Всероссийского Синода пред лицом патриарха.

3) Иное дело не учреждать миссии, а иное – учрежденную уничтожить. Первое пред неблагоклонным воззрением может подвергнуть не тяжкому упреку в недостатке деятельности; второе имело бы неприятный вид падения.

4) Западная зависть к России, которая не оставляет в покое и православной церкви (чего недавний пример представляют разглашения о унии будто бы константинопольского патриарха с Римом), в уничтожении российской духовной миссии в Иерусалиме нашла бы для сего счастливый случай к неблагоприятным для православия оскорбительным и вредным толкам.

5) Если бы духовная миссия в Иерусалиме была уничтожена, что же было бы с церковью, там для нее устроенной с большими издержками и великолепием? Сия церковь была бы печальным памятником падения миссии.

Что же, наконец, делать в безысходном состоянии дела? Едва ли найдется что лучшее, как оставить еще миссию в нынешнем переходном состоянии, в ожидании лучшего времени, так как архимандрит Антонин, хотя неудовлетворивший объяснению по делу, не имеет для себя затруднений со стороны консула, ни со стороны патриарха.

21 Октября, 1866 г.⁴⁵¹

23 октября. Мнение митрополита Филарета о неустройствах в иерусалимской духовной миссии

В Иерусалиме существует российская духовная миссия, учрежденная, во-первых, для ближайшего общения с восточною православною иерархией и для подкрепления православия в племенах, ослабляемых необразованностию пред силою западной пропаганды; во-вторых, для нравственного руководства русских поклонников палестинской святыне, тем более нужного, что немалое число из них своим поведением оскорбляют достоинство русского имени.

В течение некоторого времени сия миссия состояла под начальством епископа; виды ее были расширены, и средства ее обильны. Однако плоды ее действия не довольно соответствовали надеждам. Потом она получила более ограниченный состав, под начальством архимандрита.

Открылись внутри сей миссии неустройства, и простерлись на ее внешние отношения. Два иеромонаха и иеродиакон составили на начальника миссии архимандрита Леонида доносы, самым содержанием своим, без дальнейшего исследования, обличаемые в незаконности и несправедливости, обратились с ними, не по принадлежности, к консулу, и, что еще важнее, возмутительно отняли у начальника миссии власть и все состоявшее в ведении его.

Блаженнейшему патриарху иерусалимскому представлены о сем неустройства миссии такие превратные сведения, что он архимандриту Леониду запретил священнослужение при святых местах, и в грамоте к Святейшему Всероссийскому Синоду осуждал его, а возмущившихся одобрял, и даже одного из сих предлагал в начальники миссии, выступив таким образом за пределы своей области. По поручению Всероссийского Синода, первенствующий его член посланием к патриарху, в самых кротких выражениях, старался представить ему дело в истинном виде, прося от него не более, как удержаться от неблаговоления к архимандриту Леониду, доколе Синод вполне рассмотрит дело. Но последовало со стороны патриарха сперва

долгое молчание, потом в новом отношении еще более усиленно выраженное осуждение архимандрита Леонида, частью бездоказательное, частью основанное на перетолковании безвинных действий архимандрита.

Такой ход и такое положение дела представляются необъяснимыми, и могут быть объяснены только чрез принятие в соображение участия в сем деле г. консула. Один из непокорных членов миссии по возвращении в Россию, во взятом от него показании объявил, что они спрашивали у консула, к кому им обращаться с бумагами, в случаях важных, и что он отвечал: «у вас, кроме меня и о. Леонида, нет в Иерусалиме других начальников», и обещал бумаги их препроводить куда следует. И как у непокорных дело шло о том, чтобы уничтожить начальствование архимандрита Леонида, то консул отзывом своим поставил себя единственным и полным начальником миссии, не исключая и духовных дел. Из находящегося в деле письма иеродиакона Арсения к самому консулу видно, что консул «любопытствовал узнать все события» и «неоднократным напоминанием» побуждал членов миссии к доносам. Напротив того не видно, чтобы консул письменно или словесно обращался к архимандриту Леониду по доносам, которых незаконность и неосновательность архимандрит мог бы объяснить без дальнейшего исследования. Да и без объяснения со стороны архимандрита Леонида консул мог понять неосновательность, и даже неприличие иных доносов, как например, что архимандрит посылал иеродиакона Арсения к исповеди, что хотел представить его к посвящению в иеромонаха, без его согласия, и пр. Однако же консул принимал такие доносы, и давал им ход. Такое действие консула естественно обратилось в поощрение непокорных, и подало им повод исторгнуть у начальника миссии его власть и все, что было в его ведении; консул же ничего не сделал, чтобы остановить их мятежные действия. За сим следовало то, что и пред глазами блаженнейшего патриарха худые поступки непокорных членов миссии покрыты были тенью, а поступки архимандрита Леонида представлены были в превратном виде;

и консул ничего не сделал, чтобы восстановить истину пред его блаженством.

23 Октября. 1866 г.⁴⁵²

Примечания

¹ - Толстой, граф А.П., обер-прокур. Св.Синода с 20 сент.1856 г.; †1872 г.

² - Ковалевский, Егор Петр., горн. инж., ген.-лейт., ориент.-писат. †20 сент. 1868 г.

³ - Новиков, Евг. Петр., старш. секр. посольства в Константи., впослед. посол в Константи. и в Вене.

⁴ - Бутенев, Аполлин.Петр.; †1866 г.

⁵ - Кирилл 2-й, патр. иерус. с 1847 г.; низлож. 7 ноября 1872 г., за отказ участв. в отлуч. болгар от православ. церкви; † в 1877 г. См. Лет. церк. событ. архим. Арсения, изд. 1880г., стр. 796, 837.

⁶ - Кирилл 7-й, из митр. амасийск., избр. на патр. прест. 20 сент.1855 г., а 4 июля 1860 г. отказ. от престола. Там же, стр. 812, 820.

⁷ - Анфим 6-й патр. с сент. 1853 года. См. прим. 26.

⁸ - Лобанов-Ростовский, князь Алексей Борис., советник констант. посольства.

⁹ - Аргиропуло, Эмман. Яковл., перв. драгом. констант. посольства.

¹⁰ - Павликиане, еретич. беспоповщ. секта, с манихейскими воззрениями о двух началах – добром и злом. Назывались павликианами или по имени своего наставника Павла, преемствовавшего ересеначальнику Константину, казненн. в 684 г., или потому, что часто ссылались на ап. Павла, и общины свои называли по именам церквей, основ. св. апостолом; сами же себя они назыв. христианами, а православных ромеями, т.е. римлянами. В 954 г. импер. Иоанн Цимисхий, по разрушении болгарск. царства, приказал переселить многих павликиан из азиатск. провинций в Филиппополь и его окрестности, где народ дал им название богомилов или богомоллов (от частого моления на показ).

¹¹ - Богословское училище на острове Халки основано патр. констант. Германом 4-м, 15 сент., 1844 г. Оно помещ. в монаст.

св. Троицы, возобновл. после пожара 1831 года. Наш Св.Синод ежегодно дает на эту школу по 2000 рублей.

¹² - Орден лазаристов основан в 1625 г. во Франции, с целью распространения христианства в чужих странах. Подр. см. Dictionnair aniverseld histoir et de geographie. Paris, 1860 г.

¹³ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Описание №91, т.I; док. №2.

¹⁴ - Горчаков, князь А.М., мин. иностр. дел, впослед. госуд. канцл., светл. князь; р.1797 г.; †27 февр.1883 г., в Баден-Бадене.

¹⁵ - См. прим. 4.

¹⁶ - См. прим. 9.

¹⁷ - Петр (Троицкий), магистр VII к. киев. акад.; с 1853 г. инспектор киевской акад.; с 1855 г. рект. сем.; с 1858 г. настоятель посольской церкви в Константинополе; с 1860 г. – в Афинах; с 29 мая, 1860 г., викарий кишин. епархии, еписк. аккерманский: † 10 окт., 1873 г.

¹⁸ - Гатти-гумаюн опубликован 18 февр., 1856 г.; им объявлена полная свобода всем не магометанским исповеданиям, освобождение немагометан от хараджа (плата за позволение носить голову на плечах), равноправность всех пред судом: греческим епископам обещано жалование от Порты, взамен существовавших ручных сборов.

¹⁹ - См. прим.6.

²⁰ - По письму состоящего при константинопольской миссии архимандрита Петра. Примечание Митрополита Филарета.

²¹ - С копии, хран. в архиве Св.Синода. Описание №94, т.I: док. №№ 3–5.

²² - См выше, прим. 8.

²³ - См выше, прим. 14.

²⁴ - См. выше "Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате».

²⁵ - См. выше "Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате».

²⁶ - Анфим 6-й, из митр. эфесских, избран на патр. престол 18 апр. 1845 г., а 16 окт., 1848 г., низложен; во второй половине 1853 г. вторично избран; 20 сент., 1855 г., снова низложен; 9 сент., 1871 г., избран в третий раз, а 23 ноября 1873 г., добровольно отказался от престола.

²⁷ - С копии, дополненной собственноручно митрополитом, и собственноручного чернового подлинника, начиная со слов: «в сих словах трудно узнать...» и до конца мнения. Бумаги сии хранятся в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. I; докум. №№ 12, 13, и 16.

²⁸ - Каллиник.

²⁹ - Ерофей, из архиеп. фаворск. с 1851 г. патр. антиох.; † в марте 1885 г.

³⁰ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, том I; докум. № 17.

³¹ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, том I; докум. № 18.

³² - В конце листа, где окончен этот текст, митрополитом Филаретом помечено: «Мая 16, 1859 г.»

³³ - См. выше, «Примечания митрополита Филарета к сведениям преосвященного Софрония, архиепископа артского».

³⁴ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись №94, т.I; докум. № 20.

³⁵ - Кирилл 7-го.

³⁶ - По поверке с документами оказывается, что сделали это не геронты, а духовные члены церковно-народного совета. Но из отношения 20 июня видно следующее: патриарх, которого геронты обвиняли, что он неправильно просил у правительства турецкого своей отставки, не посоветовавшись с синодом, в оправдание свое отвечал, что «он на сие уполномочен был ими самими, потому что они три раза просили у Порты его низложения и не находили нужным ни совещаться о сем в синоде, ни предварить его святейшество». Следственно остается справедливым то, что геронты предпринимали низложить патриарха, и при том уже трижды, и при том, в

противность обычая, не предварив его и не предложив о том синоду. Примечание митрополита Филарета.

³⁷ - Герасимом.

³⁸ - Архимандрит Петр.Прим. митрополита Филарета.

³⁹ - См. выше, «Мнение митрополита Филарета о преобразованиях в константинопольском патриархате».

⁴⁰ - С собственноручных черновых подлинников, хранящ. в архиве Св.Синода. Опись №94, т.1; докумен. №28.

⁴¹ - По дальнейшим сведениям, митрополиты кесарийский и никейский находились в сие время в своих епархиях. 9 сентября, 1859 г. Прим. митрополита Филарета.

⁴² - За отсутствием двух митрополитов, на лицò остаются четыре. Прим. митрополита Филарета.

⁴³ - Хотя из сих двое на сей случай находились в отсутствии, но они тем не менее в сие время оставались членами синода, и ничто не препятствовало немедленно призвать их. Прим. митрополита Филарета.

⁴⁴ - В газете L'univers. Прим. митрополита Филарета.

⁴⁵ - Самуил I-й, из митр. дерконских, избран на патр. Престол 24 мая, 1763 г.: 4 ноябр., 1768 г. низложен; затем 18 ноябр., 1773 г., вторично занял престол, но 18-го дек. 1774 г., обвин в строгости и в отягчении епархии поборами, снова низложен. При нем подчинены констан. патриарху независимые церк. округа: печский и орхидский.

⁴⁶ - Разумеется событие во время восстания греков, в 1821 г., против турецкого владычества, когда патриарх констант. Григорий и члены синода, мтр. эфесский, никомид. и анхиальский были замучены турками, 10 апреля, в день св. пасхи.

⁴⁷ - С копии, исправл. митрополитом. Копия хранится в архиве Св. Синода. Опись №94, том 1; док. №№ 29 и 30.

⁴⁸ - См. выше, «Мнение митрополита Филарета «о предприятии низложить вселенского патриарха и об удалении геронтов» и "Мнение митрополита Филарета о протесте геронтов».

⁴⁹ - С копии, исправл. и дополн. собственноручно митроп. Филаретом; копия хранится в архиве Св. Синода. Опись №94, том I; докум. №31 и 32.

⁵⁰ - Напечатанное курсивом подчеркнуто митроп. Филаретом.

⁵¹ - С 8 марта, 1637 г. по 28 июня, 1638 г., констант. патр. престол занимал в шестой раз Кирилл Лукарис; за ним следовал Кирилл 2-й, низложенный в июне 1639 г.; 4 июля того же года на кафедру вступил Парфений 1-й и оставался до низложения, 31 августа, 1644 года. О времени патр. Самуила см. стр.45, прим.1. Лет. церк. соб. 1880 г., стр. 651–654; 725; 729–731. Месяцеслов Востока, 1876 г., ч.III; стр. 254.

⁵² - Каллиник.

⁵³ - Иерофей † (1885 г.).

⁵⁴ - Кирилл II (1845–1872 г.).

⁵⁵ - Донесение с собственноручного чернового подлинника, а записка – с копии, хранящ. в архиве Св.Синода. Опись №94, том I; докум.№№ 39–41. Подл. донесение и копия с записки хран. в деле архива Св. Синода, 1859 г., №1678; лл. 27–37.

⁵⁶ - В том же деле, лл. 38–39.

⁵⁷ - См. выше, «Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя».

⁵⁸ - Ковалевский, Егор Петр. О нем см. прим. 2.

⁵⁹ - Исидор, митр. новгор. и с.-петер.: † 1892 г.

⁶⁰ - Иосиф (Семашко); † 23 ноября, 1868 г.

⁶¹ - Антонин (Капустин), магистр XI курса киевской дух. академии; с 1843 г. бакалавр той же академии; с 1850 г. настоятель при посольской церкви в Афинах, потом в Константинополе и, наконец, начальник русской миссии в Иерусалиме.

⁶² - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве. Опись № 94, том I; докум. №№ 45 и 46.

⁶³ - Из бумаг, доставленных г. обер-прокурором Св. Синода.

⁶⁴ - Великий эконо́м (ὁ μέγας οἰκονόμος) был главным управителем всех имуществ софийского храма и константинопольской патриархии и вместе распорядителем получаемых с них доходов. Должность эта в константинопольской церкви существует уже в IV веке, как это видно из актов III вселенского собора.

⁶⁵ - Великий сакелларий (ὁ μέγας σακελλάριος) заведывал имуществом монастырей и имел высшее наблюдение за образом жизни и поведением монашествующих. К его обязанностям относилось защищать права и преимущества монастырей от притязания частных лиц и присутственных мест.

⁶⁶ - Великий скевофилакс (ὁ μέγας σκευοφύλαξ) был хранителем принадлежностей храма, т. е. церковных и богослужебных книг, священных одежд, церковных сосудов и вообще церковной утвари. Подроб. о чинах констант. патриаршей церкви см. Прав. Собесед., 1868 г., ч. II, стр. 39–73 и ч. III, стр. 48–81.

⁶⁷ - См. выше «Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя».

⁶⁸ - С автографа, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, том II, документ № 49.

⁶⁹ - Т.е. первенствующего члена Св. Синода, митрополита новгородского и спб. Григория.

⁷⁰ - См. выше, «Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя».

⁷¹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архив. Св. Синода. Опись № 94; т. II, докум. № 50; подл. хранит. в бумагах г. обер-прок. Св. Синода.

⁷² - Митрополита новг. и с.-петерб. Григория.

⁷³ - Напечатанное курсивом напечатано митрополитом Филаретом.

⁷⁴ - Содержание протеста следующее: «Согласно с неоднократно выраженным мнением нашим и принимая в соображение, что в новом устройстве управления нашими

церковными делами вопросы, касающиеся церковных постановлений, неправильно истолкованы, и применены в противность канонам; принимая сверх того в соображение, что вопрос, о котором идет дело, слишком высок и важен, чтобы мы могли дерзнуть принять на себя пред всеми православными такую и столь великую ответственность; согласно, повторяем, с прежним мнением нашим, мы почитаем совершенно необходимым подвергнуть эти акты суждению и рассмотрению патриархов настоящих и живущих на покое и святых архиепископов, имеющих опытность в делах. Согласно с сим мы устранимся от подписания составленного проекта, и уверены, что почтенное собрание не потребует от нас того, что противно нашим убеждениям». Подлинный протест подписали епископы: адрианопольский, димитриадский, силиврийский, никейский, зворникский, драмийский и дидимотихский.

⁷⁵ - Кирилл: 4 июля, 1860 г., отказался от престола, и место его занял Иоаким 2-й.

⁷⁶ - Каллиник, из митр. Солунских в 1856 г. избран на александр. патр. престол в 1862 г. добровольно отказался от престола и получил согласие вселенск. патр. Иоакима 2-го на занятие прежней солунской кафедры. См. т. II, № 94, док. 98.

⁷⁷ - Иерофей.

⁷⁸ - Против этого места Государь Император карандашом написал: «Это мнение я не разделяю».

⁷⁹ - Князь А. Б. Лобанов-Ростовский.

⁸⁰ - Против этого периода, на поле, Государь Император написал карандашом: «Сколько мне известно, оно и прежде существовало».

⁸¹ - С собственноручного черн. подлин., хран. в архиве Св.Синода. Опись № 94, том II; докум. № 54 и 55.

⁸² - Логофет (ὁ λογοθέτης) – одна из немногих должностей, по взятии Константинополя турками, перечисленных из штата царского в патриарший. При византийских императорах логофеты заведывали главным образом государственными финансами; при патриархах также им принадлежало и теперь принадлежит главное заведывание экономическими делами

патриархии. Логофет – светский сановник патриархии, но возводится в свою должность патриархом через возложение рук (χειροθεσία – в отличие от χειροτονία) и чтение молитвы по особому чину. Он занимает первое место в пентаде духовных и светских сановников патриарха, носит титул архонта (князя), и так как избирается обыкновенно из самых знатных и богатых и богатых фамилий, то пользуется огромным влиянием на общий ход дел патриархии. Прим. орд. профес. с. петерб. акад. И. Е. Троицкого.

⁸³ - С собственноруч. черн. подлинн., хран. в арх. Св. Синода. Опись № 94, т. II; док. № 56.

⁸⁴ - С собственноруч. черн. подлинн., хран. в секретн. бумагах канцел. обер-прокур. Св. Синода, 1860 г., №78; л. 19.

⁸⁵ - С копии, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. I; док. № 57. Подлинн. хранит. в секрет. бумагах канцел. обер-прокур. Св. Синода, 1860 г. № 78; л. 8–10.

⁸⁶ - Урусов, князь С.Н.; впослед. чл. Госуд. Сов.; † 13 мая, 1883 года.

⁸⁷ - Князя А. Б. Лобанова-Ростовского.

⁸⁸ - С подлинника, хранящ. в секрет. отдел. канц. обер-прокур. Св. Синода, 1860 г., № 78; стр. 1.

⁸⁹ - См. выше, «Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синоду, графу А. П. Толстому, с приложением записки об актах константинопольского церковно-народного собрания».

⁹⁰ - Каллиник.

⁹¹ - См выше, "Мнение митрополита Филарета, по поводу постановления церковно народного собрания, об увеличении получаемого логофетом Николаем Аристархи содержания».

⁹² - См. выше, прим. 6

⁹³ - С копии, исправ. Митрополитом Филаретом, хранящ. в архиве Св. Синода, №78; лл. 2–7. Опись № 94, том II, док. №58; подлинн. хранит. в секрет. бумагах канцел. обер-прокур. Св. Синода, 1860 г. 8 июня князь С.Н. Урусов уведомил митрополита Филарета, что «Государь Император, принявши во внимание затруднительное положение нашего посланника в

Константинополе, почти ежедневно просившего по телеграфу инструкции, изволил сегодня лично приказать мне собрать в экстренное заседание членов Св. Синода для рассмотрения вопроса: удобно ли, при настоящих обстоятельствах, домогаться пересмотра актов константинопольского церковно-народного собрания. На этот вопрос члены Св. Синода ответствовали отрицательно; о чем и донесено Его Величеству». Т. II, док. 62.

⁹⁴ - А. М. Горчакова.

⁹⁵ - По поводу вышеперечисленного замечания, князь С. Н. Урусов, 1 июля писал митрополиту: «позвольте, во имя нашего управления, принести вам почтительнейшую признательность за изменение записки. При настоящих обстоятельствах, указание на неточность сведений, доставленных вашему высокопреосвященству, могло бы послужить поводом к большим для нас неприятностям. Впрочем, искреннее благоговение, которым преисполнен к вам министр иностранных дел, во многом облегчает наши отношения с министерством». Док. 69.

⁹⁶ - 16 июня князь С. Н. Урусов уведомил митрополита Филарета, что «министр иностранных дел весьма благодарен за записку 31 мая: она представлена Государю Императору». Док. 67.

⁹⁷ - См. выше: "Письмо митрополита Филарета к князю С.Н. Урусову, с приложением записки: о пересмотре константинопольских актов».

⁹⁸ - 1 июля князь С. Н. Урусов сообщил митрополиту, что настоящую записку его он «лично передал князю Горчакову, не оставив у него ни подлинника, ни копии. Он нашел довольно странным, что князь Лобанов сравнил себя с королем сардинским". Док. 69.

⁹⁹ - С собственноручных черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II, док. №№ 63, 65 и 66; подлинное мнение: «о выписке из письма князя А. Б. Лобанова-Ростовского...» наход. в секрет. бумагах канцел. обер-прокур., 1860 г., № 78, лл. 38 и 39.

¹⁰⁰ - Речь идет о предложении генерал-лейтенанта Хрулева в принадлежавшем ему привилегированном заведении метахромотипии издать для духовного ведомства «живописные лицевые святцы», рисунок коих был составлен академиком Ф. Г. Солнцевым. 6-го августа 1863 г. состоялось определение Св. Синода, коим хозяйственному управлению предоставлено право заключить с поверенным генерала Хрулева условие на издание в метахромотипии Хрулева на первый раз десяти тысяч экземпляров. Условие заключено 31 того же августа. См. дело хоз. управл., отдел. 1, ст. 2, за 1861 г., № 199; лл. 98–99 и 108–109.

¹⁰¹ - С собственноручн. подлин., хранящ. в секрет. бумагах канцел. обер-прокурора Св. Синода, 1860 г., № 76; лл. 43 и 44.

¹⁰² - Егор Петр. Ковалевский.

¹⁰³ - В письме Е.П.Новикова к Е.П. Ковалевскому, между прочим, было сказано: «две почты сряду привозят нам положительные протесты духовного начальства против образа действий миссии в здешних церковных делах. И этот голос подается тогда, когда дело зашло уже так далеко, что миссии трудно, не уронив своего достоинства и нравственного влияния, дать ему другое направление; подается при этом не в виде положительного наставления, как должно действовать, а в виде сетования церкви о ничем невознаградимых ошибках. Как быть, что делать, когда, объясняя и оправдывая свои действия железной волею необходимости и силою факта, нам приходится, в то же время, почти отстаивать чистоту наших православных убеждений»?

¹⁰⁴ - Здесь имеется в виду следующее место из письма Е.П.Новикова: «если Порта и церковь, мерами законной строгости, понудят болгар к насильственному воссоединению в константинопольскую патриархию, можно ли ожидать от того добрых последствий для веры? Духовно-нравственная связь давно потеряна. Может ли заменить ее каноническая? Тогда римская и протестантская пропаганды смелее поднимут головы, и одна область за другою пойдут отрываться от вселенского единства. И это произойдет тем легче, что, приступая к унии, болгары не принесут в жертву (?) ни своих догматов, ни своих

преданий и обрядов, и будут по-прежнему считать себя православными; а римская церковь, на первых порах, окружит их всеми возможными льготами, и потребует от них одной лишь замены имени патриарха именем папы. Не лучше ли, чтобы, вместо папы поминался православный, но автокефальный начальник? Мне кажется, что в самом желании болгар получить независимую иерархию и церковь заключается и лучшее ручательство желания не отступить о единства православия, и самая действительная оборона против унии.

¹⁰⁵ - Об этом см. ниже, отд. II, о греко-болгарской распре.

¹⁰⁶ - См. выше, стр. 113

¹⁰⁷ - Иларион, природн. болгарин, в 1858 г. был рукоположен во епископа для проживающих в Константинополе болгар, с титулом макариупольского, при чем в кодексах хореепископом.

¹⁰⁸ - Первая половина письма написана писцом, а вторая собственноручно митрополитом Филаретом: собственноручно же написана и приложенная к письму записка. Докум. сии хранят. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II, докум. №№ 59 и 61.

¹⁰⁹ - С собственноручн. черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. № 64. По поводу изложенного мнения князь Лобанов 2–14 августа писал князю А.М. Горчакову: «Отзыв высокопреосвященного митрополита московского написан с тою ясностью и с таким изумительным знанием местных обстоятельств Константинополя, каким отличается все то, что выходит из-под пера этого достопочтенного архипастыря. Что касается до заметки о подставных кандидатах, то я считаю своим долгом сказать, что мнение, объявленное по этому предмету в народном собрании, выражено частным образом и что оно только уловка, которая придумана во избежание того, что предоставленное Порте право исключения, при слишком ограниченном числе кандидатов, не сделалось равносильным праву положительного назначения». Там же, док. №76.

¹¹⁰ - С собственноручного черн. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; док. №№ 71 и 72.

¹¹¹ - С собственноручного черн. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94; т. II; док. №№ 73 и 74.

¹¹² - Предварительное избрание дало следующих кандидатов на патр. престол: быв. патр. констант. Григория (20 голосов), Анфима (эфесского-47), Анфима (византийского-20); митрополитов: никейского (14), кизического (37), халкидонского (29), салоникийского (36), серрского (6), Бруссы (5) и патр. александрийского (49). Таким образом в числе трех оказались избранными патриархи александрийский и константинопольский и митрополит кизический.

¹¹³ - Иоаким 2-й, из митроп. кизических избран на патриар. престол 4 окт.; он первый из патриар. Констант. признан от турецкого правительства пожизненным патриархом; в 1863 г. Иоаким отказался от престола, а 23 ноября, 1873 г., вновь избран, после Анфима VI-го: † с 16 на 17 августа, 1878 г. оставив в пользу бедных 332.000 франков.

¹¹⁴ - См. выше, «Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя».

¹¹⁵ - Кирилла.

¹¹⁶ - См. выше, прим. 26.

¹¹⁷ - С собственноручного черн. подлин., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. №№ 79 и 82.

¹¹⁸ - Паисий, геронт.

¹¹⁹ - Софроний.

¹²⁰ - Софроний, впослед. сам патриарх константинопольский.

¹²¹ - Каллиника.

¹²² - Кирилл 2-й.

¹²³ - С собственноручного черн. подлин., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. № 83.

¹²⁴ - Сделанные митрополитом Филаретом исправления печатаются курсивом.

¹²⁵ - С копии, исправленной карандашом митрополитом Филаретом, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 91, том II; докум. № 84.

¹²⁶ - Врач султана, доктор Ст. Каратеодори, на обвинительную против геронтов речь которого не раз указывает митрополит Филарет, в следующих выражениях представляет значение геронтов в синоде: «Каково было почтенное собрание геронтов? Оно было составлено из пяти достопочтенных митрополитов из епархий, самых приближенных к столице, к коим присоединены были впоследствии другие три. Эти преосвященные, имея постоянное пребывание в Константинополе, составляли обширные личные связи; другие же члены синода назывались только митрополитами, временными членами, может быть, даже простыми зрителями действий первых, и были приглашаемы более из милости, нежели из нужды в их содействии, и могли быть отосланными в свои епархии со дня, когда они более не соответствовали желаниям других. Можно легко понять, в присутствии так составленного синода, какова могла быть власть патриарха, всегда шаткого на своем престоле и чувствующего себя временным, и какова могла быть его заботливость о делах церкви? Если б даже можно было ожидать от подобного состава святейшего синода что-нибудь хорошее, опыт достаточно показал, что он имел неизбежные и противуканонические недостатки. Первым из всех был тот, что епархии геронтов были постоянно лишены своих пастырей и духовных отцов, и их отеческих забот, так что пастыри считались чуждыми своим собственным паствам; потому что посещение паствы бывало единственно во время насильственного изгнания, которое случалось иногда по причине лихоимства. Итак, легко вообразить себе, какую заботу мог оказывать в подобном случае своей пастве отозванный временно и против своей воли пастырь, появляясь там, как во сне! Во-вторых, эти несколько геронтов, разделив между собою эфории всех епархий, большей частью, чтобы не сказать всегда, раздавали архиепископства своим любимцам и своим тварям, так что архиепископские кафедры не были более наградой за

добродетели и способности, а покупались часто ценой личных услуг и доставались в удел лицам, не всегда обладающим требуемыми качествами. В-третьих, частые перемены архиереев, подчиненных эфориям, делаемые по мере их заслуг не в отношении к церкви, а скорее в отношении к своим эфорам, подавали столько же повода к порицанию и ропоту в народе, и даже между епископами, которые часто видели себя перемещенными, не будучи спрошенными. Споры имели место между самими геронтами, когда шла речь о помещении кого-либо из их тварей в какую-нибудь богатую епархию. В-четвертых, их привилегированное положение и возможность иметь постоянное местопребывание в столице и управлять по своей воле всеми делами, делали их места завидными и давали повод к притязаниям, к соперничеству, к светскому и политическому вмешательству и ко всему, что могло за сим последовать» (№ 94, Т. I: док. 4-й).

¹²⁷ - Гневу патриарха подверглись Панарет филиппопольский и митрополиты-геронты Паисий ефесский и Дионисий никоидийский; они были высланы на Принцевы острова; 80 летний старец Дионисий никоидийский был схвачен на улице, в то время, когда садился в экипаж, чтобы отправиться в патриархию.

¹²⁸ - Он лишил сана и заточил в глухие малоазийские города болгарских епископов: Илариона макариупольского и Авксентия диррахийского.

¹²⁹ - См. выше, прим. 26

¹³⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись №94, т. II; док. №№ 97 и 98.

¹³¹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II: док. №№ 100 и 101. Подлин. наход. в деле канц. Св. Синода, 1860 г., 2 отд., 1 ст., по наст. реестру, № 165.

¹³² - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; док. № 99. Подлин. наход. в деле канц. Св. Синода, 1860 г., 2 отд., 1 ст., по наст. реестру, № 165.

¹³³ - Настоящие замечания написаны митрополитом в ответе на отношение к нему обер-прокурора Св. Синода, графа А.П. Толстого, от 29 января, за № 444.

¹³⁴ - См. выше, "Мнение митрополита Филарета, по поводу постановления церковно народного собрания, об увеличении получаемого логофетом Николаем Аристархи содержания».

¹³⁵ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. №№ 106 и 107.

¹³⁶ - Государь Император Александр II, по прочтении этого мнения, изволил написать: «Весьма справедливо».

¹³⁷ - Государь Император Александр II подчеркнул слова: «если бы духовенство пользовалось уважением и доверием народа», изволил написать: «в этом и несчастье».

¹³⁸ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. №№ 108 и 109.

¹³⁹ - В депеше, от 27 июня, сообщались следующие сведения: «На прошедшей неделе большинство членов синода и смешанного совета восстали явно на патриарха. Вследствие его отказа подчиниться предъявленным ему требованиям относительно добровольного отречения от занимаемой им должности, подано было Аали-паше, 21 июня, подписанное несколькими лицами прошение, в котором ходатайствуется пред Портою о низложении его святейшества. Патриарх иерусалимский и архиепископ синайский, с своей стороны, в прошениях Порте поддерживали это, почти единогласное, желание синода и совета. Они выставили предлогом своего поступка сделанную в последнее время патриархом Иоакимом угрозу, вероятно не серьезную, что в деле об имуществе посвященных монастырей (в Молдавии и Валахии) он будет действовать противно их выгодам. Настоящая же причина их неудовольствия против него должна быть скорее отыскиваема в обильном властолюбии, которое он присвоивает себе и выказывает в обращении с своими собратиями. Вселенский патриарх с своей стороны, представил Порте прошение, в котором он жалуется на решение, принятое его противниками, просит о назначении следствия для рассмотрения его

поступков. С этою целию он ездил лично к министру иностранных дел, который не мог скрыть своего затруднения, и ограничился напоминанием, что Порты уже несколько раз поддерживала его против жалоб духовенства и народа. Патриарх Иоаким прибегнул к поддержке французского посольства, чрез посредничество французского банкира Аллиона, принадлежащего к латинской церкви. До меня дошло сегодня, что греческий уполномоченный в делах обратился к английскому посланнику, чтобы исходатайствовать и его также содействие патриарху. Всякая перемена патриарха составляет важное и неблагоприятное обстоятельство для православной церкви: в настоящем случае оно усложняется слишком решительным и вредным для церковной власти вмешательством в дело мирян. Но причины, выставляемые противниками патриарха Иоакима, и между которыми имеют большое значение его личные недостатки, а в особенности всем известное его корыстолюбие, также новый элемент, который сей владыка вводит в эту борьбу, ходатайствуя о содействии ему западных посланников, внушили мне мысль, что для нашего достоинства было бы неприлично принять непосредственное участие в этом деле. Если бы мы и хотели, то не могли бы остановить действие народного правосудия, не обратив против нас самих часть того враждебного расположения, последствиям которого подвергнулся ныне патриарх. Удерживаясь, следовательно, от вступления в состязание с посторонними влияниями, ни права, ни власти которых мы признавать не можем, а тем не менее почел уместным спросить Аали-пашу о намерениях Порты, чрез нашего старшего драгомана. Этим поступком я желал заявить, что императорское правительство принимает всегда живейшее попечение об участи церкви и о пользах ее управления. Аали-паша отвечал г. Аргиропуло, что он не находит возможности поддержать патриарха в настоящем случае, и я должен отдать эту справедливость Порте, что она не принимала никакого участия в ходе происшествий, которые, по-видимому, должны привести к удалению святейшего Иоакима. В настоящее время имеются в виду два кандидата на

константинопольскую кафедру: митрополиты рашко-призренский и амассийский».

¹⁴⁰ - Заметка написана митрополитом в ответ на отношение обер-прокурора Св. Синода А. П. Ахматова, от 15 июля, 1863 г., за № 4577.

¹⁴¹ - Евг. Петр. Новиков.

¹⁴² - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. №№ 115 и 116.

¹⁴³ - Ответ на письмо А.П. Ахматова, от 29 июля, при коем была препровождена митрополитудепеша Е.П.Новикова, от 9–21 того же июля, о положении дел в константинопольской церкви, в коей сообщалось, что «партия патриарха Иоакима истощила все средства, чтобы вызвать общественные манифестации в пользу патриарха. С одной стороны, образовались от простого народа депутации, просившие Порту не увольнять его святейшества; с другой – обнаружались между хиосцами и ионнийцами признаки волнений, своевременно остановленных. Журнальные статьи и прокламации, обращенные к православному народу Востока и содержащая резкий вызов сочувствия к главе церкви, совершенно уронили дело, которое думали поддержать. К довершению соблазна, составление прокламации приписывается католику Бароцци, бывшему драгоману греческого посольства. Фирман султана, утверждающий увольнение патриарха, должен появиться немедленно». Т. III, № 94; док. 118.

¹⁴⁴ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; докум. № 118.

¹⁴⁵ - Заметка написана на отношении князя С.Н. Урусова, от 18 июня, за № 4022, при коем был препровожден митрополиту отчет настоятеля нашей посольской церкви в Константинополе архимандрита Антонина о действиях константинопольского народного смешанного совета.

¹⁴⁶ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; докум. № 132.

¹⁴⁷ - На предварительном избрании в числе кандидатов на вселенский патриарший престол, по числу голосов, оказались

13 лиц, именно: местоблюститель патр. престола, митр. рашко-призренский (32 голоса), бывшие конст. патриархи: Анфим (эфесский – 13), Григорий (4), Анфим (никонидийский – 2), бывший александрийский Каллиник (8), митрополиты: артский (5), амассийский (2), солунский (3), кассандрийский (3), филиппольский (1), серрский (1), требизонтский (1) и фарсальский (1). Из сих кандидатов Порты исключила патриархов, как оставивших в свое время престолы по требованию народа. За тем первое избрание дало следующие результаты: местоблюститель получил 25 голосов, митр.: солунский – 14, филиппопольский – 18, кассандрийский – 37, требизонтийский – 41, фарсальский – 48 и амассийский – 39. Таким образом по числу голосов, в числе трех кандидатов оказались митр. Фарсальский, требизонтский и амассийский. При окончательном избрании в храме, избранным оказался амассийский Софроний, получивший 10 голосов против 9, поданных за митр. фарсальского. Т. III, № 95; док.123.

¹⁴⁸ - С собственноручных черновых подлинников, хран. в архиве Св. Синода. Опись №94, Т.III; докум. №№ 128 и 129. Копии имеются в деле архива Св. Синода, 1864 г., № 779; лл. 10–12.

¹⁴⁹ - Ахматов, А.П., генерал-адъютант; † 1870 г.

¹⁵⁰ - Игнатъев, Н.Павл. Ныне граф, ген.-адъют., член государ. Совета.

¹⁵¹ - Речь идет о епископе полянинском Парфении. Природный болгарин, воспитанник московской духовной академии, Парфений в монашество пострижен на Афоне, был учителем славянского языка в халкинской семинарии, в октябре 1859 г., рукоположен на кафедру епископа полянинского и в короткое время успел возвратиться в православие сохранивших в унию жителей города Кугуша; в 1861 г., за сочувствие своим соотечественникам, был предан солунским митрополитом суду и заключен в митрополичью тюрьму. Парфений жаловался патриарху. Последний, для расследования дела, командировал епископа Анфима, впоследствии первого экзарха болгарской церкви, и Парфений был признан невиновным (Русск. Вести. 1882 г., май, стр. 409).

¹⁵² - См. выше, «Замечания митрополита Филарета о константинопольской иерархии, по сведениям 3, 10, 17 и 24 октября 1861 года», II.

¹⁵³ - Патр. Мефодий † ок. 1850 г.

¹⁵⁴ - Каллиник.

¹⁵⁵ - Иоаков.

¹⁵⁶ - Поликарпа (1808–1827 г.).

¹⁵⁷ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; докум. № 137 и 140.

¹⁵⁸ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; докум. № 146.

¹⁵⁹ - Умер 2 янв., 1878 года.

¹⁶⁰ - Условия эти напечатаны в книге: «письма митр. моск. Филарета к А. Н. Муравьеву», Киев, 1869 г., стр. 634–35.

¹⁶¹ - С автографа, хран. в архиве Св.Синода. Опись № 62; док. № 7.

¹⁶² - Иерофей (†1885г.).

¹⁶³ - Кирилл II (1845–1872 г.).

¹⁶⁴ - С чернового автографа, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 60; докум. №№ 11 и 12.

¹⁶⁵ - Григорий 6-й, после 26 летнего пребывания на покое, вторично избран на патр. престол 10 февраля, 1867 г., а в августе 1871 г. отказался от престола, уступив место патриарху Анфиму 6-му; † 1882 г.

¹⁶⁶ - Князю А. М. Горчакову.

¹⁶⁷ - Архиеп. Евгений назнач. Местоблюстителем александр. патр. престола, по случаю тяжелой болезни патр. Никанора. Последний, не желая подчиниться воле констант. патриарха, отказался признавать Евгения и избрал своего измestника, в лице архимандрита Нила. От сего образовалась смута, имевшая печальные последствия для православия в патриархате.

¹⁶⁸ - Должность рефендария – одна из старинных патриарших должностей. Она существовала еще в византийский период и почти с тем же значением, как и в настоящее время,

именно: референдарии служили посредниками в деловых сношениях патриарха с императором. В настоящее время они являются патриаршими агентами при турецком правительстве, обязанными представлять, и защищать пред ним интересы патриархии. В византийский период реффендарии были духовными сановниками, а в настоящее время они светские, хотя, подобно великим логофетам, возводятся в должность патриархом чрез возложение рук (χειροθεσία) и чтение установленной молитвы и получают от него диплом на свою должность (Прим. одинар. проф. спб. духовн. академии И.Е. Троицкого).

¹⁶⁹ - Отношение с собственноручного чернового подлинника, а записка с копии хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; док. №164, 166 и 168.

¹⁷⁰ - Дело канц. Святейшего Синода, 1867 г., II отд., по входящ. Реестру № 466, стр. 11–24.

¹⁷¹ - Время составления настоящей записки, не имевшей в подлиннике даты, отнесено к 1858 году, на основании следующих данных: в 1858 г. появился в печати официальный, со стороны духовного ведомства (Совр. церк. вопросы Т. Филиппова, ч. I, стр. 28), «Ответ Русскому Вестнику по болгарским делам». В ответе попытка издавать в Константинополе церковно-богослужебные книги на славянском языке отнесена к 1857 году, при чем руководитель этого предприятия назван экзархом, а первые изданные книги указаны именно те, которые называет и митрополит Филарет, т. е. Апостол и Евангелие. Вот подлинные слова «Ответа», основанные на официальных данных: «на невинную греческую патриархию, которой как будто свыше предопределено терпеть со всех сторон гонения, клеветают пред Святейшим Всероссийским Синодом и правительством, якобы она чрез турецкое правительство запретила книги, посланные из России для Болгарии. Просим вас не верить этим вымыслам. Дело происходило так: Александр экзарх, самозванец и предводитель болгарского общества, который издаст теперь в Константинополе, на болгарском языке. «Цареградский Вестник» единственно с тою целию, чтобы возбудить дух болгар

против константинопольской иерархии, издал в прошедшем году славянский Апостол и Евангелие для Болгарии. Этот господин поступил в настоящем случае не так, как поступают сыны православной церкви. Движимый ненавистью против патриархии, вместо того, чтобы представить означенные книги на рассмотрение патриарха и его синода, он идет к турку, министру иностранных дел, и убедительно просит его вынудить патриарха дать позволение на издание Апостола и Евангелия. Министр письменно отнесся к патриарху и препроводил, вместе с тем, рукопись. Всякий понимает, с каким прискорбием смотрел на это дело его святейшество! Чтобы не показать противодействия министру и булгаризму, он дозволил печатание книг. В это время пришли из России в константинопольскую таможню книги, назначенные для болгар. Александр, узнавши об этом и боясь лишиться ожидаемой корысти от напечатания книги, спешит к министру иностранных дел и доносит ему, что в таможню Галата привезены славянские книги, в которых заключаются мысли, направленные против оттоманской державы, и которые, как видно из подписи, изданы по распоряжению русского правительства и Синода». Книги были конфискованы. Ответ, стр. 37–39. С.-Петербург, 1858 года). В начале 1863 г. это мнимый ревнитель булгаризма уже состоял на жалованье патриархии, получая от нее по 15 тысяч пиастров в месяц, и был агентом патриарха Иоакима в Болгарии, где, по поручению последнего, собирал, хотя и неудачно, подписи соотечественников о мнимом их нежелании церковной самостоятельности. Эти подписи были нужны патриарху для доклада Порте, что требования болгар самостоятельной иерархии суть требования отдельных личностей, а не всего народа болгарского. (Депеша г.Новикова, 9 март. 1863 г.; в деле архива Св. Синода, № 94, т. II; док. 114).

¹⁷² - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 105; докум. № 6.

¹⁷³ - Петр (Троицкий), магистр VII курса киевск. дух. академии; в 1853 г. инспек. той же акад.; в 1856 г. рект. киевск. дух. сем.; в 1858 г. наст. посольской церкви в Константинополе,

а потом в Афинах; 29 мая, 1869 г., еписк. аккерманский, викарий кишиневской епархии; † 10 октяб., 1873 года.

¹⁷⁴ - Кажется, речь идет об Иннокентии Борисове, архиеп. херсонск. и одесском. Он участв. в короновании Императора Александра II, и жил в моск. златоустов. мон.; † 26 мая, 1857 года.

¹⁷⁵ - Борэ, иезуит, папский викарий в Константинополе, автор сочинения: «Вопрос о святых местах»., напеч. в Константинополе в 1851 г., в коем доказывается, что греки со времени патриарха Фотия, как схизматики, потеряли право на св. места. На это бывш. констант. патр. Константин отвечал Борэ: «не потому ли, что греки не хотят признавать папу главою епископов всего мира? Друг! Фанатизм ввел тебя в заблуждение. Как! Едва в памяти людей исчезли времена суеверия, и ты снова их хочешь вызвать? Не прельщайся; они не возвратятся». См. Лет. церк. соб. 1880 г., стр. 819.

¹⁷⁶ - О нем. см. выше, прим. 107.

¹⁷⁷ - Кирилл 2-й. О нем см. выше, прим. 5.

¹⁷⁸ - Кирилл (Наумов) начальник иерусалимской миссии, с 13 октяб. 1857 года, по 22 июня 1863 г.; † 10 февр. 1866 года.

¹⁷⁹ - См. т. IV Собрания мнений и отзывов митрополита Филарета. Москва. 1886 г., № 519. стр. 410.

¹⁸⁰ - Патриархом с 1851 года; † в марте, 1855 года.

¹⁸¹ - Мефодий, патриарх антиохийский; † в октябре, 1850 года.

¹⁸² - Анфим 4-й, с 16 октября, 1848 г., по 3 ноября, 1852 года.

¹⁸³ - Дионисий.

¹⁸⁴ - Кирилл 7 й, из митрополитов аммассийских, избран на патриарший престол 20 сент. 1855 г., а 4 июля 1860 г., отказался от престола.

¹⁸⁵ - Константин 1-й, из архиеп. синайских, избран на патриарший престол 6 июля, 1830 г., 14 августа. 1834 г., оклеветанный в приверженности к России, низложен; † 5 янв., 1859 г. Свед. о нем в журн. Странн. за 1860 год.

¹⁸⁶ - С копии, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. I; докум. № 11.

¹⁸⁷ - Князь А. Б. Лобанов-Ростовский.

¹⁸⁸ - Разумеется секр. посольства Евг. Петр. Новиков, впослед. посол. в Константинополе и Вене. В 1859 г. он издал в Москве сочинение, в двух томах, под заглавием: «Гусс и Лютер. Критические исследования».

¹⁸⁹ - Разумеется Иларион макариупольский, названный в патриарш. актах хорепископом.

¹⁹⁰ - Типальд, ректор халкинского училища, митрополит ставропольский.

¹⁹¹ - О нем см. выше, прим. 171.

¹⁹² - См. выше, Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, с мнением по поводу предприятия низложить вселенского патриарха, и об удалении геронтов из константинопольского синода.

¹⁹³ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95. Т. I; докум. № 3.

¹⁹⁴ - С собственноручного черн. подлинн. хран. в архиве Св. Синода, № 95, т. I; док. №№ 1 и 2.

¹⁹⁵ - Кирилл 7-й. О нем см. выше, № 1, стр. 1, прим. 6 и № 35, стр. 148, прим. 1.

¹⁹⁶ - 3 апреля, 1860 г., в день Светлого Воскресенья, когда епископ макариупольский Иларион совершал торжественное богослужение, собравшиеся во множестве в церковь болгары с шумом и криком потребовали от Илариона, чтобы он не воспоминал имени патриарха константинопольского на литургии, и Иларион уступил, начав поминать «всякое епископство православных». Русск. Вестн., 1882 г., май, стр. 413.

¹⁹⁷ - Иларион, епископ макариупольский, природн. болгарин из Ед-ны, воспитывался в афинск. университете; монашество принял на Афоне, и в 1858 г. рукоположен во епископа для болгарской церкви св. Стефана, в Константинополе, с званием макариупольского, при чем в патриарш. актах назван хорепископом.

¹⁹⁸ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. I; докум. №№ 14 и 15.

¹⁹⁹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описание № 95, т. I; докум. № 17.

²⁰⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. I; докум. № 20.

²⁰¹ - Мегемед-Еминь-Аали-паша, с 26 дек., 1859 г., президент совета реформ, а в 1861 г. великий визирь. См. Альманах Гота. 1861 и 1862 гг.

²⁰² - Начальник миссии в Иерусалиме.

203 - С собственноручного черн. подлин., при коем имеется и копия, хран. в арх. Св. Синода. Опись № 95, т. I: докум. № 31 и 32. Подлин. находит. в деле канц. Св. Синода 1860 г., 1 ст., 2 отд., по наст. реестру № 165. На копии с этого мнения находит. в азиат. департ. м. и. д. имеется сделанная Государем Императором Александром II пометка карандашом; «прочеть завтра в ком. мин.».

²⁰⁴ - Князя А. Б. Лобанова-Ростовского.

²⁰⁵ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описание № 95, т. I: докум. № 28.

²⁰⁶ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. I: докум. № 35. Подлинн. наход. в деле канц. Св. Синода 1860 г., 2 отд., 1 стола, по наст. Реестру № 165. Копия с этого мнения была препров. обер-прокурором Св. Синода князю А.М.Горчакову, от 25 декабря, 1860 г., за № 28.

²⁰⁷ - Рачинский, Александр Викторович, вице-консул в г. Варне.

²⁰⁸ - Разумеется настоятель болгарской, в Константинополе, церкви св. Стефана, епископ Иларион макариупольский.

²⁰⁹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описание № 29, докум. №№ 1 и 2.

²¹⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. I: докум. №№ 37 и 38.

²¹¹ - Илариона макариупольского.

²¹² - См. выше, Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду, с отзывом по содержанию адресованной в Синод жалобы геронтов на удаление их из Константинополя.

²¹³ - С собственноручного черн. подлинн., при котором наход. и копия, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, докум. №№ 86 и 87.

²¹⁴ - Речь идет о переходе жителей г. Кукуша в унию, последствием чего было распоряжение патриарха о назначении на кафедру епископа полянинского природн. болгарина, еписк. Парфения, который вскоре возвратил Кукуш в православие. См. Русск. Вестн., 1882 г., стр. 409. Парфений получил богословское образование в московской духовной академии, откуда вышел в 1850г., с званием кандидата. Сконч. в сане митрополита ниманского.

²¹⁵ - Иоаким, из митрополитов кизических, геронт.

²¹⁶ - См. выше, Замечание митрополита Филарета на проект послания к вселенскому патриарху и Составленный митрополитом Филаретом проект послания к вселенскому патриарху.

²¹⁷ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. I; докум. № 43; в библиот. спб. дух. акад. имеется копия сего докум. лл. 122–127, в особом сборнике.

²¹⁸ - Палаузов, Спир. Ник., болгарин по происхождении, род. 16 июля, 1818 г. в Одессе, и, после оконч. курса в лицее, отправился за границу, где в течение нескольких лет изучал в разных универс. по преимуществу историко-филолог. науки, а в мюнхенск. универс. и политико-эконом. науки, за что и удост. степ. доктора политико-экономич. наук: в 1845 г. выдержал в моск. универс. экзам. на степ. кандидата по I отд. философ. факультета, а в 1852 г. с.-петерб. универс. удост. степ. магистра славян. словесности; во время восточ. войны, по высоч. повел., состоял в распоряж. кн. Горчакова; состоял член. разн. учен. обществ; из исследований его известны: «Век болгарского царя Симеона» (1852 г.); «Румынские государства» (1859 г.); «Австрия со времени революции 1848 г.» (1860 г.); «Венгрия в современных отношениях к Австрии» (1861 г.) Под его же

редакциею в 1871 г. издана «Летопись» по ипатьевскому списку»; † 14 августа. 1872 г. в г Павловске, 53 лет от роду. См. Русск. Стар., 1872 г., октябрь, стр. 471–473.

²¹⁹ - Из Хилиндара.

²²⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.1; докум. № 36.

²²¹ - Цанков, Драган, уроженец г. Систова, воспитывался в Константинополе, в школе иезуитов, а за тем в киевской дух. акад.; по возвращ. из России, был учителем в Галаце, потом добровольцем болгарской дружины 1853 г., снова учеником в одном из учебн. заведений Вены и, наконец, после крымск. войны, поселился в Константинополе, где начал издавать газету «Болгария», которая много содейств. свращению болгар в унию: при генерал-губерн. Митхаде-паше Цанков заведывал болгарск. школами, редактировал офиц. газету «Дунай» и был вилдинским вице-губернатором; ныне он глава, так называемых, болгарск. либералов. См. Русск. Вестн. 1882 г., май, стр. 414.

²²² - См. выше, Мнение митрополита Филарета о настоящем положении Восточной церкви и об отношениях к оной церкви Российской.

²²³ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. I; докум. № 47. Подл. письмо наход. в азиат. деп. мип. иностр. дел, № 128, по описи, бум. митр. Филарета, №224.

²²⁴ - С подлинн., хранящ. в азиат. департ. минист. иностр. дел, № 128.

²²⁵ - Настоящая записка составлена митрополитом на основании доставленного ему обер-прокурором Св. Синода, граф. А. П. Толстым, письма настоятеля посольской церкви нашей в Константинополе, архимандрита Антонина, от 2 января, 1861 года.

²²⁶ - Ближайшим поводом к сему событию послужил арест одного болгарского священника в Константинополе, виновного лишь в том, что он совершал богослужение на славянском языке. (По словам г Теплова, священ. был арестован за то, что в церковн. проповеди осмеивал недостатки патриарха и

приглашал народ не признавать его власти. Русск. Вестн., 1882 г., май. стр. 414). Священник бежал из патриаршей тюрьмы в католический монастырь св. Венедикта и объявил тамошним иезуитам о желании принять унию. К нему, по убеждениям, присоединилось несколько болгар, проживавших в Константинополе, и 25 декабря, вследствие приглашения армяно-католического патриарха Хассуна совершена первая униатская литургия. Папский викарий, иезуит Боре, войдя в положение этого дела собрал до 4 тысяч подписей болгар на прошении к папе об учреждении для них самостоятельной епархии. В своем ответе, от 26 января, 1861 года, папа поздравлял болгар «с вожделенным примирением их с истинною церковью», а в конце марта принимал депутацию болгар, с архимандритом Иосифом (Сокольским) во главе, которого и поставил в «архиепископа и апостольского викария болгар». Но не прошло и двух недель, как иезуиты потребовали от болгар внести в символ веры латинскую прибавку «и от Сына». Тогда только у Иосифа открылись глаза, и он 18 июня 1861 года, тайно удалился в Одессу, а оттуда в Киев, где не так давно и умер. Подр. см. Лет. церк. собр. С.-Петербур. 1880 г., стр. 824–825; и Русск. Вестн., 1882 г., май. стр. 414.

²²⁷ - Авксентий, митр. диррахийский, болгарин из Самокова, постриж. в хилиндарском монаст.; рукопол. в 1859 г., а в 1861 г. лишен сана и сослан в Воло.

²²⁸ - С собственноручного черн. подл., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. №№ 56 и 57. Копия с этого мнения, подписанная митр. Филаретом, хранит. в азиат. департ. министер. иностр. дел.

²²⁹ - Об этом будет сказано ниже.

²³⁰ - На поле, в конце этого пункта, Императором Александром II, карандашом, написано: «Совершенно справедливо».

²³¹ - Против сих слов Император Александр II написал: «Тоже».

²³² - В конце этого пункта Император Александр II написал: «Тоже».

²³³ - См. выше, Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с приложением записки: «о греко-болгарском деле, по сведениям до 3-го января 1861 года».

²³⁴ - Против этого замечания Государь Император Александр II написал: «Тоже».

²³⁵ - Генри Литон-Бульвер

²³⁶ - Против этих слов Государь Император Александр II написал: «Тоже».

²³⁷ - См. выше, Исправленный митрополитом Филаретом проект ответного послания Святейшего Синода вселенскому патриарху Иоакиму.

²³⁸ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. № 60. Копия с этой записки хранит. в азиатск. департаменте министер. иностранных дел.

²³⁹ - На письме этом Император Александр II, карандашом написал: «Я вполне разделяю сии взгляды. Прочитав это, граф Толстой найдет, я надеюсь, что мои мысли и даже слова совершенно сходятся с мыслями и словами Филарета». На полях копии с мнения митрополита Филарета Император Александр II, карандашом, сделал заметки. Заметки эти помещены в примечаниях к самому мнению. С автограф., хранящ. в азиатском департаменте министерства иностранных дел, № 128.

²⁴⁰ - С собственноручн. подлинн., хранящ. в азиатском департаменте министерства иностранных дел, № 128.

²⁴¹ - От слова «так» и до слова «Если» буквально напечатано в «Совр. Церк. вопр.» Т. И. Филиппова См. стр. 37.

²⁴² - Этот пункт, с пропуском сравнения положения патриарха с положением австр. императора, напечатан в том же сочинении г. Филиппова.

²⁴³ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, Т. II; док. № 91. Копия с этого мнения, подписанн. мит. Филаретом, хранится в азиат. департаменте минист. иностр. дел.

²⁴⁴ - Записка, от 30 января, 1861 г., в азиатск. департ. минист. иностр. дел не нашлась; ниже она приводится по

собств. черн. подл., хран. в архиве Св. Синода.

²⁴⁵ - С автографа, хранящ. в азиатск. департ. министр. иностранным. дел, № 128.

²⁴⁶ - Настоящая записка написана в последствии письма графа А.П.Толстого, от 7 января, №428, в коем, между прочим, было сказано, «что Государь Император и Государыня Императрица одобряют мысль о посылке в Константинополь доверенной духовной особы в епископском сане».

²⁴⁷ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св.Синода. Опись № 95, Т.II; док. №№ 59 и 62.

²⁴⁸ - Записка эта написана по просьбе графа А. П. Толстого, пожелавшего узнать мнение митрополита по содержанию депеши князя А.Б. Лобанова-Ростовского. При деле ни депеши, ни копии с оной не оказалось.

²⁴⁹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.II; докум. №№ 64 и 65. По получении сей записки, граф А.П. Толстой, от 8 марта, № 1313, писал митрополиту Филарету: «Записку вашу о греко-болгарском деле, по сведениям от 31 Января, я полагал бы теперь уже излишним сообщать князю Горчакову; потому что мысль о посылке епископа от нас в Константинополь Государем совершенно оставлена, вследствие первых на них о сей посылке замечаний». Там же, док. №70.

²⁵⁰ - Записка составлена, по получении от графа А.П. Толстого известия, что «общее собрание константинопольского синода, состоявшее из шести патриархов и 27 епископов, 24 февраля—8 марта отлучило епископа Илариона от церкви».

²⁵¹ - Против последних слов Государь Император Александр II написал карандашом: «Справедливо».

²⁵² - Речь идет о Паисии, митрополите филиппопольском. См. ниже.

²⁵³ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.II; докум. №№ 66 и 69. Копии с этого докум., хранятся в азиат. департ. мин. иностр. дел, №128 и в библ. спб. д.акад.: лл. 116—121.

²⁵⁴ - Записка эта составлена митрополитом Филаретом, по прочтении присланных к нему графом А.П.Толстым, при отношении от 2 марта, за №№ 1239 и 1241, а) письма архимандрита Антонина, от 7 февраля, и б) депеши князя А.Б.Лобанова-Ростовского, от 7–19 того же месяца, №25.

²⁵⁵ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.II; докум. №№ 67, 68 и 72. Копия с этого докум., хранится в азиатск. департ. мин. иностр. дел, №128

²⁵⁶ - 1) Приводим эти пункты в том виде, как они изложены в книге Т.И. Филиппова «Современные церковные вопросы». С.-Петербург, 1882 г., стр.40–41. Всех пунктов не 14, а 15, именно: 1) «На епархии чисто болгарские отныне должны быть предпочтительно определяемы митрополитами и епископами духовные лица болгарского происхождения, люди незазорного поведения и способные, обладающие качествами, требуемыми церковными канонами, равно как и основательно знающие болгарский язык.2) Если в каком-либо чисто болгарском городе осиротеет митрополичья или епископская кафедра, и христиане единогласно предложат для осиротевшего престола какого-либо клирика, обладающего качествами, требуемыми церковными правилами, мужа почтенного и известного патриархии по уму и довлеемости (на подлежащее служение), то сыновнее прощение тех христиан патриархия примет благосклонно.3) Имеет быть открыта богословская школа на удобном месте для образования болгар, желающих служить церкви. Потребные для ее содержания средства будут доставлены христианами, обитающими в чисто болгарских епархиях, равно как и в других местах империи (оттоманской) обретающимися. А науки, в ней преподаваемые, во избежание противоречия восточному исповеданию, имеют быть наперед определены программой патриархии.4) Наблюдение над этою школою будет возложено на митрополита той епархии, в которой она будет находиться, и на эфоров, избираемых из почетных духовных лиц.5) Во всех болгарских школах всякому другому языку будет предпочитаться изучение болгарского языка и его филологии, с устранением всего, противного православному исповеданию и

императорскому (султанскому) правительству.6) Всякое нарушение изображенных в предыдущих пунктах установлений и правил относительно школ, и всякое опущение относительно выбора наставников, равно как и всякая небрежность их в исполнении ими своих учительских обязанностей, и вообще всякая невнимательность и небрежение как в надзоре, так и в управлении школою, подвергает ответственности митрополита и эфоров.7) Один или двое из митрополитов Болгарии имеют заседать, по-прежнему, в синоде митрополитов, чередуясь в определенное мнение, или сменяемые по двухлетиям чрез каноническое определение патриарха.8) В богословскую школу в Халки будут принимаемы и воспитанники болгарских школ, по-прежнему.9) Доходы болгарских митрополитов и епископов будут определены особым официальным декретом.10) В церквях, находящихся в чисто болгарских митрополиях и епископах, богослужение имеет быть совершаемо по-болгарски (т.е. по-славенски).11) Из проживающих в Константинополе именитых православных болгар имеют быть избираемы и определяемы некоторые в епитропии патриархии и другие общественные учреждения.12) Для воспитания детей, обретающихся в столице православных болгар, и изучения их собственного языка будет устроена приготовительная школа в ограде болгарской церкви, под надзором патриархии.13) Отправляемые к митрополитам, епископам и христианам, находящимся в чисто болгарских епархиях, официальные по церковным делам бумаги имеют быть писаны по-гречески и по-болгарски.14) Патриархия имеет приложить все потребное тщание к скорейшему разбору и решению представляемых ей основательных прошений и предложений со стороны болгар.15) В случае нужды имеют быть посылаемы от патриархии достойные духовные лица для ревизии действий находящихся в Болгарии митрополитов и епископов, равно как и всех вообще духовных лиц и учителей, а также и для исправления могущих открыться проступков их и опущения».

²⁵⁷ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. № 73. Копия с этого

мнения хранится в азиатск. департ. министр. иностр. дел, № 128.

²⁵⁸ - Записка эта вызвана письмом князя А. Б. Лобанова-Ростовского, 28 февраля— 12 марта, и депешей его от того же числа, кои были переданы митрополиту Филарету, для прочтения, графом А. П. Толстым.

²⁵⁹ - Г. Теплов, в своем исследовании «Греко-болгарской церковный вопрос», говорит, что патриарх, по возвращении Илариона и Авксентия из ссылки в Константинополь, «пробовал мириться с ними и предлагал даже епархии, лишь бы они просили прощения» (стр. 420), а патриарх Анфим 6-й, вступивший на патриар. престол, после Григория 6-го, 9 сентября, 1871 г., при встрече болгарск. депутации, во главе которой стоял Иларион, «обнял Илариона» (стр. 824).

²⁶⁰ - Собор, осудивший Илариона, Авксентия и Паисия, состоял из двадцати семи лиц. В нем участвовали настоящие и бывшие патриархи константинопольские; Иоаким 2-й, Григорий 6-й и Анфим 6-й, а также патриархи: александрийский Каллиник, антиохийский Иерофей и иерусалимский Кирилл 2-й. См. депешу кн. Лобанова, от 28 февраля, в бум. м. Филарета, № 95, т. II; док. 74—75. По письму архимандрита Антонина, от 6 марта, к графу А.П. Толстому, в соборе принимали участие шесть вышеназванных патриархов, двадцать один митрополит и шесть епископов. Там же, док. 77.

²⁶¹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. №№ 74 и 75. Копия с этого докум., хранит. в азиатском департ. минист. иностр. дел, №128

²⁶² - Настоящее письмо адресовано на имя графа А. П. Толстого. Последний, препровождая копию с него, при письме от 29 марта, №1814, к митрополиту Филарету, между прочим, писал: «меня и в прежних сообщениях о. Антонина, по временам, удивляли некоторые весьма странные мысли, а в настоящем письме показалось совершенно неожиданным предположение его сделать от Св. Синода запрос великой церкви о симонии. Покорнейше прошу ваше высокопреосвященство сообщить мне мнение ваше: уместно ли

приводить в исполнение сие предположение, и что вы изволите признавать полезным отписать архимандриту Антонину».

Письмо графа и копия с письма арх. Антонина хран. в архиве Св. Синода, № 95, т. II; док. № 77.

²⁶³ - Разумеется газета Византис, статьи 1 и 4 марта, в коих изложен соборный акт об извержении из сана епископов Илариона, Авксентия и Паисия.

²⁶⁴ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, Т. II; докум. № 92. Копия с этого мнения находит. в азиатск. департ. министр. иностр. дел, № 128.

²⁶⁵ - Записка написана, по прочтении письма князя Лобанова-Ростовского и депеши его от 7–9 марта. Письмо и депеша были сообщены митрополиту Филарету графом А. П. Толстым, согласно желанию князя А. М. Горчакова.

²⁶⁶ - Речь о низложении патр. Иоакима 2-го.

²⁶⁷ - По настойчивому требованию греков, в особенности ионийцев, угрожавших беспорядками. Порта выслала Илариона в Кутайя, а Авксентия в Воло, находит. на другой стороне Босфора. См. «Совр. Церк. вопр.», стр. 39; Русск. Вестн., 1892 г., май, стр. 418.

²⁶⁸ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. №№ 76 и 78. Копия с этого докум., хранит. в азиатском департ. министр. иностр. дел, № 128.

²⁶⁹ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т. II; докум. № 84.

²⁷⁰ - Паисий, природн. грек, воспит. афинского универс., сначала митр. смирнск., а потом филиппопольск., где отменил возношение имени патриарха при богослужении, за что, вместе с Илларионом и Авксентием, и подвергся церк. наказанию. Русск. Вестн., 1882 г., май, стр. 418.

²⁷¹ - Кирилл 7-й.

²⁷² - Иоаким 2-й.

²⁷³ - Паисий. См. выше, прим. 270.

²⁷⁴ - С собственноручного черн. подлинн., при коем находится и копия хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95,

Т.ІІ; докум. №№ 80 и 81. Копия с этого мнения хранит. в азиат. департ. минист. иностр. дел, №128.

²⁷⁵ - Дешеша доставлена митрополиту Филарету графом А.П. Толстым, при письме от 11 апреля, за № 2145.

²⁷⁶ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.ІІ; докум. №№ 83 и 85. Копия с этого мнения хранит. в азиатском департ. минист. иностр. дел, №128.

²⁷⁷ - Копии доставлены митрополиту князем С. Н. Урусовым, к которому и адресовано настоящее письмо.

²⁷⁸ - Письмо с черн. собственноручного подлинн., а записка с копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.ІІ; докум. № № 90 и 91. Копия с записки хранится в азиатск. департ. минист. иностр. дел, №128, и в библиот. с.п.б. акад., лл. 130–135, в особ. сборнике.

²⁷⁹ - Парфений получил образование не в киевской, а в московской дух. академии. Неточность эту митрополит Филарет сам ниже исправляет. См. также прим. 214.

²⁸⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95, Т.ІІ; докум. № 92. Копия с этого докум. хранит. в азиатск. департ. министр. иностр. дел, № 128, и в библиот. с.п.б. дух. акад. лл. 128 и 129, в особ. сборнике.

²⁸¹ - Иосиф до 1861 года был архимандритом Соколинского монастыря, близ селения Грабово, основанного им самим в 1834–35 г.

²⁸² - Бреше – папское официальное послание, отличающееся от буллы меньшею важностию.

²⁸³ - Борэ, иезуит, папский викарий в Константинополе, главный виновник учреждения для болгар униатской архиер. кафедры; автор сочинения: «Вопрос о святых местах», изданн. В 1851 р. в Константинополе, в коем доказывает, что греки со времен патр. Фотия потеряли право на св. места в Палестине. Сочинение это опровергнуто быв. констант. патр. Константином. См. прим. 226.

²⁸⁴ - Дешеша под №114 в бумагах митрополита Филарета не соранилась.

²⁸⁵ - Мелетий, св. архиеп. антиох., был избран на антиох. прест. арианами; † в Константинополе, куда прибыл на второй вселенский собор, 381 г. Пам. 12 февр.

²⁸⁶ - Кирилл, св. архиеп. Иерусал., род. Около 315 г. в Иерусалиме; около 346 г. посвящ. в пресвитера, а в 350 г. занял иерусал. престол; во время арианских смут трижды был лишаем кафедры, но † присвоей пастве в 386 г. Пам. 18 марта.

²⁸⁷ - Конебу, Пав. Евст., ген.-адъютант: с 1874 г. варшавск. ген. губерн.; род 1802 г.; † 19 апреля, 1884 г.

²⁸⁸ - В конце этого листка рукою митрополита Филарета помечено: «гефсиманск. скит. Июля 1, 1861».

²⁸⁹ - С собственноручного черн. подлин., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 2; докум. №№ 1–3, и д. 1861 г., № 4241; лл. 26–31. Копия с сего докум. имеется в библ. с. п. б. д. акад., лл. 149–154, в особом сборнике бумаг митрополита Филарета.

²⁹⁰ - Настоящая записка препровождена митр. Филаретом к князю С.Н. Урусову, впоследствии письма его, от 12 августа, за № 4604, при коем была доставлена митрополиту депеша князя А.Б. Лобанова-Ростовского, № 142.

²⁹¹ - Кирилл 7-й.

²⁹² - Иоаким 2-й.

²⁹³ - Анфим (Чалыков) родился в 1816 г. в Кирк-Клиссе, адрианопольской еп. В 1836 г. отправился на Афон, где в одном из монастырей принял пострижение. В 1843 г. поступил в халкинское богословское училище и, по окончании здесь курса, занимал в разных местах учительскую и законоучительскую должности. Желая получить высшее духовное образование в России, он сперва поступил в херсонскую семинарию для ознакомления с русским языком, и отсюда – в московскую духовную академию, где окончил курс в 1854 г. с степенью магистра. По возвращении из России на свою родину, он в 1858 г. возведен был в сан архимандрита и затем рукоположен в сан епископа, с званием митрополита преславского. В 1872 г. был избран экзархом болгарским, а в 1877 г. низложен и сослан в Ангору (Анкиру), откуда в 1878 г. был возвращен. (Ист. моск. д. акад. И. Смирнова, стр. 447).

²⁹⁴ - «Паисий, по прибытии в г. Плевну, был отвергнут народом, и должен был прибегнуть к содействию местных властей для того, чтобы поселиться в епископском доме. Тамошний мюдир принял сторону преосвященного, и до такой степени возбудил против себя насильственными поступками народ, что дело кончилось возмущением, во время которого пострадала сама личность мюдир. Он немедленно уведомил об этом виддинского пашу, который, чрез два дня, прибыл в Плевну с четырьмя эскадронами кавалерии и двумя пушками и усмирил мятеж, при чем убиты четыре человека христиан и более двадцати человек арестованы». См. № 95, т. III; док. 120-а.

²⁹⁵ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. II; докум. №№ 102–104. Подлин. наход. в деле канц. Св. Синода 1860 г., 2-го отд., 1 ст., по наст. Реестру, № 165. На копии с этой записки, хранящ. в азиат. департ. министр. иностр. дел, имеется следующая надпись, карандашом, Императора Александра II: «В заключении нахожу единственный практический исход».

²⁹⁶ - Означенные пункты требований болгар изложены, в сокращении, в ст. Теплова: «Греко-болгарский церковный вопрос». Русск. Вестн. 1882 г., май, стр. 417, и без сокращений, в соч. Т. И. Филиппова: «Соврем. церк. вопросы». С.-Петербург., 1882 г., стр. 43–45.

²⁹⁷ - Дело синод. канц., 2 отд., 1 стол, по наст. реестру, № 165.

²⁹⁸ - См. выше, «Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 25 июля 1861 года», от 19 августа.

²⁹⁹ - См. выше, «Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 25 июля 1861 года», от 19 августа.

³⁰⁰ - С копии, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. II; докум. № 95. Подлинн. наход. в деле канц. Св. Синода, 1860 г., по распоряд. отд., 1-го стола, 2-го отд., по наст. реестру, № 165. На копии с этого мнения, хранящ. в азиат. департ. министр. иностр. дел, имеется собственноручная пометка

Императора Александра II: «Весьма здраво. Следует сообщить к. Лобанову».

³⁰¹ - См. выше, Об особенностях письма архимандрита Антонина, от 6 Марта 1861 года, по болгарскому делу.

³⁰² - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т.II; докум. № 96.

³⁰³ - Записка написана митрополитом, по прочтении доставленной ему князем С.Н. Урусовым депеши князя А..Б.Лобанова-Ростовского, от 15–27 августа, № 158.

³⁰⁴ - По словам г. Филаретова, комиссия была вызвана следующим обстоятельством: представители болгар, потеряв надежду на прямое соглашение с патриархией и зная «непреклонный нрав святейшего Иоакима», явились к великому визирю Аали-паше и заявили ему, «что они возвратятся в Болгарию и объявят народу, что султанское правительство ничего не может сделать для болгар. Визирь никак не ожидал этого от болгар. Долго он гладил себе бороду, молча и поглядывая на болгар; наконец заявил, что он немедленно прикажет патриарху назначить *commission mixte* из греков и болгар, которая должна решить болгарский вопрос. На другой день было препровождено от Порты в патриархию формальное приглашение назначить комиссию и решить болгарский вопрос в скором времени. Патриарх отвечал, что поспешит этим делом, и надеется, что все будет улажено». № 95, т.III; док. 130.

³⁰⁵ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т.III; докум. №№ 107–109. Подлин. наход. в деле канц. Св. Синода, 1860 г., 2-го отд., 1-го ст.; по наст. реестру, № 165. Копия с этого мнения хранит. в азиатск. департ. министр. иностр. дел, № 128.

³⁰⁶ - Арсений (Москвин), митр. киевск. с 1 июля, 1860 г.; † 28 апреля, 1876 года.

³⁰⁷ - Сконч. 1889 г.

³⁰⁸ - См. выше: Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с мнением о болгаро-униатском архиепископе Иосифе, изъявившем желание вступить в общение с православною церковью.

³⁰⁹ - С собственноручного черн. подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. № 2; докум. №№ 8 и 9.

³¹⁰ - Михаил.

³¹¹ - С копии, исправ. рукою митр. Филарета. Опись № 94, т. II; докум. № 104. Такая же копия имеется в сборнике бумаг митрополита Филарета, хранящ. в библиот. с.-п. д. академии; лл. 158–160, и в арх. Св. Синода, дело 1861 г., № 4291, лл. 43 и 44.

³¹² - При этом отношении были препровождены митрополиту Филарету; а) письмо митрополита киевского Арсения и б) прошение архиепископа Иосифа Сокольского о принятии его в общение с православною церковью.

³¹³ - См. выше: Письмо митрополита Филарета к князю А. М. Горчакову, с мнением о болгаро-униатском архиепископе Иосифе, изъявившем желание вступить в общение с православною церковью.

³¹⁴ - С собственноручного чернов. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись №2; докум. №№ 10 и 11. Копия с этого письма имеется в библиот. с.-петерб. дух. акад.; лл. 146–153, в особом сборнике бумаг митрополита Филарета, и в архиве Св. Синода, дело 1861 г., № 4291; лл. 37–39.

³¹⁵ - Записка составлена, по прочтении копии с донесения консула нашего, в Адрианополе, Ник. Дмитр. Ступина, от 8 ноября, № 149.

³¹⁶ - С собственноручного чернов. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95, т. III; докум. №№ 114 и 115.

³¹⁷ - Сведения были доставлены тем же консулом Ступиным.

³¹⁸ - Дорофей, родом болгарин из Копливщины, самоучка: монашество принял на Афоне, а сан епископа врачанского получил от тырновского митрополита: в 1861 г. назначен на софийскую кафедру. Для занятия кафедры и епархиального дома потребовалось участие ген. губернатора и отряда войск. В начале 1863 г., перешел унию, но скоро раскаялся и возвратился в православие. Болгары не любили его, как друга турок. Дорофей умер в Константинополе в крайней бедности. См. Русск. Вестн., 1882 г., май, стр. 439.

³¹⁹ - По поводу этих жалоб генерал-губернатор Мегмед-паша издал по демотикскому округу циркуляр, коим предписывалось: 1) вновь назначенный архиерей не должен требовать более 12 пиастров с каждого семейства и 15 за венчание; 2) с священников он не должен требовать более 50, 100 или 150 пиастров, смотря по величине селения; 3) во время разъездов по епархии, архиерей должен довольствоваться тем, что ему дадут; но запрещается собирать для него деньги, вместе с государственными; 4) если поселяне, дававшие до сего времени архиерею пшеницу, не захотят продолжать этого приношения, то не могут быть к тому понуждаемы; 5) кроме 50, 100 или пиастров, архиерей не может ничего требовать от священников». До издания этого циркуляра сборы производились в следующем размере: а) «в день св. Георгия, при объезде епархии, архиерей брал с каждого селения по 600 пиастров; б) при назначении нового архиерея каждое семейство платило по 24 пиастра, а священники единовременно по 664 и ежегодно по 500; в) каждый поселянин, сверх денег, давал архиерею 4 или 5 кил пшеницы и две арбы сена». № 95, т. III; док. 120-б.

³²⁰ - См. выше: Записка митрополита Филарета о греко-болгарском деле, по сведениям до 25 июля 1861 года.

³²¹ - С собственноруч. черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описи №95, т. III; докум. №№ 116 и 118. Подлин. наход. в деле канц. Св. Синода 1860 г., 2 отд., 1 стола, по наст. реестру, № 165.

³²² - Кирилл, митр. адрианопольский.

³²³ - Записка написана, по прочтении списка с донесения консула в Адрианополе министерству иностранных дел, от 31 января, 1862 г., № 18, по церковно-болгарскому вопросу.

³²⁴ - С собственноручных черновых подлинников, хран. в архиве Св. Синода. Опись №95, т. III; докум. №№ 121 и 122.

³²⁵ - О нем см. выше, прим. 214.

³²⁶ - Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский.

³²⁷ - С собственноруч. черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описи №95, том III; докум. №№ 121–127.

³²⁸ - С собственноруч. черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описи №95, том III; докум. №№ 128 и 129.

³²⁹ - Сведение доставлено консулом нашим в Адрианополе Ник. Павл. Шишкиным.

³³⁰ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Описи №95, том III; докум. №№ 131 и 132.

³³¹ - Филаретов, Савва Вас., драгоман при генер. конс. в Константинополе. О сообщении его касательно повода к учреждению смешанной комиссии см. выше, прим. 304.

³³² - Шишкин, Ник. Павл.

³³³ - См выше, прим. 319.

³³⁴ - См выше, прим. 318.

³³⁵ - См выше, прим. 294.

³³⁶ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95, том III; докум. №134. Документы, на основании которых написано это мнение, хранятся в той же описи, под №95, т. III; докум. под № 119.

³³⁷ - Муссурус-бей, посл. с 30 янв., 1856 г.

³³⁸ - Направление Карафеодори в отношении болгарского вопроса сказалось в заседании, 16 февр., 1860 г., констант. церковно-народного собрания, когда Карафеодори в речи своей заявил, «что болгары слишком наивны, если воображают, что в собрании представителей греческих когда-нибудь могут быть выслушиваемы речи о правах нации болгарской». См. Русск. Вестн., 1882г., май, стр. 411.

³³⁹ - Чомаков, Стоян, депутат филиппопольский. Более полн. о нем свед. см. в ст. г. Теплова, Русск. Вестн., 1882 г.

³⁴⁰ - См. выше, Примечания митрополита Филарета к сведениям преосвященного Софрония, архиепископа артского.

³⁴¹ - С собственноручного черн. подлинн., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95, том III; докум. №№ 134 и 135.

³⁴² - Напечатанные слова курсивом в документе подчеркнуты красным карандашом митрополитом Филаретом.

³⁴³ - Пальмер, Вельямин, магистр наук и специалист богословия, диакон по рукоположению. Свед. о нем см. в

«Страннике» 1883г., т. I, стр. 481 и след.

³⁴⁴ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №2; докум. №№ 12 и 15. Копия с сего мнения имеется в библиот.-п.-б д. акад.; лл. 136–143, в особом сборнике бумаг митрополита Филарета, и в арх. Св. Синода, дело 1861 г., № 1241; лл. 66–70.

³⁴⁵ - Брунони, Павел, архиеп. и апостол. викарий в Константинополе с 1858 г. См. Алман. Гота, 1863 г., стр. 911.

³⁴⁶ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №94; т. III; докум. №№ 136 и 137.

³⁴⁷ - Авксентий ум. 2 февр. 1865 г.

³⁴⁸ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95; т. III; докум. №№ 140 и 141.

³⁴⁹ - См. выше: «О замечаниях вселенского патриарха на пункты болгар, 12 июля, 1861 г.»

³⁵⁰ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95; т. III; докум. №№ 142 и 143.

³⁵¹ - Новиков, Евг. Петр., потом член. госуд. совета.

³⁵² - С автографа, хран. в архиве Св. Синода. Опись №94; т. II; докум. №№ 112 и 113.

³⁵³ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №95; т. IV; докум. 150.

³⁵⁴ - С собственноручного чернов. подлин., хран. в архиве Св. Синода. Опись №94; т. III; докум. № 120, 121.

³⁵⁵ - С собственноручного чернового подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись №105; докум. № 10.

³⁵⁶ - Ольхин, Александр Александрович.

³⁵⁷ - См. выше: О замечаниях вселенского патриарха на пункты болгар, 12 июля, 1861 г.

³⁵⁸ - С собственноручного чернового подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись №95; докум. № 170.

³⁵⁹ - Т.И. Филиппов и г. Теплов событие это относят к февралю 1861 г. (г. Филиппов к 24, а г. Теплов к 25). См «Совр. Церк. вопросы», изд. 1882 г., стр. 40, в Русск. Вестн., 1882., май, стр. 416. Т.И. Филиппов приводит и самые пункты.

³⁶⁰ - Эдхем паша, мин. народн. просвещ., с 1863 г. См. Альманах Гота, 1865 г.

³⁶¹ - С собственноручного чернового подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись №95; докум. №№ 173 174.

³⁶² - С собственноручного чернового подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись №95, т. IV; докум. № 175.

³⁶³ - Геров, Найден Найд.

³⁶⁴ - Начало и конец с копии, а середина с написанного на самом отношении рукою митрополита. Докум. хран. в архиве Св. Синода, по описи № 95, т. IV; док. № 185 и 186.

³⁶⁵ - Богословский, Дим. Ник., полковник.

³⁶⁶ - Замет. написана митр. Филаретом на отнош. син. обер-прокурора, от 2 марта, 1865 г., за № 1290. Копия с депеши Н. П. Игнатьева хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. IV: докум. 180.

³⁶⁷ - С подлинника, написанного на отношении графа Д. А. Толстого. Опись № 95, т. IV; докум. №-189.

³⁶⁸ - Шулепников, Евграф Романович.

³⁶⁹ - См. Выше: Мнение митрополита Филарета о предприятии экзарха Стоиловича печатать в Константинополе церковно-богослужебные книги на славянском языке.

³⁷⁰ - С собственноручного подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 29; докум. № 4. Отношение, от 15 апреля, 1866г., за № 2178, см. опись № 105; докум. № 5, с 2-мя приложениями под № 5-а и 5-б.

³⁷¹ - Настоящее письмо есть ответ митрополита на отношение графа Д.А. Толстого, от 26 май, 1866 г., за № 3197, в коем граф, вследствие депеши Н.П.Игнатьева, от 10–12 того же месяца, о возникшей в среде греческого духовенства мысли о том, чтобы вселенский патриарх обратился к Синодам Российскому и афинскому за содействием к разрешению греко-болгарской распри, просил митрополита дать своемнение, признает ли он, с своей стороны, означенную мысль удобоисполнимою и целесообразною.

³⁷² - Куза, Александр, князь румынский, с янв. 1859 г., под влиян. римско-католич. духовенства, в стремл. ослабить значение

правосл. церкви, закрыл до 30 мон., конфисковал их имущества, прервал сношения с конст. патриархом, присвоив себе право назначать епископов. Епископы протестовали против таких самоуправн. действий Кузы, послед. чего и было сношение Св.Синода с патриархом константинопольским Софронием 3-м. В след. году Куза был изгнан из Румынии, и на престол избран принц Карл (8 апр., 1866 г.), ныне король румынский.

³⁷³ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т.V; докум. № 213.

³⁷⁴ - С собственноручного чернового подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94; т.III; докум. № 134.

³⁷⁵ - Рафаил, природн. болгарин; некоторое время служил при еписк. Авксентии диаконом, и удален за безнравственность, после чего пристал к партии Цанкова; вместе с последним сопровождал Иосифа Сокольского в Рим, а по удалении Иосифа в Россию, сделался главою адрианопольской униатской общины; по его наущению униаты селения Гиокче-Бунар в 1862 г. выгнали димотийского митрополита, разорвали ему рясу и вырвали из бороды волосы. Рукоположение Рафаила в сан епископа совершено в Константинополе, в ноябре, 1865г. Для сего папою был нарочно прислан епископ Сембратович. На хиротонии присутствовало все австрийское посольство в полной форме. См № 95, т. IV; докум 196 и 198.

³⁷⁶ - Золотарев, Мих. Феод.

³⁷⁷ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95; т. V; докум. № 225.

³⁷⁸ - Ни телеграммы, ни копии с ней в бумагах митрополита не оказалось.

³⁷⁹ - См. выше: Заметка митрополита Филарета, по прочтении депеши посланника нашего в Константинополе о тяжкой болезни бывшего епископа болгарского Авксентия.

³⁸⁰ - Григорий 6-й, с 10 февр., 1867 г., вторично: в авг., 1871 г. отказался от престола; † 1882 г., подр. см. о нем «Совр. церк. Вопросы», Т.И. Филиппова, 1882 г., ч.I, и Русск. Вестн. 1882 г., июнь, стр 822–824.

³⁸¹ - С копии, исправ. рукою митр., хран. в архиве Св. Синода. Опись № 95, т. V; докум. № 226.

³⁸² - В бумагах митрополита записок не сохранилось.

³⁸³ - 6-го января, 1848г., папа Пий IX издал на имя титулярного сидонского митрополита энциклику «*litterae ad orientales*», в коей приглашал восточных христиан соединиться с римскою церковию, принять учение об исхождении Св. Духа и от Сына и признать главенство папы, обещая при этом сохранение всех их догматов, обрядов и чина богослужебного. На эту энциклику восточные патриархи: Анфим константинопольский, Иерофей александрийский, Мефодий антиохийский и Кирилл иерусалимский ответили окружным посланием, в котором писали, что восточные христиане не могут довольствоваться обещаемою терпимостию в догматах и обрядах, и желают пересмотра и перемены многих нововведений римской церкви. «Не православие ценится по кафедре, а кафедра получает значение о православия», писали, между прочим, патриархи. «Нет столь святой кафедры, которая бы не подлежала возможности впасть в заблуждение; и папы и патриархи могут подлежать анафеме.» См. лет. церк. соб. стр. 800–801.

³⁸⁴ - Кирилл, (Наумов), магистр XVIII курс, с.-петерб. дух. ак., еписк. мелитопольский, начальн. дух. миссии в Иерусалиме с 13 окт., 1857 г.; отозван 22 июня 1863 г.; †10 февр., 1866 г.

³⁸⁵ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 94, т. III; докум. № 196.

³⁸⁶ - Разумеется проект патриарха Григория VI, состоявший из 18 статей. Подроб. см. «Совр. церк. вопросы», г. Филиппова, стр. 58 и далее.

³⁸⁷ - См. выше: Мнение митрополита Филарета о несогласиях между греками и болгарам по церковным делам.

³⁸⁸ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 95; т.V; докум. № 238.

³⁸⁹ - Кирилл (Наумов). О нем см. выше, прим. 178 и 384.

³⁹⁰ - Копия с отчета епископа Кирилла, от 10 февраля, 1859 г., в бумагах митрополита Филарета не оказалось.

³⁹¹ - Кирилл 2-й. О нем см. выше, прим.5.

³⁹² - См. о сем выше, прим. 383.

³⁹³ - С копии, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 13; докум. № 4.

³⁹⁴ - На подлинной собственного Его Императорского Величества рукою написано: «Все это так ясно и справедливо, что не понимаю, чтобы можно было иначе смотреть на это дело».

³⁹⁵ - «Весьма справедливое замечание». Слова Императора Александра II.

³⁹⁶ - «Совершенно справедливо, и не понимаю, что можно было иначе на это смотреть». Замечание Императора Александра II.

³⁹⁷ - «Весьма рад видеть, что мысли наши совершенно сходятся». Замечание Императора Александра II.

³⁹⁸ - «Так и я на это дело смотрю». Слова Императора Александра II.

³⁹⁹ - С собственноручного черн. подлинн., при котором находится литографированный экземпляр доклада митрополита, с резолюциями Государя императора. Опись № 60, докум. 1–3.

⁴⁰⁰ - О нем см. выше, Мнение митрополита Филарета об актах церковно-народного собрания в Константинополе, глава V.

⁴⁰¹ - Вверху письма графа А.П.Толстого митрополит написал: «июля 14. Отвествуется с запискою и с возвращением брошюры». Чернового письма, при котором препровождена была к графу А.П.Толстому «записка о возобновлении купола над храмом гроба Господня», в бумагах митрополита не сохранилось.

⁴⁰² - Саломон, П.И., быв. управ. канц. Св. Синода; ныне первоприсутств. гражд. кассац. департ. Прав. Сената, действ. тайн. советн.

⁴⁰³ - Маркиз Лавалет (I. M. F. marquis de Lavalette), с 21 мая, 1860 г., по 28 авг., 1861 г. См. Альманах Гота, 1861 и 1862 г.

⁴⁰⁴ - Издан в Константинополе в 851г., Прим. митрополита Филарета.

⁴⁰⁵ - См. о сем выше, Отзыв митрополита Филарета о письмах настоятеля русской посольской церкви в Константинополе архимандрита Петра по вопросу о преобразованиях в восточной иерархии, прим. 175.

⁴⁰⁶ - С копии, хран. в архиве Св.Синода. Опись №60, докум. №№ 4 и 5.

⁴⁰⁷ - Письма сего нет в бумагах митрополита Филарета.

⁴⁰⁸ - Воссоединение грекоуниатов (мельхитов) совершилось в Константинополе 26 ноября, 1860 г., в присутствии патриархов: Иоакима констант., Каллиника александр., Иерофея антиох. и Кирилла иерусалимского. См. Лет. церк. соб.стр. 821–822.

⁴⁰⁹ - Иоаким 2-й, См. о нем выше.

⁴¹⁰ - См. выше Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Ахматову, с мнением о сношении с вселенским патриархом по делу о болгаро-униатском архиепископе Иосифе.

⁴¹¹ - См. выше, Отзыв митрополита Филарета об отчете преосвященного Кирилла, епископа мелитопольского, от 10 февраля, 1859 г.

⁴¹² - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 74; докум. №№ 24 и 25.

⁴¹³ - Напечатанное курсивом отмечено самим московским святителем.

⁴¹⁴ - С собственноручного чернового подлинника, на котором в конце мнения, карандашом, неизвестным почерком помечено: «№ 173. 29 апр., 1863». Опись № 41; докум. №№ 4 и 5. Подлинное хран. в деле архива Св.Синода, 1857 г. №4214; лл. 359–363.

⁴¹⁵ - Дело архива Св.Синода, 1863 г., № 1068; лл. 1–15.

⁴¹⁶ - Афанасий (Соколов), с 3 ноября, 1856 г., архиеп. казанск.; 9 нояб., 1866 г., увол. на покой; † янв., 1868 г., в кизич. мон.

⁴¹⁷ - С копии, хран. в архиве Св.Синода. Опись №13; докум. №№ 7 и 8.

- ⁴¹⁸ - Дело архива Св.Синода, 1865 г., № 1068; л. 77.
- ⁴¹⁹ - Письмо, от 3 января, 1864 года, в бумагах митрополита Филарета не сохранилось.
- ⁴²⁰ - С собственноручного чернового подлинника. Опись №13; докум. №12.
- ⁴²¹ - Внизу листа рукою митрополита Филарета помечено: «№ 71, 22 февраля, 1865 г.».
- ⁴²² - Леонид (Кавелин), дворян. калужск. губ., воспитывался в I моск. кадетск. корпусе; с 1840 г. служ. в гвардии; в 1852 г. поступил послушн. в козельск. оптину пуст., где в 1854 г. постриж. в монаш. и рукоп. в иером.; с 1854г. по 1859 г. состоял чл. иерусал. дух. миссии, а с 1863г. по 1865 г. – начальн. оной.
- ⁴²³ - Мансуров, Б. П., ныне чл. госуд. сов.
- ⁴²⁴ - Карцов, Андр. Никол., конс. в Париже.
- ⁴²⁵ - Каминский, Виктор Кириллович, полковник, автор соч. «Воспоминание поклонника о святой земле», изд. дважды, в 1856 г. и в 1859 г.; † в 1863 г.
- ⁴²⁶ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись №13; докум. №№ 16 и 17. Такая же копия хран. в деле канц. Св. Синода, 2-го отд., 1 ст., по наст. реестру № 119; лл. 115–130.
- ⁴²⁷ - С копии, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись №13; докум. № 19.
- ⁴²⁸ - Разумеется письмо патриарха Кирилла к А. М. Горчакову, в коем патриарх просил вице-канцлера оказать свое содействие к отозванию архимандрита Леонида из Иерусалима. Перевод с сего письма имеется в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст., по наст. реестру № 119; лл. 137–138.
- ⁴²⁹ - Святейший Правительствующий Российский Синод, во Христе Боге возлюбленные и вожденные братья и сослужители нашей мерности! Ваше возлюбленное нам высокопреосвященство, братски в Господе объемля, во святой любви лобызаем и сердечно приветствуем. Когда, назад тому более года, послан был сюда начальником русской духовной здесь миссии, на место преосвященного собрата нашего во Христе, господина Кирилла, епископа мелитопольского, высокопреподобнейший архимандрит г. Леонид, в

сопровождении нового личного состава, мы приняли его высокопреподобие, как снабженного рекомендательными к нам письмами Святейшего Правительствующего Синода, как должно, с отеческою любовью и сердечною радостью, и, временно находились тогда в Константинополе, в том же духе рекомендовали его нашему наместнику, преосвященнейшему митрополиту Петры аравийской, господину Мелетию, питая себя приятными надеждами, что вновь определенные лица поставят для себя целию сохранить необходимую связь дружества и благорасположения в отношении к находящимся здесь духовным общинам и достойно представлять Российскую церковь. Но, к несчастью, наши надежды обманулись. Еще в бытность нашу в Константинополе мы слышали от разных русских благочестивых поклонников всесвятого гроба много жалоб на здешнюю российскую духовную миссию, и особенно на поведение ее начальника архимандрита Леонида. О нем мы со скорбью говорили с превосходительным посланником г. генералом Игнатьевым по поводу дошедших до его превосходительства донесений о разных сплетнях, имевших своим источником главным образом беспорядочное поведение его высокопреподобия. А когда, назад тому несколько времени, мы прибыли во святой град, нам принесены бесчисленные устные жалобы весьма многими русскими поклонниками обоего пола, и между прочим клириками духовной миссии, на бесчинное и незаконное поведение и действия архимандрита Леонида, на которого поступали также жалобы и в императорское российское консульство, с которым его высокопреподобие находится в открытом разрыве. Всеобщее неудовольствие русских поклонников против него и клятвенно удостоверяемые обвинения против него такого свойства, что вынудили нас, в видах укрощения общего раздражения, в силу принадлежащей нам патриаршей власти, воспретить его высокопредобию принимать участие в священнодействиях совершаемых святыми местах. С смертельною скорбью в нашем отеческом сердце о таком положении дел мы исполняем ныне долг искреннего братолюбия, доводя о вышеизложенном до сведения Святейшего Правительствующего Синода, отчасти потому, что

уступаем общему, обращенному к вам, голосу пришедших в нынешний год на поклонение всесвятому гробу благочестивейших русских поклонников, а отчасти по уверенности, что Святейший Правительствующий Синод, по благоразумию и благорассудительности своей, вполне озаботится положить конец такому худому положению дел, заменив сказанного архимандрита Леонида каким-либо другим лицом, так как его высокопреподобие своим дурным поведением не только в русских поклонниках возбуждает неудовольствие и нерасположение, но и находящимся в нашей области иноверцам подает повод к нареканиям против чести славного русского имени, о которой мы никогда не переставали и не перестанем заботиться. В заключение рекомендуем вашей отеческой любви преподобнейшего иеромонаха г. Иоанна и преподобнейшего иеромонаха г. Арсения: оба эти члена духовной миссии незаслуженно страдают от несправедливой в отношении к ним жестокости сказанного архимандрита господина Леонида, и мы братски просим ваше высокопреосвященство быть милостивыми к нам и отечески даровать им прощение, если и они, как люди, погрешили. Нимало не сомневаясь, что ваше высокопреосвященство оценит, как должно, важность написанного нами, прекращаем слово, прося вам от Бога дней долгих, здравых, спасительных. Вашего превозведенного нам высокопреосвященства во Христе Боге возлюбленный брат и всецело преданный. (подп.) Патриарх Иерусалимский Кирилл. Во святом граде Иерусалиме 13 апреля 1865 г. Грам., в подлинн. и в перев. имеется в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст., по настольн. реестру № 119; лл. 133–134.

⁴³⁰ - С копии, имеющ. в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст. по наст. реестру № 119; лл. 144–145.

⁴³¹ - При послании, подписанном 25 июня, 1865 года, была отправлена к патриарху и выписка из дела Святейшего Синода о неурядицах в иерусалимской духовной миссии; но этой записки в бумагах митрополита не оказалось.

⁴³² - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись №13; докум. №№ 18 и 24.

⁴³³ - Речь идет о письме посланника нашего в Константинополе Н.П. Игнатьева, от 18–30 мая, к товарищу министра иностранных дел, в коем Н.П. Игнатьев, между прочим, сообщал, «что иерусалимский патриарх и не думал налагать запрещения на архимандрита Леонида, а, считая себя оскорбленным действиями начальника нашей духовной миссии, не дозволил только ему только участвовать в богослужении на святых местах, непосредственно зависящих от патриарха». См. копию с этого письма в деле канц. Св.Синода, 2 отд., 1 ст., по настольн. реестру № 119; лл. 147–149.

⁴³⁴ - Саруф, Георгий Спир., род. в Сирии от прав. свящ., первон. образ. получ. в иерус. арабск. школе; по переходе в русск. подд., в 1863 г. оконч. курс учения в с.-петерб. медико-хир. акад., с зван. лекаря, и в том же году взят архим. Леонидом в миссию, в качестве сверхшт. врача миссии и драгомана. В данном случае речь идет об оговоре пред посланником, что будто бы он «деятельно занимается возбужд. арабск. населения против греческого духовенства». См. дело канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст. по наст. реестру № 93; л. 136.

⁴³⁵ - В означенном письме Н. П. Игнатьев предлагал архим. Антонина вызвать из Константинополя в Иерусалим, а Леонида назначить настоят. посольск. церкви в Константинополе. Там же; л. 148.

⁴³⁶ - Иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений, получив в Иерусалиме указ Св. Синода о назначении их в распоряжение херс. епарх. начальства, обратились оттуда к сему начальству с просьбами об увольнении их в отпуск к св. местам Палестины. Эти обстоятельство митр. Филарет и имеет здесь в виду.

⁴³⁷ - Настоящее требование митрополита было исполнено: иером. Иоанн был помещен в число братства херс. арх. дома, а Арсений – одесского успенск. мон.; лл. 156, 175.

⁴³⁸ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 13, док. №№ 21 и 22. Копия сего док. имеется в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст., по наст. реестру №119; лл. 152–153.

⁴³⁹ - С копии, имеющ. в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 с., по наст. реестру № 119; л. 162.

⁴⁴⁰ - Ювеналий (Половцев), дворян., оконч. курс в артилл. учил., ныне академия, и до 1847 г. сост. в военной службе; 15 марта 1857 г. опред. послушн. козельск. опт. пуст., в коей в 1855 г. постриж. в мон., а в 1857 г., рукоп. в иером.; с 22 окт., 1857 г. по 14 апр., 1861 г., сост. чл. иерус. дух. миссии; с 31 дек., 1867 г. по 26 июня, 1871 г., был намест. александроневс. лавры; с 21 мая, 1884 г. наместн. киево-печ. лавры.

⁴⁴¹ - С собственноручного чернового подлинника, хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 13, докум. №№ 26 и 27. Копия с сего письма имеется в деле канц. Св. Синода, 2 отд., 1 ст., по наст. реестру № 119; л. 190.

⁴⁴² - «Отношение остановлено на пути», по распоряжению азиатского департамента. Из письма Н.П. Игнатьева к директору означенного департамента, от 20 июля, между прочим, видно, что консул Карцов, «узнав содержание послания, пришел в крайнее смущение, и говорил, что патриарх весьма обидится и рассердится». См. дело синод. канц., 2 отд., 1 ст., по настольн. реестру №93; л. 184.

⁴⁴³ - С собственноручного подлинн., хранящ. в архиве Св. Синода. Опись № 13; докум. № 28. Копия с сего письма имеется в деле канц. Св. Синода, 2 отд., I ст., по наст. реестру №119; л. 193.

⁴⁴⁴ - Подлинное донесение архимандрита Антонина хранит. в деле канцелярии Св. Синода, 2 отд., I ст., по наст. реестру №119; лл. 213–262.

⁴⁴⁵ - Кирилла, епископа мелитопольского.

⁴⁴⁶ - Внизу этих слов рукою митрополита написано: «монашеского исправления».

⁴⁴⁷ - Письмо к графу Д. А Толстому написано собственноручно митрополит. на отношении, а записка переписана рукою писаря. Докум. хранят. в архиве Св. Синода. Опись № 13; докум. №№ 31, 32 и 33.

⁴⁴⁸ - С копии, хран. в архиве Св.Синода. Опись №13, докум. №№ 36 и 37.

⁴⁴⁹ - Димитрий (Муретов); † 14 ноября, 1883 г.

⁴⁵⁰ - С копии, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 13, докум. №№ 39–41.

⁴⁵¹ - С собственноручного подлинника, хран. в архиве Св. Синода. Опись № 13; докум. №№ 43 и 44.

⁴⁵² - С копии, исправ. собственноручно митр. Филаретом. Докум. хран. в архиве Св. Синода. Опись № 13, докум. № 42.